

Александр **МАЗИН**

ВЛКДНТ КОРОЛЬ НА ГОРЕ

Annotation

Как поступает викинг, которого оскорбили и унизили? Он мстит. А если оскорбитель намного сильнее? Если он ищет лишь повод, чтобы уничтожить тех, кто больше не нужен. Что делает викинг? Он мстит. Ульф Хвити, викинг и вождь викингов. Он отомстит. Но сначала ему нужно выжить. И еще неплохо бы понять, по каким правилам играет со своим любимцем Госпожа Удача.

- [Александр Мазин](#)

-
- [Глава 1. В которой Ульф и его команда в полной мере прочувствовали смысл слова «обидно»](#)
- [Глава 2. Славный хирд Ульфа-хёвдинга](#)
- [Глава 3. Танец пятого стража](#)
- [Глава 4. О крепости родственных связей](#)
- [Глава 5. Трувор Жнец – воин Перуна](#)
- [Глава 6. Хитрый план побега](#)
- [Глава 7. Нежданчик](#)
- [Глава 8. Недобрые сны](#)
- [Глава 9. «Слейпнир» и его команда](#)
- [Глава 10. В которой Ульф в очередной раз убеждается, что он – слабое звено](#)
- [Глава 11. В которой все происходит совсем не так, как планировалось](#)
- [Глава 12. История Зари, дочери Трувора Жнеца](#)
- [Глава 13. Ладога в осаде](#)
- [Глава 14. В которой хирд Ульфа повышает свое благосостояние](#)
- [Глава 15. Внутренние проблемы](#)
- [Глава 16. Цена слова](#)
- [Глава 17. Смена цели](#)
- [Глава 18. Бьёрн, сын Асбьёрна. Неравный бой](#)
- [Глава 19. И снова тризна](#)
- [Глава 20. Сожженные корабли и похитители невест](#)
- [Глава 21. Становление ярла. Шаг первый](#)
- [Глава 22. Становление ярла. Шаг второй](#)
- [Глава 23. В которой великодушные Ульфа Свити в очередной раз](#)

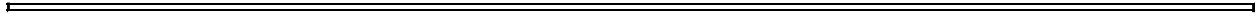
[оборачивается против него](#)

- [Глава 24. Цена беспечности](#)
- [Глава 25. Монах и викинг](#)
- [Глава 26. Монах и смерд](#)
- [Глава 27. Монах и женщина](#)
- [Глава 28. Король на горе](#)
- [Глава 29. Суд Свартхёвди и слово вождя](#)
- [Глава 30. В которой Свартхёвди Медвежонок сообщает о том, что он соскучился](#)
- [Глава 31. Таможня дает добро](#)
- [Глава 32. Полет стрелы](#)
- [Глава 33. Виги-Вихорек. Речные заводы](#)
- [Глава 34. Кое-что о становлении Руси](#)
- [Глава 35. Виги-Вихорек. Разбойники](#)
- [Глава 36. Предел возможностей](#)
- [Глава 37. В которой Виги-Вихорек попадает в плен](#)
- [Глава 38. Виги-Вихорек. Гостеприимство Ольбарда Синеуса](#)
- [Глава 39. Виги-Вихорек. Варяжское гостеприимство](#)
- [Глава 40. Виги-Вихорек. Суд Ольбарда Синеуса](#)
- [Глава 41. Удачная сделка](#)
- [Глава 42. Когда враги со всех сторон...](#)
- [Глава 43. В которой рассказывается о том, как правильно дразнить быка](#)
- [Глава 44. О том, как настоящий вождь бережет своих людей](#)
- [Глава 45. Последнее решение Ульфа Свити](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

Александр Мазин

Викинг. Король на горе

© Мазин А. В., 2018

© Оформление ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1. В которой Ульф и его команда в полной мере прочувствовали смысл слова «обидно»

– ...А теперь я хочу наградить... – Конунг Хрёрек, то есть теперь уже – Рюрик, князь ладожский, наконец-то повернулся к нам.

Дождались, стало быть. Напоследок нас приберег. И это правильно. Никто из присутствующих не вложил в эту победу больше нас.

А присутствующих – до фига. В палате – не протолкнуться. Полный дружинно-боярский сбор. Люди Гостомысла. Люди Рюрика, к числу которых относимся и мы. Непричастные к победе, но обрадованные ею зрители из местной элиты. Атмосфера – торжественней некуда. Дележ добычи и распределение наград.

Добыча изрядная, надо отметить. Тут и немаленькая казна побежденного Водимира. И имущество его ближников. Города, городки, сопредельные и подданные территории. Все это теперь принадлежит Рюрику и его соправителю Гостомыслу Ладожскому. Основной конкурент повержен в прах. Если что-то и омрачает радость князей-победителей, то это отсутствие среди трофеев самого Водимира.

Это я его отпустил. Вернул, так сказать, должок. Но об этом никто не знает, кроме пары моих людей. А Рюрик пусть думает, что я Водимира не догнал. Так мне спокойней. Тем более он и без Водимира мне должен. Если бы не мои славные парни, победы ему, скорее всего, не видать. А если бы и управился, то уж точно не обошелся бы такой малой кровью. А потому самое время воздать нам должное, не жабясь. Все уже поощрены, причем щедро. Варягам Трувора так и вовсе помимо изрядной кучи добычи здоровенный кусок Водимировых земель отрезали.

Я бы от земли тоже не отказался. От того же Плескова, к примеру, который Водимир в прошлом году оттягал у Ладоги.

Ну давай, князь Рюрик! Порадуй своих верных...

– ...А теперь я хочу наградить еще кое-кого из тех, кто помог нам победить!

Мне показалось, или это он к нам обращается? Это что еще за хрень?

Я поглядел на Медвежонка.

Мой побратим тоже ничего не понимал. Что это еще за «кое-кто из тех, кто помог»? Фига се! Это мы, мы захватили город Водимира и держали его

Детинец до тех пор, пока не подошел Рюрик со всей своей сборной дружиной! Это мы, рискуя собственными шкурами, провели разведку в логове врага и узнали коварный план Водимира! Если бы не мы, то сейчас не Рюрик раздавал бы соратникам вкусные пирожки, а его главный враг. Не вскрой мы замысел Водимира, и главная опора Рюрика, его варяги, всей бандой отправились бы домой – праздновать летний солнцеворот. Да и я с моими хирдманами, скорее всего, присоединился бы к ним, поскольку приглашены мы были по всем правилам и с полным к нам уважением. От такого отказаться – обидеть.

А пока бы мы праздновали, Водимировы дружинники влегкую взяли бы и Ладогу, и князей-соправителей, зятя с тестем, если бы те не успели дать деру.

«Кое-кто из тех, кто помог!» Не может быть!

Однако может. Да еще как может!

– Ульф Хвити! Ты и твои люди неплохо себя показали той ночью.

Да он издевается!

– Я доволен!

Точно издевается!

– Вы стоите тех денег, которые я вам обещал за службу. И в знак признательности за храбрость, которую вы показали, сражаясь за меня, я хочу вознаградить и вас!

Мне в руки летит тугой мешочек. Небольшой. Килограмма два примерно.

Я распускаю тесемки. Даже не золото, серебро. Монетами и нарезкой.

Улыбается, гад. Сунул подачку. Я ее сейчас приму, и тема закрыта.

«Кое-кто из тех, кто нам помог!»

А вот хрен тебе!

Я тоже улыбнулся...

И метнул мешок прямо в длинноусую (по варяжской моде) наглую рожу!

Не попал, к сожалению. Князь поймал мешочек, улыбнулся еще шире. Похоже, Рюрик меня просчитал и ожидал именно такой реакции.

– Твое дело, – сказал он. – Хотя лучше б тебе сначала со своими людьми посоветоваться, потому что я дважды не предлагаю. Так же как не предложу больше и земли, от которых ты однажды уже отказался. Таков был наш уговор: сорок марок серебром за службу. Вы их получите. Сполна. Как только наступит осень. Верно, Свартхёвди Сваресон?

– Не весь, – пробасил Медвежонок. – Еще – взятая добыча, конунг. Сколько там мы взяли Водимировой казны?

Когда дело идет о добыче, мой брат соображает быстро.

– Мы взяли казну, конунг! – рычит Медвежонок. – Из казны этой, по нашему уговору тебе десятая часть причитается. А где остальные девять? Я их не вижу! Уж не из нашей ли добычи ты, князь, людишек своих одаривал? – Рык Свартхёвди перекрывает ропот «людишек». – Что скажешь, Хрёрек-конунг?

– Скажу: подзабыл ты, Свартхёвди, сын Сваре Медведя! – теперь уже голос Рюрика сочится неприкрытой угрозой. – Ряд наш был таков: десятую часть я получаю с той добычи, что вы возьмете сами. Без меня. А когда я сам возьму меч и буду сражаться, то ты, Свартхёвди, удовлетворишься положенной долей общей добычи. Так что если мы разделим казну Водимира на всех, – Рюрик широким жестом обвел собравшихся с большим залом его терема, – то на вашу долю придется еще и поменьше того, что я предложил. Ты можешь сказать, что когда вы спрятались у Водимира в подполе, меня там не было? Да, это так. Но не приди я вовремя, все вы были бы уже мертвы. Так что будь мне благодарен, Свартхёвди, и ты, Ульф Хвити! И не стоит на меня скалиться, потому что я не боюсь волков. А если они пытаются меня укусить, я их наказываю. Ты понял меня, хёвдинг?

Знает, что сила сейчас на его стороне. Я жестом останавливаю кипящего от ярости Медвежонка. Он – берсерк и может многое. Я тоже могу многое. Мы все можем, но их слишком до хрена, людей Рюрика. И варяги с ним. А эти нам не уступают. Как и даны Ульфхама Трески.

Да, это будет славная битва... В которой мы все погибнем, а Рюрик выживет. Он все просчитал, включая мою реакцию. Он меня знает. Я не полез в драку, если на победу нет ни одного шанса.

Но у меня тоже есть козырь. Очень весомый козырь. Я ведь не просто наемник ладожского князя Рюрика. Я еще и хёвдинг данов с Сёлунда, где правят Рагнар Лотброк и его сыновья.

– Да, – согласился я, глядя ему прямо в глаза. – Ты не боишься волков, князь. А как насчет змей? Их ты тоже не боишься?

Попал. О да, змей он боялся, да еще как! Вернее, одного вполне определенного змея. Сигурда Рагнарсона.

– Ульф! – подал голос Трувор. – Ты этого не сделаешь!

Я перевел взгляд на варяжского лидера. Похоже, Рагнарсона сына здесь опасался не только Рюрик. Ну да. Я сам его боялся, Сигурда Змееглазого, хотя мне бы он точно ничего плохого не сделал. А вот узнай он о том, куда спрятался его недруг...

– Не сделаю, – согласился я. – Потому что у меня есть то, чего нет у

твоего князя, Трувор Жнец. У меня есть честь!

И, не дожидаясь ответа, двинулся к выходу, сопровождаемый своим маленьким хирдом. Под возмущенный ор всей Гостомысловой своры и прочих приближенных ладожских соправителей.

Но помешать нам уйти не рискнул никто. Напротив, все эти шавки поспешно уступали дорогу Волку.

И что следует отметить отдельно: в общем визге я не услышал голосов главной опоры Рюрика. Варягов.

Меня так и подмывало обернуться и еще разок поглядеть на лицо Трувора, но я удержался.

Он-то свой кусок получил. И теперь будет праздновать победу вместе с прочими любимцами Рюрика: набивать брюхо княжьей жратвой, наливать пивом и радоваться жизни. «Ег ванн!» – как говорят викинги. «Я победил!»

Остальное не важно.

Глава 2. Славный хирд Ульфа-хёвдинга

Ну и фиг с ними, с властными структурами и их праздниками.

Мы тоже устроили пир. Свой. И стол у нас был не хуже, чем в княжьем тереме. А вот люди за столом – намного лучше. Я и мой хирд.

Начинать отсчет следует с самого крутого из нас: двуногой машины смерти, носящей имя Хавгрим Палица.

Имя для него очень подходящее^[1]. В бою он так же сокрушителен, как разгневанное море, а крепостью вполне сравним с добрым скандинавским шлемом. И это не преувеличение. Палица – берсерк. А берсерк в боевой ипостаси – это не только сверхсила и сверхскорость, но и трудно объяснимая с точки зрения, так сказать, биофизики неуязвимость. Скандинавы верят, что у них есть мистическое свойство делать острое железо тупым. Не знаю. Мой собственный невеликий опыт ответа не дает. Зато я имел возможность убедиться, что рубить берсерка в боевом состоянии – все равно что буковое бревно ножиком резать. Убедился практически. Просто чудо, что я тогда выжил.

Да и после я неоднократно наблюдал, как страшные удары, от которых кольчуга брызгами разлетается, оставляют на берсерковых тушках лишь синяки да поверхностные ранки. Которые вдобавок почти не кровоточат. Так что я просто счастлив, что хольд^[2] Хавгрим теперь за меня, а не против.

Рядом с Хавгримом восседает мой давний и верный друг, старина Стюрмир. Самый здоровенный из нас, если считать в голой силе. Правда, юный дренг Хавур Хакинсон ростом чудо-богатыря Стюрмира уже почти догнал, но мощью на этот уровень еще не скоро выйдет. Однако – выйдет. Со временем. А время у него есть. По моим прикидкам, Хавур Младший, сын Хаки, уже набрал тот критический опыт, после которого правило «первыми убивают новичков» перестает работать. Одно обидно: Хавур теперь, после гибели Тови Тюленя, – единственный, кто остался в живых из сёлундской молодежи, когда-то принятой в мой хирд.

Тови был убит в ночь, когда мы взяли Детинец Водимира. Вместе с ним погиб и мой местный новобранец, Домаслав-Траусти, но тот был совсем зеленым. По уму его в такой бой брать не следовало, но у меня не было выбора. Рюрик вообще предложил отправить паренька к Водимиру. Засланным казачком. Для дезинформации.

Я не позволил, потому что был уверен: пацана Водимир, может, и

послушает для начала, но потом все равно на части разберет. Живьем. Такая здесь практика проверки полученных сведений. Не исключаю, что именно этот мой отказ и переполнил чашу терпения Рюрика.

В общем, погибли они, Домаслав и Тови. А Хавуру знатно прилетело железом по ребрам, однако бронь выручила. Сама порвалась, но и ребра, и печень уберегла. На днях заживет, обещал самый мирный из моих людей, отец Бернар.

Отец Бернар – занятная личность. Когда-то он был французским рыцарем-шевалье, но встретил я его уже, когда он был смиренным монахом. Отец Бернар – больше не воин. Дал обет не проливать кровь и теперь скорее позволит себя убить, чем возьмется за меч. А еще отец Бернар полиглот, отличный лекарь и надежный друг. А потому убить его не позволим уже мы.

По внешнему виду смиренного монаха в отце Бернаре нынче угадать непросто. Особенно если тонзуру колпаком прикроет. Прикинут бывший рыцарь как настоящий скандинав. Не из щегольства, по необходимости. Отец Бернар видит свою миссию в обращении язычников в истинную веру. А дикие язычники, как это ни печально, в любом монахе видят либо бесхозную собственность, либо объект для жертвоприношения. Так что, надень он предписанную саном рясу, его даже слушать не станут, не то что истинной верой проникнутся. Надел рабскую одежду, значит, раб. А место раба – в хлеву со свиньями. И право голоса примерно такое же. Так что с волками жить... по-волчьи петь.

Кстати о песнях: еще один мой хирдман – настоящий скальд. Тьёдар Певец. Когда-то он выкупил собственную жизнь у моего кровожадного побратима, сложив великую драпу «О Волке и Медведе». Сия хвалебная песнь достала меня до такой степени, что я нередко жалею о том, что самолично не прибил Тьёдара там, на суровом берегу норвежского Согни-фьёрда. Впрочем, воин из Тьёдара неплохой. Соответствует статусу полноценного хускарла.

Еще один норвежец, вернее, по-здешнему, норег – Гуннар Гагара. Храбрец, воин, скалолаз и большой специалист в области активного допроса. Я познакомился с ним вскоре после того, как убил в поединке его тогдашнего ярла, Торсона. Дрался я, кстати, за честь своего конунга, которого тогда звали Хрёреком Соколом. Князем Рюриком он стал уже здесь, в Ладогe. И не просто так, а чтоб никто на его старой родине случайно не прознал, что славный Хрёрек ухитрился выжить после практически смертельного удара Сигурдова копья.

Но это случилось существенно позже. А тогда, после гибели Торсона-

ярла, Гуннар охотно перешел в хирд победителя, то бишь Хрёрека.

Сошлись же мы с Гуннаром после того, как тот, уже будучи хирдманом Хрёрека, ухитрился смертельно оскорбить моего ученика Скиди.

Это сейчас Скиди – опытный убийца-викинг, а в тот момент был он всего лишь подающим надежды недорослем. Но честь – дело важное. Иной раз поважнее жизни, потому что умирает скандинав один раз и, умерев достойно, может рассчитывать на отличное посмертие. А вот позор его будет жить вечно. Ну, во всяком случае, пока не угаснет род опозоренного. Так что выбора у Скиди не было. Он вызвал Гуннара на поединок. И даже ухитрился победить, хотя был тогда против норега как молоденький петушок – против коршуна.

Впрочем, петушок ухитрился очень удачно клюнуть коршуна в шейку, а поскольку бой был до первой крови, то малыш оказался победителем. С тех пор мальчик здорово подрос и физически, и профессионально, так что, случись между ним и Гагарой новый поединок, я бы скорее поставил на него, а не на Гуннара. Впрочем, Гуннар по-прежнему очень хорош. И далеко не глуп. И по-настоящему мне предан. Если бы не его чрезмерная, даже по здешним меркам, жестокость, я бы, пожалуй, уже поднял его в хольды.

Еще один молодой в нашей компании – Вихорек. Мой названный сын. По происхождению словенин, хотя я встретил его, когда он пас овец французского монастыря.

Из пастушонка получился отменный воин. Нам с Медвежонком стоит гордиться, потому что воина из пастушка сделали именно мы. И имя у него теперь чисто скандинавское: Виги. Что значит «война». И это слово очень точно характеризует истинное призвание бывшего монастырского раба.

И, наконец, последний из моих хирдманов. Бури. Я не уверен, что это его настоящее имя, но ничуть не сомневаюсь в его верности. Бури стал моим «по праву меча». И еще потому, что мой незримый потусторонний спутник и хранитель, мой Белый Волк, не позволил мне убить крутого азиата. Бури – загадочная личность. Не знаю, какого он роду-племени, но, судя по лицу, в его геноме изрядная доля восточной крови. А еще он потрясающе стреляет из лука. Нет, с саблей он тоже недурно управляется и в строю не подведет, но с луком Бури – это нечто невообразимое. Я о таком только в книжках когда-то читал. И не особо верил, пока не увидел, как этот невозмутимый азиат кладет три стрелы из трех в отпечаток ладошки. На дистанции в двести шагов!

И, наконец, Медвежонок. Свардхёвди Сваресон. Он не мой хирдман. Он – мой побратим. И родной брат моей прекрасной женушки Гудрун.

Свартхёвди – мой *младший* брат. Он сам так решил. Однако все, что принадлежит мне, принадлежит и ему. И наоборот. А еще он берсерк, как и Хавгрим Палица. И так же, как Палица, он – «управляемый» берсерк, то есть умеющий держать своего зверя под контролем. Если захочет. А хочет он далеко не всегда, потому что это такой кайф... Уж я-то знаю.

Нынче Медвежонок – в ярости. Причем не в той, славной, что свойственна Детям Одина, берсеркам и ульхеднарам и ведет к блистательным боевым свершениям, а в самой обычной, той, которая порождает действия безрассудные, а подчас даже дурацкие.

Но пока он держит себя в руках, мечет жратву в пасть, заливая ее кувшинами пива, и даже обменивается шутками с народом.

Держит себя в руках.

Так же как и я.

Потому что в настоящий момент мы ничего не можем сделать. Все козыри в руках этой сволочи, Рюрика.

Мы ему верили, мы совершили для него целую охапку настоящих подвигов. А он нас предал.

Впрочем, чему тут удивляться. Во-первых, предают только свои, те, кому веришь, а во-вторых, эта лицемерная скотина князь Рюрик (язык не поворачивается называть его честным именем «конунг»), эта расчетливая гадина не только нас кинула, но еще и ухитрилась повернуть это так, что выглядело все строго по закону. С формальной точки зрения и не подкопаешься. Когда мы с Рюриком заключали «договор о сотрудничестве», то совершенно четко оговорили нашу «зарплату» и бонусы.

Но в любом договоре между лидером и его дружиной есть вещи, которые зависят от личного решения лидера. В частности, размеры премий, которые определяет вклад каждого. Решается лидером, но утверждается всем хирдом. А против всего хирда не пойдет ни один здравомыслящий вожак. Вот только Рюрик поставил дело так, что мы – не его хирд и права коллективного голоса у нас нет. Его хирд – это его дружина, его варяги, его ладожские отроки, даже оружное воинство Гостомысла – и то в его команде. А мы – нет. Мы – наемники. И место наше – на самом нижнем конце стола.

«Вы, ребята, больше не моя любимая дружина, с которой я делю и победы, и поражения», – заявил нам сегодня ладожский князь-соправитель. Вы – сами по себе. Сражаетесь за фиксированную зарплату, которую получаете вне зависимости от моих, а также ваших личных успехов или неудач. Вот и получите. Да, сражались вы неплохо, и потому я даже готов

выплатить вам небольшую премию. Но насчет воинской добычи – извините. Вот если бы вы взяли ее самостоятельно, тогда – да. А поскольку окончательную победу одержали все же не вы, а моя славная дружина, то – свободны!

И вообще: если бы он, князь, не подоспел вовремя, то там, в сокровищнице, мы бы все и полегли.

То есть он еще и спас нас, оказывается! А мы, выходит, на собственный страх и риск, по личной инициативе хитростью и героизмом захватили стольный град главного противника Рюрика? И это при том, что все, кто был тогда на совете, знают, что мы действовали в строгом соответствии с общим планом.

Знают, но помалкивают. Все. Даже варяги. Потому что все, кроме нас, получили свой кусок пирога. Сочный. Рюрик не поскупился. И одаренные дружно сделали вид, что они все вместе, а мы – сами по себе. Интересно, чем бы закончилось сражение, если бы мы не взяли город и не заставили Водимира биться на два фронта? Если бы Рюрик подошел не к захваченному нами городку с разбитыми воротами и вражеской армией, истратившей на нас почти все стрелы, а к полностью готовой к обороне крепости?

Сумели бы все эти важные бояре и гордые ладожские отроки взять такую крепость врага?

А вот сомневаюсь.

Мы расчистили дорогу. Мы заставили Водимира разбить собственные ворота. Мы заблокировали не только сокровищницу, но и оружейку, лишив Водимира возможности пополнить запасы оружия. Это была наша победа! И что же?

Все остальные участники получили роскошные подарки.

Ладожские дружинники – четверть добычи.

Варяги – треть добычи и здоровенный кусок Водимировой территории в коллективное подданство.

Гостомысл – кучу денег на восстановление разграбленной Водимиром Ладоги.

А нам – жалкая кучка серебра и дозволение попить в уголке?

Да пошел он, этот мелкий ладожский князек, возомнивший себя великим вождем!

– Пусть подавятся нашей славой! – решительно заявил я, поднимая кубок. – Когда-нибудь этот хитрый лис снова сунет морду на чужой двор, и, когда ее там прищемят, мы не станем спасать его красную шкурку! А добра мы еще добудем! И столько, сколько здешним и не снилось!

Моя славная дружина грозно рявкнула: «Да!» И настроение коллектива сразу пошло вверх.

– Ты прозорлив, хёвдинг!

Это Стюрмир. Он остановился рядом со мной по дороге на крыльцо, куда направлялся с намерением облегчиться.

Ну да, в сравнении со Стюрмиром я прям-таки мудрец. Но к чему это он?

– Я-то думал: зачем ты отпустил Водимира? А ты, выходит, догадывался...

– Рот закрыл, – прошипел я, оглядываясь.

Нет, никто не услышал. Я никому не сказал. Даже Медвежонку.

Чем меньше людей знает о том, что я держал в руках жизнь князя Водимира – и позволил ему свалиться, тем лучше. Нет, я тогда не думал о том, что Рюрик обойдется с нами так скверно. У меня была совсем другая мотивация. Но я ведь просил их с Бури помалкивать. А Стюрмир набрался пива и...

– Молчу, – зажал ладонью рот Стюрмир. Хихикнул, хлопнул меня по спине и вразвалочку двинул на выход.

Может, я зря так напрягаюсь? Вроде бы здесь все свои...

Ах ты ж...

Нет, не все. Стоит. Глядит. Свысока. Непохоже, что он что-то слышал. Зато очень похоже, что он тоже изрядно пьян, наш бывший друг и соратник Трувор по прозвищу Жнец.

Первый наследник главного варяжского князя, насколько мне известно, и главный воевода князя ладожского Рюрика.

Что ж, раз пришел, давай за стол. Мои подвинулись, Трувор уселся напротив. Поглядел на меня, потом на Медвежонка, принял от девки бронзовый кубок, приложился, кивнул одобрительно. Потом кивнул уже мне. Тоже – с одобрением.

– Вижу, Волчонок, ты не очень расстроен. Значит, понял. Это хорошо. Я тебя предупреждал: не стоит сердить князя. Тебе повезло, что наш князь помнит добро и простил тебе дерзость. Однако впредь будь осторожнее. Не то так легко не отделаешься. Ни ты, ни твои люди.

– Это тебя Рюрик прислал? – кисло поинтересовался я.

– Нет. Он больше не станет потакать твоему нраву. Волк, ты должен понять. Он – князь. А ты – предводитель десятка воев. И только. Он позволил тебе жить здесь и служить ему. Цени.

Свартхёвди хрюкнул.

Я покосился на побратима. Тот больше не пил. Слушал. Очень

внимательно.

– Я пришел к тебе, потому что я – твой друг. Вдобавок ты скоро станешь мужем моей дочери, и я обеспокоен. И говорю тебе: умерь свою дерзость! Помни свое место за княжьим столом, и в следующий раз тебе и твоим людям будет позволено по чести разделить княжью трапезу.

– А что будет, если я ее не умерю? – поинтересовался я очень вежливо.

Трувор покачал головой:

– Ты же не глуп, Волчонок. Не гневи Рюрика и – не узнаешь его гнева. Ни ты, ни твои люди.

Та-ак. Похоже, кое-кто тоже перебрал пива. Или Трувор от перспективы стать моим тестем уже сейчас возомнил себя мудрым папашей?

«Ну так я его сейчас поправлю!» – решил я, наливаясь яростью.

Но выплеснуть не успел. Кое-кто меня опередил.

– Ульф Хвити! – рявкнул Медвежонок так, что даже я вздрогнул.

– Что? – удивился Трувор.

– Моего брата и хёвдинга зовут Ульф Хвити! Белый Волк! – прорычал Медвежонок на языке данов, раздувая ноздри.

– Ты это к чему? – нахмурил брови Трувор.

– Мы считали тебя другом, а ты держал рот на замке, когда Хрёрек оскорблял нас, – рявкнул Свартхёвди. – Теперь никто из нас не назовет тебя другом, но закон гостеприимства свят, и когда ты пришел в *наш* дом, Жнец, мы обошлись с тобой по обычаю: пригласили тебя за стол, угостили пивом и обошлись с тобой как с гостем! А ты вместо подобающей гостю благодарности принялся оскорблять и поучать хозяина! Хуже того: ты попытался его унижить, заподозрив в трусости!

– Я не говорил ничего подобного, – холодно произнес Трувор. – Что ты несешь, Сваресон?

– Что *ты* несешь, Жнец?! – Свартхёвди сжал кулаки с такой силой, что побелели пальцы. – Надо быть очень глупым, чтобы решить, что такие, как мы с братом, можем испугаться такого, как твой жадный конунг, возомнивший себя великим только потому, что его избавили от такого же мелкого врага! Мы избавили, Жнец! Мы! – Нитка слюны потекла изо рта Медвежонка на его желтую бороду.

Я напрягся. Не дай бог, брата сейчас охватит священное безумие...

Трувор тоже опасался, что берсерк выпустит зверя на свободу. Варяг неотрывно глядел на вытатуированные на тыльных сторонах ладоней Свартхёвди медвежьи лапы и был готов выскочить из-за стола и принять бой.

Но Медвежонок сумел сдержаться. Выдохнул через стиснутые зубы, сцапал мой кубок и опорожнил его в один огромный глоток.

Трувор расслабился. Зря. Медвежонок сказал свое слово, а вот я – еще нет.

– Меня ты тоже удивил, Трувор Жнец, – произнес я в наступившей тишине. – Не думал, что ты можешь быть так жалок. Я могу понять твоего князя, который, утратив силу, превратился в скупца. Бессильному и бесчестному одно лишь серебро помогает удержать власть. Больше ему рассчитывать не на что. Но ты, Трувор Жнец, ты же не был поражен копьем Сигурда Рагнарсона. Твоя сила – при тебе. Твои руки могут держать мечи, а ноги – нести тебя к новой славе. Вы, варяги, главная сила Ладоги. Один взмах твоего меча – и у Ладоги появится новый князь. Куда более достойный, чем то, что осталось от Хрёрека Сокола, инглинга и конунга! Как так вышло, Трувор Жнец, что ты теперь готов пресмыкаться перед тенью прежнего Хрёрека, принимать от него подачки и сидеть ниже какого-то там Бобра? Ты, которому тень, забравшаяся на княжий шесток, обязана всем?

– Ты хочешь меня оскорбить? – поинтересовался Трувор.

Похоже, хмель из его головы выветрился, и я снова играл с огнем. Но в то же время я знал: если он и рискнет попробовать меня убить, то уж точно не сейчас, когда он – один, а со мной – весь наш маленький, но грозный хирд.

– Я? Да что ты! Разве кто-то может оскорбить тебя больше, чем ты сам? Ты ли это, Трувор Жнец? С тобой ли мы ходили по Лебединой Дороге за тридевять морей? Или душу твою подменили, а честь купили на украденное у нас серебро?

Я помолчал немного, поглядел на своих. Все они перестали есть и слушали очень внимательно. Так же внимательно, как сам Трувор.

Ну что, варяг, хочешь мне возразить?

Нет, не хочет. Ждет продолжения. Не кипит, копит.

Помнится, Медвежонок говорил о своем отце: тот на хольмгангах в ответ на любые оскорбления – улыбался. А на вопрос сына ответил: разве не забавно, когда тебя пытается оскорбить мертвец?

Трувор не улыбался. Он контролировал ситуацию и ждал. Надо думать, я еще не зацепил его по-настоящему. Вопрос: хочу ли я его зацепить?

Хотя игра выходит занятная. Он пришел поучать меня и вразумлять. А теперь, выходит, мы поменялись местами.

– Я дрался с тобой в одном строю, Трувор, – продолжил я. – Ты учил

меня варяжскому обоерукому бою, и я верил тебе. Я верил тебе настолько, что позволил уговорить себя и остаться, когда твой князь показал, что он теперь не конунг воинов, а князек ладожских смердов. Я мог бы послать его к воронам и отправиться домой на Сёлунд. Там, на Сёлунде, у нас богатые земли, прекрасные жены и добрые соседи. И правит там настоящий конунг Рагнар Лотброк, который относится к нам с уважением и который умеет ценить воинов.

Я сказал чистую правду, надо отметить. Да, Рагнар ко мне благоволил. А его старший сын Ивар по прозвищу Бескостный вовсе испытывал ко мне такую симпатию, что позволял окружающим считать меня его человеком. А это, друзья мои, в скандинавском мире просто не передать как круто. Одно мое слово такому человеку – и от надменного ладожского соправителя останется не больше, чем от коровьей лепешки, на которую наступил слон. Причем мне даже премию заплатят в тройном размере, потому что князь Рюрик, еще в свою бытность правильным морским конунгом, навлек на себя гнев уже упомянутого мной Сигурда Змееглазого. И Сигурд отомстил обидчику, лишив его всех кораблей. Это чудо, что Хрёрек ухитрился выжить, поймав телом Сигурдово копье. И да, Хрёрек действительно обязан варягам абсолютно всем. Это ведь варяги сумели по-тихому спереть самый быстрый драккар Сигурда прямо у того из-под носа. Да еще так, что Рагнарсон повесил пропажу на богов, а не на своего недруга, которого считает мертвым. Ну не выживают люди после того, как в них угодило копье Сигурда Змееглазого.

Хрёреку повезло вдвойне. Он не только выжил, но даже сумел найти новый дом здесь, в Ладогe, женившись на дочери местного князя Гостомысла.

Я же, дурак, ухитрился догадаться, что мой конунг жив, сообразить, где прячется.

И явился сюда, в Ладугу, дабы вернуть Хрёреку долг чести. Потому что именно он, Хрёрек, когда-то помог мне, человеку из двадцать первого столетия, выжить в суровом мире девятого века.

Ну кто же знал, что вместо геройского Хрёрека-конунга меня встретит прагматичный и коварный князь Рюрик?

Но я бы действительно свалил после первого же конфликта с князем, если бы не Трувор, которому я тоже многим обязан.

И мало ли кому я обязан? Вот тому же Ивару Рагнарсону по прозвищу Бескостный я обязан намного больше, чем ладожскому князьку. Ведь это Ивар пришел ко мне, когда я оказался в настоящей беде. Когда мой хирд был уничтожен, жена – похищена, а сам я валялся чуть живой от ран. Не

Трувор и не Хрёрек пришли ко мне с поддержкой, а Ивар Рагнарсон.

И вот сейчас отхвативший изрядный кусок пирога, в том числе и нашего пирога, Трувор Жнец явился поучать нас, будто нашкодивших щенков.

Мол, я должен понимать политику партии. Есть великий князь Рюрик и мелкий десятник, нанятый им на службу.

– Ты забыл кое-что, Ульф Хвити, – спокойно произнес Трувор, которого мне не удалось разозлить. – Есть князь, и есть его дружина. И не князь служит дружине, а она – ему.

– О да! – сказал я. – Понимаю! По-твоему, варяг, такие, как мы, должны проливать кровь, а Гостомысловы бояре на этой крови жиреть. Вижу, ты готов быть дружинником такого князя, но мы – нет. Вижу, тебе нравится, когда твой конунг – не отец своим хирдманам, а хозяин, который кормит вас подачками взамен за пролитую кровь. Были времена, когда мы с тобой ходили на одном корабле, и тогда все мы знали, что за своего конунга мы будем сражаться как за родного отца. Потому что он и есть наш отец, наш старший, и он точно так же сражается за всех нас. И делает это лучше всех, иначе какой он тогда конунг? Но те времена прошли. И нам с тобой больше не по пути, Трувор! Мы не станем псами, что лижут хозяину руку! Верно ли я говорю, братья? – впервые обратился я к своим бойцам.

И ожидаемо услышал одобрителный рев.

– А если кто-то возомнит себя нашим хозяином, Жнец... Я скажу тебе, что его ждет, – произнес я, глядя на Трувора в упор. – Холодное железо в жадное брюхо – вот что его ждет! Верно, братья?

И новый одобрителный взрев.

– Это угроза? – поинтересовался варяг, когда возгласы стихли.

– Это предупреждение, – парировал я. – В том числе и тебе, Трувор Жнец, потому что ты тоже обманул нас, когда делал вид, будто ты на нашей стороне, а потом продал нас за княжью подачку. За земли и данников, которые взяты нашими мечами. За которые заплачено нашей кровью. Сражаясь за твоего князя, я потерял двоих хирдманов. И каждый из них был мне дорог! Вот почему я бросил в лицо твоему князьку его жалкое серебро! Я не торгую кровью своих братьев. В отличие от тебя.

Трувор опять сдержался.

– Я тоже потерял своих, – процедил он. – Или ты забыл, что рядом с тобой сражались и мои варяги?

Ну, ты сам подставился, Трувор Жнец.

– Вот поэтому я и сказал: в отличие от тебя! Сражались, ты сказал? Нет, они не сражались рядом со мной! Твоих юнцов убивали рядом со

мной! Если бы со мной были настоящие воины, воины, а не мальчишки, они были бы живы! И мои дренги тоже были бы живы! А раз ты забыл, кто велел тебе отправить со мной молодых и неопытных, так я тебе напомним, Трувор Жнец! Твой добрый князь так приказал! Может, он надеялся, что я тоже погибну вместе с твоими отроками? И все мои люди? Вот радость для жадного князя: мертвым можно не платить!

– Так и есть, клянусь козлами Тора! – рявкнул Свартхёвди. Уверен, он раньше не смотрел на недавнюю битву под таким углом. Нормальная для викинга установка: слабых убивают, сильные выживают. Но ни один настоящий вождь не поставит под удар молодняк специально. К тому же не просто недостаточно обученную молодежь, а собственную родню.

Интересно, что бы на такое сказали другие варяги? Рулаф, Витмид, Руад, Харра Стрекоза, который был тогда единственным полноценным воином в приданном мне варяжском отряде.

Ну-ка будущий варяжский князь, что ты на это скажешь?

Ничего. Молчит. Смотрит. Скептически. Прямо-таки источает мудрость, важность и довольство. Мол, говори-говори, малыш. Собака лает – ветер носит.

Что ж, ты сам напросился, мой бывший друг. Ну так получи!

– Вижу, ты доволен, Трувор Жнец! – Я ухмыльнулся как можно паскуднее. – Еще бы! Такой жирный кусок отхватил! А всего-то за десяток каких-то дренгов! Вижу, ты находишь цену подходящей, верно? Так и знал, что ты больше не честный воин, Трувор Жнец. Зато теперь мне понятно, почему ты помалкивал, когда твой хозяин пенял мне, что, не приди он вовремя, и мы бы все сдохли прямо в Водимировой сокровищнице! То, что для воина оскорбительно, для торгаша – в самый раз. Что тебе родичи? Что тебе даже твой собственный сын Вильд? Главное – барыш. Что тебе родная кровь, если ее можно продать с выгодой? Родичи, сын, племянники... Чего их жалеть? Бабы новых нарожают! Зато тебе лишний сундук с добром достанется!

Вот теперь я его наконец-то зацепил. Ух он и разозлился!

Говорят, на правду не обижаются. Как бы не так!

Пусть правды в моих словах было ровно столько, чтобы они *выглядели* правдой. Но некоторая правда все же была. Вот отчего Трувор и завелся.

Будь мы одни, возможно, даже убить меня попробовал бы. И скорее всего, успешно. Его не зря ведь Жнецом прозвали. Из всех варягов, каких я знал, он лучший. Сравниться с ним обещал разве что его племянник Харра Стрекоза. Но и то лишь в отдаленном будущем.

Однако мы не наедине. Рядом – раздувающий ноздри толстого носа

Свартхёвди. Рядом – Хавгрим. И все остальные тоже. И они точно не останутся в стороне, если начнется заварушка.

Зря ты пришел поучать меня один, Трувор Жнец. Ну да, он не драться пришел, а наставлять по-отечески несмышленного Волчонка, возомнившего себя независимым вождем-хёвдингом. Такого самое то мордой в собственную лужу потыкать. Не смей, мол, метить хозяйскую территорию!

Надо отдать Трувору должное: с бешенством он справился практически мгновенно. Вот вожак поопытней меня. Оценил, просчитал – и на провокацию не повелся. Не подобрел, нет. Но мыслительные способности восстановил полностью.

– Да-да... – протянул он как бы даже с огорчением. – А я еще дочь за тебя выдать хотел. В род принять, варягом сделать. А ты на хорошее вот как...

– Добро я помню, Трувор. Не надо путать, – я тоже постарался успокоиться. – Тебя я не предавал. Это ты нас предал. Меня, его, – кивок на Свартхёвди, – и остальных. – Широкий жест, обнимающий остальных участников застолья. – Князя твоего я понимаю. Он теперь не под парусом, а под тестем ходит. Но тебя, нет, не понимаю. Ты тогда попросил нас остаться, и мы остались. Поверили тебе. Другу. А ты вот кем оказался...

И вдруг мне самому стало чертовски обидно. Куда обиднее, чем раньше. Прежде обида была правильная, удобная. Та, за которую мстят. А эта...

Были у меня друзья. Варяги. Теперь – нет. И это было даже хуже, чем понимание того, что больше не увижу Зарёнку.

Не скажу, что люблю эту девушку больше жизни, так, как Гудрун мою ненаглядную. Но все же... наверное, я и Зарю тоже люблю. Рюрик, собака! Из-за тебя все. И ты, княжий подпевала Трувор...

– Я все помню, Жнец, и добро, и зло, – я постарался подбирать слова поточнее. И побольнее. – И хочу кое-что напомнить и тебе. Это ведь ты посоветовал мне, Волчонку, стать вождем-хёвдингом тогда, на земле франков. И спасибо тебе, потому что я и впрямь стал хёвдингом. А вот ты, похоже, этого не заметил. Думаешь, что я хочу стать одним из вас, варягов? Да, пару лет назад – может быть. Тогда мы все были другими. И вы, варяги, тоже. И торговать кровью своих людей, как этого требует твой князь и как это, похоже, принято теперь у вас, варягов, я не стану.

Ну-ну, сверли меня взглядом. Взгляд – не копье. Дырка в организме не образуется.

– Я сидел за столом у многих конунгов, Трувор Жнец. Среди них есть пострашнее, чем твой князь. Настоящие конунги, для которых твой Рюрик

– просто ползущая по столу букашка. Но были и такие, кто подобно тебе и ему охотно менял кровь и жизнь своих людей на богатство и земли. Помнишь, Трувор, графа Ламберта? Того, которого его бывшие данники не захотели пускать в ворота и который за то, чтобы снова стать хозяином города, отдал его жителей Рагнарсонам? Вижу, что помнишь! Вот и твой князь – он такой же. И все вы здесь – такие же. На словах стоите за своих людей, а на деле лишь ищете выгоду. Помнишь, как Рюрик не пожелал искать моих похитителей, чтобы случайно не обидеть пару ладожан? А когда в Ладогу пришел Водимир и начал резать и грабить, разве кто-то поспешил им на выручку? Вы все, и Рюрик, и ты, и даже сами ладожские бояре, очень обрадовались, что, пока Водимир убивает ладожан, вы можете пограбить самого Водимира.

– Ты сам хотел того же! – не выдержал Трувор. – Так что не смей обвинять в этом Хрёрека!

– Рюрика! – уточнил я. – Хрёрек-конунг убит Сигурдовым копьем у берегов Фризии! И я никогда не утверждал, что весь этот город, который вокруг, – он мой. Мой здесь – вот этот клочок земли, на котором мы стоим. Да и то получил я не от твоего князя, а от его тестя, для которого я – отвратительный нурман, коего терпят, пока он полезен, но пришибут, когда надобность в нурмане пропадет. Вернее, попробуют пришибить, – добавил я с ухмылкой. – Потому что во всей дружине старого Гостомысла не найдется никого, кому это по зубам. Но у него есть Рюрик. А у Рюрика есть ты. Понимаешь, о чем я?

– Нет!

– Врешь! – с удовольствием сообщил я. – Все ты понимаешь, варяг. Ну же!

Но Трувор молчал. Может, ждал, чем я еще его порадую. Или прикидывал, стоит ли бросить мне вызов?

Он куда лучше держал себя в руках, Трувор Жнец. И думал не о том, сможет ли он меня убить, а о том, что будет после. Возможно, он мыслил сейчас не как оскорбленный воин, а как настоящий вождь? Когда я обвинял его в том, что он торгует кровью своей родни, я ведь знал, что это ложь, которая лишь выглядит правдой, если взглянуть на нее под определенным углом. Можно убить меня. Можно перерезать всех нас. Не сомневаюсь, что сотне варягов это вполне по силам, несмотря на моего Волка, моих берсерков и снайпера-лучника Бури. Однако очень возможно, что наша смерть не пройдет незамеченной. Что слух о ней пойдет дальше, до самого Сёлунда. А ведь там, далеко-далеко, но все равно за моей спиной маячит жуткая тень дракона. Ивара Рагнарсона по прозвищу Бескостный. И если

допустить, просто допустить такую возможность, что из-за моей смерти дракон обратит свой жуткий взгляд на маленькую Ладогу-Альдейгью...

– Вижу, ты хочешь убить, – ровно произнес я. – Что ж, попробуй. Не бойся. Я, как хёвдинг, объявлю поединок чистым. Иначе вам придется убить всех, а я не хочу крови моих людей. Да и твоих – тоже. Это ведь ты, Трувор, торгуешь кровью родни. А Ольбард, Руад, Рулаф и остальные – они остались прежними. Такими же, как в те времена, когда мы бились в одном строю. И я не хочу их смерти.

– А я, по-твоему, хочу?

Все-таки изумительное у Трувора самообладание.

– Не хочешь, – согласился я с улыбочкой. – Разве что за их жизни предложат хорошую цену. Тогда – другое дело.

Я подумал: вот сейчас он сорвется. Уловил боковым зрением движение Свартхёвди, его волчью ухмылку. Я могу сколько угодно объявлять поединок чистым. Для Медвежонка это – пустые слова. Он – берсерк. Он – воин Одина. Там, в Скандинавии, все знают: берсерку плевать на слова «чистый от мести». Есть лишь один закон, который чтит Воин Одина: я убиваю, когда хочу! Самого желания вполне достаточно.

Ух как Трувору хотелось дать выход ярости! Однако он догадывался: вызови он меня сейчас и убей, мои берсерки порвут его, наплевав на слова.

Я не смотрел на Хавгрима, но знал, что он тоже ухмыляется. Я всех убедил, что Трувор – недостойный человек, который нас обманул. Теперь каждый из моих хирдманов хочет его крови. Ну, кроме монаха.

А я? Хочу ли этого поединка я?

Да, хочу. Рюрик желает войны? Он ее получит. И первой ее жертвой станет его самый верный сподвижник. Здесь и сейчас. Один на один. Если придет мой Волк, у меня будут неплохие шансы. А если не придет...

Обожравшийся на пиру, отяжелевший от пива, вдобавок порядком разозленный Трувор, на котором сейчас даже кольчуги нет, это куда менее опасный противник, чем Трувор Жнец, заранее подготовившийся к хольмгангу.

«А ты и впрямь хочешь его убить? – спросил я сам себя. – Не Рюрика, Трувора?»

И понял: нет, не хочу. Рюрика – да, Трувора – нет. Поединка хочу, но не смерти варяга. Так что даже если он сейчас примет вызов, то я постараюсь не только остаться в живых сам, но и оставить в живых Трувора. Ну, а если не выйдет, тогда старшим над варягами станет Ольбард. И с ним будет намного проще, чем с Трувором, потому что Ольбард Синеус не будет так рьяно играть на одной стороне с Рюриком. Да что там... Я вообще не

понимаю, почему Трувор так держится за Рюрика. Даже тех варягов, что сейчас в Ладоге, хватит, чтобы скинуть с престола и Рюрика, и Гостомысла разом. Кто им помешает? Ульфхам Треска с дюжиной верных данов и полусотней салажат? Боярское ополчение? Смешно! А ведь Труворова дружина – это лишь часть варяжской силы, и, склонен думать, далеко не самая большая. Откуда же эта непонятная преданность?

Ну да примем ее как факт. Я уже не сомневаюсь: оторвать Трувора от Рюрика не получится. И еще я не сомневаюсь, что Рюрик непустит нас домой, пока не будет абсолютно уверен, что мы не вернемся сюда снова, но уже в компании с Рагнарсонами. А следовательно, стоит нам отойти от ладожской пристани, как за нами тут же помчатся варяжские драккары. И наверняка догонят. «Северный Змей» быстр, но число гребцов тоже имеет значение. К тому же уведенный у Сигурда драккар проворнее моего малыша.

Вывод? Надо разорвать связку: Рюрик – Трувор – варяги. Если мне удастся выбить среднее звено... Не знаю, спасет ли это нас, но хуже любому не будет. И потому надо срочно форсировать процесс. Мне нужен этот поединок, чем бы он ни закончился!

– Ты только что сказал, варяг, что не хочешь смерти своих родичей, – прорычал я, поднимаясь. – Но мне плевать на то, что ты хочешь, Трувор Жнец! – Я перешел на понятный всем язык викингов. – Мне плевать, что ты там болтаешь! Твои дела говорят за тебя. Они говорят: за хорошую цену продать не только своих родичей, но и собственного сына! С таким, как ты, у меня может быть только один разговор, – я похлопал по ножнам Вдоводела. – Ты и я, Трувор. Здесь и сейчас. Поединок чистый. Свартхёвди, ты слышал?

– Слышал, – буркнул мой названный брат.

Чихал он на мои слова, как я уже упоминал. Если Трувор примет вызов, он – мертвец. Разве что мне самому удастся заставить его сдаться. Но такой вариант, это из области ловли журавлей в небе. Даже не журавлей – вымерших миллион лет назад птеродактилей.

– Трувор! Я сказал, ты услышал. Начинай!

Черт! Он даже не дернулся. Я был уверен, что после всего, что я вывалил на его бритую голову, Трувор обрушится на меня как гром небесный. А он стоял и не касался мечей.

Испугался? Не верю!

– Не хочешь драться бесплатно? – насмешливо поинтересовался я.

– Вообще не хочу с тобой драться, – произнес Трувор по-словенски абсолютно спокойно. – Все, что ты сейчас наговорил, – чушь. И ты сам это

поймешь, когда остынешь. До завтра, хёвдинг Ульф Свити. Проспись и остынь. Когда сможешь говорить как вождь, а не как обиженный мальчишка, тогда и поговорим.

Повернулся и двинул на выход.

Я проиграл. Или – выиграл?

Глава 3. Танец пятого стража

– Хочешь, чтобы я его убил?

Неожиданное предложение.

Я удивленно уставился на Бури. Он что, читает мои мысли?

– Одна стрела – один мертвец, – сказал мой восточный хирдман.

– Он – воин, – проговорил я, несколько растерявшись. – Он услышит или почувствует.

– Возможно, – согласился Бури. – И что с того?

Да, верно. Я не учел, что стрела Бури летит куда быстрее моей. Почуять – можно, успеть отреагировать – не факт. Особенно если стрела будет не одна. А учитывая способность Бури отправлять в цель три стрелы за две секунды...

Но все равно это не вариант. Точно не вариант. Это будет еще большая подлость, чем та, которую устроил нам Рюрик.

– Нет, – отказался я.

Но – оценил. И показал, что оценил. Верность – одна из высших ценностей этого сурового мира.

– Пойду разомнусь, – сказал я и двинул во двор.

Бури – за мной. Похоже, он взял на себя обязанности моего телохранителя. Ну, я точно не против. Мой хирд – совсем маленький, но пока в нем есть два с половиной берсерка (половинка – это я сам) и такой стрелок, как Бури, с нами придется считаться даже таким большим начальникам, как здешние князья.

Нет ничего лучше, чем правильно подвигаться после легкого завтрака. А уж как нервы успокаивает.

Тем более что у меня отменный успокоитель. Я им частенько пользовался еще в той, цивилизованной жизни. Давненько же я его не практиковал. В этом мире тренировки с боевым оружием как-то предпочтительнее. Однако для разнообразия...

Этот комплекс называется таолу, насколько я помню. Китайский аналог японского ката. Для него требуется шест и немного свободного места. Собственно, все.

В качестве шеста я шест и взял. Один из тех, которыми прачка подпирала веревки для сушки белья.

Нормальная такая палка. Ровная. Мне осталось лишь отрубить рогульку, заодно укоротив ее до канонической длины.

Да, давненько я работал с шестом. Но ничего не забыл, понятное дело. Все базовые движения вросли в меня и пустили корни еще тогда, когда я бессчетно повторял их в зале и на лесной полянке под неусыпным наблюдением китайского шифу.

Китайцу я, кстати, не нравился. Может, не было во мне чего-то важного. Например, китайской крови. Но ему нравились деньги, которые я платил за индивидуальные занятия. Вдобавок я помог ему встроиться в какую-то мелкую федерацию ушу. Мелочь, но полезная. И, конечно, он не мог не видеть, что я очень стараюсь.

Так что он отложил в сторону свою неприязнь и учил меня тоже очень старательно. Хотя, может, ему было на все это плевать и он просто выполнял приказ какого-нибудь руководителя диаспоры, велевшего работать со мной с полной отдачей.

Я тоже вел себя соответственно. То есть демонстративному уважению, которое он мне оказывал, я не верил ни на медный грошик. А вот профессиональным и преподавательским качествам доверял полностью. Так что все замечания выслушивал очень внимательно, ритуальные и тренировочные комплексы, включая и ритуальную их часть, отрабатывал со всем тщанием, запоминая их каждой подключаемой мышцей. А мышцы подключались, надо отметить, практически все.

И еще: вся эта ритуально-историческая гимнастика мне очень нравилась. Прямо-таки восторг ощущал. И в какой-то момент вдруг осознал, что я на эту хрень подсаживаюсь. И что-то начинает меняться в моих жизненных приоритетах. Причем совсем не так, как хотелось бы мне, но, подозреваю, вполне желательно для моего китайского учителя. Не скажу, что умом понял, что происходит, но чуйка выдала тревожную трель, и я резко сдал назад. Гимнастика? Прекрасно. Возможность практического применения? Вообще замечательно. Успокаивает нервы? Тоже пригодится. Остальная китайщина пусть отправляется к воронам, как выражаются мои здешние кореша.

На этой бодрой ноте мы расстались с шифу. К обоюдному, полагаю, удовольствию.

При освоении местной копейной техники навыки той работы с шестом мне оченьгодились. Тем более что в своей исконной форме вся эта хрень была заточена именно под копье. Вернее, под разное древковое оружие. Шест и палка – это уже выхолощенный под цивилизованные времена вариант. Ну, да это вещи общеизвестные.

Итак, прикинув баланс укороченной жерди, я содрал с веревки полотенце и повязал им один из концов. Тоже дань традиции.

Потом огляделся. Перед тем как развлекаться, следовало немного поработать вождем и проконтролировать обстановку.

Народу на подворье было немного. Пара местных трэлей свежевала овцу. Хмурый Скиди с утра пораньше гонял условно молодых: Хавура Младшего Хакисона и Виги-Вихорька. В основном доставалось Вихорьку, потому что Хавур при взятии Водимировой крепости схлопотал мечом по спине. Рана неглубокая, но какое-то время Хавуру стоило побережиться, и Скиди это было известно. А вот Вихорек вышел из того боя в полной сохранности.

Я понаблюдав за ними секунд тридцать и удовлетворенно хмыкнул. Скиди тоже приходилось попотеть. Я в свое время поставил приемному сыну задачу: отрабатывать обоерукий бой, так сказать, «по-варяжски». И сейчас он именно этим и занимался. И для вооруженного щитом и мечом Скиди Вихорек был весьма неудобным противником. Этак еще год-другой – и малыш превзойдет коренного скандинава. А может, и нет. Ведь Скиди тоже неплохо прогрессирует.

Следующий взгляд – на мой, вернее, наш с Медвежонком, драккар. Он в порядке, наш славный кораблик. Отдыхает у причала. А ведь его чуть-чуть не угнали водимировцы, когда захватили Ладогу.

Спас кораблик Дедята. Мастер-строитель и его артель во время налета работали на моем участке. С хоромами они уже закончили и занимались банькой. Люди они были опытные в плане внезапных разбойных нападений, а потому когда на Ладогу налетели злые вороги, Дедята вместе с артелью и наиболее ценным имуществом быстренько погрузился на «Северного Змея» и отошел от берега. Чем спас не только мой драккар, но и себя заодно, потому что до того, как перебежать ко мне, Дедята гнул спину на противника. Так что водимировские могли очень серьезно предъявить беглому холопу сотоварищи.

Но я все равно его премировал. За смекалку и шустрость. Без «Северного Змея» нам было бы совсем грустно, а так хоть есть на чем домой вернуться.

Если будет кому.

Нет, надо срочно выкидывать из головы мрачняк, решил я и описал шестом сложную восьмерку. Начали...

Китайская магия сработала. Отпустило.

Я сдернул с шеста полотенце, вытер мокрую физиономию и с удовольствием поглядел на молодняк.

Бойцы сменили оружие и теперь бодро лупили учебными железками

по учебным же, увесистым щитам, наработывая силовой базис и не отвлекаясь на прыжки и уханья вождя. Все правильно. Отвлечешься – схлопочешь. Больно.

По палубе «Северного Змея» деловито прогуливался Медвежонок. Проверял лючки для весел и сами весла, уложенные вдоль палубы. Драккар – это не просто плавсредство. Это, считай, живое существо. Морской дракон, несущий нас над пучиной. И состояние его должно быть безупречным, иначе эта самая пучина скажет: «Ам!» – и наш хирд дружно угодит в сети собирательницы утопленников великанши Ран и, как следствие, навсегда лишится права набивать брюхо, блудить и кромсать друг друга за праздничными столами Валхаллы.

Мои пляски с жердью побратима тоже не особо интересовали. Есть дела поважнее.

С полдюжины малолетних ладожан, расположившихся на нашем новеньком заборе, тоже глазели не на меня, а на Скиди с парнями. Глазели и пускали слюни. Завидовали. Воин в этом мире, считай, вершина пищевой цепочки. Или – социальной лестницы, если по-умному.

Опа! А что это такое с моим гением-стрелком? Бури, похоже, завис. Смотрит на меня, как будто я у него на глазах обратился в красну девицу. Не понял! Это что, мои ушуистские ката, то есть, простите, таолу на него такое впечатление произвели? С чего бы, интересно? Ничего ведь особенного я не проявил в сравнении с настоящими мастерами копья. Куда мне. Есть у меня один знакомец из Скоген Лифер^[3], кормчий с забавным именем Долбаэт. Вот тот с длинным копьём управляется так, что, глядя на его забавы, отчетливо понимаешь: если Долбаэт долбанет по моему китайскому шифу, то настанет тому полный и окончательный кирдык. И ему, и всем прочим шифу, которых я наблюдал. Хоть разом, хоть порознь. Вот у ирландца, да, уровень. А мои прыжки – вот это именно забава. Козьи потягушки, как говаривала бабушка.

– Бури! – окликнул я средневекового снайпера. – Ты в порядке?

Мигнул. Встрепенулся. Подбежал ко мне... Бури! Подбежал! Это ж что он такое углядел в моей гимнастике?

Хотя...

Он же – восточный человек. Может, я ему родину напомнил?

– Господин...

Взгляд вечно прищуренных глаз – по-прежнему снайперский. Острый. А вот лицо...

– Господин, откуда ты... это?

Вид у моего бойца по-прежнему малость охреневающий.

– Что – это?

Бури тут же, вполне квалифицированно воспроизвел пару «па» моего боевого танца.

– Был у меня учитель, – уронил я небрежно. – Научил вот. Знаешь, как это называется? – поинтересовался я с умным видом, хотя фиг что понимал.

На викингов, к примеру, боевые пляски Хавгрима Палицы с его любимым рубящим копьем всегда производили куда большее впечатление, чем мои китайские попрыгушки. А уж эти парни разбираются в подобных вещах.

– Это называется танец пятого небесного стража фейцуй, растворяющего малые врата! – без малейшей запинки выдал мой загадочный стрелок.

Теперь уже охреневающий вид – у меня. Чего-чего танец?

Однако я справился и вернул правильное выражение лица. Ну да, мы там, в будущем, хоть и невежды во всяких там феншуях, но невежды тертые. Опять же в покер играть умеем.

– И откуда ты это знаешь? – интересуюсь я с умным видом.

Бури колеблется...

Вштырить-то его вштырило, но не настолько, чтобы он вот так вот сразу снял информационную защиту. Явно прикидывает, какой у меня допуск к гостайнам.

Нет, не вскрылся.

– У всех свои тропы, господин.

– Это все, что ты можешь сказать?

Глазки-бойницы стали еще уже. И с этакой высокомерной ехидцей:

– Могу сказать еще: твой учитель был – не из лучших.

С таким циничным сочувствием изрек: «Не из лучших». Мол, прими, девочка, суровую правду жизни. Мама с папой тебя обманули. Ты ни фига не принцесса. И внешность у тебя – самая заурядная. А мальчик твой целоваться к тебе не лезет не потому, что стесняется, а потому что изо рта у тебя... попахивает.

Ах ты ж...

Все мои текущие проблемы вдруг отошли на второй, а то и третий план. Развитая в борьбе за выживание интуиция прям-таки рявкнула мне в ухо: «Мужик! Ты сейчас зацепил что-то а-афигенно важное! Не прощелкай клювиком!»

Сразу вспомнилось, *кто* во время нашего первого знакомства помешал мне отправить Бури в страну счастливой охоты.

А ведь мой Волчок не так уж часто вмешивался в мои личные дела. Разок: когда помешал заняться сексом с юной миленькой французенкой в келье захваченного викингами монастыря, еще разок, когда я принес гейс во спасение моей похищенной жены.

Хотя во втором случае мой Волк был как раз против, но я не внял. Вернее, не успел внять.

И вот теперь Бури...

– Да, мне ведомо, что он не из лучших, – ответно прищурился я. – А вот почему так считаешь ты?

Вот за такие высокомерные улыбочки вроде той, что изобразил сейчас Бури вместо ответа, настоящие средневековые феодалы и рубят головы, казалось бы, преданным слугам.

К счастью, я – ненастоящий. А мой комплекс неполноценности столь обширен и разнообразен, что ухмылки подчиненных занимают в нем самый низ рейтинга «оскорбленное самолюбие». Тем более что моя задача – не убить надменного подчиненного, а раскрутить на инфу.

– У меня было много учителей, – пренебрежительно уронил я. – Этот был не из главных. Однако он не дал мне повода не доверять его знаниям. Ты считаешь, он был невеждой? – Я изобразил задумчивость. – Не уверен. Возможно, это я был недостаточно внимателен... – Тут я сделал многозначительную паузу, а потом уронил небрежно: – ...Или ты.

– Не я, – качнул головой мой снайпер. – И не ты. Учителю не заметить твои ошибки невозможно. Все равно, что... – он умолк, подбирая слова: – Все равно что не заметить брешь в стене щитов.

Очень хорошо. Телега стронулась. Поедет или нет?

Я молчал.

Бури тоже молчал. Сверлил меня глазами-буравчиками...

И – наша взяла! Он решился!

– Позволь, господин, я покажу.

Я солидно кивнул, проглотив ликующий вопль.

Сейчас произойдет что-то невероятно важное.

Я чувал это так же явно, как рыбную вонь от развешенных на берегу сетей.

Братъ жердь Бури не стал. Воспользовался одним из учебных копий, трехметровым, то есть древком без наконечника, почти на метр длиннее моей жердины.

Взял и начал движение.

Сначала я не заметил ничего особенного. Практически тот же рисунок. Ну разве что движения не такие размашистые, а более экономные, и темп

побыстрее.

Но вскоре я увидел и отличия. В одном месте – совсем по-иному идет переход из позиции в позицию. В другом выхлест заканчивается не открыто, с фиксацией, а уходом в еще одно вращение, со снижением центра тяжести и выходом на следующую связку не через обрыв и остановку, а без разрыва. И мне, человеку опытному, сразу стало понятно, что именно так и надо. Действительно, брешь в стене щитов. Мог бы и раньше заметить.

Теперь я следил с утроенным вниманием, но больше таких серьезных пробелов не было.

Впрочем, я старался запоминать любую мелочь. Слава богу, память у меня в таких вещах безупречная. Неудивительно. С моим-то опытом.

О! Еще одно отличие. Бури закончил таолу не резким срывом, а плавненько перетек из конца в самое начало.

А ну-ка теперь и я попробую откорректированный вариант.

Повтор комплекса мы начали уже вместе. И я опять увидел небольшие отличия, причем очень интересные. Бури увеличил темп и как бы оптимизировал под это ускорение общий рисунок. Оч-чень интересно! И очень органично. Я прям-таки всем своим организмом ощущал, насколько удобнее (по-другому не скажешь) стало двигаться. Это было как музыка, только пели не голосовые связки, а все тело. И я вдруг понял, что к такому важнейшему делу, как убийство себе подобных, этот, как его, танец небесного стража не имеет никакого отношения. Что это именно «открытие врат», как поэтично выразился суровый Бури. Только не на то небо, которое над головой, а на то, которое... Нет, не внутри. Внутри – это частность. То, которое везде.

А мы тем временем прогнали весь комплекс еще раз и еще быстрее.

А потом пришел мой Волк, и теперь мы с ним двигались вместе. И хотя танцевали мы по-разному, но танец у нас был все равно один. И мир танцевал вместе с нами, хотя двигались теперь только мы вдвоем. Бури давно уже остановился и просто смотрел, тяжело дыша, опираясь на копейное древко. И пацаны на заборе тоже глазели теперь не на Скиди с молодыми, а на меня. И Скиди, Хавур и Вихорек – тоже на меня. И даже Медвежонок, забросив осмотр драккара, пялился на наш танец, скалился и помахивал лапой в такт стремительным прыжкам и броскам моего Волка. Ну да, он тоже *видел*. Но не лез к нам, потому что это был только наш танец. И я танцевал его здесь, на утопанной ладожской земле, точно так же, как плясал его тот здоровенный парень с обсидиановыми ножами из моих снов. И я теперь понимал, что значит «не из лучших». И выказанное Бури сочувствие тоже понимал, потому что, блин, самым краешком

сознания примерно так же сочувствовал моему наемному шифу, который тоже думал, что он велик, а был всего лишь пахучей навозной кучкой на чужой грядке.

Я остановился сам. Не потому, что иссяк. Нет, силы были. И Волк мой никуда не ушел. Был здесь.

Просто ко мне в гости пришел еще кое-кто. Вернее, пришли. Заря и Вильд.

Глава 4. О крепости родственных связей

– Вильд, выйди! – немедленно потребовала Заря, как только мы вошли в дом.

Парень поглядел на меня. Кажется, я его удивил. Уж больно счастливая у меня рожа для человека, который только вчера разосрался не только с князем, но и с лидером его дружины, который заодно был их с Зарей отцом.

По мнению юного героя, я должен был пребывать либо в ярости, либо в глубокой печали. Уж не знаю, что им сказал папа, вернувшись, но вряд ли что-то хорошее.

– Выйди, я сказала!

Вильд гневный возглас сестры проигнорировал. Мужает парнишка. Еще месяц назад он бы вышел без звука.

Я кивнул и показал рукой: все будет нормально.

Мне он поверил.

– Отец хочет тебя вызвать! – Тут же выдала она главную семейную тайну. – Он на тебя страшно зол! Зачем ты его разозлил? Ты меня не любишь?

Ах какие глазки! Так и хочется сдаться на милость победителя.

Я не стал отвечать, просто поцеловал. Страстно. Наилучший ответ, который я знаю на такой вопрос. Особенно если можно на этом не останавливаться.

Останавливаться мы не стали.

От Зарёнки так дивно пахло! Солнцем, юностью, свежескошенной травой...

Рот она зажимала моей ладонью. Впивалась зубами так, что не будь я гребцом, прокусила бы до крови.

Впрочем, закончилось все быстро. Вряд ли оставшийся за дверью брат позволил бы нам миловаться долго.

– Я сбежала, – сообщила мне девушка, утираясь полотенцем, еще влажным от моего пота. – Давай сбежим вместе! Забери меня на свой остров! Клянусь Перуном и Мокошью, я буду тебе послушной женой!

Ага! Перун, как его там... Молниерукий, особенно располагает адептов к послушанию. На поле битвы. По пояс в крови врагов.

– Не получится, моя хорошая. Если мы сбежим, твой отец запросто нас догонит. У него – самый быстрый драккар на Лебединой дороге.

– Ой! Я не знала! – Расширила и без того огромные глазищи. – Тогда...

он тебя убьет!

Тут же вскочила. Еле поймал. Практически на лету.

– Куда побежала?

– К дяде Ольбарду! Он вас помирит!

– Уверена?

Я не забыл, как Ольбарду недавно потребовалось разрешение Трувора всего лишь на разговор со мной.

– Только он и сможет. Может быть... – и пригорюнилась.

Я присел рядом, согрел ее лицо в ладонях, сказал как можно увереннее:

– Не уверен, что твой отец меня одолеет. А я... постараюсь его не убивать.

– Это невозможно! – с глубокой печалью и с абсолютной уверенностью заявила Заря. – Ты хорош с мечами, Ульф, но отец – самый лучший. Если меж вами случится бой, кто-то обязательно умрет. Если это будешь ты, я взойду на твой костер, так и знай! А если ты победишь, между нами ляжет кровь отца – и нам никогда не быть вместе!

Ну да. Перспектива в целом верная. И не воодушевляющая. Но я все равно чувствовал душевный подъем. После сегодняшней пляски с шестами я был почти уверен, что мой Волк непременно придет, если я его позову. А с ним на пару мы будем очень сложной добычей даже для такого охотника за нурманскими головами, как Трувор Жнец.

– Знаешь, Зарёнка, мне почему-то кажется, что нам с твоим отцом еще рано в Валхаллу, – сказал я. – Если богам будет угодно, мы оба уцелеем.

– В Ирий, – машинально поправила Зарёнка. Ну да, это я – в Валхаллу, а ее папа – в загробный мир крутых варяжских парней.

– Бывает так, что в живых остаются оба, – сказал я. – Знаю такие случаи.

– Или оба – гибнут, – мрачно парировала Заря. – Я такое видела.

Я тоже такое видел. Но будем надеяться, что это не наш случай.

– Вильд, – позвал я. – Заходи.

– Ты ему сказала? – первым делом поинтересовался парень.

Кивок.

– Что будешь делать?

Это уже ко мне вопрос.

– А у меня есть выбор?

– Есть. Забирай свою дружину и уходи. Прямо сейчас. Тогда ты сохранишь и жизнь, и честь!

– Уже нет, – улыбнулся я. – Теперь, когда вы мне сказали, уже нет.

Брат и сестра переглянулись. Потом Вильд кивнул, признавая мою правоту.

– Ты оскорбил его.

– Да, – признал я.

– Как?

– Ты и впрямь хочешь это знать?

– Хочу!

Упрямый парень. Мне это импонирует.

– Зачем?

– Если ты окажешься сильнее, я буду мстить. Хочу знать, за что.

– Это не обязательно, – покачал я головой. – Вчера я предложил Трувору чистый поединок. Чистый от мести. Сегодня будет так же.

– Я хочу знать!

Вот же упорный. Использовать его для информационной диверсии, что ли? Такой в себе держать не станет. Все, что я ему сейчас скажу, станет известно всей варяжской дружине. Велика ли вероятность, что моя версия событий будет принята? Среди варягов меня уважают. Но уж точно не больше, чем Трувора. Хотя у Трувора в данной ситуации позиция слабая. Однако есть еще Ольбард, лицо, скажем так, незаинтересованное. А Ольбард Синеус... Как по мне, так он еще и покруче, чем Трувор. Будь я на месте Рюрика, я бы именно его сделал лидером варяжской дружины. Да он и был лидером, когда мы все ходили под одним парусом. Это, кстати, интересный вопрос: почему Рюрик произвел такую рокировку. Не от того ли, что, по словам Зари, ее папа был номером два в градации варяжской элиты. Сразу после их главного князя Улеба? Трувор – второй, а Ольбард – только третий... Но он точно не глупее Трувора и отлично знает, что «правд» ровно столько, сколько заинтересованных в исходе сторон. И моя интерпретация событий весьма уязвима. Хотя бы потому, что в любом бою потери неизбежны, а победитель – тот, кто сумел отхватить крупный куш. Цель оправдывает средства, как гласит пословица^[4]. Да, моя трактовка событий уязвима, но почему бы не попробовать?

– Хочешь знать, что я сказал твоему отцу, Вильд? Я сказал ему, что он обменял кровь ваших отроков на милости князя Рюрика.

– Их убили в бою! – тут же возразил парень. – Мы победили, и князь вознаградил нас за победу. Нехорошо, что князь ничего не дал вам. Я считаю это несправедливым, и не я один. Но при чем здесь отец? Это бой. В бою убивают. Меня тоже могли убить. И тебя.

– Меня убить труднее, чем тебя. Такие, как ты, были не готовы к такому бою. И твой отец не мог этого не знать. Потому и устыдился, когда я

сказал ему об этом. Устыдился и рассердился. На меня. Так бывает, парень. Когда тебе напоминают о том, что ты хочешь забыть, ты сердишься не на правду, а на того, кто ее сказал.

– Не вижу ничего постыдного в том, чтобы погибнуть в бою! – решительно заявил Вильд. – Мы – воины. Мы знаем, что у наших врагов тоже есть мечи!

Пафосно так сказал. Наверняка повторил чей-то лозунг.

– Вот из-за этого мы с твоим отцом и поспорили.

Надеюсь огорчение, которое я изобразил голосом и выражением лица, выглядело искренним.

– В отличие от твоего отца я никогда не согласился бы послать в бой тех, кто к нему не готов. Я не послал бы своих умирать только потому, что кто-то так захотел. Я считаю, что умирать должны враги, а не мои хирдманы. И у твоего отца были те, кто не дал бы себя убить. И поначалу он именно их и хотел отправить вместе со мной. Не отроков. Гридней. С Ольбардом во главе. Но Рюрик не разрешил. Это он велел, чтобы со мной пошли вы, хотя это был не ваш бой. Вы были не готовы. Ни один из вас, кроме Харры. И твой отец это знал. Но Рюрик велел – и твой отец сделал, как велено. И вчера я ему об этом напомнил. То, что он продал вашу кровь, ваши жизни Рюрику.

– Но князю-то зачем наша смерть? – Вильд все еще сомневался.

– Не ваша, моя. И моих хирдманов. Если бы нас убили, Рюрику не пришлось бы нам платить. И, скорее всего, наше имущество и нашу добычу он бы тоже забрал. Если бы нас всех убили. И вас – заодно с нами. Он так все и задумал, я полагаю. Мы взяли крепость для Рюрика, но тот не особо к нам торопился. И позволил Водимиру прийти первым. Думаю, он нарочно пропустил Водимира. Чтоб тот убил нас. Но не успел закрыться в крепости. Вчера Рюрик сказал кое-что. И слышали это все. Твой отец – тоже.

– Что он сказал?

Парень изрядно заинтригован, я вижу. И Заря тоже внимает, приоткрыв очаровательный ротик.

– Он проговорился. Сказал: если бы он промедлил, нас убили бы всех.

– Но ведь он, получается, не промедлил?

– Нет, – покачал я головой. – Он не медлил. Он выжидал, пока не закончится наш бой с Водимиром. А когда люди Водимира захватили терем, он подождал еще немного, чтобы быть уверенным, что нам всем конец, и только тогда вступил в бой. Рюрик все рассчитал, но не знал, что мы не будем обороняться до последнего, ожидая подмоги, а запремся в

подвале. И даже сумеем отбиться. Мы хорошо дрались, Вильд! Мы все. И ты, и твои родичи. Но они были не готовы. А вот ты, я думаю, да. Ты оказался лучше, чем другие.

– Ты так думаешь? – Вильд чуть зарумянился от похвалы.

– Ты жив, а они – нет, – огласил я очевидный факт. – Мы все были хороши. Думаю, мы отбились бы, даже если бы Рюрик задержался и подольше. Но он больше не мог ждать.

– Почему? – Вильд внимал мне, как истовые прихожане – пастырю.

– Потому что еще немного – и Водимир успел бы затворить ворота, – пояснил я. – И тогда ладожане наверняка обломали бы зубы о его Детинец и убрались несолоно хлебавши. Тем более, не займи мы оружейную, Водимир пополнил бы запас стрел. Он ведь все на нас извел, пока брал крепость и терем. Потому-то Рюрик и побил его так легко.

– Выходит, это мы подарили ему победу! – сделал очевидный вывод Вильд.

Ишь как заулыбался. Приятно быть героем. Ну а теперь – еще один штришок в новую картину Вильдова мира. Пусть парень осознает: его не только лишили славы, но и ограбили.

– Да. Мы подарили ему победу, воин! Я, мой хирд. Харра. И ты тоже. И это мы взяли сокровищницу Водимира! – Я сделал паузу, чтобы выюнош осознал и проникся. – Она была наша по праву меча, Вильд! Это были наши богатства! И мы разделили бы их так, как делят воинскую добычу у нас, воинов Севера! Каждый получил бы долю. Я – долю хёвдинга. Ты – долю хускарла. Рюрик тоже получил бы свою долю, он ведь князь. Думаю, десятая часть была бы справедливой. Но он пожелал захватить все. И захватил. А потом еще и наградил из нашей, в том числе и твоей, добычи дружинников Гостомысла, которые, не будь нас, уже лизали бы Водимиру сапоги. Твой отец, Вильд, должен был вступить за правду, ведь он – вождь. Выскажись он против решения Рюрика, тот не рискнул бы отнимать чужое. Но Рюрик пообещал ему землю и данников из тех, что раньше кланялись Водимиру, и твой отец решил, что слова князя и есть правда. А может, он теперь сам стал как Рюрик и его правда теперь такая же, как у его хозяина Рюрика. И не важно, что среди тех, у кого отняли добычу, не только мы, нурманы, но и ты, его сын, и Харра Стрекоза, и остальные, включая тех, кто погиб. Получается, они с Рюриком не только погубили тех отроков, но и ограбили. Так бывает, Вильд. Два самых сильных волка схлестнутся за право быть вожаком, а третий, послабее, стоит в сторонке и ждет. И если победа достанется сильнейшему большой кровью, то этот, слабый, нападет внезапно и вцепится раненому в горло.

– Не думал, что Рюрик такой... – пробормотал Вильд. – Мне говорили – он великий воин.

– Он был великим воином, – уточнил я. – Кому, как не мне, это знать, ведь я ходил на франков под его знаменем. Но так было раньше. Ты видишь, каким жадным он стал, а жадность свойственна слабым. Раньше, до ранения, Рюрик был силен. Теперь он слаб и потому меня не удивляет то, что он делает. Огорчает, да. Это меня не удивляет. А вот то, что каким стал твой отец, вот это меня удивило. Может, защищая слабого князя, и сам становишься слабым, – задумчиво, будто размышляя, проговорил я. А потом театрально взмахнул рукой, будто сметая сомнения: – Так или иначе, Вильд, но и по нашему Закону, и по вашей Правде казна Водимира должна была стать нашей. Ее добыли мои хирдманы и вы. Я не видел князя Рюрика в подвалах Водимира, когда там шел бой. Может, ты видел?

Парень мотнул головой.

– Вот видишь! Это мы добыли и делить ее – тоже нам, причем часть должна была достаться тем, кто погиб. Их родне. Так у нас полагается.

– У нас тоже, – буркнул мрачный Вильд. – Так по Правде.

– Да! – отчеканил я. – Так по Правде! Именно это я и сказал твоему отцу. Сказал прямо в лицо, при свидетелях. Сказал, что он предал своих. И нас он тоже предал, ведь и он был моим другом. Обещал выдать за меня Зарю! – Девушка всхлипнула. Ее мой монолог ужасно расстроил. Я даже ощутил легкие угрызения совести.

Но Трувор сам напросился. Они с Рюриком меня предали. Я считал их братьями, а они решили, что я у них – песик на побегушках. Большая ошибка! У меня есть не только клыки, но и мозги. И я умею ими пользоваться.

– Мы могли бы стать родней, Вильд, – продолжал я с подчеркнутой мрачностью. – Теперь уже не станем. Я сказал твоему отцу правду, а он ответил, что не отдаст мне Зарю, потому что я спорю с князем Рюриком. И драться со мной он тоже не будет, потому что я, мол, пьян и говорю глупости! А говорить со мной он будет сегодня, когда я протрезвею.

– А ты был пьян? – поинтересовался Вильд.

– Наверное, – я снова пожал плечами. – Будь я трезв, может, и не стал бы его обижать. Однако он тоже выпил немало и сидел за нашим столом. Он был гостем в нашем доме. У нас не принято оскорблять гостей. («У нас – тоже», – поддакнул Вильд). Но твой отец оскорбил первым. И меня, и моего брата Свартхёвди, и всех нас. Вот я и сказал ему все, что думаю. Всю правду. Такие дела, Вильд. Но спасибо тебе, что пришел. Ты знаешь, что такое честь. И не жалею, что предупредил тебя о планах отца. Я все равно

не собирался уходить из Ладоги, так что поединка не избежать.

И мы втроем дружно пригорюнились. Причем все, включая меня, горевали искренне. Молодежь – о несправедливости мира. Я – об упущенных возможностях и будущих невзгодах.

– Ульф! Почему мой отец так поступил с нами? – Вильду было погано. До сегодняшнего дня он жил в совсем другом мире. Мире, в котором его отец был воплощением чести. Правды, как у них говорят.

Нехорошо, конечно, настраивать сына против отца, но в войне все средства хороши. А у нас с Рюриком отныне война. И Трувор играет не за нас, так что придется ответить. Я понимал, что воюю не из-за добычи, которую у нас отняли. Это Медвежонку обидно, а мне на деньги плевать. У меня их хватает. Да и побратим мой тоже не из бедных.

А вот факт того, что нас кинули, я прощать не намерен. И если Рюрик захочет от нас еще что-нибудь откусить, например отобрать наш драккар, я ему устрою такую партизанскую войну, что через месяц он будет рад всей взятой на Водимире добычей откупиться.

«И вообще, какого хрена он тут делает, Хрёрек-датчанин? – вдруг подумалось мне. – Раз ты кровный датский конунг, так и двигай к себе в Хедебю, под крылышко конунга всех данов. А я здесь – по праву. Это, можно сказать, земля моих предков. И бежать отсюда я не собираюсь!»

Умом я понимал, что пришедшие в мою озабоченную голову «патриотические» мысли – сомнительной достоверности. Но мне они нравились. Соответствовали моему душевному состоянию. И Зарю, кстати, я тоже не отдам. Девушка меня любит. А что папа ее – нет, так это его проблемы. Пусть пойдет и полюбитсЯ со своим любимым князем!

Я хохотнул, очень удивив впавших в печаль брата с сестрой.

– Ничего! – заявил я бодро. – Боги правду видят. Глядишь, образумится ваш батя.

– Ты говоришь так, будто уверен в своей победе, – произнес Вильд, изучая меня специфическим взглядом прирожденного бойца.

– Так и есть! – безмятежно заверил я.

И далась мне эта уверенность совсем легко. То есть я понимал: если мой Волк не придет, то против Трувора я и пары минут не выстою. Но он придет. Как там сказал Бури? Танец пятого стража фаньсуй? Ничо! Нормально станцуем. Откроем, что требуется! Никому мало не покажется!

Я поцеловал Зарёнку, хлопнул по плечу Вильда и махнул рукой: мол, двигайте! У хёвдинга Ульфа еще до хрена дел. Например, постараться не убить до смерти вашего папу. Но это – во-вторых. А во-первых...

Глава 5. Трувор Жнец – воин Перуна

– Тебе так хочется меня убить?

Кажется, вчера я уже задавал ему этот вопрос. Или он – мне?

Ну да, сегодня расклад другой. Нас – меньше. Варягов аж десятка два. Причем все – незнакомые. То есть знакомые, но исключительно внешне. Из тех, с кем я когда-то ходил в вики, – никого. Ни Ольбарда, ни Рулафа, ни Харры, ни остальных. Понятно, почему нет Зари. Ей отец и запретить мог, но почему нет Вильда? Как-то не верится, что всем им по барабану, чем закончится наш поединок.

Хотелось бы знать, почему их нет. И почему Трувор появился так поздно. Брат с сестрой были у меня с утра, а сейчас уже часа четыре пополудни.

На моем дворе сразу стало тесно, хотя половина варягов осталась снаружи, за символической чертой недостроенного забора.

Зато есть еще кое-кто, помимо варягов. Протиснулись через толпу. Вернее, прошли, потому что таким головорезам дорогу уступают даже варяги.

Даны Ульфхам Треска и Оспак Парус. Нурманы, как их здесь называют. И они, похоже, сами по себе. Поздоровались с нами вполне дружелюбно и встали отдельно от варягов.

– Ну, с чем пожаловал, Трувор Жнец? – осведомился я добродушно. – Неужто извиниться?

Это я ловко его поддел. Он и так был на взводе, а теперь и вовсе осерчал.

– Я убью тебя, Волк, – заявил Трувор с холодной яростью. – Ты встал между мной и моей кровью. За это – только смерть.

Так... Какая странная претензия! Ну да не важно. Главное – намерение он обозначил. Что ж Трувор такой злой сегодня? Не похоже на него, вообще-то. Но это и к лучшему. Позлим его еще немного. Глядишь, вконец рассвирепеет и скажет что-то совсем неуместное. Или сделает.

Я ухмыльнулся попаскуднее и проворчал по-нурмански:

– Вернее было бы сказать, я в мощну тебе залез! Мы все знаем: для тебя родная кровь – товар на продажу!

Ответил я именно на языке викингов, чтоб было понятно всем моим людям и данам Рюрика – тоже. Ну и заодно свою социальную принадлежность обозначил лишний раз. Чтоб всем, кто понимает,

напомнить: я – Ульф Хвити с Сёлуна. Пусть мой остров отсюда далеко, но драккары данов ходят на-амного дальше.

– Твой змеиный язык... – начал Трувор, но я перебил:

– Ты вроде сказал, что собираешься меня убить? Если это значит: заболтать до смерти, то я уже сдался! – Я продемонстрировал открытые ладони. – Думаю, тебе стоит выбрать для такого поединка женщину. Тут я тебе не соперник.

Кто-то из моих засмеялся. Кажется, Скиди. Но сразу умолк, потому что Трувор выхватил меч.

– Я убью тебя вот этим! – пообещал он. – Раньше, чем солнце коснется деревьев!

– Во-от! – одобрительно произнес я, меча, впрочем, не касаясь. – Слова воина, а не торговца. Еще немного – и я поверю, что передо мной прежний Трувор. Тот, которому я верил и за которого был готов умереть. Мы будем сражаться здесь или пойдём на перекресток, по вашему обычаю?

– На перекресток! – рыкнул Трувор, развернулся и вышел, сопровождаемый варягами.

А вот Ульфхам Треска задержался:

– Конунг просил передать: если тебя не прикончит Трувор, он сделает это сам.

Я фыркнул:

– Треска, ты сам-то понял, что сказал? Твой князь надеется сам выиграть хольмганг, проигранный Трувором? Вызвать-то он, может, и вызовет, а вот драться... Он и в прежние-то времена не рвался в круг выходить. Все больше других выставлял. Вам ли не знать.

Даны промолчали. Вспомнили, небось, как я за Хрёрека с громилой Торсоном сошелся.

Из дома появился Вихорек. С моими доспехами и оружием.

– Я не знаю, что имел в виду мой конунг, – наконец произнес Ульфхам. – Но я знаю, что он очень зол на тебя.

– Вот как? – Я надел подкольчужник. – Он украл нашу добычу и чем-то недоволен? Или ему показалась недостаточной взятая нами Водиминова казна? Ну так это претензия не ко мне, а к Водимиру. Пусть найдет его и потребует объяснить, почему тот слишком много тратил на своих хирдманов, вместо того чтобы копить в сундуках. – Я встряхнулся, чтоб кольчуга легла ровно, застегнул тяжелый широкий пояс, перекинул плечевой ремень. Вихорек подал мне саблю, которую я прицепил справа.

– Хрёрек зол, потому что от него ушел Ольбард вместе с половиной варягов! – сказал Треска. – Говорят, это твоя вина!

Ольбрад ушел! Вот это новость так новость! Объясняет, почему Трувор появился так поздно. У них там, надо полагать, неслабая разборка случилась. С подачи Вильда. Вернее, с моей. Молодняк наверняка завелся. Я на это и рассчитывал. Но Ольбард... Ему-то с какого перепуга отделяться? Не верю, что он купился на мою «картину мира». И тем не менее пошел в раскол. Неужто за меня обиделся? Тоже не верится. Ольбард Синеус – муж тертый и ума неслабого. То, что Ольбард справедлив, я знаю наверняка. Но с Трувором они – друзья настоящие и родня вдобавок. А я так... бывший сопалубник. Быть же на стороне своих – это и есть высшая справедливость. Кому, как не мне, знать.

– А в том, что Сигурд Рагнарсон его копьем продырявил, случайно не я виноват? – поинтересовался я саркастически. – Думаю, не простое это было копье, а волшебное. Потому что как иначе объяснить, что Хрёрек, которого я знал, из славного конунга превратился в князя Рюрика, которому деньги дороже верных людей? Что скажешь, Ульфхам?

– Тебя это не касается!

– Еще как касается! – возмутился я. – Я-то пришел к Хрёреку! К Хрёреку, которого я знал. Он честно распоряжался тем, за что заплачено железом. Шел к Хрёреку-конунгу, а нашел князя Рюрика, который гребет все под себя. Думаю, надеется заменить верных теми, кого можно купить. Очень предусмотрительно, потому что верных у такого вождя скоро не останется.

– Говори, что хочешь, Ульф-хёвдинг, но мы преданы своему конунгу! – проворчал Ульфхам. И Оспак его поддержал.

Однако я видел, что зерно сомнения я заронил и в их души. Это удачно получилось. Закладка на будущее. Если, конечно, оно у меня есть. Когда впереди драка с Трувором Жнецом, гарантию будущего ни одна страховая компания не выдаст.

– Я тоже был ему верен, – я согнал улыбку с лица, изобразил если не печальку, то как минимум разочарование. – Был верен – и что же? Все видели, как Рюрик обошелся с нами вчера. Ты считаешь это справедливым, Треска? А ты, Парус?

Даны не ответили.

– Нет моей вины в том, что не только у меня есть глаза, – заявил я. – Вы знаете Ольбарда. Он был нашим кормчим, а это значит: мы все считали его человеком справедливым и мудрым. И Хрёрек тоже так считал. Когда-то. Что же вы удивляетесь, что Ольбард ушел? Он увидел, как обошелся со мной Рюрик, и решил, что рано или поздно окажется на нашем месте. Потому и ушел.

Я затянул ремешок шлема, покрутил головой, подвигал плечами, проверяя, как лежит броня, и продолжил:

– Большая глупость – грабить тех, кто сражается и побеждает для тебя. Можешь передать князю: я не говорил с Ольбардом. Но я его понимаю и присоединяюсь к его решению. Если Рюрик считает, что я ему больше не нужен, мы уйдем домой, на Сёлунд. И отдадим свои мечи настоящему конунгу.

– Рагнару? – оживился Парус.

– Ивару Рагнарсону. Ивар помог мне, когда случилась беда. И не поскупился, хотя мог бы оставить себе даже мою долю от похода на англов. Но вместо этого он дал мне драккар и хирд Мурхи Рыжего Лиса, чтобы я смог вернуть жену и отомстить. Хирд, Ульфхам! Человеку, который тогда был не способен сам выйти за дверь, чтобы отлить.

– Я знаю, – кивнул Ульфхам. – Я слышал драпу о Волке и Медведе. Ивар – человек чести, и я тебя понимаю. Но если мой конунг хочет тебя убить, я это сделаю, потому что если Сигурд узнает...

– Я обещал, – напомнил я. – И я – тоже человек чести.

– Но твои хирдманы не обещали ничего, – сказал Ульфхам. – Если Сигурд узнает...

– ...Тогда вы меня убьете! – усмехнулся я. – Что ж... *Если* вы меня убьете, то я с удовольствием погляжу сверху, из Асгарда, как Рагнарсон отомстит Рюрику за мою смерть, – подхватил я.

– Если Трувор не убьет тебя сегодня, – ухмыльнулся Ульфхам и похлопал меня по спине. – Я помню, как ты пришел к нам, Черноголовый. Кто бы тогда мог подумать, что ты вот так сойдешься со Жнецом и к фразе «он тебя убьет» мне придется добавить слово «если».

Ульфхам назвал меня старым прозвищем. Так меня звали, когда мы с ним стояли в одном строю. Так он выразил мне свою симпатию. Ну да. Он мне тоже нравится. Что не помешает ему меня убить, если Рюрик прикажет.

– Спасибо, что напомнил! – Я дружески ткнул Ульфхама кулаком в живот. – Мне стоит поторопиться, не то Трувор решит, что я трусил! – Я засмеялся, и Ульфхам с Оспаком тоже захохотали.

Это приятно, когда такие, как они, верят в твою храбрость. Но себя не обманешь. Я лишь делал вид, что мне не страшно.

Трувор Жнец входил в список воинов, с которыми у меня не было ни малейшего желания сойтись в поединке. Возглавляли этот список, понятно, Рагнарсоны, однако Трувор тоже был в топе.

Ну, мой Волк, надеюсь, на этот раз ты будешь рядом со мной. Иначе –

никаких шансов. И что особенно скверно: это будет смерть не только моя, но и всего моего хирда. Рюрик не отпустит никого.

Мы двинулись к воротам, но там я немного задержался.

– Брат, – сказал я Медвежонку. – Если меня убьют, не мсти. Забирай всех и сразу уходите. И не вниз, к Ладоге, а вверх. Тогда, может быть, драккары Рюрика не успеют вас перехватить.

– Если тебя убьют, братец, мы уж как-нибудь разберемся, что дальше, – пробасил Свартхёвди. – А пока тебе придется очень постараться, чтобы этого не случилось. Трувор – достойный противник. Пожалуй, даже я с ним не управлюсь. Разве что Палица...

– Даже и не думайте! – прошипел я. – Никакой мести! Сразу бегите!

– Пустое говоришь, братец! – ухмыльнулся Свартхёвди. – Не думай ни о чем, кроме хольмганга! Думаю, ты уцелеешь, ведь боги тебя любят. Иначе еще три года назад Сторкад Бородатая Секира разделал бы тебя на много сочных кусков волчатины!

Я мог бы ответить побратиму, что боги тут ни при чем, но не стал. И не только из конспирации. Когда в тебя верят, это тоже часть твоей удачи. А удача мне сегодня понадобится как никогда!

Перекресток. Хорошее такое место. На пригорке над Волховом. Знакомое место. Именно здесь мой хирдман Бури зарубил мстительного варяга по имени Расмус. Тогда поглазеть на шоу собралось больше тысячи человек. Сегодня – существенно меньше, хотя наш с Трувором поединок наверняка будет не хуже. Надо полагать, после недавних событий зевак в Ладоге поубавилось. Или сарафанное радио не подключилось в полном объеме. Слишком мало времени прошло с момента вызова.

Трувор меня ждал. И варяги. И небольшая толпа зрителей, которая разошлась, пропуская нас к «арене».

– Щиты без замены! – крикнул мой секундант Медвежонок и захохотал, поскольку видел, что ни я, ни Трувор щитами пользоваться не собирались.

О! А это еще что за братва?

Распихивая толпу, в центр пропихнулся боярин Бобр с десятком Гостомысловых дружинников.

И немедленно провозгласил:

– Князь Гостомysl запрещает поединок!

Народ заворчал. Как же так? Кина не будет?

Я ухмыльнулся, поглядел на Трувора: что скажет?

– Твой князь мне не указ, – уронил лидер варягов. – Пошел прочь.

Бобр побагровел. Трувору не следовало говорить ему такое. Не следовало, но тут Бобр сам виноват. Надо быть тактичнее, когда разговариваешь с главной военной силой Ладоги.

Я мог бы посочувствовать оскорбленному боярину. Бобр, в принципе, мужик правильный. Но учитывая, что долька отнятого у нас упала и ему в закрома...

Нет, не буду я ему сочувствовать.

Кроме того, я понимаю, что этот плевок Трувора предназначался мне, а Бобр так... Подвернулся в неподходящий момент. Ничего, утрется боярин. Но запомнит наверняка. Такое не прощают.

А вот мне с Бобром ссориться ни к чему, так что я лишь пожал плечами:

– Не гневайся на него, боярин. Котел кипит, крышка звенит. И меня извини. Не я его вызвал, он меня. И не стану я отступать, потому что правда моя, а не его. Да он и сам это знает, – я ухмыльнулся. – Потому и булькает.

– Ты биться пришел или скоморошествовать? – нетерпеливо рявкнул Трувор.

– Я пришел на хольмганг! – заявил я. – Что ты суетишься, Жнец? Куда тебе спешить? Таких воев, как ты, боги принимают без очереди! Свартхёвди Сваресон, говори!

Медвежонок шагнул вперед.

– Поединок чистый! – проревел он по-нурмански. – Без замены оружия! Окончание его – невозможность одному из воинов продолжать бой!

Все в точности как я ему сказал по дороге.

Трувор медлил с ответом. Я ожидал, что он может запротестовать и потребовать боя до смерти. Он был вызывающей стороной и имел на это право.

Нет, не стал. Вероятно, решил, что сумеет меня прикончить в любом варианте. А может, тоже решил дать мне шанс выжить. В конце концов, он довольно долго был моим наставником, а это просто так со счетов не сбросишь. И на насмешки мои недавние он вряд ли обиделся. В сравнении с тем, как поносят друг друга перед поединком славные скандинавские парни... Так что я его вроде даже похвалил. Отметил выдающиеся воинские качества.

Короткий кивок и шелест покидающих ножны мечей.

Толпа резко подалась в стороны, освобождая место. Никому не хотелось угодить под случайный удар.

Я тоже извлек клинок из ножен. Пока только Вдоводел. Встал в позицию. Сделал пару движений, словно держал в руке шест, а не меч, глянул в небо... Ну где там мои малые врата?

Врат я не увидел, зато ощутил знакомую дивную легкость и радость, пузырящуюся в груди, как шампанское в новогоднем бокале. И ничуть не удивился, когда, опустив взгляд, увидел Волка.

Я засмеялся от счастья. Трувор Жнец с его поднятыми в готовности к атаке мечами показался мне таким забавным. Неужели он думает, что сможет перетанцевать нас?

Однако я не спешил. Волк уселся на траву, глядел на меня снизу. Он улыбался, высунув язык...

А вот Трувор, похоже, немного растерян. Блин! Да он же никогда нас не видел вот так, напротив себя. Мы немало сражались вместе, и у него была возможность поглядеть, как мы бьемся на пару с моим великолепным зверем. Мог... Но, скорее всего, не обратил внимания. Потому что сам в это время был очень занят умерщвлением наших общих врагов.

«Что ж, Трувор Жнец, похоже, я сумею тебя удивить», – подумал я, неторопливо извлекая из ножен саблю. Потанцуем?

Вот черт! Да, я его удивил. Но и он меня – тоже. Мечи в его руках взлетели, опали и снова взлетели, окутывая его таким знакомым сиянием. Не может быть, он же не берсерк и не ульфхеднар!

– Перун! – пронзительно выкрикнул варяг и устремился на меня. А я, ликуя, помчал ему навстречу, потому что уже знал: сейчас придет счастье! Потому что есть лишь одна радость, превышающая радость от моего танца. Это когда танцуешь его вдвоем с достойным!

Мы сошлись раньше, чем толпа успела взреветь. И сплели наш общий дивный узор из поющей стали. Наши клинки гудели, как корабельные ванты в шторм. А когда иногда они соприкасались, звон их разлетался, как морская пена, сорванная шквалом.

Это было весело и ничуть не страшно, потому что я был уверен, что металл не может коснуться меня, потому что я видел весь рисунок боя целиком, и мне было совсем нетрудно находиться внутри. Однако я знал и то, что мой партнер так же неуязвим, как и я. Только он этому почему-то не радуется. Он хочет, чтобы алые брызги взлетели ввысь, к небесам. Он думает, что сегодня именно такой танец будет правильным.

Меня это веселит. Пусть думает, что это он ведет наш танец. Когда он прозреет и поймет, что мы оба – листья, которые кружит ветер, это и будет победа...

Но не получилось.

Мой волк обиженно взвизнул. Он хотел продолжать. Я тоже хотел продолжать, но...

Все кончилось.

Трувор отступил.

Я опустил оружие.

Некоторое время мы так и стояли. Молча. Мир потускнел. Стал обычным. Волк ушел. «Врата» закрылись.

– Хорошо бился, – сказал варяг.

Выглядел он... Как бы это сформулировать... Озадаченно, что ли.

– Ты тоже, – ответил я.

Варяг хмыкнул... И убрал клинки в ножны.

Вот теперь кино действительно закончилось.

Я тоже убрал Вдоводел с саблей.

Ну да, было бы неплохо при всем честном народе превзойти Жнеца, но ничья – тоже неплохо. Как там у восточных классиков? Неуязвимость – в тебе самом, возможность победы – в противнике? И Трувор мне такой возможности не дал. Ну да не убил – и ладушки. Вопрос: что дальше?

И вопрос, надо отметить, не только у меня.

– Эй, Жнец! Ты что делаешь? Так нельзя! Это ж хольмганг!

Оспак. Неужели его так огорчило, что никто не умер?

– И что с того? – буркнул Трувор по-нурмански. – Что не так, Парус?

– Так это... Сказано же: до невозможности продолжать бой. А вы...

– Я и не могу, – проворчал Трувор. – Устал. И в горле пересохло.

Я подумал: если предложит мне выпить с ним пива – соглашусь. Старый друг лучше новых двух. Посрались – и будет. Заря, опять-таки...

Не предложил. И будто мысли мои прочитал.

– О дочери моей забудь! – рыкнул Трувор, растолкал плечами своих и ушел к князьему терему.

Разочарованные зрители начали расходиться. Ну да, никто никого не убил. Какая досада.

Мои тоже двинулись к дому.

А мне преградил дорогу Ульфхам.

– Не забыл, что я тебе сказал?

– Да хоть сейчас! – мгновенно отреагировал я, берясь за рукоять Вдоводела и задирая подбородок, чтобы глядеть Ульфхаму в глаза. Здоровенный он вымахал, Треска. Метр девяносто, не меньше.

– Я тебе не враг, сын Вогена! – не принял вызова главный телохранитель Рюрика. – Будь моя воля, вчера ты был бы первым при разделе добычи.

– Но воля – не твоя, – произнес я с намеком. Треска понял правильно.

– Я нужен конунгу, – сказал он. – И я ему верен.

Ну да, Треску Рюрик не кидал. А меня не кидал Треска.

– Без обид, друг, – я похлопал дана по обтянутому льняным рукавом предплечью. – Спасибо, что напомнил.

– Ты меня слышал, – сказал Ульфхам без улыбки. – Так что и ты не держи на меня зла, если...

Он не договорил, но и так понятно. «Я верен своему конунгу». А конунг считает, что здесь, в Мидгарде, мне больше не место.

По мне – так в свинячий анус такого конунга! Но – побережемся. Поединка с Треской я не боюсь. Но, боюсь, поединка и не будет. Есть множество других способов прикончить такого, как я. И Ульфхам в таких делах эксперт.

Надо из Ладogi валить. Причем не откладывая. Вызовов больше не будет. Придут большим коллективом и размажут нас по стеночкам. И скоро. Следовательно, бежать надо быстро. Лучше – этой ночью. И еще: совсем не хочется, чтобы нажитое здесь, в Ладогe, имущество заграбастал Рюрик. Значит... Значит, надо поговорить с другой командой. И я даже знаю с кем.

Глава 6. Хитрый план побега

– Уж прости, боярин, что не подчинился, но сам понимаешь: маловато нас, чтобы с варягами бодаться. Если бы я отказался, то ты со своим десятком вряд ли сумел бы нас защитить.

Бобр мрачно кивнул. А поскольку был не дурак, то сразу спросил:

– Чего хочешь? К нам?

– Не могу, – отказался я. – У нас же ряд с Рюриком. Уйти могу – он даже, наверное, рад будет, что серебром нам платить за службу не придется. А если мы к вам перейдем, то всем хуже будет. С варягами у меня теперь дружбы нет, а у вас и не было. Вчера мы с Трувором без крови разошлись, но это потому, что я постарался. Он-то меня убить хотел.

– А ты почему его пожалел? – недоверчиво поинтересовался Бобр.

– С дочерью его у нас... В общем, я ее второй женой взять хотел. Трувор был не против. До вчерашнего. Вот я его и пощадил. Может, еще помиримся. А если бы убил, тогда... Сам понимаешь.

– А ты силен, – с уважением проговорил Бобр. – С Трувором на мечах разве что Ольбард совладеет. А ты... пожалел! – Бобр хмыкнул. – Жаль, не видел, как вы бились. Люди разное говорят.

Я не стал уточнять, что говорят люди.

– Дело у меня такое, боярин. Князь твой Гостомysl землю мне пожаловал в Ладого. Я на ней отстроился хорошо. Жить здесь собирался... Может, еще и буду. Но опасаясь: уйду я домой – Рюрик ее сразу себе заберет. Или он, или варяги.

– Это возможно, – солидно кивнул Бобр. – Варяги нынче все под себя гребут.

– Вот и я о том же. Однако землю эту мне все же не Рюрик пожаловал, а Гостомysl. Не по правде будет, если Рюрик ее захапает. Попроси своего князя, чтоб оградил свое пожалование. Рюрик против тестя не пойдет... Пока, – добавил я многозначительно. – Походатайствуй, боярин.

– За самим домом есть кому присмотреть? – поинтересовался Бобр.

– Холоп мой в Ладого живет. Кузнец. Он и присмотрит.

Признаться, я в деле «приглядеть» больше рассчитывал не на своего рядного холопа Квашака, а на его сестру Быську. Ух и шустрая девка оказалась. Особенно по торговой части. Я ее активности не стеснял, хотя она тоже в моей челяди числилась, поскольку принадлежала к семье брата.

Пусть порезвится. Во всех смыслах. Был у Быськи недостаток: на передок слаба. Однако в иных деловых переговорах это свойство частенько оборачивалось достоинством. По местным меркам Быська считалась отменной красоткой.

К поставленной задаче Быська отнеслась с пониманием, хотя и забеспокоилась. Мое присутствие в Ладоге отчасти гарантировало им с братом безопасность. Отчасти потому что во время недавнего набега водимировцев они оказались так же беззащитны, как и остальные мирные жители.

Впрочем, они во время набега практически не пострадали. Жил Квашак на отшибе: кузнецов в соседях никто не хочет. Хуже только кожевники. Так что они успели отреагировать правильно – сбежали. Причем даже инструменты и остатки готовой продукции сумели частью припрятать, частью прихватить с собой.

Предупредив Быську о том, что о нашем скором отбытии следует помалкивать, я вернулся домой и собрал свою маленькую, но могучую армию.

Против ухода никто не возражал. Все уже были в курсе «предупреждения» Ульфхама Трески. И то, что уходить вниз по Волхову, к Ладожскому озеру, которое здешние словене именовали озером Нево, а наши скандинавы называли Альдогой за сходство с морем, уходить туда, на север, было бы опрометчиво, мои парни тоже понимали. Но и южное направление многим казалось не слишком удачным. Потому что друзей у нас там не было. Ни в старом городе, который сменил военного вождя и сейчас оказался под протекторатом Рюрика. Ни дальше к югу. Хотя там, на юге, у нас и недругов не имелось. Более того, скандинавские корабли были там привычны и даже желанны, поскольку неплохо платили за волоки и постои. Медвежонок и Стюрмир ходили на юг под водительством Хрёрека-ярла, тогда еще не обратившегося в князя Рюрика. Доходили до Киева, о котором отзывались вполне позитивно. Собирались идти и дальше, к византийцам, но передумали. Неплохим источником информации мог бы стать Бури, но он предпочитал молчать.

Мои же друзья-скандинавы склонялись к тому, что далеко на юг уходить не следует. Подняться по Волхову до Ильменя, затихариться где-нибудь на пару недель, а потом рвануть в обратном направлении, проскочить Ладогу, с боем, если придется. Вряд ли сторожа на волоке сумеет нас задержать.

Но то были планы отдаленные. В первую очередь надо было понять, как мы будем действовать прямо сейчас.

Существенное предложение внес Хавгрим Палица. Он заявил, что уходить надо не в предрассветных сумерках, как полагал я, а существенно раньше. Мол, если бы он был на месте Рюрика и хотел застать нас врасплох, да еще полагал, что мы собираемся удрать, то напал бы именно в это время. Тем более что ночи нынче короткие и легче всего взять противника, когда он находится в состоянии торопливых приготовлений вроде перетаскивания имущества на корабль. Тут с ним не согласились Тьёдар и Гуннар, утверждавшие, что проще всего нападать на врага, когда тот спит. Дав всем вволю подискутировать, я принял предложение Хавгрима. Но внес дополнения.

Я, Вихорек и Бури на драккаре пересекаем Волхов и высаживаемся на противоположный берег с половиной наших лошадей, после чего драккар возвращается обратно. Делаем мы это совершенно открыто, чтобы все видели: мы остались на том берегу. Пусть Рюрик поломаёт голову. Вдруг решит, что я решил уйти малым отрядом по суше?

Вернувшись в Ладогу, наши начинают готовить «Северного Змея» к дальнему плаванию.

Но не все. Медвежонок со Скиди, тоже верхами, с вьючными коняшками, якобы загруженными под планку, а на самом деле – с туго набитыми соломой и крепко завязанными кожаными мешками, уходят вниз по течению уже по нашему берегу. Такой вот намек «догадливым» людям на то, в каком именно направлении я намерен двигаться.

Ну, а наша тройка на том берегу тоже времени зря не теряет. У нас там аж три схоронки с добычей. Мы их раскопаем и загрузим на лошадок.

Хочется надеяться, что Рюрик купится на финт и пошлет за Медвежонком людей, полагая, что тот выведет погоню и на меня тоже.

Ну и свисток им прямо в... зубы. Свартхёвди с заводными лошадками поскачут быстро-быстро, а ниже по течению еще и переправятся на другой берег. Искать их после этого – нудное и долгоиграющее развлечение. Но даже в том гипотетическом случае, при котором Свартхёвди не сумеет от следопытов оторваться, тоже ничего страшного нет. Не думаю, что Рюрик отрядит для такого дела, как банальная слежка, серьезных бойцов. У них ведь какая задача? Выследить. А потом дать знать командованию, куда мы намылились. И тогда к месту действия подтянутся основные силы. Уже водным путем. Хороший драккар гарантированно обгоняет всадника. А уж по реке да вниз по течению...

В общем, если Свартхёвди не удастся сбросить с хвоста возможную

погоню, они со Скиди просто убьют неудачников. А дальше – как договорено.

Итак, пятеро из нас – в бегах, а вот оставшиеся сидят на попе ровно. Ну почти ровно. Потому что закупают кучу снеди, пива побольше и устраивают имитацию пьяного пира.

Мол, начальство свалило, можно и покуролесить.

И куролесят до темноты. А когда стемнеет, скрытно загружаются на корабль и так же скрытно, но тем не менее дав себя заметить, уходят вниз по Волхову.

Но недалеко. Лишь для того, чтобы принять на борт Медвежонка со Скиди. А после этого разворачиваются и чешут уже вверх по реке. И на этот раз делают все, чтобы их не заметили. Затем, часика через два, в заранее оговоренном месте они принимают на борт меня с Вихорьком и Бури.

Такая вот непростая схема.

Возможно, слишком непростая, но я хотел, чтобы мозг у Рюрика загрузился как следует. И чтобы все данные были только о том, что мы отбыли в направлении дома.

А если еще и Бобр поделится неофициальной информацией, то Рюрик в этой мысли укрепитя дополнительно. И уже наверняка прохлопает единственно правильное решение.

Глава 7. Нежданчик

– Идет, – вполголоса сообщил Вихорек.

Я всмотрелся в туманную дымку, плывущую над рекой. Да, что-то такое двигалось.

Бури выдвинулся вперед: лук поднят, стрела наложена на тетиву. Он осторожен, мой загадочный Бури.

Зашуршала листва: одна из лошадок переступила с ноги на ногу.

Темное пятно превратилось в угадываемый силуэт.

Ритмичный плеск. Корабль шел на веслах, мачты в гнезде не было.

Еще минута – и Бури опустил лук. Наши.

Знакомый скрип песка, который промяла защищающая дубовый киль накладка. Задранный к небу нос драккара навис над берегом.

– Вы здесь?

Это Медвежонок.

– Здесь, братишка, – сообщил я.

– Ну так поднимайтесь! – Выдвинутое до самого конца весло коснулось песка.

– Доску сбросьте! – потребовал я.

Бегать по веслу с поклажей мне не улыбалось.

Мое вполне уместное требование вызвало на борту совершенно неуместное веселье.

И спустить доску-трап тоже никто не потрудился. Вместо этого на песок спрыгнули Стюрмир и Медвежонок.

– Дай-ка! – Стюрмир взял у Бури двухпудовую сумку, набитую серебром, и без малейших усилий метнул вверх, через борт, где ее поймал Хавур.

Что тут скажешь? Только то, что хорошо быть здоровенным громилой.

У меня не было ни малейших сомнений, что с той же непринужденностью Стюрмир может забросить на драккар и своего хёвдинга. Меня то есть. Причем в полной боевой.

Пока Бури и Вихорек развьючивали и расседывали лошадок, а Медвежонок со Стюрмиром занимались легкой атлетикой с тяжелыми предметами, я воспользовался веслом и взбежал на палубу, где меня встретили остальные члены нашего маленького хирда...

И – одно явно постороннее лицо. Причем очарование этого восторженного личика почему-то совсем не привело в восторг меня.

– Заря! Ты что здесь делаешь?

– Я сбежала! – радостно сообщила мне непослушная дочь Трувора Жнеца.

Вот кто бы сомневался! Ну все. Теперь ее папа с нас точно не слезет. А учитывая, что за папой практически весь могучий варяжский клан...

– Зачем?! – простонал я.

– Хочу быть с тобой!

И тут женская интуиция наконец-то довела до хозяйки: я как-то слабо радуюсь появлению. Все. Нет восторга. Губки дрожат, чудные синие глазки распахнулись еще шире:

– Ты меня не любишь...

– Люблю, – буркнул я.

А что мне оставалось?

– Ах! – Полцентнера изумительной женской плоти повисли у меня на шее. Один поцелуй – и моя стальная решимость отправить девушку к родне превратилась в воск. Причем расплавленный.

– Я сложу об этом песню! – проворковал за моей спиной баритон Тьёдара. – Это будет лучшая драпа из тех, что я написал!

Неужели лучше, чем песнь о Волке и Медведе? Хорошо, что Медвежонок не слышит. Он бы озверел от ревности.

Хотя Тьёдар может. Тем более материал какой благодатный. Тут тебе и ссора с конунгом, и хольмганг с папой-Трувором, которого я, великий и ужасный, не стал добивать исключительно из-за великой любви к его прекрасной дочери.

А какой шедевр можно состряпать, воспевая гнев и горе оскорбленного папаши! И, наконец, какая выйдет кода, когда папаша пустится в погоню во главе могучего хирда родичей влюбленной беглянки, догонит беглецов, прикончит великодушного и страстно влюбленного похитителя (то есть меня), а затем вернет блудную дочь в лоно братской варяжской семьи. Слушатели обрыдаются! Если, конечно, сам сочинитель не угодит под горячую руку и не будет отправлен на уровень выше – попивать истинный мед поэзии, а не сдрытки Одина, стырившего котелок с поэтическим допингом у громилы Гуттунга^[5].

Я аккуратно отделил от себя Зарю, поставил девушку на палубу и улыбнулся. Если... хм, последствия неизбежны, то имеет смысл расслабиться и получать удовольствие.

– Как прошло? – спросил я у Хавгрима.

– Боги на нашей стороне, – пожал плечами берсерк.

Мол, что за глупые вопросы ты задаешь, хёвдинг?

На палубу забрались Бури с Вихорьком и «грузчики».

Лошадок отпустили. Тех коняшек, на которых закладывали ложные петли Медвежонок и Скиди, нам хватит для ближайших коммуникаций. Если бы мы взяли еще пятерых, на палубе стало бы тесновато.

– Куда теперь, брат? В старый город?

– Почти, – ответил я, решив, что сейчас самое время порадовать мою команду новыми перспективами. – Как думаешь, брат, нам не помешает немного золота?

– Сколько? – встрепнулся Медвежонок. Остальные тоже навестили уши.

– Пока не знаю точно... Но знаю одно местечко. Вроде местного монастыря.

– Откуда здесь монастырь? – удивился Медвежонок. – Здесь на сто переходов окрест единственный человек Христа – наш брат Бернар!

– Я сказал: вроде монастыря, – напомнил я. – Молятся там совсем другому богу. Но нам-то какая разница, если золото – такое же!

– Ты сам его видел? – деловито уточнил Свартхёвди.

– Так же ясно, как тебя сейчас. Даже получше, потому что это был ясный день и никакого тумана.

– А что за боги? – забеспокоился Скиди. – Они не отомстят? Христос-то добрый, всех прощает, а эти...

– С богами я разберусь, – заявил я самонадеянно, тут же удостоившись одобрительных ухмылок моих берсерков и, к моему некоторому удивлению, Бури.

От Зари я узнал кое-какие подробности варяжского «раскола».

Как я и надеялся, Вильд «донес» мои претензии к Трувору до адресатов. И задел вольный народ за живое, потому что память о гибели их молодежи была совсем свежа. До моей информационной диверсии варяги смотрели на ситуацию под совсем другим углом. А вот после...

Получается, что Рюрик (считай, Трувор) сознательно принес их в жертву. За компанию с хирдом Ульфа (меня то есть) – ради своих политических планов. В моей интерпретации – чтоб добычей не делиться. Ни со мной, ни с погибшей и выжившей молодежью. Последнее особенно задело за живое Харру, которому тоже выделили долю на общих основаниях. До моего информационного вброса ему и в голову не приходило рассматривать свою долю отдельно от общей варяжской. А вот теперь пришло. Причем Харра Стрекоза вырос и сформировался в хирде Хрёрека-конунга, то есть – дружине викингов. А там личная доля бойца –

это святое. И вот Рюрик эту долю прибрал! И собственный дядя Харры Трувор – с ним заодно! Ваше запаadlo, как сказали бы мои клиенты из прошлого-будущего. Родная кровь – это святое.

Просто так против Трувора Харра ни за что не пошел бы. Но моя интерпретация событий говорила однозначно: Трувор кинул своего первым!

И Харра поднял голос в защиту моей версии.

Вряд ли он сумел бы серьезно пошатнуть авторитет Трувора. Тот все-таки был существенно выше и по званию, и по авторитету. Тем более Трувор тут же парировал претензии племянника, заявив, что Рюрик все долги по финансам закрыл недвижимостью. То бишь выделенными под общеваряжское управление землями и данниками.

Ставить личное над общественным у правильных варяжских пацанов не принято, но тут неожиданно для всех, в том числе и для меня, на сторону Стрекозы встал лучший кореш Трувора Ольбард Синеус.

Надо отметить, что по авторитету, особенно среди бывалых варяжских вояк, Ольбард был ничуть не ниже Трувора. Вполне объяснимый факт: ведь в этой парочке именно Ольбард до последнего времени ходил первым, числился главным кормчим Хрёрекова хирда и получал на одну долю больше своего родича Трувора, который хоть и был четвероюродным братом Хрёрека, но по совокупности полезных для хирда качеств Ольбарду уступал. Однако здесь, дома, Трувор стал первым, а Ольбард – только вторым. И то, судя по словам Зари, не по праву крови, а «по праву свойства», как она выразилась. Уточнять, что это значит, я не стал. Сейчас эти детали не важны. Важнее, что после смерти варяжского князя Улеба главным становился Трувор. И земли, переданные Рюриком под варяжский протекторат, становились его землями.

О чем Ольбард и заявил со всей варяжской прямоотой. То есть выходило так, что Трувор превратил личную добычу молодежи (и нашу заодно) в свое будущее наследство. Нет, есть, конечно, вероятность, что Трувор помрет раньше Улеба. Ну, или его забаллотируют соклановцы во время ратификации. Потому что наследование наследованием, но варяжское общество обладает правом вето и может не принять наследника, если тот обществу не по нраву. Но это вероятности, так сказать, гипотетические, а пока Трувор – кандидат номер один и никто в порядке престолонаследия не сомневается, ведь Жнец – это Жнец. Круче всех.

Да, я буду князем, не стал отрицать очевидного и желаемого Трувор. Но я – только князь и не ставлю себя выше общества. Так что прибавленные земли принадлежат не лично мне, а всем варягам в целом.

Каждый достойный пацан имеет на них право.

Думаю, в этот момент Трувор решил, что переиграл своего кореша. Во всяком случае, после данного заявления оппозиция прикусила языки. Но ненадолго. Ольбард не зря был правой рукой Рюрика в бытность его ярлом и секонунгом. Ой не зря. И выпад Трувора он парировал блестяще.

«Что ж, – сказал он. – Такой подход меняет дело. Раз эти самые земли теперь собственность всех варягов, то лично он, Ольбард, хочет прямо сейчас вступить в управление частью данного имущества. И приглашает всех желающих отправиться вместе с ним, чтобы поставить в известность обитателей нововаряжских земель, что рулить ими отныне не Водимиру и не Рюрику, а славным варягам».

После этого Трувору сказать было нечего. В смысле, ничего существенного. Да Ольбард и не стал больше слушать. Тут же объявил о наборе сторонников, коим немедленно приказал грузить вещички на речные транспортники (на драккар покуситься не рискнул), и отбыл выстраивать вертикаль власти с собой во главе.

И с ним, что особенно обидно для Трувора, отправилась почти вся «старая гвардия», включая и его племянника Харру.

А что уже совсем обидно – к этой же партии присоединился и собственный сын Трувора.

К чести последнего надо отметить: давить на сына авторитетом Трувор Жнец не стал.

Равно как и пытаться силой удержать отколовшуюся честь дружины. Впрочем, с этим как раз было понятно: хрен бы у него что вышло. Так что пришлось вести себя достойно и без проволочек выделить уходящим подобающую долю «общака». Как это принято и у викингов, и у варягов.

Вот так вот! Раз – и сила варяжской поддержки Рюрика как минимум ополовинилась.

А поскольку обвинить в случившемся старого друга Ольбарда Трувор никак не мог, то крайним оказался я. Не скажу, что безосновательно. Однако простить меня Трувор теперь уже не мог. Время отеческого вразумления кончилось. Наступило время смертельной мести.

Но и тут обломилось.

А еще я узнал, что после ухода Ольбарда и нашего, закончившегося ничьей поединка Трувор был вызван на ковер к начальству, которое потребовало от него моей немедленной смерти. Моей и всего моего хирда. Как опасных свидетелей.

Трувор отказался. Заря сообщила мне это не без гордости за правильного папу. Боги сказали свое слово, заявил он Рюрику. Значит, быть

посему.

И ушел. Умыл, так сказать руки. Нисколько не сомневаюсь, что Рюрик от решения о нашей ликвидации не отказался. С варягами или без он постарается нас закопать. Несмотря на озвученную Трувором волю богов.

Интересно, узнай Жнец, что его доченька решила выскользнуть из-под отчего крыла, был бы он так богобоязненен?

К общему, слово – это могучая сила, в чем я не раз убеждался. Равно как и в том, что черный пиар работает точно не хуже белого.

Однако Рюрик теперь мой враг. И Трувор тоже. А вот с друзьями на здешней земле у нас плоховато. Я даже не уверен, что буду дружески принят тем же Ольбардом. Потому что это мне Трувор с Рюриком – враги. Ольбард-то с ними не ссорился.

– Ты такой добрый, мой Волчик, такой заботливый...

Не понял. Я же не сделал ровно ничего. Ну совсем ничего. Уложил рядом, накрыл плащом, погладил по спинке... И все. У меня была трудная ночь. И день до того – тоже нелегкий. И предыдущая ночь...

В общем, для любовных игр я был не в лучшей форме.

К тому же, обдумав мое положение в целом и наши с Зарёнкой отношения – в частности, я понимал, что из-за ссоры с варягами оказался не в лучшей ситуации. А побег Зари ко мне еще больше все осложнил. Потому что везти Зарю на Сёлунд не кажется мне правильной идеей. Да, здешнее брачное законодательство разрешает и даже поощряет многоженство. Да, Заря объявила, что согласна на роль второй, подчиненной жены. Но это потому что она – совсем молоденькая и очень романтическая девушка. Моя жена для нее – легендарная воительница из «Саги о Медведе и Волке» и прочих творениях Тьёдара Певца, чтоб ему... Но реальная Гудрун от той, поэтической здорово отличается. И, столкнувшись с той, реальной, не пересмотрит ли дочь Трувора Жнеца свое решение? Не разыграет ли в ней благородная княжеская кровь и несвойственная здешним женщинам дерзость? И не пошлет ли она главенство Гудрун так же, как только что – папашино? Сотворить такое в здешнем обществе, где власть отца – абсолютна? Ну, допустим, она так поступила, потому что меня любит. Безмерно и беззаветно. Как и положено юной девушке. Но что будет с этой любовью, когда она поймет, что Гудрун мне дороже? Ну и я сам совершенно не приспособлен для роли многоженца. Достаточно вспомнить ситуацию, когда мне чуть было не пришлось выбирать между Гудрун и ее красавицей-матерью. Да я тогда едва с ума не сошел... И огромное спасибо мудрой женщине Рунгерд, что

она сама разрулила проблему.

Я знал, что только она... А Заря...

Она очень хорошая. Я даже ее люблю, наверное. Здесь. А там, дома, мне нужна будет только Гудрун. И там милая и дерзкая варяжская девочка сразу отойдет для меня на второй план. Во всех смыслах. Очень сильно сомневаюсь, что дочь Трувора примирится с таким положением. Мало того что вторая, мало того что вокруг все чужие, так еще и единственный любимый я, ради которого она пошла против самого дорогого и важного в этом мире, против отца, против Рода...

В общем, у нее не останется ничего. И будет ей очень-очень плохо. А когда такой, как Заря, очень плохо, то она не станет сидеть в уголке и печалиться. Она будет драться. До смерти.

В общем, если я привезу ее на Сёлунд, то предам всех, кто мне дорог. В том числе и Зарёнку.

Блин! Если бы я мог заранее просчитать все последствия своего бунта против Рюрика, то...

Но я их не просчитал. И это уже в прошлом.

А в настоящем надо думать, как разрулить ситуацию. Но – позже. А сейчас просто радоваться жизни, которую у меня пока что не отняли.

Плеск, поскрипывание, шорох воды под днищем, ровное скольжение по речной воде, запах тины. Треньканье струн, невнятный напев... Тьёдар сочиняет очередную героическую сагу.

– Ты такой ласковый. Я буду тебе хорошей женой. Умру за тебя!

Ну вот, всю жизнь только о том и мечтал, чтобы моя возлюбленная за меня умерла.

– Живой ты мне нравишься больше, – я легонько поцеловал Зарёнку в уголок рта. – Спи, моя хорошая.

Классная все-таки штука – жизнь. Моя жизнь. Моя здешняя жизнь. Никому ее не отдам. Никому.

Мой Волк жаркодохнул в ухо, пихнул влажным носом... Поиграем?

«А как же! Еще как поиграем!» – ответил я, проваливаясь в сон. Ух и...

Глава 8. Недобрые сны

Я летел вверх тормашками, бестолково дрыгая конечностями... Шмяк! Брызги грязи во все стороны. Воздух выбило из легких, но я все равно ухитрился, сгруппировавшись, перевернуться через голову и вскочить на ноги...

И толчок пониже спины швырнул меня вперед с такой силой, что позвоночник взорвался болью.

Бог ты мой! Обезьяна! Ухватила меня грязной лапищей за бороду, пригнула вниз с медвежьей силой. Ну и рожа! Маленькие злые зенки в глубоких провалах глазниц, широченный мясистый нос, нависающий над выдвинутыми вперед челюстями. Пучки рыжих волос на массивном скошенном подбородке. Вырваться даже не пытаюсь. Силища – как у гориллы. Не удивительно – с такими-то плечищами и ручищами. Пальцы-крючья разжались...

И я опять лечу и плюхаюсь в лужу, на сей раз ухитрившись перевернуться в воздухе и упасть на руки. Что, впрочем, не спасает меня от очередной порции грязи, плеснувшей в физиономию.

Первое, что вижу, проморгавшись, – пару кривых толстых ног, покрытых грязюкой до самых колен, и край замызганной когда-то светлой шкуры. Похоже, волчьей.

Последняя мысль мне настолько не нравится, что я стартую из своей лужи, аки бегун на стометровке, и врезаюсь головой... В общем, удачно врезаюсь, потому что лапы кривоногого вцепляются не в меня, а в пострадавшие бубенцы. Я вырываюсь на оперативный простор и только теперь понимаю, что мною, оказывается, только что играли в веселую игру, называемую «найди пятый угол», шестеро обезьяноподобных уродов.

«Бежать!» – приходит паническая мысль. Хотя мой организм и без всяких мыслей знает, что делать. Потому что я уже бегу, причем не прямо, а хитрым зигзагом.

И не зря. В дерево справа и впереди с хрустом втыкается томагавк. Ну или что-то типа томагавка. Узкая каменюка с дыркой, в которую вставлена короткая палка, примотанная для надежности ремнем.

Не раздумывая, я вцепляюсь с деревяху сразу двумя руками (потому что знаю, что одной не вытащить), дергаю изо всех сил и становлюсь обладателем ОРУЖИЯ. Мой ум осознает, насколько оно убого, но организму так не кажется. Он – ликует.

Я разворачиваюсь к «обезьянам», грозно взмахиваю уродливой каменной тяпкой... И выскользнувший из кустов Волк (живой!) толкает меня плечом и стремительной тенью скользит между деревьями. Намек понят. Бой принимать не будем. Я показываю нехорошим парням спину и мчусь следом, уже зная: они не станут за мной гнаться. Не потому, что я бегаю быстрее (а это так), а потому что они уже получили что хотели.

От этой только что пришедшей мысли я сразу останавливаюсь. Мои подошвы скользят по мокрой хвое, язык во рту сворачивается хитрым образом... Негромкий свист – и мой Волк возвращается. Садится напротив, вываливает язык, глядит укоризненно.

Но я не могу бежать. Один – не могу. Мне надо вернуть то, что у меня забрали. И я ее верну! Порву всех чудовищ! Разобью их толстые черепа, сожру их мозг и печень!

Хриплый рык вырывается из моей груди.

Волк глядит осуждающе. Но меня он не бросит. Хотя помощи от него ждать не стоит. Он храбрый, мой Волк. Не боится ни медведей, ни зубров. Но *эти* – намного опаснее. Потому что они убивают всех: и медведей, и зубров, и огромных, как поросшие черным мхом валуны, волосатых носорогов. Они ломают их кости дубинами, пробивают черепа томагавками, похожими на тот, что сейчас у меня в руке, насаживают на обожженные на огне острия копий.

У нас тоже есть копья. Но нет такой силы, чтобы пробить толстую мохнатую шкуру и достать до сердца. Поэтому у них всегда вдоволь мяса, однако они непрочь полакомиться и дичью поменьше. Например, нами...

* * *

Блин! Ну и кошмар приснился.

Я аккуратно выбрался из-под прикорнувшей на груди Зарёнки и укрывавшей нас от солнца импровизированной плащ-палатки.

На палубе – пусто, если не считать нас с Зарёй и Вихорька, задряхшего на мешках с припасами.

«Северный Змей» стоял на швартовах то ли в протоке, то ли в небольшом заливчике. Вид на Волхов удачно заслоняли заросли камыша, так что заметить с реки наш корабль было непросто.

А где моя команда?

Я вспрыгнул на скамью.

Ага. У моего хирда жизнь явно удалась. Господа викинги изволят

обедать. На берегу. Это я удачно проснулся!

Потянувшись с хрустом, я прихватил боевой пояс с Вдоводелом и, держа имущество над головой, махнул с борта на мелководе...

...Где и провалился в тину по самые... хм... ягодицы.

Сделав вид, что гнусные ухмылочки некоторых хирдманов ко мне отношения не имеют, я выбрался на песок, скинул портки, ополоснулся сам, потом выполоскал, отжал и натянул штанишки.

«Пора завтракать... То есть уже обедать!» – напомнил мне желудок.

Внемлем же зову плоти. Подвинув Скиди и Тьёдара, я уселся на бревнышко напротив тлеющих угольев. Мне тут же сунули в руки внушительную лохань с пивом. М-м-м... Неплохо! А что это мы едим? О! Рыбка! И ребрышки!

– Вкусно! – похвалил я. – Мы как, отдыхаем или прячемся?

– Всё разом, – ответил Медвежонок, передав лохань с пивом соседу Стюрмиру. – Ульфхам Треска со своими вверх по Мутной прошел. Мимо. Нас не заметили.

Надо же как тут интересно было, пока я спал. Получается, что все мои хитрости – гусю под гузку?

– А вы, значит, заметили? Или догадались?

– А что тут догадываться? – пожал плечами Хавгрим Палица. – Ты бы сам как на их месте поступил?

Ну да. Очень опасно полагать противника глупее себя. Если у него хватает сил, чтобы проверить все направления, так почему бы и не проверить?

– Один драккар? – уточнил я.

– Снекка, – в свою очередь уточнил Палица. – Да, одна. Гуннар их издалека заметил.

– А они нас – нет?

– Мы поглядывали, братец, – Медвежонок ухмыльнулся во все зубы. – Мы поглядывали, а они – нет. Мы три раза к берегу подходили, высаживались, где дерево повыше, а Гагара наверх забирался. Он зоркий, Гагара. Так что загодя и Ульфхама разглядел, и бухточку эту – укрыться.

Ну да. Корабли викинги распознают, как я – знакомое оружие. Хотя не удивлюсь, если он и самого Ульфхама Треску за кормовым веслом углядел. За пару километров. Глаза у Гуннара Гагары – как у орла. Кабы стали ему зрение проверять, наверняка оказался бы из тех, кто на плакатике тестовом самую последнюю строчку читает. Ту, где «напечатано в типографии...». Глаза и мозги. И удача.

Из трех норегов, что когда-то ко мне присоединились, только он и

остался. То есть так-то норегов у меня двое, если скальда считать, но Гагара, он давний. Через многое со мной прошел. Опытен, сметлив, верен, боец из лучших. Всем бы хорош, если бы не изрядная даже для викинга склонность к садизму.

– Гуннар насчитал у них на палубе – десятков шесть, – продолжал Медвежонок. – Большинство – дренги, так что если врасплох взять, можем и побить. Но не хотелось бы.

Согласен. По обоим пунктам.

– Быстро шли, – сказал Свартхёвди. – Быстрее нас. На румах – по двое.

Ну да. «Северный Змей» – кораблик хоть куда. Только гребцов у нас маловато.

– Надо – догоним, – флегматично сообщил Хавгрим, утирая бороду. – Ветер поднимается. Надо?

Я покачал головой.

Можно не сомневаться: прикажи я догнать и атаковать численно превосходящего противника, так и будет. Но ни Хавгрим с нашими бывшими сопалубниками, ни молодняк Хрёрека нам не враги. Или – нет? Разве не пообещал Ульфхам отправить меня на ту сторону вечности, если конунг прикажет?

Так или иначе, но нам с данами Рюрика не по пути.

– Как пообедаем, ставим парус, – распорядился я. – А потом всем отдыхать. Сам у кормила постою.

Река – не море, но любая практика мне не помешает.

Проснулась Заря. Вспрыгнула на борт, потянулась сладко, балансируя...

Угу. Мой молодняк сразу слюни пустил. Да и не только молодняк.

– Любят моего братца бабы, – не без гордости сообщил народу Медвежонок. – Вот за что, понять не могу.

– Не ты один, – подхватил лакомую тему моей внешности Хавгрим Палица. – Чернявый, мелкий, стручок у него... Стручок и есть. Колдовство, видать.

– Ага, – проворчал я. – Кое-кто, между прочим, меня из Черноголового в Белого переименовал. Уж не ты ли, Хавгрим?

Зарёнка прямо с борта ловко прыгнула на песок, присела у воды, умываясь. Сделала вид, что не слышит. Но слушала о-очень внимательно.

– Потому что тот, кто прозвал тебя Черноголовым, сути твоей не видел! – проворчал Палица. – А я – видел. И назвал. Невелика хитрость – увидеть собственными глазами. А вот мать его, – кивок в сторону

Медвежонка, – она, да. Она умеет видеть куда как дальше. Это ведь она тебе имя дала, Медвежонок?

– Она, – подтвердил Свартхёвди. – Моя мать в колдовстве ой как сильна. Вот, помню я, очередной женишок ее допекал. Пять раз в гости приезжал, говорил, что жениться хочет. Допёк нас, сил нет. Одного пива нашего выдул бочонка два, не меньше. Так надоед, что она на штанах его руну перевернутую пальцем нарисовала, пошептала чуть – и уд у женишка ссохся.

– Жестоко, – проворчал Хавгрим. – Лучше б ты сам женишка отвадил. Свартхёвди захохотал.

– Кабы я его отвадил, пришлось бы виру платить, а так он сам матушке полные сани добра привез, чтоб сняла наговор. Она сняла, понятно. Но слух о том по всему Сёлунду разошелся. С тех пор у матушки и женихов поубавилось, а желающих обмануть ее в делах и вовсе не стало.

– Это да, – Хавгрим покивал с пониманием. – Женское колдовство – страшное. Я вот хоть и Одина воин, и то поостерегся бы. Но у хёвдинга нашего – другое дело. Вот взять меня. Любая баба такому, как я – рада, и это понятно, – Палица приосанился, расправил плечи. – Но чтобы вот так от отца убежать... Может, ты, Ульф, уд чем-то таким особым смазываешь? Так ты от друзей не таи, нечестно это.

– Не в мази дело, – подал голос Тьёдар. – Это, Палица, любовь называется.

Берсерк фыркнул, но спорить не стал. Тьёдар – скальд. Скажешь, не подумав, а потом уже поздно. Человека-обидчика убить можно, а песню как убьёшь?

Торопиться с отплытием мы не стали. Пусть погоня уйдет подальше. Свартхёвди вывалил на палубу содержимое сумок, и они с Хавгримом и Тьёдаром принялись в очередной раз делить добычу. Прочие с удовольствием наблюдали. Нет для викинга большей радости, чем пересчитывать награбленное. Ну разве что сам процесс грабежа.

Бури кликнул Вихорька – заниматься стрелковой подготовкой. К ним, предварительно испросив у меня разрешение, присоединилась Заря.

А я присел на пенек и попытался восстановить в памяти то, что произошло сразу после моего появления в этом замечательном мире. В частности, тот эпизод, когда меня чуть не принесли в жертву местному идолу. И принесли бы, если бы мою кандидатуру не забраковал «отдел кадров» в лице главного жреца. «Этот богу не годен», – объявил служитель кровавого культа. А вот мне его бог может очень даже пригодиться. Для

укрепления авторитета. Ибо ничто так не повышает уважение к вождю, как драгметаллы, добытые под его мудрым руководством. Хорошая, кстати, тема. А ведь у меня еще одна наводочка имеется. От раба-сварга, которого я прикупил этой весной. Больше добычи – выше рейтинг. А это – возможность увеличить мой маленький хирд не сопливым молодняком, а квалифицированными убийцами. Такими, например, как тот же Оспак Парус. Или Вигмар. Или недовольные политикой Трувора варяги. Вот найти бы мне общий язык с Ольбардом Синеусом и его командой...

Ну, пока это только мечты. Но если мне удастся доказать свою удачливость и придумать общую идею, которая покажется варягам прибыльной, почему бы и нет?

Чем привлекателен для дружины Рюрик? Тем, что подгребает под себя данников и готов делиться доходом со своими парнями. Ну и еще он вождь по крови, а не по боевым заслугам, как я, например. Однако, если у меня будет под рукой хотя бы полсотни добрых хирдманов, почему бы мне тоже не занять какую-нибудь ключевую точку на великом водном пути с севера на юг и обратно? Какое-нибудь козырное укрепление в ключевой точке. Взять под контроль важный волок...

Хм-м... А не скучно мне будет сидеть на одном месте? Тем более что стать правильным ярлом я мог бы и под рукой Ивара Бескостного. Поучаствовать в захвате английских мелких королевств или даже крупных французских и получить не только графский ленд, но и могучую «крышу» в лице старшего Рагнарсона. Нет, английское или французское графство – это тоже как бы не моя мечта. Повоевать под знаменем Ворона – это да. Это весело. А отжимать дань у английских или французских трэлей... Нет, это не мое.

А здесь? Здесь-то не Англия. Здесь – родная земля как-никак. Если я не хочу стать ярлом под рукой Ивара, то как насчет здешнего княжения? Хочу ли? А шут меня знает. Мне б с проблемами разобраться. С даром своим воротооткрывательным. Сейчас бы отложить все дела, взять за локоток Бури и порасспросить толком...

Но некогда. Все бегаю, бегаю. То за кем-то, то от кого-то...

– Хёвдинг! Мы с Хавуром за мясцом сбегаете?

Скиди. О чем это он? А... Поохотиться.

Ну да, свинка, которой мы пообедали, еще недавно желудками хрумкала.

– Сбегайте, – одобрил я, совершив тем самым серьезную ошибку.

Потому что были мы не на пикнике, а в бегах. И гоняли нас парни очень даже серьезные.

Глава 9. «Слейпнир» и его команда

На сей раз драккар узнал даже я. Эту драконью башку раз увидишь – не забудешь. Резали ее настоящие мастера и со всем возможным старанием. Понятное дело. У Сигурда Рагнарсона не забалуешь.

– И верно «Слейпнир»! – с восхищением произнес Медвежонок. – Какое правильное имя!

«Слейпнир», значит? А я и не знал. Хотя ожидаемо. Драккар без имени – так не бывает.

А уж такой и подавно. Ух и красив! Настоящий морской дракон, бесшумно парящий над водами. Вернее, морской конь. Вот разве что ног у него побольше восьми^[6].

Варяги.

Явились не запылились.

Шли они под парусом, убрав весла. Но шли хорошо. Пожалуй, мы бы от них и на веслах не ушли. Я нутром чуял, как шарят по обоим берегам Волхова цепкие взгляды.

Вопрос: почему они здесь, а не пенят воду Ладоги, выискивая нас там, где нас нет?

Нет, лишний вопрос. Уже не актуальный. Правильный же: заметят ли они протоку, в которой мы укрылись? Нет, это тоже неверный вопрос. Понятно, что заметят. А вот станут ли проверять?

Ответ: очень вероятно.

Вход в протоку – непростой. Виден только тогда, когда ты ее уже миновал. Но – виден. И как бы аккуратно ни провел Медвежонок «Северного Змея» по узкой водной дорожке, но сколько-то там стеблей наверняка поломал. Внимательный глаз такого не пропустит.

Значит, будет драка. С варягами. Как раз то, чего я хочу избежать любой ценой, ведь пока между нами нет смертей, а только амбиции и обиды, ситуация все еще обратима.

А если случится настоящая заруба, дороги назад уже не будет.

Хотя ее по-любому не будет. Если Трувор до нас доберется, то, скорее всего, в этих камышах и закончится наша дорога славы.

А раз так, то найти нас он не должен. Надо сделать что-то такое, чтобы они переключили внимание на нечто более весомое, чем помятые камыши.

Кое-какой запас времени имеется. Это уже хорошо.

Я поглядел на Медвежонка. Свартхёвди Сваресон был невозмутим.

Даже доволен. Он всегда доволен, когда предстоит как следует подраться. И расклад один к шести-семи его не смущает. В отличие от меня. В моем хирде – крутейшие парни. Но не все, к сожалению.

Варягов надо отвлечь. Подсунуть им раздражитель посерьезнее поломанных камышей. Например, подстрелить кого-нибудь. Этак с полутора сотен метров. Бури сможет.

Вот только такой выстрел мало что изменит. Мне ведь надо не просто обратить на себя внимание, но и заставить пройти мимо нашей протоки.

Думай, Коля, думай!

С камня, на котором мы стояли, был виден не только идущий вверх по Волхову драккар, но и минимум по километру побережья с обеих сторон. И конечно, протока, в которой прятался «Северный Змей».

Значит, что нужно? Нужно место ниже по течению, с которого можно выпустить ту самую обидную стрелу. Причем так, чтобы стрела эта была никак не связана с нами. Случайный выстрел случайного человека. Который стрельнет – и наутек. По берегу. Вверх по течению. Такой выстрел, чтобы варяги точно погнались и проскочили мимо протоки. А дальше – по обстоятельствам.

Сколько у нас времени? Драккару до нас идти минут двадцать. Все же Волхов – река быстрая.

Да, определенно можно успеть, если поторопиться.

– Ты куда? – крикнул Медвежонок, обнаружив, что остался на наблюдательном посту в одиночестве.

– Я их отвлеку! – крикнул я, сбегая вниз и поспешно обуваясь. – Верни Скиди с Хавуром. Они за мясом пошли.

Случайный выстрел. Возможно, не один.

Стрелы, мне нужны стрелы. Правильные стрелы. Не боевые. Откуда у случайного человека боевые стрелы.

Я взлетел на палубу драккара. Вопросы игнорируем. Некогда.

Так. В этом бочонке точно стрелы. Вот связки, которые мне нужны.

– Бури! Вихорек!

Удачно, что оба здесь и полностью экипированы.

– Держите! – Я сунул каждому по толстому пучку разносортных стрел. – Взяли оружие – и со мной.

Команда дана. Команда выполнена. И никаких вопросов.

Хорошо быть вождем.

Но не со всеми работает.

Заря.

– Ты куда?

Пришлось потратить полминуты на объяснение.

– Я с тобой!

– Что, в своих стрелять будешь?

– Буду!

Глядит упрямо, я бы даже сказал: непреклонно.

Ну, это ее решение. Спорить некогда. И лишний лук не помешает. Стрелять девушка умеет лучше меня, а вот времени – с гулькин... нос. Драккар идет вверх по течению со скоростью километров семь в час. Это как раз и есть скорость бега по пересеченной местности. При необходимости можно и быстрее. Необходимость – есть. Нам ведь не только обогнать его надо, но и найти подходящие позиции. Минимум две. Одну – для приманочного выстрела. Ну эту я уже присмотрел. Вторую – для того чтобы закрепить успех. И сделать все так, чтобы никак не связалось с беглыми нами. Чтобы выглядело как инициатива, а еще лучше – глупость каких-то посторонних людей.

И я знал, как это сделать!

– Брат! Не уходите никуда. Мы их отвлечем. Я знаю как.

Медвежонок кивнул. Тоже никаких вопросов. Он мне доверяет. Мне бы теперь не обмануть его доверие...

Идею подсказали мне сами варяги, не снявшие с носа драккара свирепое чудище. То есть обозначили, что находятся в боевом походе.

Правда, на парусе у них – красный сокол Рюрика, знак законного соправителя Ладоги. Так что любому осведомленному человеку понятно, ху из ху, как сказали бы потомки моей наложницы Бетси.

Но ведь далеко не все – осведомленные. Простые земледельцы, живущие в здешней глуши, могут быть и не в курсе, верно?

А если не обращать внимания на растопырившегося сокола, то что у нас есть? Типичный нурманский драккар. В боевом формате. То есть разбойничье-грабительском.

В общем, план у меня сложился. Оставалось только подыскать подходящие для его реализации места.

То есть все, что от нас сейчас требуется, это быстрота и немного везения.

Нам повезло. Мы и успели, и нашли.

Выбранная мной первая позиция располагалась на пару сотен метров ниже по течению. Высокий берег, густо заросший кустарником. С воды нас на берегу фиг разглядишь. А вот вход в протоку, через которую в речной

«отнорок» вошел «Северный Змей», можно заметить запросто.

А заметить не должны. И для этого на берегу укроемся мы втроем: то есть я, Бури и Заря.

Если мой план сработает, то варяги станут куда менее внимательны к деталям береговой линии. Я не сомневался: если мы правильно разыграем первый акт представления, то все внимание «благодарной» аудитории тоже достанется нам.

Вторая позиция, располагавшаяся еще выше по течению и предназначенная для исполнения второго акта моей пьески, была изучена только издали, но на расстоянии казалась вполне подходящей для задуманного представления. Здесь я планировал спектакль одного актера. В главной и единственной роли должен был выступить Вихорек. Ну, мы тоже, если успеем вовремя, сыграем свои партии, но, так сказать, из-за кулис.

Всё. Актеры заняли места и приготовились к представлению, то есть засели в прибрежных кустах и с нетерпением ожидали, когда варяжский драккар войдет в зону уверенного поражения для посредственного стрелка, то есть на дистанцию примерно пятидесяти метров.

С такого расстояния «так себе стрелок» вроде меня почти гарантированно поражает взрослого оленя. То есть в принципе поражает. В точку «куда попадет».

А вот стрелок класса Бури на такой дистанции способен муху к мачте прибить.

Однако меткий выстрел – только первый этап моего замечательного плана.

Второй этап – истошный девичий вопль: «Мамка, нурманы идут!»

Эта часть – за Зарей.

Мне же, как и положено режиссеру, чьи актерские и стрелковые способности весьма посредственны: общий контроль и руководство.

Итак, выстрел и вопль. Засим мы под бодрый аккомпанемент девичьего соло: «Нурманы! Нурманы! Беги! Спасайся!» проворно перемещаемся вдоль берега.

И если я не ошибся с коллективным психологическим портретом варягов, то парни на драккаре перестанут сканировать берега и рванут за нами параллельным курсом.

К позиции два, откуда вход в заветную протоку уже никак не разглядеть.

Позицию два я выбирал так, чтобы она пришлась по душе жаждущим мести воинам. То есть это был пляж, на который можно запросто высадить

десант.

Нас это место тоже устраивало, потому что здесь имелся высокий берег и лес, подходящий к самой его кромке. Очень удобно, чтобы обстрелять высаживаемый десант, а потом незамеченными ретироваться в чащу.

А чтобы окончательно убедить варягов, что это не засада, а глупая самодеятельность безмозглых смердов, острому взгляду варягов будет представлен удирающий в панике «местный житель», которого остается только изловить, допросить и выяснить, кто заплатит за причиненный ущерб.

В роли аборигена должен был выступить Вихорек. Я велел ему раздеться до порток, разуться, спуститься к воде и ждать голосового сигнала «Беги, спасайся!», возвещающего начало спектакля.

По этому сигналу мой сын должен не слишком поспешно (чтобы его успели заметить) вскарабкаться наверх, где проворно привести себя в подобающий воину вид и ждать нас.

А потом мы уже в четыре лука немного остудим пыл жаждущих мести варягов, при этом старательно избегая смертельных исходов.

Дальше действуем по обстоятельствам.

Наилучшим развитием событий был бы вариант, в котором варяги наплевали бы на глупых смердов, перепутавших их с нурманами, забыли о пролитой крови (никого же не убили), загрузились обратно на драккар и двинули куда шли, то есть вверх по течению. А мы кратчайшим путем возвратились к «Северному Змею» и двинулись в обратном направлении.

К сожалению, этот исход маловероятен. Скорее всего, погоня будет, и нам придется от нее уходить.

Вряд ли отряд преследователей будет большим. Не больше дюжины, я полагаю. Приструнить смердов – более чем достаточно.

В этом случае мой план был почти таким же: вернуться к «Северному Змею». Однако уже не напрямик, а заложив большую петлю.

Если не удастся оторваться, то мы просто приведем группу преследования с собой. Надеюсь, в этом случае на нашей стороне будет не только качественный, но и количественный перевес. И удастся разойтись без драки. Особенно если в числе преследователей не будет самого Трувора. Я собирался твердо держаться прежней линии. Я не воюю с варягами. Напротив, мы на одной стороне. Мы несправедливо обижены Рюриком, а варяжские отроки и вовсе погибли по его вине. А если Трувор утверждает другое, то лишь потому, что либо подкуплен, либо обманут Рюриком. Потому моя отдельная просьба к Бури: попытаться подранить

варяжского лидера. Вешать на оппонента всех собак гораздо легче, если тот не может тебе возразить. В общем, Рюрик – плохой, Трувор – тоже не лапочка, а мы, напротив, мирные и пушистые, если не гладить нас против железной шерстки.

Ну да, в картину нашего миролюбия как-то не укладывается обстрел варяжского драккара. Но кто возьмется доказать, что стреляли мы, а не какие-то потерявшиеся в лесах смерды?

В том, чтобы доказать нашу непричастность, я проблем не видел. Равно как и в том, что сама местность никому из нас не была знакома. Когда есть такой серьезный ориентир – сама река, сбиться будет трудновато. Чего я опасался, так это того, что отправившиеся в погоню варяги приглядятся как следует к нашим следам и распознают, что наша обувь слишком хороша для лесовиков.

Вот тогда положение усложнится, потому что преследователи станут намного осторожнее и, очень возможно, пошлют за подкреплением.

Вывод: если за нами увяжется погоня, мы должны оставлять как можно меньше следов и сам след должен быть горячим. Тогда преследователи не станут обращать внимания на мелкие детали.

Но это – потом. Будем решать проблемы по мере их возникновения. Сейчас наша главная задача – увести варягов от протоки, в которой укрылся «Северный Змей».

Если на нас выйдет вся варяжская дружина, то миром разойтись уже не удастся. Численный перевес противника весьма затрудняет мирные переговоры с ним. А бросить корабль со всем хранящимся на нем имуществом...

Трепетное сердце моего брата таких убытков не перенесет.

В общем, готовимся к худшему, но поступаем как должно.

То есть сидим и ждем, когда в секторе обстрела возникнет знакомый парус. И тогда слово за снайпером. Вот уж в ком я точно не сомневаюсь.

Бури сработал изумительно. Сделал даже больше, чем я ожидал.

Как только из-за поворота показалась драконья голова, а вслед за ней парус с красной птичкой Рюрика, над которым располагался главный варяжский наблюдатель, как Бури моментально всадил ему стрелу в ляжку. А следующей стрелой, уже под пронзительный вопль Зари «Нурманы!!!», пришел к борту ладонь кого-то из варягов. Причем оба выстрела – не элитными стрелами для особо меткой стрельбы, а самыми обычными охотничьими. Наблюдателя – срезом, а руку – вообще двузубой стрелкой для птичьей охоты.

Ну да, мы же исполняем роли обычных смердов. Воюем как умеем и чем умеем. А заполучить охотничий срез в ляжку – это, пожалуй, еще и похуже, чем боевую. Проникающее действие меньше, зато дырка – ого-го какая.

Бури, умница, не забыл мою просьбу и натянул лук вполсилы, так что вошел срез неглубоко, а наблюдатель хоть и заорал, но с мачты не рухнул. Сполз вниз, перехватываясь руками.

Заполучивший в руку утиную стрелу тоже завопил, но его жалобный возглас затерялся в истошных криках Зари.

«Нурманы! Мама! Бегите! Спасайтесь!»

После чего наша тройка сорвалась с места и под прикрытием растительности галопом поскакала к позиции номер два. Нас самих видно не было, но трепет листвы и прочие сопутствующие факторы с драккара не заметить не могли.

Варяги отреагировали на нападение ожидаемо. На деревянном тезке восьминогого Одинова жеребца возникла короткая деловитая суета, результатом которой стали подхваченные с бортов щиты и вылезшие из лючков весла. Весла эти тотчас окунулись в воду, и драккар заметно прибавил в скорости.

Однако мы начали раньше и успели его опередить.

На воде звук распространяется прекрасно. Так что я слышал не только крики обогнавшей меня Зари, но и дружный рык гребцов, разгонявших корабль до крейсерской скорости, которая с нынешним попутным ветром была никак не меньше двадцати километров в час. Они могли бы и больше, но зачем? По-любому это быстрее бегущего по пересеченной местности человека. Да и плыть им недолго: лишь до удобного места высадки.

То есть до нашего пляжа.

Я подотстал, но все же успел увидеть голую спину взбирающегося по корням Вихорька.

Парень сработал вовремя: не поспешил, но и не промедлил. Так что варяги тоже увидели, что требовалось. Спину и пляж. А вход в нашу протоку – нет.

Увидев пляж и удирающего смерда, варяги тоже среагировали стандартно: то есть затабанили с разворотом (безупречный маневр), а затем около десятка бойцов произвели десантирование. То есть сиганули с борта на мелководье.

Ну да, десяток варягов – это в десять раз больше, чем надо для воспитания нескольких глупых смердов.

Никакого сопротивления они не ожидали, потому положенный в

финале подобного боевого десантирования плотный строй собрать не потрудились.

И зря. Любое нарушение боевого устава – риск, причем неоправданный.

В чем brave парни немедленно и убедились.

Мой заполошный вопль: «А-а-а! Они идут!» – вреда им не причинил.

В отличие от наших охотничьих стрел.

Большая часть пришлось в щиты – все же мы имели дело с воинами. Однако три стрелки, выпущенные, понятное дело, не мной или Зарей, а Бури, «стреножили» сразу троих, мгновенно остановив наступательный порыв десанта.

Вот теперь варяги наконец-то показали подобающую боевую выучку, мигом сформировав «стену», прикрыв раненых от дальнейшего обстрела и обеспечив «базу» для высадки еще одной боевой группы, то есть приготовились к обороне по-взрослому.

А вот мы продолжения не планировали. Вихорек экипировался, можно отступать.

И мы отступили. Не слишком быстро и стараясь выбирать места, где наша специфическая обувь не оставит следов.

Мы – это я, Заря и Вихорек. Бури задержался еще секунд на тридцать и порадовал варягов парочкой «птичьих» стрел. Без спешки и на выбор. Поэтому одна из стрел досталась лично Трувору. Выполняя мое пожелание, Бури позаботился о том, чтобы Трувор не смог возглавить погоню.

Об этом Бури чуть позже сообщил мне на ухо. По секрету. Не хотел огорчать Зарю. Трувор все же ее папа.

Впрочем, мой приказ «никаких серьезных повреждений» Бури не нарушил и на этот раз. Двухзубая утиная «вилка» всего лишь продырявила варяжскому лидеру правую ляжку. Причем бил Бури, что называется, влет. Когда Трувор сиганул с борта на песок.

Мастерский выстрел. Жаль, что я не видел.

Первый этап прошел гладко. Но второй, к сожалению, реализовался по второму варианту.

Разгневанные варяги прочно сели нам на хвост.

Глава 10. В которой Ульф в очередной раз убеждается, что он – слабое звено

Преследователей оказалось больше, чем я рассчитывал: три десятка.

Мы отследили их, когда оказались на очередном лесистом взгорке, а они пересекали полянку, которую мы с таким расчетом и выбирали: чтобы потом посмотреть на погоню сверху.

Три десятка. Несколько больше, чем я надеялся. Мой победоносный и почти бескровный план: закрутить петельку, вернуться к «Северному Змею» и продемонстрировать явное преимущество в силе, дал трещину.

То есть вернуться-то мы сможем, но разговор «по душам» может и не получиться.

С десятком варягов мой маленький да удаленький хирд мог бы общаться с позиции силы. В идеале можно и заложников взять, а потом обменять пленных на обещание не вредить. Или еще что-нибудь придумать. Договариваться со слабейшим всегда веселее.

А вот когда сердитых варягов уже целых три десятка – разговора с позиции силы не получится. Да, учитывая меткость Бури, берсерков и нашу общую высокую подготовку, мы их, скорее всего, победим.

И заполучим в кровники самое воинственное племя этой земли. И тогда у нас единственный выход – бежать домой.

В общем, изумительная перспектива.

Но сейчас у нас особых вариантов нет. Только бежать. Причем бежать туда, где мы сможем получить подкрепление, потому что просто бежать – не вариант. Часика через два нас непременно догонят. Ибо, к моему огромному сожалению, самый тормозной варяг все равно бежит быстрее меня. Они нагоняют и сейчас, хотя я стараюсь изо всех сил и уже начал уставать.

Темп нам задает Заря. Она – впереди, потому что чувствует здешние леса лучше меня и Вихорька, а что до Бури, то он их вообще не знает.

Заря очень хорошо ведет: угадывает удобные проходы в зарослях, избегает низин и влажных мест, в общем, старательно выполняет мое пожелание не оставлять четких следов.

Я держу темп изо всех сил. Мне стыдно признать слабость. Будь моей компанией Медвежонок, Хавгрим, Гуннар... В общем, могучие мужики-викинги, я бы уже попросил пощады. Ну да они и так знают, что бегун из

меня посредственный.

Но со мной мой названный сын, привыкший к тому, что круче меня не бывает, любимая девушка и Бури, которому в седле куда уютнее, чем на своих двоих. Тем не менее, он чешет по лесу как ни в чем не бывало и, похоже, мог бы прибавить...

Нет, в будущем с этим точно нужно что-то делать. Хотя сейчас надо думать о том, чтобы это будущее у нас было.

Думать – ключевое слово.

Я смотрел на мелькающую между деревьев спину Зари, подпрыгивающий налуч на спине, светлую головку, перехваченную черным ремешком, по которому скакали маленькие серебряные лошадки, и понимал: еще немного – и я вынужден буду сбавить скорость. Учитывая, что между нами и варягами – меньше километра, до «Северного Змея» добежать мы точно не успеем.

Можно оставить Бури в качестве прикрытия. Он может остановить варягов на какое-то время.

Нет, не годится. Это временный выигрыш.

К тому же у варягов тоже есть луки, которыми они неплохо пользуются, а здесь – лес, так что меткость уже не играет такой роли, как на открытом пространстве. И у варягов нет ограничения «не убивать».

В общем, в нашем положении я вижу только один плюс: основная часть варяжской дружины достаточно далеко. Как жаль, что преследователей так много. Будь их десяток...

Надо остановиться. Еще полчаса в таком темпе – и я даже драться толком не смогу.

– Стой! – скомандовал я.

Отличное место. Поляна шагов в тридцать длиной. Дальше – два завалившихся лесных великана и подрост выше человеческого роста.

Хорошо лежат упавшие исполины. Практически параллельно. И подрост – густой, солидный. Если за вторым стволом пристроиться, то с полянки не вдруг разглядишь. И не вдруг доберешься.

Здесь мы их и встретим. Я – на первом бревнышке, а группа прикрытия – за вторым. Так и поступим.

Хорошо, когда твои решения не вызывают дискуссий. Даже если не нравятся.

Бури сделал знак Вихорьку, и они нырнули в заросли. Заря осталась на виду. Как и я. В девушку стрелять не станут. Родня.

А теперь – ждём.

Ну да, я решил рискнуть. Вдруг удастся разойтись миром? Временами

я очень удачливый парень. Так почему не сегодня? А хуже по-любому не будет. Варяги все равно нас догонят, а встречать противника я предпочитаю лицом, а не затылком.

Мы их ждали, но все равно они появились неожиданно.

Впрочем, я тоже оказался для них сюрпризом.

Надо думать, наши следы они особенно не разглядывали и по-прежнему полагали, что имеют дело с дерзкими смердами.

Я поднялся и раскинул в стороны руки, показывая, что не вооружен.

Я их удивил, да. Настолько, что в меня даже копья с ходу бросать не стали.

Удивил и напряг.

Ишь как озираются. Моих хирдманов выглядывают.

Сюрприз! Гнались-то парни за дурными смердами, а встретили нурманский хирд. Мой. Это они сейчас так думают.

А у нас – репутация. И два берсерка. И я. А их «всего» тридцать два.

А только что было – аж тридцать два. Огромная сила по здешним меркам. И только что они так себя и ощущали: непобедимой армией.

Теперь – нет. Сбились вместе. Шарят глазами по сторонам. На меня почти не смотрят. Я-то на виду. Что на меня смотреть...

Это хорошо, что они так напряглись. Полезно для переговоров. А еще лучше, что с ними нет Трувора.

Да вообще никого из старших нет, сообразил я.

И возрадовался. Эти пока что не волки, а так... волчата. Ровесники Зари и ее брата.

Для них я был нурман-хёвдинг. Непререкаемый авторитет.

А не сыграть ли на этом?

– Старший кто? – рыкнул я.

Замешательство.

Им объяснили, что я – враг, хотя вряд ли с подробностями. Зато они наверняка слышали мою версию событий. Но не впечатлились и не ушли с Ольбардом Синеусом. Это минус. Зато они видели мой бой с Трувором. И видели, как мы разошлись если не мирно, то не заклятыми врагами. И сам бой наверняка тоже работал на мой авторитет, ведь остановился не я, а Трувор. Не сдался, но...

Не знаю, в чем меня обвинил Рюрик, когда отправил на охоту за нами. Вряд ли в том, что я хочу уйти. Это не преступление. Наоборот, это исконное право воина – покинуть предводителя, которым недоволен. Воин

свободен в выборе вождя. Это основа. Они тоже воины. И для них выше свободы только родственные связи. Да и то не всегда. Ой не всегда, ведь они, по сути, мальчишки. Убивать научились, а вот ставить интересы князя выше собственных понятий чести и правды – вряд ли. Вот Ульфхам Треска не раздумывая убьет по приказу конунга. Из одной только политической целесообразности. Эти – не такие.

– Кто старший?

Молчат. Переглядываются. Сержанты, которых остановил целый полковник. Не их полковник, но все же...

А еще здесь старшинство – не просто звезды или лычки на погонах. Здесь командиры впереди не только в зарплатной ведомости, но и в бою. И соответствуют.

Молчат парни. Размышляют, прикидывают...

И чем больше они прикидывают, тем меньше им хочется умирать.

– Я жду!

– Я – старший!

Решился, наконец. Крепкий парень в шапке вместо шлема и усиленной бляшками кожаной куртке вместо нормальной брони. Зато с настоящим мечом на поясе. А еще с копьем в одной руке и щитом – в другой. Чувствует себя неуверенно. Мы с ним – в разных рангах. Я – вождь, хёвдинг, а он даже не гридень, отрок. Это даже меньше, чем нурманский дренг.

– Имя?

– Ануд!

– Слушаю тебя, Ануд.

– Меня? – Он удивлен. Вероятно, ожидал, что объясняться начну я.

– Тебя-тебя. Я стою с пустыми руками, а ты грозишь мне оружием. Почему?

– Ты похитил Зарю, дочь Трувора!

Сильная заявка. Впрочем, я предполагал, что бегство моей подружки папу не порадует. Сначала сын покинул его общество, потом – дочурка.

И это не говоря о всех тех классных парнях, что ушли с Ольбардом.

– Врешь! – взвизгнула Зарёнка, вскакивая и являя народу свое сердитое личико. – Что ты врешь, Ануд!

Боец побагровел. Его только что оскорбили. Поскольку оскорбила девка, а не я, то оскорблением можно бы пренебречь. А вот смысл реплики – его так просто не смахнешь.

– Так сказал твой отец, – сдержанно произнес варяг.

Надо срочно вмешиваться. А то девочка моя такого наговорит...

– Теперь ты видишь, что Трувор ошибался, – попытался я перевести разговор в конструктивное русло. – У тебя все еще есть повод угрожать мне?

– Есть. Князь Рюрик велел доставить тебя к нему.

Мне нравится этот парень. Держит себя в руках почти идеально. Разве что чересчур напряжен.

– Зачем?

– Он князь. Он велит – мы делаем.

– Ты его холоп?

А вот это уже прямое оскорбление.

Надо же, сумел сдержаться:

– Я клялся ему в верности. Я сражаюсь за него.

В строю за спиной Ануда кто-то презрительно фыркнул.

И кто это у нас такой... самобытный?

Нет, не помню, хотя рожа знакомая. И довольно наглая, кстати. И годами – постарше Ануда...

– Да ну? Сражаешься, значит? – Я смотрел на молодежного лидера в упор, пока тот не отвел взгляд.

– Я тоже. И клялся, и сражался. И, думается мне, сражался неплохо. – Небольшая пауза. Вдруг кто-то усомнится в моих словах?

Никто не усомнился. И слушали меня внимательно. Все. Даже наглый скептик. Но и «пасти» фланги не забывали. Все же хорошая у них база, у варяжат. Могут в отменных воинов вырасти. Если вырастут.

– Я пришел поддержать моего бывшего конунга, раненного в бою, – произнес я с достоинством. – Я пришел, потому что знал: ему нелегко. Надо помочь. И я помог. Я подарил ему победу над врагом! – Новая пауза. И опять никто не оспорил моих слов. – Что делает достойный вождь, когда враг побежден? Я тебя спрашиваю, Ануд?

– Ну... Награждает достойных, – нашелся парень.

– Верно! – одобрителный кивок. – И твой князь наградил нас. Насмешками! Он решил, что теперь, когда враг побежден, ему больше не нужны сильные друзья. Он не хочет править воинами. Он желает повелевать холопами. Так бывает. Даже сильный зверь, ослабев, становится пожирателем падали. Но мы не из тех, кто ползает на брюхе перед стервятниками. Мы – воины. И мы ушли. От Рюрика. Это наше право. И вы, варяги, не враги нам. Мы не хотим вас убивать. Потому забирай своих людей, Ануд, и уходи! – И обращаясь уже ко всем варягам разом: – Идите и служите своему жадному князю, если путь бесчестия для вас милей дороги славы!

Эк я красиво завернул. На молодежь должно подействовать.
И подействовало. По рожам вижу: многие засомневались.
Но Ануд оказался не только сдержанным, но и неглупым.
– Мы уйдем, – заявил он. – И Заря пойдет с нами!
– Нет! – выкрикнула девушка. – Ты дурак, Ануд! Еще слово – и я убью тебя!

И схватилась за лук.

Расслабившиеся чуток варяги моментально вострепнулись. Вот только целились они не в Зарю, а в меня.

– Не стреляй, Заря, – произнес я надменно. – Убить холопа – не много чести, даже если этот холоп и родился когда-то свободным варягом. Теперь он из тех, кто лижет руку хозяина и не способен защитить свою честь. Видишь, я говорю это, а он молчит и думает, что я не смогу отбить всех стрел и копий, которые сейчас на меня обрушатся. И он прав: я не смогу. Потому что вышел говорить с ним с пустыми руками. Я ведь не знал, что говорю с рабом. Думал, он – воин...

И тут произошло сразу два события. Каждое из них в отдельности было неплохим, а вот вместе – совсем наоборот.

Первое: Заря бросилась ко мне, намереваясь заслонить от стрелков-соплеменников.

Второе: Ануд все же не сдержался.

– Я и есть воин! – взревел он, выхватывая меч и бросаясь на меня. – И ты сейчас это увидишь, нурман!

А поскольку между нами была Заря с наложенной на тетиву стрелой, то на эту стрелу он бы и нарвался, если бы я, толкнув девушку, не сбил выстрел. Парня все равно задело, но только плечо по касательной. А могло прямо в грудь. В упор. Тут бы и кольчужку пробило, а кожанку Ануда вообще прошило бы насквозь.

– Не стрелять! – закричал я своим и перехватил сначала Зарю, отправляя себе за спину, а потом – Ануда, который с разгону обрушился на меня и едва не сбил с ног.

Но я все же устоял и даже сумел развернуть его лицом к остальным варягам, прикрывшись им как живым щитом.

Впрочем, стрелять по нам никто не рискнул. Вероятность попасть в своих, Ануда или Зарю, была куда выше, чем прищучить меня.

Все же хорошо ее тренируют, варяжскую молодежь. Я сейчас вижу их всех, сердитых, растерянных, азартных...

Но глазенки у всех вполне разумные. Башню ни у кого не снесло.

– Ануд! Я сейчас тебя отпущу, и мы продолжим разговор, – произнес я

достаточно громко, чтобы слышали и остальные. – Мирно. Договорились?

– Договорились, – пробормотал варяг.

И я его отпустил.

Что-то мне подсказывало: дырок во мне после этого не наделают. По крайней мере сразу.

– Присядь, – я указал на бревнышко. И сам опустился рядом. А затем махнул рукой остальным: сюда идите.

Меня послушались. И мы с Зарей оказались в окружении вероятных противников.

Казалось бы, опрометчивый ход...

А вот и нет. Самое опасное для воина моего типа, равно как и для берсерка, – это правильный боевой порядок противника. Чтобы стена щитов, через которую вот так сразу не пробиться, а за ней – парни с метательным оружием. Проверено на практике.

А когда вокруг тебя – неорганизованная, пусть даже и настороженная, группа, это куда перспективнее.

Особенно если эта группа опасается не столько меня, сколько тех, кого не видит.

Честно говоря, меня бы устроило, если бы Заря отправилась к папе. Да, я буду по ней скучать. Но зато девушка будет в безопасности. А у меня руки развязаны. А через некоторое время, может, и мои отношения с Трувором наладятся.

Но сказать Заре «уходи» нельзя. Она сочтет такое предательством.

И уговорить ее тоже не получится. Не тот характер. Боюсь, что она бы не ушла, даже если бы от этого зависели наши отношения. Выдала бы что-то типа «умрем вместе» – и хоть кол теши на ее прекрасной головке.

Она и сейчас всем своим видом показывает, что готова за меня умереть. Хорошо хоть стрелу с тетивы сняла. Она готова драться за мою жизнь – и это подкупает. Причем только за мою жизнь. Лично ей варяги ничем не угрожают. Это ее народ. Они росли вместе. Кто помладше, кто постарше. Все, в общем, родичи. А род – это святое. К папе привести – не вопрос. Обидеть? Кто рискнет, того остальные на запчасти разберут. Вот даже Ануд на нее не злится. Косится недовольно, морщится... Не потому что больно, а потому что очень опасается: не забудут ему товарищи по оружию сегодняшней слабости. И моих оскорблений. Очень может быть – не зря опасается. Превратиться из Ануда, уж не знаю, какое у него сейчас прозвище, в Ануда, которого обозвали холопом, – точно не его мечта.

– Что стоишь? – укорил я Зарю. – Твоя стрела – ты и доставай!

Послушалась. Шуганула прочих лекарей-любителей, которые уже

успели обрезать край металлизированного кожана и распороть рукав рубахи, лично обломила наконечник и одним рывком, умело, с поворотом, выдернула тонкое древко.

Кровища хлынула будь здоров, но рана, насколько я могу судить, пустяковая. Так, чуток под кожу зацепило. И хорошо, что стрела обычная, шильцем, а не срез.

Нет, отменно парни обучены. Как грамотно стоят: не гурьбой, а «рожками» наружу. Уверены, что там, снаружи, все мои страшные хирдманы прячутся. А поскольку где они – непонятно, то приходится варягам держать круговую.

За мной тоже присматривают, но так... халатненько. Я этих смотрящих даже и без Волка за пять сек в Ирий отправлю при желании.

Но желания такого нет, прямо скажем.

Я присел рядом с Анудом, которому оказывали медицинскую помощь. Пациент вел себя достойно: потел, дышал сквозь зубы, но не дергался и не пищал.

– Не знаешь, куда ушел Ольбард? – поинтересовался я.

Парень резко мотнул головой. Ему сейчас немного не до разговоров. А придется.

– Переговорить с ним хочу, – пояснил я. – Не дело это – нам с варягами враждовать.

– Зарю верни! – потребовал Ануд и тут же зашипел от боли. Очень опрометчивые слова, когда предмет обсуждения обрабатывает тебе раневый канал.

– Это плохой совет, – я покачал головой. – Да и не поможет он. Дело не в моей невесте... – Заренка немедленно заулыбалась. – Рюрик приказал ему меня убить. Ты сиди, сиди, не дергайся. Он трусил, Рюрик. Ты, верно, слышал, что у него в Дании остались очень сильные и немножко обиженные на него враги?

Молчание. Но по физиономии вижу: слышал. И о том, как Сигурд Змееглазый Рюрика разгромил, и о том, как уцелевшие у Сигурда Рагнарсона прямо из-под носа драккар увели.

– И это очень могучие конунги, – продолжал я, делая вид, что совсем не интересуюсь наострившими ушки варягами. – Сотни кораблей, десятки тысяч воинов, да таких, что в бою получше, чем Трувор или я. Воины Одина. Рюрик это знает, ведь он тоже ходил под их знаменем, когда звался не князем, а морским конунгом. И знает, что в сравнении с ними он – как бурундучок перед мишкой. Ам – и нет! – Я показал жестом, как медведь подхватывает мелкую живность и отправляет в пасть. – Рюрик помнит, как

копье Сигурда, сына Рагнара, пробило его грудь. Он помнит, что жив только по одной причине: они не знают, что он жив. Вот он и укрылся в Ладогe, как бурундучок в норке под камешком, и трясется от страха.

Я сделал паузу, предоставив молодежи мне возразить. Но возражений не было. А вот беспокойство – да. Имелось. Даже опасение. Ну, добавим еще сольцы на ранку. Я потянулся, покрутил головой, разминая шею. Заря закончила перевязку. Уселась рядышком, положила ладошку на плечо.

– Он очень боится, бурундучок Рюрик, – продолжил я в полной внимании тишине. – Боится Рагнара и его сыновей. Меня тоже боится. Что ж, я понимаю его страх. Так вышло, Ануд, что я с этими могучими конунгами – в большой дружбе. В вики с ними вместе ходил. На франков. На англов. Врагов бил, добычу брал... И обиды от них не видел. Настоящие вожди щедры к своим людям. Так, воины?

– Да-да...

Меня слушали как скальда.

Ануд сидел рядом и вставать не торопился. Тоже внимал.

А я рассказывал. О походе на франков. О том, как недавно на британские земли ходили. О золоте монастырском, о тысячах храбрых викингов, о множестве кораблей, поднимающихся по рекам, о разбегающихся в ужасе вражеских армиях... Потом перешел уже на наши личные приключения. Рассказал, как мы пировали с Хальфданом Черным и прикончили четыре десятка ульфхеднаров. И о том, как Хальфдан-конунг отдал Медвежонку свою единственную дочь.

Ну, тут я, может, и приврал. Понятия не имею, сколько у Хальфдана дочерей. Но единственная – это звучит. А слушатели у меня были оч-чень благодарные. А уж тема какая интересная. Великие дела, великая слава, великие воины...

А они тут. В бурундучьей норке.

И я продолжал, делая вид, что рассказываю исключительно Ануду, не обращая внимания на остальных. Но они-то на меня внимание обращали. Еще как. Даже за лесом следить забыли.

– ...Я пришел, чтобы помочь моему бывшему вождю, Ануд. Не знаю, видел ли ты князя ладожского в те времена, когда он был славным морским конунгом Хрёреком? Когда для всех нас было радостью и честью стоять с ним в одном строю? Теперь я думаю, что копье Сигурда Рагнарсона не ранило Хрёрека-конунга... Оно его убило!

Я сделал очередную драматическую паузу. Зуб даю: основное внимание варягов сейчас направлено не наружу, а внутрь.

– Умер славный и бесстрашный Хрёрек-конунг. Тот, кто выжил, он

другой. Он умен, опытен и может быть неплохим князем для какой-нибудь маленькой Ладоги...

Ага. Маленькой. Склонен думать, что территории, подконтрольные нынче ладожским князьям, уж никак не меньше Сёлунда. Хотя дело ведь не в площадях. Дело, как всегда, в людях.

– Рюрик сменил имя и отпустил длинные усы, чтобы пришлые купцы принимали его за одного из вас, варягов. Он утратил свое имя, свой род и свою славу. Страх сделал его изгоем. Страх сделал его слабым. Он нуждался в силе, и я предложил ему силу своего хирда. И он ее принял, Ануд. Он принял ее, хотя и знал, что одного моего слова достаточно, чтобы медведь нашел норку бурундучка. Я был нужен ему, чтобы победить Водимира. Может быть, Рюрик уже тогда знал, что не позволит мне вернуться домой. Потом, после того как я побью его врагов... – Я пожал плечами. – Ты знаешь, Ануд, все знают: без меня Водимир растоптал бы Рюрика. И забрал Ладогу. Живи Рюрик по чести, он отдал бы нам лучшее из добычи. Нам и тем варягам, что погибли, когда мы брали стольный град Водимира. И уж конечно, настоящий князь не стал бы отнимать взятую нами казну. Пусть для нас, викингов, это и невеликое богатство, но родня ваших братьев получила бы довольно, чтобы помнить о доблести погибших. А что сделал Рюрик? Ты знаешь, что он сделал? Знаешь почему?

– Знаю, – буркнул Ануд. – Мы все слышали слова Вильда.

– Вильд ушел, – напомнил я. – Не стал служить тому, что предает своих. А ты – служишь. Почему, Ануд? Я не чувствую в тебе гнили. Ты храб и тверд. Ты достоин славы и богатства, которое берут железом! Почему ты остался с тем, кто предает своих?

– Мой отец велел мне во всем слушать Трувора, – буркнул Ануд. – Трувор дал мне меч.

– Меч – это много, – согласился я. – Без меча трудно пройти по дороге славы. Что ж, когда-нибудь ты заработаешь на службе у Рюрика достаточно серебра, чтобы выкупить свою свободу. Когда это случится, найди меня, если пожелаешь, я дам тебе место на гребной скамье.

Задумался. Ну да. Как ни крути, но я снова обозвал его холопом.

– Всё! – провозгласил я, поднимаясь. – Я сказал, что должен. Решай, Ануд, разойдемся ли мы миром или кровью? Будете ли вы драться с нами или скажете Трувору Жнецу, что я не хочу вражды? Я не двуличный Рюрик. У меня один язык для друзей и для врагов. И каждый волен решать, по какую сторону щита ему быть.

Варяжская молодежь смотрела на меня во все глаза. И зерна сомнения

в правоте своего руководства уже проросли и зацвели во многих простодушных умах.

– Нам надо посоветоваться, – сообщил Ануд.

Ожидаемый ответ.

– Ты прав, – произнес я, постаравшись вложить в голос максимум уважения. – Настоящий вождь знает, когда надо приказывать своим людям, а когда – спросить их совета. Ты знаешь.

Вот так. Немного лести еще никому не вредило.

Мне кажется, я был убедителен. Остается надеяться, что они сейчас посоветуются и отправятся восвояси. Я в этом практически не сомневался.

И радикально ошибся.

Глава 11. В которой все происходит совсем не так, как планировалось

Совещалась варяжская молодежь долго и пылко. На последнем этапе дискуссии они даже перестали контролировать меня и окрестности – так увлеклись.

А я забеспокоился. Полагал, что после моей обличительно-пафосной речи они достаточно быстро придут к консенсусу, решив, что наши разборки – это разборки старших – и пусть старшие, то есть я и Трувор, сами решают, как дальше жить. Но нет, не срослось.

В общем, поругавшись вполголоса минуток пятнадцать, варяги разделились примерно на две равные группы. Одна осталась на дальнем углу полянки, а другая, возглавляемая Анудом, двинулась ко мне. Причем лицо у подраненного Зарёй юноши было такое решительное, что я решил: все. Драки не избежать.

Парень остановился шагах в пяти и здоровой рукой вытянул из ножен меч.

Вытянул, развернул рукоятью вперед – и протянул мне.

Ну ни фигя себе! Вот уж чего я точно не ожидал!

Если бы они просто ушли, я бы счел это удачей. Но моя удача, она такая... своеобразная. То ее щедрость просто зашкаливает, то – облом за обломом. Мои друзья-викинги относятся к удаче как к функции, что ли. И чем больше я об этом думаю, тем больше мне кажется, что они правы. Если бы еще понять, от каких конкретно действий она зависит? Потому что мне как-то не верится, что удача прямо пропорциональна объему жертвоприношений и количеству нарушенных гейсов. Что-то еще. Что-то такое, что зависит только от меня. В общем, будет время – об этом стоит поразмыслить. Но не сейчас. Сейчас мне надо переварить подкинутый капризной дамой пряник.

А именно: варяжская молодежь, посоветовавшись, решила – служить такому лидеру, как Рюрик, противно чести. Вождь, который не награждает достойных и бестрепетно сливает своих... Да на кой такой вождь сдался? И вообще он не варяг даже. Правда, Трувор – варяг. Причем старший. Старших надо слушаться, даже если кажется, что они не правы. Просто потому, что они – выше по званию. Но правда – выше всего. В том числе и приказов Трувора. Чтобы решить, что Трувор пошел против правды,

утверждений мало. При всем их ко мне уважении я всего лишь нурман. Не варяг. Однако есть еще Ольбард. И он ничуть не менее уважаемый варяг, чем Трувор. И Ольбард от Рюрика ушел. Взял свою часть добычи недвижимостью и отбыл, прихватив с собой всех желающих. К сожалению, Ануд не стал присоединяться к Ольбарду. Потому что отец велел Ануду быть с Трувором. Ну и еще потому, что Трувор Ануду в родстве на две позиции ближе, чем Ольбард. Но теперь, когда он, Ануд, наконец-то осознал, что вместе с Трувором идет против правды, то ну ее на фиг, такую службу. Увы, Ануд не удосужился уточнить, куда именно ушел Ольбард. И среди тех, кто сейчас здесь, никто этого не знает. Ну да это и к лучшему, потому что служба Ольбарду может оказаться не слишком веселой. На земле сидеть, смердов стричь... Скука и бесславие. Другое дело – жизнь викинга. Такая, о которой я только что рассказывал. Чтоб от золотых цепей шея гнулась, чтоб с конунгами за одним столом пировать и на дочках их жениться. Это ли не счастье? И тут как раз подворачиваюсь я, вождь викингов, славный безмерно и щедрый немерено. Разве станет такой, как я, смердов стричь? Да никогда! Такие, как я, по мнению Ануда, промышляют исключительно драгметаллами, за которые платят исключительно железом. И если я соблаговолю взять славных варяжских отроков под свое крыло, то нипочем не пожалею, потому что обучены неплохо и страха не ведают. Вот и Заря подтвердит...

– Ага, – подтвердила Заря. – Не ведаете. Особенно ты, Ануд, когда ко мне с подарками сунулся.

Парень порозовел. Надо думать, она его не просто отшила. Хотя о чем я? Заря – и «просто»...

Ануд зарумянился, но промолчал. Уже хорошо. Такой парень мне пригодится. И остальные – тоже. Это как в куче дрянных трофеев дюжину франкских мечей найти. В умелых руках такие парни на многое способны. А руки у меня умеются. Мы с Медвежонком да с Палицей из них таких героев вырастим... Только держись.

– Сколько тебе зим, Ануд? – спросил я.

– Восемнадцать.

О как. Выглядит моложе. Если с тем же Скиди сравнить. Правда, Скиди – уже папа. И жизнь у него была оч-чень насыщенная.

Хотя что я знаю о буднях молодых варягов?

Я взял меч... М-да. Качественно проковать железо в здешних условиях – та еще работа, но здесь кузнец явно не перетрутился.

– Трувор тебе его подарил? – поинтересовался я.

Парень кивнул.

– Возьми, – я развернул оружие рукоятью к владельцу. – Покажи, что можешь.

– Что?

– Бей меня.

Правая у него подранена, но варягов обучают работать обеими руками.

Нет, не торопится. Возможно, ждет, пока я достану свой клинок?

– Что, рана мешает?

Рана ему точно мешает. И это хорошо. Гляну заодно, из какого металла он сам выкован.

– Бей!

Ну наконец-то! Так себе удар. Явно придержал. Причем целил в наплечник, где у моей кольчужки – усиленное плетение.

Я ушел поворотом и подбодрил:

– Не стесняйся, воин! Тебе меня все равно не достать.

Воодушевил. От последовавших ударов увернуться было сложнее. И что мне понравилось: он по-прежнему метил в места, защищенные железом. А вот себя не берег: на повязке проступила свежая кровь. И это нехорошо. Надо заканчивать.

Искусство иайдзюцу, то бишь быстрого и желательного скрытного выхватывания меча, я освоил еще в прежней реальности. Не скажу, что оно так уж полезно в битве и даже в обычном поединке. У Японии фехтование заточено под один удар, потому что оно у них – кратчайший путь к смерти. Своей или чужой, без разницы. Но мы-то европейцы. Мы не ленимся поработать клинком, чтобы сделать наш путь в Валхаллу чуток подлиннее.

Однако иной раз и от иайдзюцу бывает несомненная польза. Вот сейчас, например.

Вдоводел выскользнул из ножен и на восходящей встретился с плоскостью даренного Трувором меча, угодив туда, куда я и целил. В место, где инородных включений в стали клинка было побольше. Результат очевиден: боевая часть Анудова оружия стала на три четверти короче.

Я вернул Вдоводел обратно.

– Это сейчас твое прошлое сломалось, Ануд. Будущее покрепче будет. **Мой** подарок так просто не сломается.

К сожалению, ко мне присоединились не все. Я все же не варяг, а посторонний викинг. Но четырнадцать человек, считая и Ануда, тоже совсем неплохо. Самому младшему – пятнадцать зим, самому старшему, Щандру, двадцать. Физическая подготовка – на высоте. Сила, выносливость, ловкость – внушают. Боевые – пониже. Тот же Ануд против

Вихорька простоит хорошо если минуту. Хотя – они ведь не на поединки заточены. А со строем у них получше. Хотя тоже – голый базис. Боевого опыта, как я понимаю, минимум. Если сравнить с моей молодежью.

Ну, боевой опыт – дело наживное. А вот на весла их можно посадить прямо сейчас. А это значит, что мой «Северный Змей» наконец-то получит две смены гребцов на все свои двенадцать румов. На палубе станет тесновато, зато теперь мы сможем потягаться с любым драккаром в здешних водах. Ну кроме разве что Труворова «Слейпнира».

А Трувор меня теперь окончательно возненавидит. С сыном я его рассорил, дочку увел, а теперь еще и четверть дружины переманил.

* * *

Я предполагал, что мой побратим возликует, увидав наших новых соратников, но Медвежонок особого восторга не проявил. Заподозрил «засланных казачков». Я его успокоил: мол, принял у всех клятву верности по всем правилам. Перун – тому свидетель. А для дополнительной мотивации мы сейчас их довооружим маленько. Ибо ничто так не укрепляет верность, как по-настоящему дорогой подарок.

Свартхёвди идею не поддержал. Нефиг ба́ловать! Халява в суровом мире викингов не поощряется.

Я видел: он уперся – и настаивать не стал. Ануду я меч уже пообещал, но один клинок – не проблема. Выделю из своей доли. А что до остальных, то ладно. Пусть будут не подарки, а аренда с правом выкупа.

– Брат, у нас боевого железа в сундуках – на три десятка бойцов, – напомнил я. – Что ему лежать мертвым грузом? Раздадим пока новичкам. Они ж наши теперь. Нехорошо, если в нашем хирде у людей даже клинков годных нет. Ты посмотри на них, – я кивнул на сгрудившихся варяжат, – у половины топоры да тесаки. Нам с ними в строю стоять или лес рубить?

– Для начала я хочу глянуть, как они в строю стоят, – проворчал Медвежонок, не желая сдаваться.

– Проверь, – согласился я.

Мне и самому было любопытно. То есть я варяжский молодняк в бою видел. Пусть и не этих конкретно. Об этих мог только сказать: строй они собирают быстро. А вот каков этот строй на прочность?

Молодежь, понятно, спорить не стала. И страха парни не выказали.

Особенно когда оказалось, что проверять их будут всего двое. Правда, двое эти: Медвежонок и Хавгрим Палица, но оба клятвенно заверили, что в священную ярость впадать не станут. Меня заверили, понятно, а не испытываемых.

Две шеренги по семь человек. Впереди те, кто покруче. Сам Ануд расположился на правом фланге, а левый занял парень по прозвищу Глухарь. Я пока не знал, как у этого Глухаря со слухом, но отметил, что добрый молодец – левша. Что ж, хороший выбор. Фланги – опасное место. Но это – если не знать тактику берсерков. Эти отморозки не ищут слабых мест. Зачем? Любое место становится слабым, когда на него обрушивается ярость сынов Одина.

У варяжат опыта боеконтакта с берсерками нет. Что, наверное, неплохо. Такой опыт – он весьма болезненный. Частенько несовместимый с дальнейшей жизнедеятельностью.

Плотный строй, ошетилившийся дюжиной копий. Ануд и Глухарь – с мечами. У Ануда – новый. Мой подарок. Ничего особенного, но вполне добротный. Во всяком случае, проковали его на совесть, без изъянов.

В центре строя тоже крепкие ребята: Егри и Щандр. Тоже с мечами. Оба – здоровяки вроде моего Хавура.

Ну да. Как я и ожидал, Свартхёвди и Хавгрим ударили прямо в центр. Дружной парочкой с короткого разбега.

Под яростный рык сильно обиженных мишек...

На который парни ответили волчьим воем. Неплохо так ответили. Достойно.

Но сразу заткнулись, потому что им стало не до боевых кличей.

Лязг, треск... И минус два щита. Как раз те, на которые приняли удар эти самые Щандр и Егри. Причем Егри еще и по ляжке плоскостью клинка прилетело, что по условиям схватки приравнивалось в смертельной ране.

Однако и варяжата – молодцом. Поддались, но не порвались. Замкнули брешь. Потерявших щиты сменили дублеры из второго ряда и, угрожая копьями, остановили берсерков, которые, впрочем, нынче выступали в качестве простых рубак. Будь Хавгрим и Свартхёвди в безумном варианте, хрен бы их удалось сдержать даже опытным гридням.

В общем, первую атаку молодежь отразила если не с блеском, то вполне достойно и потеряв только одного человека. А вот дальше – хуже.

Парни на флангах решили использовать прогиб строя в центре, чтобы окружить Медвежонка и Палицу.

Это было инстинктивное движение – зайти со спины. И – роковая

ошибка. Варяжат было слишком мало, чтобы образовать плотное кольцо. А попытка зайти тому же Хавгриму со спины никогда не будет для последнего сюрпризом. Скорее наоборот. У воинов подобного уровня обзор – триста шестьдесят градусов. И если секундой ранее берсеркам противостояла сплошная стена и минимум четыре копы на каждого, то неудачный маневр привнес в эту стену бреши, которыми атакующие немедленно воспользовались.

И вот кто-то из варяжат уже летит вверх тормашками, кто-то сбитой кеглей опрокидывается под ноги соратников. Мозолистая лапа Хавгрима цапает ближайшего варяжонка за шею, разворачивает, используя как щит, и обмотанный тряпками по самую трубку наконечник тяжелого копья – хогспёта лупит в челюсть Глухаря не хуже боксерской перчатки.

На этом участие Хавгрима в тренинге завершается. Палица отступает, утаскивая за собой плененного варяжонка, а на поле боя остается один Медвежонок. Соло. В окружении восьми варяжат. Хотя не уверен, что окружение – правильное слово. Волк в овчарне. Так точнее. При всем моем уважении к варяжатам. Но они были сами виноваты. Позволили противнику превратить правильное построение в беспорядочную толпу. А работать в такой толпе – это ж милое дело для бойца-одиночки уровня «воин Одина». Будь Медвежонок в берсерочьем угаре, он бы перебил их всех секунд за десять. В обычном состоянии и в учебном бою все остались живы. Свартхёвди работал очень аккуратно. И если попадал по тушке, то исключительно плоскостью меча или его оголовьем. А вот ему самому несколько раз прилетало по-взрослому. Оружие у варяжат – в боевом варианте, а азарт – зашкаливает. Ну да у моего братца доспех отличный, и удары он пропускал осмысленно. Что особенно приятно: никто из варяжат не пострадал от «дружеской руки». И сам факт радовал, и уровень подготовки.

Что и было официально объявлено Медвежонок, когда сконфуженная молодежь выстроилась на месте своего разгрома.

Отдельной похвалы удостоился Щандр, который, оставшись в одиночестве, секунд двадцать более или менее успешно сопротивлялся атакам Свартхёвди. Последний, понятное дело, работал в треть силы: знал, что боевой дух дренгов время от времени надо потешить такой мелочью, как достойный проигрыш.

Засим побитое воинство получило неожиданные плюшки. Броньки и оружие из нашего спецхрана. Не все, правда, а только те, кого мы сочли особо отличившимися. И не в подарок, а так сказать, в лизинг. Но радовались варяжата, как местные детишки – медовым сотам.

А потом мы покушали, дождались сумерек, взяли за весла и тихо-тихо выбрались из своей протоки.

Выбрались и двинулись вниз по течению. Подальше от Трувора и... поближе к Ладоге.

Где, я в этом ничуть не сомневался, нас совсем-совсем не ждут.

Глава 12. История Зари, дочери Трувора Жнеца

– Я не люблю отца.

Головка Зарёнки лежала на моей руке. Мы смотрели на звезды. Палуба под нами чуть-чуть покачивалась.

– Мама умерла... Мне было девять зим тогда, Вильду – семь. Ее убили. Я знала, что ее убили, но отец не захотел мстить. Сказал: не видит причины. Мол, я все придумала. И ушел в вик. На три года.

Я молчал. Мне не верилось, что Трувор отказался мстить за смерть жены. Я чувствовал: нельзя спрашивать. И уж тем более – спорить.

– У мамы не было здесь родни. Отец привез ее с юга. За ней дали хорошее приданое, и сама она была красивая и веселая. Ей было трудно у нас. Там, дома, она жила как княжна. У нас – не так. У нас нет рабов для домашних дел. Женщины всю работу делают сами. Даже те, кто княжьей крови, как мы. Отец не позволил маме взять в дом челядь. Сказал: привыкай жить по-варяжски. Только когда мама умерла, он взял в дом наложницу из полонянок, чтобы та помогала бабушке...

Заря замолчала.

Через некоторое время я спросил:

– Как она погибла?

Я чувствовал: ей хочется об этом рассказать, но начать трудно.

– Заболела, – после небольшой паузы ответила. – Сгорела за три дня.

Вот как? На понял.

– Ты сказала: ее убили?

– Так и есть. Женщины белье стирали на мостках. Ее столкнули. Вода была холодная, ночами уже подмораживало. Пока выбралась, пока белье собрала... Была бы дома бабушка, она б ее выходила, но бабушка с отцом на торг уехали. Дома только мы с Вильдом и оставались. Она на следующий день слегла и уже не встала. И позвать некого было: почти вся родня наша ближняя тоже на торг отправилась. Последняя ярмарка перед тем, как реки встанут. Я к сестре отца побежала, а та... Это она ее и убила! – с ожесточением проговорила Заря. – Нам с Вильдом сказала, что сама все сделает. Знахарку позвать не дала. Я от женщин потом слышала: это она ее в воду и столкнула. Будто случайно. А отец мне не поверил. Сказал: наговаривают. Хотел ее даже к нам в дом взять. Она вдовая была.

Жила с родней покойного мужа. Бабушка не разрешила. А не то бы я ее еще раньше убила. Или она – меня.

– Ты ее убила? – изумился я.

– Конечно. Я богам клятву принесла, гейс по-вашему: как только смогу взрослый лук натянуть, первая стрела ее будет. Три года до того с луком упражнялась. И со всяким оружием. Вильда дядя наш учил, а я – рядом. Он ругался, дядя. Гонял. Но тетка моя, Кари Улебовна, сказала ему: пусть учится. И я выучилась. Из лука бью получше Вильда, – добавила Заря без гордости. – И клятву сдержала. Как сумела на дядин лук тетиву накинута, так и сдержала. Подстерегла ее одну на тех мостках, с которых она маму столкнула, окликнула, чтоб знала, кто ее, и стрелой – точно в горло. А пока она хрипела, объяснила за что.

– И тебя не наказали?

– Никто не узнал. Я ее с мостков на лодку скинула, увезла, где поглубже, камни к ногам привязала – и все. Хороша я? – повернулась ко мне, ожидая похвалы. Лунный свет в глазах, красивая до невозможности.

– Хороша, – не обманул ее ожиданий я.

Вот, значит, у нас какие скелетики по ларям спрятаны. И вот почему эта девочка так ловко с луком управляется. Выучилась. Еще бы. С таким-то стимулом. А вот от Трувора я такого не ожидал. Не захотел он, значит, сор из избы... Или и впрямь не поверил? Думаю, второе. Сам бы я поверил, если бы мою родную сестру в чем-то таком девятилетняя девчонка обвинила?

Не знаю. Не было у меня родных сестер. Но проверил бы – точно. И детей на бабушку тоже вряд ли оставил бы. Или оставил? Случись что с Гудрун, разве я не доверил бы наших детей ее матери? Конечно, доверил бы.

Так что нечего других осуждать. Труворовой мамы я не знаю, но что-то подсказывает: эта дама из сходной породы. Если я правильно помнил, ее двоюродная сестра была бабушкой князя Рюрика. То есть очень возможно – той же скандинавской породы. Черт! А ведь я и забыл, что Трувор с Рюриком – в родстве. Причем в родстве довольно близком, по местным меркам. Может, поэтому Жнец так за него держится?

– Расскажи мне, как твоя жена убила того ярла, – прильнув ко мне, попросила Заря. – Она и впрямь его убила?

– Да, милая. – Откровенность за откровенность. – На наш дом напали. Их было много, очень много...

Я задумался, вспоминая...

...Кольцо щитов вокруг. Разъяренные бородатые рожи, бьющая со всех

сторон сталь, рев Хавгрима, зажатого со всех сторон, и колотящаяся в виски мысль: Мьёр-ярл, где он? Куда он подевался? Жуткое чувство, что где-то рядом происходит что-то ужасное. Что-то более страшное, чем происходит со мной сейчас. Казалось бы: куда уж хуже! Меня зажали. Расклад: восемь на одного. Восемь злющих хускарлов, которые вот-вот меня прикончат. И еще десяток тех, кто из-за тесноты не может до меня добраться.

А я нутром чую: что-то куда более скверное вот-вот случится. Где-то рядом. А я ничего не могу. Я больше не управляю положением, я – в ловушке. Чертов Мьёр-ярл! Не вижу его! Не вижу! Так не должно быть! Это неправильно! Это он меня должен сейчас убивать! Так должно! В любой схватке ярл – на самом важном месте. А что может быть важнее, чем расправиться со мной? Где ты, сволочь?

Может, именно эта мысль и дала мне тогда шагнуть за пределы сил.

Я вырвался, нырнул прямо в черный провал входа в дом – и увидел заляпанного кровью Гуннара и кучу трупов вокруг. И уже не поймешь, кто свой, кто чужой, но Гудрун я узнал.

Моя девочка лежала на земляном полу, и вся солома под ней была пропитана кровью...

– Их было трое, – сказал я. – Сам ярл и двое его хускарлов. Пока мы бились снаружи, защищая сначала стену, а потом вход в дом, этот гад ползучий просочился через малую дверь. А там – моя беременная жена и наша холопка. Ярл даже не думал, что она станет драться. Их было трое, все в отличной броне, с боевым оружием, а у Гудрун на поясе – легкий клинок, которым женщине не пробить добрую кольчугу. Но она – пробила.

– Она очень сильная, твоя жена.

– Да, она сильная, – согласился я, хотя имел в виду не совсем то, что Заря. Не «физику» – дух. Что же до физической силы, то тут сработала не сила, а техника. Выпад я ей поставил, а остротой и качеством ее меч ничуть не уступал моему Вдоводелу.

Но все равно бросаться с легким мечом на трех матерых викингов в полном облачении... Все равно что на танк с гранатой. На три танка...

– Ярлу она проткнула брюхо, а одному из его людей – горло. Третий вышиб у нее оружие, но ударить сам не успел. Его зарубила холопка.

Тихая Бетти, вот кому потребовалось едва ли не больше мужества, чем Гудрун. Рабам, даже мужчинам, не положено быть храбрыми. Храбрые рабы не выживают. Ни мужчины, ни женщины. Бетти захватили в плен, когда она была почти ребенком. Послушание и покорность...

Гудрун дорого заплатила за храбрость. Потеряла ребенка. Нашего сына. Первенца. Я не сказал ей, что это был сын. Сказал: была бы девочка. Солгал.

– А я с клинком не очень-то управляюсь, – пожаловалась Заря и потерлась щекой о мое плечо. Намек?

– Я научу, – пообещал я.

Взвизгнула восторженно прямо в ухо и принялась целовать...

Ну и понятно, что дальше. Нет, не зря здешние моряки стараются женщин с собой не брать. Чтоб не завидовали.

– А холопка эта, которая третьего нурмана убила, что с ней стало? – спросила Заря, когда схлынуло.

– По нашим законам, если раб сражался с оружием в руках вместе с хозяином, он получает свободу.

– По нашим – тоже. Но она ведь женщина, не мужчина.

Ну да. Свобода – это вроде хорошо, но для женщины в этом мире... Не факт.

– Моя жена попросила взять Бетти в наложницы, – сказал я. – Бетти сказала, что хочет этого, и я согласился.

– Мудро, – отметила Заря. – Если мужи спасают друг другу жизнь в битве, они могут стать побратимами. Это – похоже. Они теперь тоже родня, а их сыновья станут братьями.

– Я надеюсь.

– Я тоже хочу от тебя сына! – заявила Заря.

– А я хочу спать! – проворчал устроившийся в полутора метрах от нас Медвежонок. – Так что сделай мне добро, братец: займитесь моим племянником завтра!

Надо же! А он уже неплохо понимает по-словенски, этот берсерк, сын берсерка. Налицо явные лингвистические способности. Глядя на него, и не скажешь. Натуральная нурманская зверюга.

– Давай спать, Зарёнка, – сказал я. – Нам завтра понадобятся силы.

Как будто не в небо, а в воду глядел.

Глава 13. Ладога в осаде

Первое, что бросилось в глаза, – отсутствие «таможенной службы» на ладожском волоке.

И не я один это заметил. Медвежонок, стоявший у кормила, немедленно взял влево, прижимаясь к берегу.

– Нас ждут, – предположил Тьёдар.

Я пожал плечами. Нам сейчас так и так придется высаживаться. И мы, я полагаю, готовы к любому обороту событий.

Оба драккара, Ульфхамов и Труворов – где-то выше по течению. А это – главные силы Рюрика. Без варягов и скандинавов в драку со мной Рюрик точно не сунется. Равно как и Гостомысл. Даже если у них и осталось с полсотни воев, то это далеко не элита. Если мы не полезем в драку, они – тоже.

А мы не полезем. Нам надо всего лишь пройти мимо Ладоги. И дальше. Рюрик думает, что мы намерены возвратиться домой.

Мы и впрямь намерены. Но попозже. Ведь до конца лета еще далеко.

– Нам нужен еще один корабль, – заявил хозяйственный Свартхёвди на вчерашнем совете. – Добра будет много. «Змей» маловат, чтобы все увезти, а рук нам теперь хватает.

Пока что хватало и места, но у Медвежонка – обширные планы. Раз уж мы разосрались с Рюриком, то кто нам теперь мешает как следует повеселиться. Обобрать пару-тройку торговых судов, «поторговать» железом с прибрежными селениями. Опять-таки капище со златокоронным идолом, о котором я поведал брату, наверняка не единственное в здешних землях. Почему бы не пройтись по центрам здешних религиозных культов, как мы это сделали во Франции? Всего-то и нужно: правильно расспросить местных, а это викинги умеют.

В последнем я точно не сомневался. В умелых руках скандинавских шкуродеров даже невский гранит согласится сотрудничать.

Опаньки! А у нас тут, оказывается, драчка. Причем без нас. Как-то даже обидно.

– Весь это, – авторитетно сообщил Щандр, опередив Ануда. – Мы с них дань берем.

– Когда берем, а когда и нет, – недовольно возразил Ануд. – Когда их много, они дерзкие. Вот как сейчас. Только я думаю: это не наша весь.

Наши бы так быстро не прибежали.

– А вообще много их, веся этой? – спросил Медвежонок.

– Как белок в лесу! – Щандр опять опередил Труворова племянника. – Держались бы вместе, большую силу взяли бы. Но у них каждый род сам за себя.

– Князь у них есть! – заспорил Ануд.

– Да ну! Какой это князь! – отмахнулся бойкий на язык Щандр. – Дружины нет, дани ему не платят. Только если война у них, тогда он командует, и доля ему побольше прочих положена.

Сдается мне, нынче как раз такой случай. Весей этих, вернее, весян, под стенами ладожского укрепления собралось сотни две. Войско и есть.

– А еще они сок березовый пьют, – сообщил варяжонок Егри. – Забористый! Выпьешь кувшин – и голова кругом!

Вот это особенно ценная информация.

– Бьются как? – вернул разговор в правильное русло я.

– Стрелы мечут, копьями, топорами бьют! – Щандр опять успел первым, хотя я обращался к Ануду. – А тебе зачем, вождь? Мы ж с ними драться не будем.

Я повернулся и поглядел на нахального отрока в упор. Тот, однако, ничуть не смутился, даже оживился:

– А что, будем? Ух-х!

Прилетело ему по шее не от меня – от Стюрмира. Молодец здоровяк! Ну просто мысли мои читает.

– Что думаешь, брат?

– Я думаю: вода стоит низко, – ответил Медвежонок. – Через пороги не пройдем, придется волоком. Хрёрек нам помешать не сможет. А эти... Не знаю. Могут и напасть.

– Ануд, как они стреляют? – спросил я.

– Метко. Но стрелы слабые. Добрый щит не пробьют. Хорошую бронь тоже.

Я еще раз поглядел на обнаглевших лесовиков. Наверняка пронюхали, что большая часть ладожского воинства – в отъезде. Хотя... Вспомнилось: кто-то говорил о том, что Водимир подзуживал окрестные племена отойти от Ладоги. Так что, может, это и не экспромт, а припоздавшие союзники побежденного князя. И, кстати, их здесь побольше двухсот. Две сотни – это только те, что крепость подпирают. Есть еще те, что сейчас обшаривают город. И вторым, я думаю, никто не помешает в нас пострелять, когда мы потащим драккар волоком. Полагаю, они вряд ли упустят такую возможность. Я этот народ знаю: если нурманы нападают, они бегут. А

если не нападают, значит, опасаются. Значит, можно напасть самим. А что стрелы у них слабые, так это хорошо, когда мы в строю. А ногу или руку и охотничьей стрелой поразить нетрудно. Что мы недавно с успехом доказали.

Можно, правда, разделиться. Пусть молодежь тащит драккар мимо порогов, а мы прикроем. Нет, не получится. Слишком их много. Засыпят стрелами – кого-то обязательно достанут...

Значит, стоит сначала вломить.

Ладно, князь Рюрик! Будешь нам должен!

Я принял решение.

– Будем бить!

– Весь или ладожан? – уточнил Стюрмир.

– Весь, – вместо меня ответил Медвежонок. – Ладожане – за стенами, медвежья твоя башка! До них не дотянешься.

– Верно решил, хёвдинг, – прогудел Палица. – Бьем! Не то подумают: мы лесовиков испугались!

И – взрыв веселья в рядах моей старой гвардии.

– Пройдемся гребнем через городок, – сказал я, – а потом встанем строем и поглядим: полезут или побегут.

Дальше – просто.

Разбились на тройки (я взял Ануда и еще одного варяжонка по имени Куци) и беглым шагом – к городку. Это удобно, когда стен вокруг города нет, но есть заборы, которые мешают видеть, что творится в соседнем дворе.

Впереди Ануд со щитом и копьем. За ним – Куци с луком. Я – замыкающий.

В первом мы не обнаружили никого, если не считать мертвого пса. Ну, и разграбленных ларей-сундуков.

Во втором, соседнем, трое смердов деловито грузят телегу чужим барахлом. На нас глянули мельком. Сначала. Потом сообразили... Но – поздно.

Три смерда – три трупа. При этом двое даже вякнуть не успели. Третий попытался сбежать, но был остановлен стрелой в затылок.

Третий двор... Пусто. Четвертый...

Опа! Великая битва человека с козлом. Козел упирается. Не хочет покидать родной хлев. Патриот. Надо пособить.

Козел, поганец, не оценил. Попытался поддать рогами. Промахнулся и ретировался.

А кто это там орет по соседству? Блин! Я же велел соблюдать тишину!

Хлоп! На выходе со двора Ануд поймал стрелу. Щитом. Брошенное в ответ копье пригвоздило стрелка к очередному забору. Ануд копье выдернул, а Куци хозяйственно снял с корчащегося на земле весянина туго набитый колчан и прицепил рядом со своим.

Следующий двор. Нас уже ждут. Сразу три стрелы. Все – в Ануда, но тот успел присесть и укрыться за щитом, так что одна царапнула по броне Куци, а вторая угодила в мой шлем. Слабоват лук у весянина. А вот у Куци – в самый раз. Прямо в глаз.

Ануд рванул с места. Копье, опережая, ушло в соседнее окошко одновременно со встречной стрелой, которую я небрежно сбил Вдоводелом.

Выхваченным мечом Ануд рассек кожаные петли, на которых крепилась дверь, толчком вышиб ее внутрь, сбил щитом последнюю стрелу и зарубил стрелка.

А интересный дом! Богатый! Но – некогда.

Следующий двор... Пусто. Еще один... Тоже пусто. А дальше уже рыночная площадь, по которой, лавируя между скамей и лотков, улепетывает разрозненная толпа недавних грабителей. Только вряд ли у них получится.

Мы – не первые, кто закончил с зачисткой. Вихорек и еще пятеро варягов развлекаются стрельбой по движущимся мишеням. Тьёдар, Хавгрим и Скиди наблюдают. Причем не за беглецами, а за толпой весян, обложивших крепость.

А там уже намечается некоторое шевеление. Заметили нас. Ну да так и ожидалось.

Ага! Еще семеро наших! И что-то не видно группы Медвежонка. Это беспокоит. Разница в уровнях его и весян огромна. Но мало ли...

Ну вот. Наконец-то все в сборе.

– Вдоль реки прогулялись, – объяснил Свартхёвди причину задержки. – Эти на лодках пришли. Добро на них грузили.

Ну да. Где добыча, там и мой братец. Но успел он вовремя. Как раз когда часть скопившихся под крепостью лесовиков сменила вектор атаки и двинулась убивать нас.

Впрочем, мы начали их убивать раньше. Вернее, Бури начал. Прилетевшая откуда-то из-за наших спин стрела угодила в самую серединку сборища (войском это я назвать не рискну) противников.

Я оглянулся и увидел своего снайпера-стрелка, оседлавшего крышу дома, в котором мы недавно обитали. Ну да, кто еще способен метнуть стрелу на две сотни шагов.

Ага! Со стен крепости нас тоже вроде заметили. Узнали или нет? Расстояние приличное, метров триста.

Ну, коли так, то у них есть шанс ударить весянам в спину. Хотя нет, не получится. Примерно треть осаждающих никуда не двинулась. Блокируют вылазку, надо думать. Или сторожат, чтоб не разбежались.

А хорошо идут – для любителей. Кучно, щит к щиту. Щиты большие, немного суженные сверху и снизу. Считай, ростовые. Не спешат. Шаг, подшаг, пауза. Я по ритму вижу. Дистанция сто метров. Оп! В строю образуется дырка. Это Бури. В следующую секунду дырка закрывается, но за моей спиной за это время дважды спустили тетиву. Кошу глазом через плечо – Вихорек.

Я – в первой шеренге. Слева – Тьёдар, справа Хавур Младший Хакисон. Тьёдар выше меня на полголовы, а Хавуру я вообще по плечо. Тем не менее именно я – основная ударная сила, если что. Я буду бить, а они – прикрывать. В бою щит в щит небольшой рост может работать в плюс, если знать как. Я знаю.

– Стена! – рывкает, опередив меня, Медвежонок, и я поспешно приседаю, прикрываясь щитом, в который тут же начинают лупить стрелы.

Весь стреляет густо и неприцельно. Работает, по моим прикидкам, этак с полсотни лучников. На пятидесяти метрах простые луки вполне эффективны. Некоторые наконечники даже расщепляют основу щита. Сочный лязг. Это прямо в центр угодило, в умбон.

Стрельба прекращается.

И азартный рев двух сотен глоток. Врукопашную пошли, болезные.

Навстречу – волчий вой варяжской молодежи. Кое-кто из скандинавов тоже присоединяется.

Я молчу. Мой Волк еще свое слово скажет.

Весяне бегут. Вперед, в атаку. Бегут, орут... Подозреваю, что подбадривают сами себя. То, что нас мало, они видели издалека. А вот кто мы...

Похоже, лесное ополчение сообразило, с кем придется иметь дело. Шлемы-то у нас характерные. И щиты. И все остальное – под стать.

Когда дистанция между нами сокращается шагов до десяти и строй противника оцетинивается копьями, наша первая шеренга дружно мечет свои. Я вижу, как копьё Хавура пробивает щит и опрокидывает того, кто его держал. Следующий спотыкается и падает.

Зря они побежали. Держать строй на бегу они не умеют.

А вот мы – умеем. Дружный рывок вперед, грохот столкнувшихся щитов. Вопли убиваемых.

Прямо передо мной уже нет никого. Щиты весян валяются на земле. Под одним ворочается раненый, другой щит хозяин пытается поднять, но не успевает. Копье Тьёдара колет его в шею, я наступаю на щит...

Оружий то ли от страха, то ли от ярости весянин мечет в меня копье и выхватывает из-за пояса топорик. Копье я сбиваю краем щита, топорик игнорирую. И правильно. Когда Вдоводел входит весянину в живот, топорик из его руки выпадает сам. Уколоть, провернуть, выдернуть. Убивать людей за эти годы я научился очень хорошо. Никаких чувств я не испытываю. Этот весянин – никто. Бонд-охотник, который возомнил себя воином и напал на настоящего воина.

И умер.

Нет, участие моего Волка в этой битве не понадобится. И берсерочьего рева тоже не слышно. Лесные крысы решили, что могут напасть на волчью стаю, если их в десять раз больше. Ну-ну.

Пара минут – и крысы разбегаются, побросав оружие. Варяжский молодняк преследует их, многих догоняют и сшибают с ног. Варяги – они хорошо бегают. Ничуть не хуже северян и намного лучше этих. Самых шустрых и самых сообразительных, первыми кинувшихся наутек, догоняют стрелы.

Весь, оставшаяся у крепости, покидает боевой пост, чешет огородами к лесу.

И – наконец-то – ворота крепости открываются, и оттуда выскакивает подмога, копий тридцать – на лошадях!

Не лучшая идея, если учесть, что на их пути полно изгородей. Да и кто-то из весян сообразил, что пешим от конных удирать – не самое умное. Потому часть беглецов развернулась и встретила конницу стрелами.

Наступательный пыл ладожан тут же угас. Те, кто уцелел, поспешно развернули коней – и галопом обратно за стены.

А воспрявшие весяне передумали отступить и ринулись за ними.

В крепости замешкались, пропуская внутрь всадников, и не успели закрыть ворота, к которым опять подвалили весяне. В створе завязалась драка. С обеих сторон полетели стрелы...

Ударь мы сейчас в спину веси, это решило бы дело.

Но мы не ударили.

– Сдается мне, нет Хрёрека в крепости, – сказал Медвежонок.

Я кивнул. Наш бывший конунг – опытный военачальник. Дурацкая кавалерийская атака – не его стиль. Опять же косяк с воротами...

– А не взять ли нам эту крепость? – предложил Гуннар, алчно облизнувшись.

– Людей потеряем, – к моему удивлению, возразил Свартхёвди. – А нас мало. Да и зачем? Там на пристани наш кнорр стоит, тот, что мы Хрёреку продали. А на берегу – боярские склады целые, не разбитые. Там, небось, добра под стропила.

– Вряд ли ты найдешь серебро на речных складах! – возразил Гуннар, еще один специалист по освоению чужой собственности. – А в крепости оно точно есть! Там казна Водиминова!

– А на складах – меха! – привел контраргумент Медвежонок. – Это здесь они дешевы, а те же франки за них не то что серебром – золотом заплатят. Что скажешь, хёвдинг?

– На крепость не пойдем.

Не хочу я ладожан грабить. Как бы скверно ни обошелся с нами Рюрик, но ладожане – ни при чем. А вот пощипать здешних богатеев – самое то. Я еще не забыл, как от меня ладожские бояре носы воротили. Опять-таки мирно все обойдется, потому что мешать нам некому. Приказчиков всяких и прочих околоторговый люд всяне перебили, а настоящие хозяева складов сейчас немного заняты – с весью рубятся. Искренне надеюсь, что крепость они отстоят, но помогать им мы не станем. Мы им и так недурно пособили, перебив и разогнав две трети осаждающих.

– Ты, Медвежонок, возьми наших и грузите добычу на кнорр, а я соберу дренгов и займусь «Змеем».

Надо драккар мимо порогов протащить. И стоит поторопиться, потому что мало ли...

Вдруг прямо сейчас сюда направляется очень недовольный Трувор. Или Ульфхам Треска со своими. Или Рюрик... Или еще кто-нибудь. В общем, надо работать, пока погода хорошая.

Глава 14. В которой хирд Ульфа повышает свое благосостояние

Вот что значит профессионалы. Даже такие, как наши варяжские новобранцы. Разбили почти десятикратно превосходящего противника – и ни одного серьезно раненного. Десяток царапин, сотня синяков... Которые могли бы обернуться серьезными ранениями, если бы я не распорядился максимально улучшить защиту молодежи.

Варяжата тоже довольны. Первый совместный бой – и такая убедительная победа. И такая замечательная добыча. Правда, взятое нами имущество когда-то принадлежало ладожанам, но добыча, взятая в бою, – это святое.

Среди наших новобранцев опять отличился Щандр. Доблестью и свирепостью. Так заявил Медвежонок. Мой братец, похоже, положил на парня глаз. В хорошем смысле этого слова. Ну, его дело. Лично мне этот боец малосимпатичен. Может, потому что чем-то похож на Лейфа Весельчака, предателя, укравшего мою жену и едва не отправившего меня в мир иной.

Я, однако, понимал, что это – личное. И старался не выказывать неприязнь.

Драккар мимо порогов мы протащили быстрее, чем ожидалось. Молодежь набрала порядка двух дюжин пленников, которые нам помогли. Охотно, потому что в обмен на добросовестный труд им пообещали жизнь. Не свободу, нет. За их свободу родне придется раскошелиться.

Ну, или еще кому-нибудь. Там видно будет.

Медвежонок тоже времени зря не терял. Трюмы кнорра набили кипами лучших мехов, бочками воска и меда и прочими местными ценностями, часть из которых уже была любезно приготовлена к отправке нашими «друзьями» весянами.

Ладожане нам не мешали. У них были нынче другие заботы. Драчка у крепостных ворот затянулась. К штурмующим примкнула часть тех, кто сумел удрать после недолгой битвы. Попробовав на собственной шкуре остроту наших мечей, весяне решили, что взять крепость проще, чем конфликтовать с нами.

Когда мы уходили, крепость держалась. Ну, Перун им в помощь, или кому они там еще поклоняются. А у нас теперь все хорошо. Два корабля,

набитых почти под завязку, полноценный хирд, двадцать два крепких трэля для хозяйственных работ. За каждого на скандинавских рынках предложили бы не меньше двух марок серебром. Но я – не работороговец. Мы их отпустим. За выкуп. Моржовая кость по весу. Они сами предложили. А двоих весян я возьму в хирд. Двух братьев-погодков. Бури сказал, у них неплохие способности к стрелковому делу. Парни не против. Они только что видели, как мои бойцы поднимают благосостояние, примерили этот способ заработка на себя – и им понравилось. И если другие пленники глядели на нас буками, поскольку мы отправили в страну вечной охоты минимум полсотни их родичей, то эти – нет. Братья были из другого племени. Их папа, проигравший в межплеменной борьбе, отдал их победителю как бы на воспитание, а по смыслу – просто заложниками. Так что в ораве, пришедшей пощипать Ладогу, их родовичей не имелось.

Кстати, моя первая мысль о том, что нашествие возбужденных весян вызвано инфой, что в Ладоге не осталось воинства, оказалась неверной. Племенное сборище – это не отряд быстрого реагирования. Зато вторая идея оказалась – в точку. Весянское ополчение было ответом на политику Водимира. Простой податный народ пришел поддержать удачливого князя в его терках с неудачниками Гостомыслом и Рюриком. Однако госпожа Удача... Оказывается, она любит шутить не только со мной. Водимира она кинула, а вот весянам поднесла неожиданный подарочек: Ладогу, в которой не было ни Рюрика, ни Гостомысла, ни большинства их дружинников. Десятка два отроков и около сотни боярского и купеческого ополчения. Причем большая часть последних дала стрекача, едва на горизинте показалось весянское воинство. У кого имелись плавсредства, рванули вниз по течению, остальные – в леса. И лишь немногие – под защиту укреплений.

Тут стоило задуматься, потому что у нас были все шансы наткнуться на беглецов из Ладоги. А это могло повлечь проблемы.

Ну, это я так думал. У моего побратима новость вызвала совсем другую реакцию – ухмылку до ушей. И старина Хавгрим тоже расплылся в характерной улыбочке викинга, предвкушающего поживу. Это ж и ежику понятно: когда небедные люди бегут из родного дома, то пихают в карманы самое ценное.

Собранный наскоро совет полноправных хускарлов полностью разделил позицию Медвежонка.

Я осторожненько вякнул, что у нас и так загрузка под край, а дорога домой длинная. Всякое может случиться...

От меня потребовали конкретики. Моей интуиции в хирде доверяли.

Скажи я, что боги не велят грабить беглецов, меня бы, возможно, послушали. Или нет?.. В безграничном желании набивать сундуки моя команда единомышленна. И это не те люди, которые слепо выполняют приказы. В бою? Да. Без вопросов. Но на совете – вряд ли. А отдавать приказ, который не будет выполнен, – это прямая угроза авторитету.

В общем, если не можешь воспрепятствовать – возглавь.

– Берем только те суда, которые могут идти по морю! – решительно заявил я. – На мелочь тратить времени не будем.

– Мелочь и не возьмем, – пробасил Хавгрим. – Серебро, лучшие меха, оружие...

– Девки красивые! – влез Скиди.

– А может, и корабль какой годный попадется! – размечтался мой побратим.

– И все это сейчас от нас уплывает. – Я разбил вдребезги мечтательное настроение соратников.

Помогло. Закатали губищи обратно и забегали, как блохи по барбоске.

Полчаса – и на веслах уже по полной смене гребцов, на бывшем рабовладельческом судне – буксировочный трос к драккару. Чтоб без тормозов.

И еще пятеро весян нам в помощь. Рядовые необученные, но грести могут. И будут. С энтузиазмом. Перспектива будущих грабежей вытеснила преданность роду и прошлые кровавые обиды. Но это пока что предварительный тест. Главный в бою будут сдавать.

Первые сбежавшие из Ладоги суденышки мы настигли ближе к вечеру. Мелочь. Плоские широкие корыта с надстроеными бортами. Четыре штуки. Сгрудились у берега. Ужин у них...

Был. Теперь – у нас.

Как увидели добры молодцы хищную морду «Северного Змея», заворачивающего от стрежня к берегу, так всей артелью дружно ломанули в леса.

Мы не преследовали.

Из товара тоже ничего не взяли. Не интересен. А вот ужин пригодился. И другие съестные припасы.

Поели – и на борт. Ануд заявил, что знает здешние воды достаточно хорошо, чтобы вести корабль и ночью. Не спеша, на двух парах весел, которые исключительно для управляемости, остальное река сделает.

Медвежонку идея понравилась, я был не против, тем более я уже знал, что здешними реками ходить можно и по ночам. Если их знать, понятное

дело.

Первое приличное судно мы увидели через два дня.

Без «тормоза» в виде кнорра «Северный Змей» настиг дичь меньше чем за час.

Бой был недолгим. Если это можно назвать боем. Жиденый дождик стрел, большая часть которых до нас не долетела. Один выстрел Бури, пробивший плечо чужого кормчего, после чего убегающий кнорр начал забирать вправо. Подход к борту, свирепый рык Свартхёвди, крючья в борт...

И на палубе решили, что умереть с честью – это не их профиль.

Владелец груза, тот самый кормчий, которого подстрелил Бури, пытался протестовать, но его люди лояльности к чужой собственности не проявили. Мы – тоже.

Добыча оказалась неплохой. Самое интересное: бронзовая посуда восточной, насколько я понял, работы.

Бывший хозяин прикупил ее в Киеве (Киев! Как интересно!) и намеревался продать здесь, на Севере. А тут весь нагрянула. И явно не с торговыми намерениями.

К огорчению Скиди, женщин в экипаже не было. Перспективных бойцов для хирда – тоже. Двоих мужиков поздоровше Медвежонок решил оставить. На рабском положении. Остальных – убить.

Но тут уж я воспротивился. Аргументировал: нехай живут и размножаются. На радость таким, как мы. Братец на смертоубийстве не настаивал. Пленных высадили на каменистый ладожский бережок и предоставили самим себе. На кнорр выделили команду из четырех варяжат под предводительством Гуннара Гагары и отправились дальше.

Порядок движения по Ладоге я определил такой: «Северный Змей» бодро уходит вперед и высматривает потенциальную добычу. Кнорры же идут не спеша, прикидываясь мирными купцами. Места встречи оговорили заранее. И все бы хорошо, но...

Глава 15. Внутренние проблемы

О том, что у меня в хирде намечается поединок, я узнал последним. От Медвежонок. Тот, впрочем, отнесся к грядущему бою философски. Слова сказаны. Чему быть, того не миновать. Однако он рекомендовал поединок «до первой крови», потому что Щандр – отличный парень и перспективный дренг, который в потенциале вполне способен стать настоящим викинг. Виги же вообще мой сын, а в бою всякое бывает.

– Я могу запретить поединок, – напомнил я.

– Можешь, – согласился Медвежонок. – Ты – хёвдинг. Но они все равно будут драться. Только уже без нас. Виги не отступит, а Щандр не захочет прослыть трусом. А еще он думает, что сможет побить Виги, так что зачем ему отступать?

– А он сможет? – поинтересовался я.

– Он хочет драться по обычаю островов.

Обычай этот был мне известен. Два противника вставали друг напротив друга и лупили друг друга по очереди. Сходить с места было нельзя, и потому в таком противостоянии побеждал самый здоровенный, ведь проигрывал тот, у которого кончались щиты, количество которых оговаривалось перед хольмгангом.

Щандр – здоровее, следовательно, ломать щиты ему проще.

– С чего бы это варягу драться по обычаю островов? – заметил я.

– Это его право, – пожал плечами Свартхёвди.

– А как насчет обычного боя? На кого бы ты поставил?

– На Виги, пожалуй, – подумав, ответил братаец. – Он ведь наш родич и в бою неплох. Но Щандр силен и быстр. Из наших варягов он – лучший.

– Лучше Ануда?

– Да, – подтвердил Медвежонок.

– Почему же тогда Ануд – старший?

– Потому что ты так решил.

Вот как? А я-то думал, что Ануд – признанный лидер.

А почему я так решил? Потому что Ануд командовал отрядом, который был отправлен Трувором поучить уму-разуму дерзких туземцев?

Я утвердил его лидерство, потому что он первым присягнул мне. Хотя то, что за ним последовала только половина варяжского молодняка, – уже достаточный повод призадуматься.

Ладно. Разберемся. Но для начала неплохо бы выяснить, из-за чего

весь сыр-бор.

Я задал этот вопрос Свартхёвди, но тот лишь пожал плечами. Для суровых скандинавов следствие намного важнее причины. У них даже убитая на огороде чужая свинья может стать поводом для кровной вражды, в которой погибнут десятки мужей, а ущерб, нанесенный в процессе разборок, тысячекратно превысит стоимость подкопавшейся под изгородь хрюшки.

– Виги! – гаркнул я.

Мой сын появился тотчас. Наверняка терся где-то поблизости.

– Выкладывай! – потребовал я.

– Я его убью!

Начало обнадеживает.

Пришлось напомнить:

– Он – твой брат по палубе, – произнес я по-словенски.

– Meinfretr!^[7]

Свартхёвди хрюкнул. Одобрительно. Ему позиция Вихорька понравилась.

Мне – нет.

– Скажи, что случилось между вами, – потребовал я.

– Это не важно, – заявил Вихорек, глядя мимо меня.

По роже видно: ушел в глухую несознанку.

– Свободен!

С его будущим противником, варяжским добрым молодцем с пшеничной гривой и пятьдесят вторым размахом плеч, я беседовать не стал.

Щандр вроде бы мой человек с недавнего времени, однако Вихорек – мой сын, так что я в любом случае был бы на его стороне.

А Щандр мне еще и не нравился. Как я уже отмечал, парень слишком похож на Лейфа Весельчака, пусть ему, предателю, в Валхалле – или где он там оказался – ежедневно кишки выпускают.

Щандр – такой же красавчик-хитрован. И при этом притворяется таким рубахой-парнем.

А еще он активно и небезуспешно втирается в доверие к моим хольдам: Медвежонку и Хавгриму.

Будь у меня возможность Щандра выгнать, я бы так и сделал.

Но знать, что именно послужило причиной конфликта, я должен. Хотя бы для того, чтобы подобное не повторялось в будущем.

Оказалось, никакой тайны. Весь младший состав моего хирда был в

курсе. И не только младший.

Понятно, почему Вихорек не пожелал колотиться. Опасался, что я отниму у него право наказать Щандра. Ведь предметом, о который споткнулась гордость Виги Ульфсона, была честь его названного папы. Во всяком случае, он так решил.

– Все это овечьей требухи не стоит, – заявил Скиди, который, собственно, и ввел меня в курс дела. – Этот сказал, что позапрошлым летом поиграл в двухспинного зверя с твоей наложницей. Что был у нее первым и она ему не глянулась. Мол, холодна Заря, как снулая треска. – Скиди хмыкнул. – Скажи он это мне, я б нашел что ответить. Любому ясно, что дело тут не в кобыле, а в наезднике. Когда ты с ней милуешься, это слышит вся округа на полет стрелы. Но этот дренг целил не в тебя, а в Виги. И я не удивляюсь, что попал. И этот ловкач еще пожалеет, что не промахнулся.

– Поясни! – потребовал я.

– Сынок твой, хёвдинг, на твою наложницу глядит как пес на подвешенный к столбу окорок, – в очередной раз удивил меня Скиди. – Слюна аж до земли свисает. – И, увидев мое изумление: – Ты не знал?

Я покачал головой.

Нет, не знал. Хотя что это меняет? Да ничего.

– Ты сказал: Щандр пожалеет.

– Ага. Наш Виги, он обидчивый. Даже я не стал бы его так дразнить. А ведь я в танцах железа получше твоего сына, – Скиди самодовольно ухмыльнулся.

– Виги захочет его убить?

Это было поводом для беспокойства. Когда поединок «до первой крови», но один из участников намерен прикончить противника с первого удара, это дает второму серьезное преимущество.

– Убить? Нет. Это вряд ли. Слишком просто.

– Ага, – охотно признала факт грехопадения Заря. – Щандр первым у меня был. Он шустрый. Ложку в котел первым сует. У них вся семья такая. Отцу моему он нравился.

– А что ж тогда старшим Ануда поставил, а не его?

– Ануд – родич, а у Щандра отец – пришлый. Пристал к нашим, когда те на юг ходили, Перуну поклонился и остался.

Вот как. Пришлый, значит. Может, вроде меня?

Оказалось, нет. Местный уроженец. Был. Море забрало.

– Был бы Щандр природным варягом, уже в гриднях ходил бы. С оружием хорош, умом небеден, – «порадовала» меня подруга.

Вопрос: почему такой продвинутый парень перешел ко мне? Надеялся, что сделать карьеру у меня ему будет легче, чем в варяжской дружине? А чтобы себя показать, не придумал ничего лучше, чем задраться моим сыном? И как такое поведение согласуется с определением «умом не беден»?

Хотя мнение Зари – тоже не истина в последней инстанции.

– А я б его в учение взял, – сказал мне Хавгрим. – Сдается мне, Одину этот варяг по нраву придется.

– А он хочет?

– А с чего бы я тогда об этом говорил? – Палица даже удивился. – Сам, что ли, не видишь, как он нас с Медвежонком улещивает?

– Ты ему доверяешь?

– Ха! Весло – да, спину – нет. Слабоват еще.

Не понял он вопроса.

– Что думаешь по его поединку с Виги?

– Молодым надо. Пусть позвелят.

Вот странно. Почему ни он, ни Медвежонок не обеспокоены? Они же не на кулачках биться будут. И убивать оба умеют лучше, чем я в их возрасте – в компьютерные игрушки играть.

Или это все скандинавский фатализм: кому-то франков грабить, кому-то – в Валхалле пировать.

Но у меня другой взгляд на вещи. И другие задачи. Первая: лишить Щандра преимуществ, какие дает физическая сила, например. Вторая: раз и навсегда закрыть для своих бойцов подобный способ выяснения отношений. И сдается мне, я знаю, как это сделать.

Глава 16. Цена слова

– Вы все неплохо потрудились, – сообщил я собравшемуся на полянке хирду. Только основному составу. Свеженабранные весяне – отдельной кучкой. У них пока нет ни места в общем строю, ни права на долю в добыче. Еще отдельнее – трэли. Рабов-весаи осталось всего десять. Остальные были зачислены кандидатами в мой хирд. Десять весаи и двое – из последней добычи.

– Да, неплохо. Теперь наша стена щитов уже чуть больше похожа на стену щитов, а не на забор вокруг избы вдовой бабы, а я почти верю, что вы сумеете взмахнуть мечом так, чтобы не отрубить ухо соседу. Опять-таки, каждый из вас стал немного побогаче. А почему? – Я обвел взглядом строй молодежи. – Почему еще недавно у вас не было ни доброй брони, ни серебра в кошельках? Вспомните, какими вы были до того, как взошли на палубу «Северного Змея»? Ну а теперь поглядите друг на друга! Что видите? Да то же, что и я! Вы наконец-то стали похожи на воинов! Я скажу вам почему! Потому что вы наконец-то poznali главное мужское волшебство героев Севера. Хотите узнать, каково оно? Тогда смотрите сюда! – Я вытянул из ножен Вдоводел и поднял над головой. – Хотите узнать главную тайну викингов? Настоящее волшебство пахарей пенного моря?

Конечно, они хотели. Еще бы!

Боковым зрением я поймал улыбочку Тьёдара Певца. Ну да, это его школа. Молодым убийцам нравятся красивые слова. Все, что превращает мерзкое и отвратное действие под названием «война» в нечто героическое. Валхалла, валькирии, пляска сильных... И вывалившиеся из разрубленного живота кишки от героических слов вроде воняют меньше.

– Вот оно, вы видите? – Я помахал Вдоводелом над головой. – Вот оно, наше главное волшебство! То, что властно над любой вещью! То, что я сейчас вам скажу, и есть главная тайна нас, викингов, людей Севера! – Я сделал еще одну паузу.

На полянке – идеальная тишина. Кое-кто даже дышать перестал. Надо думать, аудитория готова внимать высшей истине:

– Наши мечи, – сообщил я, – это не просто железо! Это особенное железо! И не потому, что способно убивать! Они это могут, наши мечи, но главное – не это! Главное в том, что именно они делают чужое – нашим! Не серебро, не золото, а оно, наше железо, вот то, чем мы платим за все! Вот

поэтому весь мир принадлежит нам! Мы приходим и берем все, что пожелаем. Потому что пока в наших руках есть это... – Я взмахнул мечом, – все, что было чужим, становится нашим! Любая вещь, любой человек, женщина, мужчина – все это становится нашим! Потому что мы, – я мотнул головой в сторону моих ветеранов, – воины Севера! И вы теперь – тоже воины Севера! Так?

– Так!!! – дружно рявкнули бойцы.

Понравилась им моя речь. Рожи у всех повеселели. У ветеранов, кстати, тоже. Тьёдар глазки характерно скосил. Не иначе новую драпу сочиняет.

А теперь пора переходить к главному.

– Виги! Щандр! Ко мне!

Вышли. Вихорек мрачен и сосредоточен. Щандр лыбится.

– Что так развеселило? – интересуюсь я у него.

– А люблю я железом поиграть! – заявляет он дерзко.

Справа – одобрительное ворчание Свартхёвди.

Ну-ну. Значит, на публику играем.

Но я – не Медвежонок. Я эти дешевые понты не одобряю.

– Выходит, ты уже знаешь, что сейчас будет? – интересуюсь я.

– Ага!

– Может, ты и мысли мои знаешь? – осведомляюсь я ласково.

– А чего тут знать! – заявляет нахал. – Хольмганг у нас будет!

Парень, похоже, совсем берега потерял. Теперь даже Медвежонок нахмурился. Поперед батьки, то есть хёвдинга, делать такие объявления – это грубое нарушение субординации.

– Выходит, ты знаешь, что такое хольмганг, – резюмирую я. – Это хорошо. А что еще скажешь?

Нет, это не Лейф. Весельчак бы уже давно почувал мое недовольство, а этот – как глухарь на току.

– Хольмганг по-островному хочу.

Кто ж тебя, парень, просветил? Хотя мне уже ясно, кто. Вон они, братец мой названный и его партнер по берсеркерству. Но вот фиг тебе с маком, вьюнош, а не золотую рыбку. Тоже, блин, островитянин нашелся.

– Значит, по-островному? Выходит, ты у нас теперь дан, Щандр. А может, вестфолдинг? И кому ты теперь кланяешься: Одину, Тору... А, может, красному Локи?

Растерялся.

Но – ненадолго.

– Ты сам сказал, хёвдинг, мы теперь – воины Севера!

Не-е, парень. Не выйдет. Я в эти игры подольше играю.

– Так и есть. Но это не делает тебя даном. Ну разве что он, – кивок на Вихорька, – захочет тебя усыновить. Ты меня удивил, отрок. Сильно удивил... – Я выдал драматическую паузу. – Не знал, что тебе зазорно быть варягом.

– Да он же пришлый! – бросил кто-то из молодежи.

Остальные оживились. Но совсем не так, как при его заявлении о любви к поединкам.

Вот так, парень. Только что ты был одним из них, причем явным кандидатом в лидеры. А теперь – пришлый. Чужак. Даже хуже: предатель.

– Я – варяг! – поспешно воскликнул Щандр.

Уже лучше.

– Уже лучше, – похвалил я. – Рад, что ты не отрекся от варяжского братства, потому что варяги мне по сердцу. И поэтому из уважения ко всем славным варягам я объявляю, что хольмганг у вас будет по варяжскому обычаю. Виги, что скажешь?

– Мне все равно, – ответил мой названный сын.

Точно. Убивать будет.

– Щандр?

– По-варяжски? Ну я не знаю... – пробормотал Щандр.

И потерял сразу несколько очков рейтинга.

Даже Медвежонок разочарованно хрюкнул.

– Я не боюсь! – поспешно заявил Щандр. – Просто хочу знать...

– Узнаешь, – перебил я. – Хольмганг у вас будет чистым.

– Это как, хёвдинг? – спросил кто-то из молодежи.

– Это значит, свободным от мести и верегельда, – пояснил я. – Иначе если так случится, что он, – я показал на Щандра, – победит, то ему придется биться со Свартхёвди Сваресоном. А если он победит и Свартхёвди... – Я сделал паузу, чтобы дать народу повеселиться, – то со мной. Итак, поединок чистый! А биться будете до тех пор, пока один из вас не признает поражение или будет не в состоянии сражаться!

Варяжата не удивились. Им этот формат был знаком по нашему с Трувором поединку.

А вот кто-то из ветеранов присвистнул.

Мои хирдманы ожидали, что я скажу: до первой крови. В общем, судя по Щандру, он так и намеревался: до первой крови.

А вот Вихорек – нет. А отдавать преимущество его противнику я не хочу.

– До поражения! – повторил я. – А если кто-то из вас будет искалечен

или умрет, то это будет неплохим уроком для всех, кто тоже пожелает оскорбить или вызвать на бой брата по палубе! Сын! Возьми! – я протянул Вихорьку Вдоводел. – Кто-нибудь, дайте Щандру второй клинок!

Оба кивнули.

– Круг! – скомандовал Хавгрим, взявший на себя роль судьи.

Хирдманы разошлись, освобождая место на полянке.

Удачный сегодня день. Пасмурный. Значит, солнце никого слепить не будет.

– Бой!

Щандр напал первым, и мне сразу стало понятно, что в отроках он засиделся. Он был хорош, знал это и ничуть не сомневался ни в собственной силе, ни в исходе боя.

С силой – да. Тут он не ошибался. И по скорости, пожалуй, он тоже превосходил Виги. На первый взгляд. Но я видел, что Вихорек попросту не спешит. Ему – не надо. Потому что он – лучше.

Ничто из вложенного мной и Медвежонком не пропало даром. Каждое движение выверено и отточено. Каждый уход – ровно настолько, насколько нужно; каждый отбив – ровно с той силой, которой достаточно.

Щандр был обескуражен. С полминуты он осыпал Вихорька ударами – и ничего. В начале боя он был уверен в собственном превосходстве. Я понимал, откуда такая самонадеянность.

Вихорек выглядит сущим мальчишкой. Губастое недоразумение с белесым пушком на верхней губе, веснушками на носу и наивными синими глазами. Но это лишь видимость. Щандр – не первый, кто повелся на эту обманку. Он решил, что Вихорек вполне подходит для того, чтобы самоутвердиться. Щандр никогда не видел моего сына в индивидуальной работе, только в общем строю. В строю же Виги был неплох. Но не более.

А вот в поединке...

Биться двумя клинками – особое искусство. И Щандр в нем тоже был хорош. Но не безупречен.

Оп! Первая кровь. И взял ее Вихорек, самым кончиком Вдоводела оцарапавший шею Щандра. Чуть-чуть не дотянулся.

Медвежонок вздохнул, покосился на меня...

Бились бы до первой крови, тут бы все и закончилось. А еще Свартхёвди уже заметил, что для Вихорька это не соревнование, как для Щандра, а настоящий бой, в котором не побеждают, а убивают. И это моего брата не порадовало.

Щандр тоже допер, чем пахнет, и разом поменял манеру боя: с напористой и дерзкой на взвешенно-скрытную.

Поздно. Вихорек уже успел увидеть и оценить его возможности. Как говорится, взвешено, исчислено и сочтено легким. Ну не то чтобы легким, но вполне посильным, потому что обоерукость Щандра была далека от совершенства. Левый клинок временами запаздывал, а временами работал синхронно с правым, что в подобной технике – серьезный прокол. Смертельный.

Слева Вихорек его и поймал – уколom снизу на отходе. Наверняка просчитал заранее. Нет, в этом парне ничего не осталось от того монастырского пастушка, которого я встретил. Мы с Медвежонком можем гордиться.

И Скиди, к сожалению, был прав, когда сказал, что убить Щандра было бы для Вихорька слишком просто.

Узкое жало Вдоводела вошло молодому варягу под нижнюю челюсть. Снизу вверх. Врезав ремень шлема и упершись острием в нёбо. Оба противника застыли. Наступила тишина. Даже Хавгрим растерялся.

– Думаю, теперь его поганый язык перестанет болтать, – на языке данов произнес Вихорек. Резким движением провернул меч в ране, выдернул его и шагнул назад.

Кровь хлынула потоком. Щандр в последний раз махнул мечом (Вихорек небрежно парировал удар) и рухнул на траву.

Я поглядел на отца Бернара. Тот покачал головой. Не спасти.

Что ж, я ожидал чего-то такого... Не понимаю: почему так погано на душе?

Глава 17. Смена цели

Меня заботило: как отреагируют варяжата на смерть Щандра? Не затаят ли зла на моего сына?

Оказалось – наоборот. Еще больше зауважали. Мне казалось: Щандра в обществе варяжских отроков жаловали... Выясилось – не очень.

– С ним дружить трудно было, – поведала мне Заренка после того, как в очередной раз доказала, что прыгающий через перекаты лосось куда ближе ей по темпераменту, чем та снулая треска, о которой говорил покойник. – Он из тех был, кто ничем делиться не хочет: ни добычей, ни славой. Не думай о нем. А вот сын у тебя хорош! – похвалила Заря. – Если боги не заберут его к себе, будет вождем, как и ты.

В общем, победа, которая лишила мой хирд перспективного бойца, принесла и полезные фрукты. Вихорек стал кем-то вроде старшего у варяжат. Они сами так решили. Все, включая Ануда, который, собственно, это и предложил.

Я предложение одобрил. Свартхёвди поддержал. Некоторое сомнение выразил Бури. Мол, обучение Виги-стрелка еще далеко не завершено.

– А кто сказал, что оно завершено? – возразил я. – Ты учишь его, он учит варягов.

Бури поглядел на меня с укоризной, покачал головой:

– Ты, вождь, каждый день меня удивляешь. То мудростью глубокой, то дремучим невежеством. Ладно. Выберу из них кого поспособнее и буду учить всех разом. Вместе с новичками-весеями.

Вот это уже дело! Да еще какое! Если у меня в хирде будет два десятка стрелков хотя бы половинного от наставникова уровня, мы тут всех порвем. И там – тоже. Везде. Я еще не забыл, какими эффективными лучниками были мои погибшие англичане и Юсуф.

В ближнем бою у брошенного копья есть определенные преимущества перед стрелой. Вернее, у такого метателя копий, как, скажем, Стюрмир, есть преимущества перед таким стрелком, как я. Но окажись лук в более умелых руках – и картинка поменяется кардинально. А может, и нет. Копье, в отличие от стрелы, не боится ни дождя, ни морских брызг. И инерция у копья существенно больше. А вот дальность...

Противостоять одним только стрелкам – можно. Плотный строй тяжелой пехоты стрелами не разбить. Плотный строй фактически держит

все. Копейщиков. Стрелков. Берсерков. Конницу... А вот как насчет одновременной атаки берсерков и стрелков? Блин! Какой выигрышной может оказаться такая тактика!

– Нужны будут хорошие луки, – проворчал Бури. – Вашими, северными, не стрелы метать, а по головам друг друга лупить.

– Сделаем... Вернее, купим, – поправился я, поймав очередной удивленный взгляд Бури.

Я воодушевился. Небольшой качественный хирд – это моя мечта. Не больше сотни профессионалов с отдельными функциями. Каждый – на своем месте. Причем большая часть – универсалы. Так, чтобы и из лука стрелять, и строй держать.

Я понимал: дело это небыстрое. Нужны тренировки. По владению оружием, по слаживанию...

Вопрос: где всем этим заниматься?

Хотелось бы поближе к Сёлунду. Я соскучился по своим, да и остальные даны тоже. Но сам Сёлунд отпадает. Во-первых, я все еще опасаясь везти туда Зарю, во-вторых, там Рагнар с сыновьями. А ну как кто-то проболтается, что видел Хрёрека? Наши с ним терки – они наши. И подключать к ним Рагнара у меня нет ни малейшего желания. Кроме того – мой долг перед Иваром. Если я окажусь слишком близко, придется опять встать под знамя Ворона. Не то чтобы я был категорически против, но, полагаю, это несколько преждевременно.

Но это я так полагал. У моих главных советников было другое мнение.

– Надо возвращаться, – заявил Свартхёвди. – Добычи хватает, а по дороге, глядишь, еще что-нибудь возьмем.

– Или нас возьмут, – с истинно скандинавским фатализмом подхватил Хавгрим Палица, любовно поглаживая древко копья.

– Рано домой! – возразил Скиди. – До осени далеко, и мы еще не сходили на капище, о котором говорил хёвдинг. – Пограбим местных богов, как это было во Франкии!

– А я знаете что думаю: хорошая здесь земля, – подал вдруг реплику Гуннар Гагара.

– Земля как земля, – проворчал Свартхёвди. – Сёлунд лучше.

– В Сёлунде – Рагнар...

– К чему ты клонишь, норег? – нахмурился Медвежонок.

– К тому, что там Рагнар. Против него таким, как мы, не потянуть. А здесь кто? Хрёрек, Водимир, Гостомысл? Подумайте, братья, как они живут? С чего?

– С дани, – мгновенно ответил Медвежонок. – Что тут думать?

– С дани, да, – согласился Гуннар. – Дань – это хорошо. Но за ней ходить надо. А в здешних лесах данникам потеряться проще, чем блохе – в собачьей шерсти. А вот тем, кто по здешним рекам ходит, деться некуда. Смекаете, о чем я?

– Грабить всех! – радостно сообщил Палица.

– Если всех грабить, никто ходить не будет, – Свартхёвди наконец сообразил, к чему ведет Тьёдар. – А вот если взять немного...

Дошло до всех. Заухмылялись, черти бородатые и безбородые.

Похоже, планы переменились. На Сёлунд мои brave хирдманы больше не торопятся.

– Всего-то и дел: поставить крепость малую да пару кораблей при ней, – подлил масла Гуннар. – И хёвдинг наш сразу конунгом станет. А мы при нем – ярлами!

Даны немедленно развеселились.

– Норег – он и есть норег! – воскликнул Палица. – Взобрался на горку, крикнул: «Я здесь конунг!» Глядь – у трех сараев и одного свинарника свой конунг образовался!

– А у вас что, не так? – возмутился Гуннар. – По закону так! Любой может на гору взойти и себя конунгом объявить! А кто не согласен...

– ...Тот будет три месяца по фьордам шариться и конунга твоего искать, чтобы с навозной кучи его спихнуть и самому залезть! – перебил Палица.

– ...И это если узнает, что где-то там, между двумя тюленьими лежбищами, новый конунг родился! – подхватил Медвежонок.

Гуннар насупился было, но потом не выдержал и захохотал первым. Потому что так оно и было у них, на северном севере. Хотя если Хальфдану Черному никто в ближайшее время башку не снесет, то вольница эта может и закончиться. А вот здесь, на территории будущей Руси, похоже, дележка пирога только начинается. И в конце концов, почему бы и нет? Почему бы гражданину России Николаю Переляку не стать ярлом там, где он когда-то, вернее, когда-нибудь родится? Интересно, что скажет по этому поводу моя Удача?

А мои хирдманы тем временем уже все решили.

– Корабля и одного хватит, – деловито вещал Медвежонок. – Нам же не в вик ходить. Без запасов на «Северного Змея» до сотни хирдманов посадить можно. А кто делиться не захочет...

– Вот ты молодец, Гагара! – радовался Палица. – Это проще, чем овцу остричь!

– Надо место найти правильное, – заявил Медвежонок. – Такое, чтоб не обойти.

Все задумались. О том, чтобы поскорее возвращаться домой, уже и речи не было. Новая идея овладела алчными викингскими массами.

Понятно, что не Ладога и не Нева. Слишком просторно. Волхов-Ольховая? Но его уже стережет Ладога. Насколько я помню, хорошее место: озеро Ильмень у истока Волхова. Я, помнится, еще удивлялся, что Водимир не поставил там свой новый город. Хотя Водимиру было попроще. Он-то мог контролировать все озеро Ильмень.

В общем, я тоже «за». В смысле, за идею. А вот конкретика будет другая. Гуннар – норег, и мыслит он именно как норег. То есть как разбойник. И потому вчистую проигрывает Рюрику с Гостомыслом, которые если отщипнут немного с купцов, то тут же компенсируют эту дань возможностью обойти пороги, пополнить припасы, а может, и расторговаться прямо тут – и отправиться в обратный путь вполне довольными полученной прибылью.

И такой подход мне действительно нравится. Более того, я даже знаю подходящее место, которое можно было бы занять. Замковый остров, на котором через несколько веков воздвигнут Выборгский замок.

В прежней жизни я бывал там частенько и даже помнил о том, что когда-то именно здесь выходил в Финский залив один из рукавов реки Вуоксы, впадавшей остальными своими рукавами в Ладожское озеро.

Позже этот рукав пересох то ли из-за поднятия Карельского перешейка, то ли наоборот: из-за того, что кто-то там что-то лишнее прокопал.

Однако мне кажется, это «позже» еще не наступило и наступит не так уж скоро. А следовательно, сейчас Вуокса вполне может стать (если уже не стала) альтернативным по отношению к Неве путем из Балтики в Ладогу. Да и окрестные карелы – неплохой источник доходов, если к ним правильно подойти. Это плюс. А минус – место это может быть уже освоено, например, свеями, которые в конце тринадцатого века, насколько я помню, и возведут столь знаменитый среди моих друзей Выборгский замок.

– Есть одно место... – загадочно проговорил я. – Здесь, неподалеку...

Вопрос о том, хватит ли моей удачи на обретение ярлства, я пока трогать не стал. Будет еще время над ним поразмыслить и поискать логику в хаотическом переплетении вероятностей.

Ну, с «неподалеку» это я немного загнул. Я помнил, что от Питера до Выборга где-то полторы сотни километров, если на машине. По морю, вероятно, больше, но я полагал, что за пару дней мы дойдем, если погода позволит.

Правда, сначала надо добраться до устья Невы. Нет, конечно, можно рискнуть и срезать от Ладожского озера по Вуоксе. Ну, это если знать, где эта Вуокса впадает в Ладогу. И не запутаться потом в озерном краю, который, надо полагать, за тысячу лет изменился весьма значительно. Впрочем, лично для меня это было непринципиально, потому что я этих мест по-любому не знал, Вуоксу же помнил только в контексте Лосевских байдарочных соревнований, в которых когда-то участвовала одна из моих подружек. Даже для поиска устья реки на обширном ладожском побережье этих знаний было маловато.

Варяжская молодежь об альтернативном пути в Ладожское озеро что-то такое слышала, но без деталей. И один из весян тоже что-то такое слышал...

Однако несмотря на то, что здесь именно слухи выполняли роль «Путеводителей по...», опереться именно на них я не рискнул и решил двинуть сначала вниз по Неве, а уже потом будущим Финским заливом – к будущему Выборгу. И это, надо отметить, было очень удачным решением, потому что вздумай я искать устье Вуоксы на Ладоге, то мог бы этим заниматься вплоть до старости. Невозможно найти то, чего нет.

По пути к Балтике мы обобрали еще один кораблик. Ливский. Шел навстречу с грузом металлоизделий. Само судно забирать не стали. Тихоходное. Да и людей у нас маловато для четырех кораблей. Так что в море мы вышли с теми же тремя парусами, что и раньше.

Месторасположение Выборга я знал весьма примерно. На уровне: сначала на запад, потом на север. Учитывая изрезанность побережья, обилие островов, шхер и прочего, проскочить мимо Выборгского залива было легко. Неплохо было бы иметь кормчего, знающего здешние берега. Ольбарда, к примеру. Но увы.

Свартхёвди, впрочем, заявил, что запросто доведет нашу флотилию хоть до столицы свейского конунга.

Хотелось бы верить.

Что ж, во всяком случае до будущего Финского залива мы доберемся без проблем. Нынешняя Нева – идеальна для наших корабликов. Воды в

ней даже побольше, чем в будущем, а мостов не наблюдается. Так что на этой части пути проблем не вижу.

Их и не было. Скорость у нас теперь была умеренная, так что мы перестали обгонять «попутки», а встречные суда старались держаться от нашей флотилии подальше: реагировали на драконий нос «Северного Змея» и агрессивную раскраску паруса. Мы же за ними не гонялись. Новые «призы» нам ни к чему. Людей еле-еле хватало на уже имеющиеся три корабля.

Командовать кноррами я поставил Гуннара и Стюрмира. Дал каждому по тройке варяжат и пятерке освобожденных лесовиков. Ну и по пятерке трэлей. К веслам их сажать не положено, но работы и без гребли хватит. Кое-кто из трэлей-пленников тоже просился в команду, но получил отказ. Причем не по физухе (с этим все в порядке было, иначе бы их на продажу не отобрали), а из-за интеллектуально-психологической непригодности. Два таких остолопа из Стюрмировой команды ухитрились утопить якорь. Вопрос, понятно, решили, временно заменив штатную снасть пятипудовым слитком сырого железа. Но сам факт...

На «Северном Змее» осталась моя базовая команда, Медвежонок, Палица, Тьёдар, Скиди, Вихорек, отец Бернар, Бури и Хавур. Плюс семеро варяжат, включая Ануда, и, конечно, Заря. Шестнадцать бойцов, если франка и Зарю считать за одну единицу. И двое пленников-словен с захваченного кнорра, Дутьш и Онька. Молодые, не старше семнадцати, но при этом – выше меня на голову и на три размера шире в плечах. Свартхёвди не сомневался, что за каждого дадут минимум три марки серебром. А я вот был в этом не уверен, потому что, присмотревшись, решил, что если парней поднатаскать, то из них и приличных бойцов можно вырастить, если у них все в порядке с мозгами и храбростью.

Ну, жизнь покажет, кто есть кто.

И жизнь показала. К моему великому сожалению.

Глава 18. Бьёрн, сын Асбьёрна. Неравный бой

Нас подловили где-то в районе будущего Приморска. То есть, что это Приморск, а не Выборг, я сообразил потом. Разбирайся я в географии получше, взял бы мористее, обошел острова по внешней стороне, а не поперся бы в пролив.

Собственно, Медвежонок так и предлагал: не соваться, а обойти со стороны моря. Но я помнил, насколько изрезано здесь побережье, и опасался проскочить мимо цели.

Мы вошли в пролив и угодили, как кур в ощип.

Два примерно одинаковых драккара по четырнадцать румов. И на каждом – человек по шестьдесят где-то. Многовато для дальнего плавания.

Надо думать, либо у них раньше было больше кораблей, либо где-то здесь, на берегу, имеется база.

Но нам без разницы, почему их так много. Если дойдет до драки, нам, скорее всего, кирдык. Больше сотни матерых бойцов – против моих трех десятков, из которых половине до настоящих хускарлов еще расти и расти.

Правда, во второй половине имеются такие козыри, как снайпер Бури и два берсерка. Ну и нас с Белым Волком тоже нельзя сбрасывать со счетов. Кабы свейский драккар был один, мы б еще пободались. Но против двух...

Как только я их увидел, мне сразу очень остро захотелось разойтись миром. А еще лучше – оказаться милях в тридцати отсюда.

Но второе было из области розовых мечтаний, а первое – маловероятно. У нас три корабля, у них – два. Но мы сразу оказались настолько близко, что даже малосведущему в морском деле было очевидно не только, какого класса наши корабли, но и насколько малочисленны их команды.

Будь у меня побольше времени, я бы бросил кнорры, посадил всех на румы «Северного Змея» и дал деру. В мореходных качествах моего двенадцатирумового кораблика я не сомневался. Мы и от двадцатирумовых уходили, не вопрос.

Но пока я буду забирать команды с кнорров, потенциальный противник уже раза два успеет взять нас на abordаж.

В общем, ситуация такова, что даже моей так и не просчитанной, но

немерно крутой удаче делать, похоже, нечего.

– Обедать будем в Валхалле! – уверенно заявил Хавгрим Палица.

Ему было нетрудно поставить себя на место лидера-соперника. И он точно знал, как бы поступил. Ни один викинг не станет платить серебром, если можно заплатить железом.

А это как раз наш случай. Вернее, не наш, а их.

Бросить команды кнорров я не мог. Это даже не обсуждалось. Никто и не предлагал. Утром – в Мидгарде, завтра – в Асграде. По этому принципу жила моя команда. Во всяком случае та ее часть, что имела право голоса.

Варяжат жаль. И не пожили толком. И Зарю.

– Бури, позаботься, если что, – произнес я негромко, кивнув в сторону дочери Трувора.

Бури понял.

Все, что я могу сделать для девочки, – подарить ей легкую смерть. Не дай ей бог оказаться добычей победителей.

Я оглядел свое малочисленное воинство. Ага, почти все уже надели брони и распределились по местам. Бури, Вихорек и Заря набивают колчаны стрелами. Тьёдар что-то бормочет. Видать, Муза посетила перед смертью. Варяжата тоже в порядке. Облачились и заняли места на румах согласно штатному расписанию.

Медвежонок передал кормило Скиди и идет ко мне, на нос. Хочет быть поближе на случай переговоров. Если они будут.

Сразу убивать нас не стали. Неизвестные корабли четко сманивировали: один – к нам, другой взял правее, отсекая приотставшие кнорры от острова.

Белый щит на мачту они не подняли, но и сразу швыряться копьями тоже не начали. На борт недружественного драккара вскарабкался мужик в богатом военном прикиде, с золотыми браслетами на лапах и завопил так, что с пяток кружившихся над его драккаром чаек на всякий случай скинули гуано. На крикуна, к сожалению, не попало.

– Я – Бьёрн-ярл, сын Асбьёрна-ярла из Эйдаскога, прозванный Красным Копьем! – заорал свей, размахивая оружием. Этим самым Красным Копьем, надо полагать. Судя по цвету древка.

Красава мужик. По здешним меркам. Росточком с «малыша» Стюмира, борода лопатой, нос на сторону. Рожа... Надо думать, мужик кому-то сильно не понравился: нехило так по ней приложили тяжелым предметом.

Ярл... Ну да, конечно. Мог бы и секонунгом себя назвать. Целых два

боевых корабля как-никак.

Я покосился на Свартхёвди.

– Свей, – пробормотал мой братец. – Я его не знаю. Слышал, конунг у них был. Тоже Бьёрном звали. Но это не он.

Пошутил, надо полагать.

Бьёрнов, то бишь, медведей в Скандинавии больше, чем в моей России Петров. И простых Бьёрнов, и с добавкой Ас, что в отличие от английского обозначает не задницу, а некую связь с местным пантеоном.

Надо и мне представиться. По правилам хорошего тона.

– Ульф Свити, сын Вогена с Сёлунда! – заорал я в ответ. Было искушение представиться человеком Ивара Рагнарсона, но смысла в этом было немного. Этот Медвед, сын Медведа наверняка знает, кто такой Ивар (сыновей Рагнара все знают), и, дойди у нас до заварухи, свей очень постарается, чтобы не осталось никого, способного донести до Рагнарсона весть о неравном бое у берегов Гардарики. А так в случае поражения кое-кто из моих может рассчитывать на жизнь. А что Сёлунд, так что с того? Да, Сёлунд – главная база Рагнара Лотброка. Но людей там много. Не за каждого положено мстить.

Ладно. Мне не впервой драться в соотношении один к трем. И я еще не забыл, чем это кончается, если с той стороны – природные скандинавы. Хреново кончается, вот что.

– Вижу я, Ульф Вогенсон, что кораблей у тебя много, а людей мало! – донес до меня очевидное свейский ярл. – Тяжеловато вам приходится. Но я готов помочь. Оставь себе тот кнорр, что сработан ливами, а на драккар и второй кнорр я, так уж и быть, поставлю своих людей. И каждый пойдет своей дорогой.

– Врет, – уверенно заявил Медвежонок.

– Зачем тебе корабли, Бьёрн? Чтобы ты их тоже утопил?

Этакая прорва народу на двух кораблях – неспроста. Конечно, у них может быть база на здешнем берегу, но маловероятно.

Ударил наугад, но попал. Ишь, щекой дернул. Не понравилось.

– За такие слова положено отвечать! – проорал он в ответ. – И ты, маленький дан, ответишь!

– Легко! – согласился я. – Бери свое копье и иди сюда, здоровяк! Один свидетель: я охотно помогу тебе перебраться на корабль покрепче. Уж не знаю, пустят ли тебя, великан, на палубу Нагльфара^[8] или приспособят в упряжку, но утопить его ты точно не сможешь.

– Сам иди сюда, и я подровняю тебе язык! – вынес встречное предложение свей.

– На твоей палубе хорошо бубенцы чесать друг другу, – крикнул я. – Тянуться недалеко. А играть железом лучше там, где посвободнее!

Так мы препирались еще минут десять, пока не нашли компромиссный вариант: высадиться и помахать мечами на земле. К нам перебираться Бьёрн отказался категорически. Не доверял. И это тоже было показательно. Задумал мужик какую-то гадость и ждал такой же от меня. Ничего. Суша меня тоже устраивает. Благо относительно недалеко наблюдался подходящий островок. Странно лишь, что он согласился на поединок. С таким-то перевесом. Видать, задиристый мне попался Медвед.

Я крикнул своим на кноррах, чтобы оставались «на рейде», и мы направились к месту будущего хольмганга.

Не дошли. Свейский ярл оказался не задиристым, а хитроумным. Стоило нам отойти от кнорров всего лишь метров на сто, как ушедший вперед драккар моего будущего противника резко затабанил, а второй, который, по идее, должен был встать на якорь с другой стороны, контролируя наши кнорры, дружененько замахал веслами. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы вскрыть замысел Медведя Медведевича. Кнорры никуда не денутся. А вот «Северный Змей» вполне может дать деру.

Вернее, мог. Сейчас второй корабль свеев проскользнет мимо кнорров и окажется у нас на хвосте, отрезая «Змею» путь к бегству. Последнее особого значения не имеет, потому что бежать мы не собираемся, хотя у нас и против одного-то драккара не особо много шансов. А против двух – ни единого. Однако это ничего не меняет. Лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Не помню, кто сказал, но это про нас. Остается лишь добавить, что умирать будем не только мы. Наша смерть тебе еще долго будет сниться, сын Медвежьей Задницы!

Обещаю!

Вот только – Заря...

Женщина на корабле – к несчастью. Есть такое суеверие. Но так и есть. Несчастье. В первую очередь – для самой женщины. Особенно если она уцелеет.

– Франк, к рулю! – рявкнул Свартхёвди, отдавая кормило нашему пацифисту. – Вытянуть весла!

Вообще-то скомандовать должен был я, но побратим, не грузивший себя лишними переживаниями в канун схватки, сообразил быстрее. Правильно сообразил: нас слишком мало, чтобы одновременно грести и драться. «Их восемь, нас двое, расклад перед боем не наш...», как пел Владимир Семенович. Но играть придется, деться некуда. Копья уже

летят...

Ну, с копьями они поторопились. Большая часть плюхнулась в воду, а те, что долетели, порасхватили мои хускарлы. И отправили обратно. Одно сломало чей-то щит, четыре остальных очутились в цепких лапах наших противников.

Излюбленное развлечение викингов: швыряться друг в друга острыми предметами. Часами так могут развлекаться. Но сейчас играют повзрослому. То есть уже не играют, а убивают.

Бьёрну-ярлу тоже досталась игрушка. Он картинно отвел правую руку (в левой – щит), усмехнулся лично мне и... В его правом глазу вырос серый цветок из гусиных перышек.

И тут же еще один крепыш-свей освободил место у борта, схлопотав стрелу в переносицу. И еще один вышел из игры, пока swei соображали, чем пахнет, и, забыв о копьеметании, попрятались за щитами.

Что, впрочем, не помешало им подойти к нашему драккару точно и аккуратно. И метко забросить крючья.

И тут же с оглушительным яростным рыком не менее двух десятков матерых убийц махнули с вражьего борта на нашу палубу.

Мы встретили их как положено: стеной из семи щитов (Хавгрим и Свартхёвди – на флангах), а за нашей спиной на скамьях встали стрелки: Бури, Вихорек и Заря.

И через полминуты от первой волны атакующих не осталось никого. Причем мне драки почти не досталось: пару отбивов щитом и разок сунул в подмышку супостата, атаковавшего моего соседа Тьёдара Певца.

Остальное сделали стрелы.

О том, что Бури у меня – снайпер, способный с двадцати шагов сбить чуть ли не летящую муху, я знал и раньше. А теперь убедился, что он не только мастер-стрелок, но и мастер-наставник. Вихорек и Заря лупили без остановки практически в упор. И пусть попадания были далеко не всегда смертельными, но и со стрелой в предплечье мечом-топором особо не помашешь. То есть swei все равно махали, потому что скандинавы все, не только берсерки, боли в бою не чувствуют и способны сражаться и вовсе без руки, пока кровью не истекут. Но проворства у раненых поменьше, чем у здоровых. Так что даже два таких стрелка изрядно поубавили напор на наш коротенький строй. Если бы дело происходило на твердой земле, то вражья боевая стенка была бы куда более монолитна и поглубже эшелонирована, и нас бы смели числом. Отбросили, опрокинули, разбили... Но попробуй собери такой строй, когда перед тобой череда гребных скамей, куча мешков, тюков, ящиков и прочего имущества, а единственное свободное

место посреди палубы уже заняли мы!

Минутная передышка.

Наши потери: один из варяжат словил копьё в горло.

Противник же гарантированно потерял человек шесть. И ярла я что-то не вижу. Хочется верить, что стрела Бури пробила его башку насквозь. А что у нас со вторым драккаром?

Метров сто до него. Но идет как-то странно. И сидит в воде слишком глубоко. Едва ли не по самые весельные лючки. С чего бы, интересно? Притом что гребут свеи изо всех сил и даже не парятся о безопасности. Щиты так и висят на бортах. Никто никого не прикрывает.

– Бури! – крикнул я. – Второй драккар!

...И тут в меня едва не угодило копьё. Спасибо Тьёдари – подбил краем щита вверх. А еще одно копьё чуть не лишило меня любимой девушки!

– Заря! Вниз! – заорал я замешкавшейся подруге. Только ей. Бури и Вихорек уже соскочили на палубу, оказавшись вне видимости свеев на первом драккаре. Те, надо отдать им должное, второй раз нахрапом не полезли. Сменили тактику на безусловно выигрышную: засыпали нас копьями. Мне досталось три. Практически сразу. Пришлось отбивать, поскольку в строю не очень-то поуклоняешься. Результат: одно отбито, два – в щите, сразу ставшем практически неподъемным. В ту же секунду мозг выдал решение: нам конец. И тут же как по заказу без всяких предварительных танцев-таолу из-за моей спины выпрыгнул Белый Волк.

Ну что ж! Хоть потанцуем перед кончиной!

Мир засиял. Я отшвырнул попорченный щит и вспрыгнул на борт, краем уха уловив знакомый берсерочий рык: братишка тоже сообразил, что к чему, и включил режим «турбо». В данном случае режим «последнего шанса».

Толчок от борта... В меня летит копьё... Мимо! Еще одно – в живот. Я, изогнувшись еще в прыжке, пропускаю его вскользь по броне, приземляюсь на вражеский щит (край лупит в лицо держащего щит свея), росчерком Вдоводела перечеркиваю шею и, соответственно, жизнь еще одного свея, приземляюсь на палубу, приседаю, гася инерцию прыжка, и в повороте подсекаю сразу двоих: одному напрочь снося ступню, второму до кости вспарывая икру. Они еще падают, когда я, распрямляясь и продолжая вращение, избегаю удара топором, срубив держащую его руку. И тут же ныряю под копейное древко, выброшенное мне навстречу, колю Вдоводелом под мышку копейщику, которому сегодня определенно не везет. К полученной от меня ране добавляется удар копьём в спину. Целили

в меня, но меня на этом месте уже нет. Я – ветер, скользящий меж древесных стволов. Я скольжу, а мое волшебное перо, мой легчайший и стремительнейший меч, быстрый, как стрекозиное крылышко, – он поет, рисуя на стволах-телах короткие росчерки, вскипающие алыми брызгами.

Я смеюсь от невыразимого счастья. Я пою вместе с моим клинком и мечтаю лишь о том, чтобы наша песня длилась и длилась...

Но она, как всегда, заканчивается слишком быстро.

И я, как водится, в толпе врагов. Хорошо хоть не один против всех. Рядом рычит Свартхёвди. В левой руке у братца меч, а в правой...

Блин! Это же хогспёт Палицы! И я не слышу рева моего второго берсерка.

Но думать некогда. Медвежонок справа, но слева, спереди, сзади – злющие, вопящие от ярости свеи. Им очень хочется меня прикончить. Но я – категорически против. Нырок под железку копья, укол навстречу – к локтевой сгиб, разворот (очень вовремя) – еще одно копье проходит в сантиметре от моего носа, захват древка, рубящий удар по кисти, снова разворот, подшаг, отбив древка топора сильной стороной меча, левой – захват края щита снизу (у небольшого роста есть свои преимущества), рывок и укол снизу, в пах. Да, больно! Ну извини! Получить топором по лицу тоже было бы весьма неприятно.

Толчок щитом в спину бросает меня вперед. Я неудачно спотыкаюсь о труп и падаю под ноги сердитого свея в синих штанах. Свей радостно лупит меня краем щита по подставленному предплечью (очень больно!), не дав подняться, и с гиеньим уханьем пытается воткнуть меч в мою несчастную тушку. Металл скрежещет о металл... Свей опрокидывается назад со стрелой в горле. А я наконец-то встаю...

И получаю чем-то тяжелым по задней части шлема с такой силой, что валюсь опять. Под ноги, вернее под секиру, яростно вопящего викинга...

Который начинает вопить намного громче, когда в падении я ухитрюсь всадить Вдоводел ему в ляжку. Викинг промахивается, секира втыкается в палубу. Я цепляюсь левой за браслет на лапе викинга и рывком встаю на ноги, одновременно выдергивая меч. Викинг вопит еще громче, брызжет слюной в лицо, пытается отпихнуть меня щитом, выворачивает правую руку...

Промельк стали, чавкающий хруст (иначе не скажешь), волосатая викингска башка спрыгивает с плеч, кровь брызжет вверх. Я успеваю увернуться (залет глаза – конец), отпускаю руку, перехватываю древко топора и выдираю оружие из пальцев мертвого свея. Он уже в Валхалле, ему ни к чему, а мне – пригодится. Уже пригодилось. «Бородкой» секиры я

цепляю щит ближайшего свея и втыкаю Вдоводел ему в почку. Вместо нормальной брони на свее обычная кожаная куртка, так что встрече почки с франкским сварным булатом ничто не мешает. Включая и самого свея, который был слишком занят, потому что через плечо соратника пытался достать копьем... Скиди.

Вот как! Значит, мои парни уже на вражеской палубе!

Хорошо это или плохо, я пока не знаю. А вот рубануть мечом по толстой шее свея, увлеченного поединком со Скиди, это определенно хорошо.

Плохо, что мне не оглядеться. Здоровые все, как шкафы. Заслоняют.

Скиди здесь. А рядом с ним, похоже, варяжонок Егри. Похоже, потому что половина безусой морды – в крови. Течет из-под шлема. Лоб рассекли или бровь... Мотнул головой – брызги в стороны полетели – и ширнул мечом кого-то. Кого, я уже не видел.

«Почему они здесь? – подумал я, отбивая очередной топор и пинком в щит отталкивая его хозяина. – Почему? Неужели «Северный Змей» захвачен?»

Свей с топором уркнул и завалился назад. В просвете мелькнула рука Свартхёвди с хогспьётом Палицы. Я тут же влез в образовавшуюся брешь и скользящим понизу посек ноги сразу двум свеям, очень удачно оказавшимся спиной ко мне. Один упал сам, второго поверг Хавур Младший молодецким ударом топора. В парня тут же сунули копьем, но оказавшийся справа от юного сёлундца варяжонок (не помню имени) сбил удар щитом. Я замахнулся на копейщика, но тот внезапно уронил копье, упал на колени и завопил:

– Сдаюсь!

Опа! А вокруг-то – одни свои. Ну почти свои. Еще один свей демонстрирует пустые ладони...

Черт! Не понял! Мы что, их побили? А как же второй драккар?!

* * *

Стюрмир зарычал от ярости и бессилия. Оглянулся на свою команду. Три дренга-варяга и пятеро новичков, кое-как управлявшихся с луком. С такими повоюешь! На драккарах – настоящие хускарлы. Пары хватит на всю восьмерку. Ну и еще пара – на него, Стюрмира. А таких на корабле, который сейчас идет прямо на его кнорр, больше полусотни. Очень много. Больше, чем может нести такой драккар в морском походе. Что остается?

Сдаться?

Стюрмир сунул руку за пазуху: его личный бог, толстенький человечек с круглым голым пузом, улыбался ласково.

– Убереги, – проникновенно попросил Стюрмир. – Я тебя всего в крови искупаю! – И в полный голос: – К бою, щенята! Пусть там, в Валхалле, потеснятся!

Хорошо сказал. Самому понравилось.

И молодые все поняли хорошо: трое дренгов сомкнули щиты в коротенькую стеночку поперек палубы, пятерка новичков подняла луки.

«А ведь они не на нас идут! – сообразил Стюрмир, мысленно продолжая путь вражеского драккара. – Они на «Северного Змея» целят!»

Точно. На жалкую команду Стюрмирова кнорра свейские хускарлы глянули мельком. Глянули – и забыли. Нет, не забыли. Щиты подняли и сомкнули плотно, прикрыв и гребцов, и кормчего. Теперь стрелами их не достать.

А вот копьем – можно. Стюрмир прикинул: пройдут совсем рядом – десяток локтей, не больше. Одно копье – один щит. Будь рядом Гуннар, он бы воспользовался и достал врага. Но Гуннар – на втором кнорре. Командует такими же щенками, что и у Стюрмира.

Вражий драккар идет отменно, хоть и тяжеловат. Небось по паре гребцов на каждом руме сидит. Стюрмир слышал слаженное уханье. Весла входили в воду ладно и безупречно. Эти swei не новички на Лебединой Дороге. Еще три десятка взмахов – и они поравняются с кнорром. Не нападут. Медлительный кнорр никуда от них не денется.

Борт кнорра – на три локтя выше борта драккара. Стюрмир глядел сверху и видел внизу сплошную чешую пестрых щитов и кусочек мокрой палубы. Три раза повернутся весла в лючках, и драккар пройдет мимо. К «Северному Змею», уже сцепившемуся с другим свейским драккаром.

Безнадежное положение. Стюрмиру вдруг вспомнилось, как они спускались на «Северном Змее» вниз по реке в стране англов. Как их обложили со всех сторон, а впереди ждал мост с изготовившимися к встрече англами. Камни и бревна...

Тут Стюрмир думать перестал. Его взгляд упал на крицу сырого железа, которую использовали в качестве якоря. Одним движением копейного наконечника Стюрмир вскрыл обвязку, ухватился, поднатужился и вскинул слиток над головой.

Крица весила столько же, сколько весил он сам, Стюрмир. Но Стюрмир не зря считался лучшим в играх по метанию камней и бревен. Не сплеховал и сейчас: посланная вверх и вперед слаженным толчком рук, ног

и спины крица описала длинную красивую дугу и рухнула на палубу драккара. Она разнесла вдребезги настил, но пробить сработанный мастерами, рассчитанный на удары океанских волн корпус не смогла. Однако все же сделала свое дело: подогнанные внахлест доски обшивки чуть-чуть разошлись. Самую малость, но этого хватило, чтобы внутрь корабля заструилось море.

Кормчий свейского драккара видел и сам снаряд, ударивший в настил в трех шагах от кормы, и результат удара. Теперь у него был выбор: бросить все силы на вычерпывание воды и устранение течи (результат неизвестен) или изо всех сил грести к «Северному Змею» и перебраться на него раньше, чем корабль затонет. Потому что если драккар уйдет под воду раньше, то тут уж результат известен наверняка. Плавать в броне по морю можно только, пока у тебя есть палуба под ногами.

Кормчий выбрал второе. Весла драккара завертелись еще быстрее, и корабль устремился к заветной цели...

Стюрмир смотрел, как вражеский корабль постепенно погружается в море. Но слишком медленно. Гребцы на драккаре были хороши. И они понимали, что от их силы и слаженности сейчас зависит, угодят ли они в сети великанши Ран или будут жить и сражаться. Они успевали, и сделать с этим ничего было нельзя.

Стюрмир видел, что на сцепившихся вместе «Северном Змее» и свейском корабле кипит битва. Видел он и лучников на «Змее», глядящих на приближавшийся драккар. Опытный воин, Стюрмир мог с легкостью представить, что видят стрелки: высокий нос драккара с оскалившейся белыми зубами змеиной головой и сплошную стену щитов там, где этот нос не прикрывает рвущих весла гребцов.

Стюрмир зарычал. Он понял, что его замечательный бросок не спас положение...

Бури вынул из колчана три одинаковые стрелы. У них были прочные древки. И увесистые массивные наконечники, похожие на маленькие долота, которые используют плотники. Такими стрелами было невозможно стрелять далеко. Но далеко и не требовалось.

Бури не смотрел на задравшийся к небу драконий нос драккара. Его интересовала разноцветная чешуя дракона. Вернее, те, кто под ней спрятался. Бури понимал: задача у него непростая. Бури любил такие задачи. Любил и умел их решать.

Первая стрела ударила в щит с такой силой, что доску, в которую она

угодила, разнесло в щепу. Сама стрела прошла практически навывлет и ударила в шлем свея, державшего щит. Шлем она не пробила и особого урона не причинила. А вот вырванная из щита щепка угодила воину прямо в глаз. Свей закричал и нечаянно задрал щит. В драконьей чешуе образовалась брешь... В которую немедленно нырнули еще две заготовленные стрелы. Обе нашли цель. Одно из весел сбилось с ритма, задралось, а потом резко ушло вперед, спутав и сбив мах соседнего весла. Оба весла уткнулись в воду, и драккар, несмотря на все усилия кормчего, начал забирать влево.

– Правым крепи помалу! – истошно взревел кормчий, понимая, что одним лишь кормилом ему курс не удержать.

Но поздно. Корабль уже развернуло мимо «Северного Змея». И самого кормчего больше не защищал от стрелы высокий корабельный нос. А воин, который был поставлен прикрывать кормчего от стрел и копий, замешкался.

А вот Вихорек – нет. Он не сумел бы вскрыть драконью чешую, как это сделал Бури. Но с пятидесяти шагов попасть в голову врагу он мог бы даже с раскачивающейся палубы в плохую погоду. А сейчас погода была идеальная.

Стрела ударила свейского кормчего в лицо. Быстрая смерть. Но даже мертвый кормчий не выпустил правила, повис на нем, выворачивая драккар вправо. Весла гребцов по правому борту тоже уперлись в воду и надолго, поскольку никто не отменил последней команды кормчего. Свейский дренг рядом с ним увидел, что старший убит... И растерялся.

Результат: драккар развернулся и встал к «Северному Змею» теперь уже левым бортом. То есть совсем встал. И продолжал погружаться.

Свеи завопили. Многие начали поспешно избавляться от брони. Кто-то даже успел...

Не спасло. Вихорек и Заря били на выбор. Между драккарами было около ста локтей. Проплыть такое расстояние любой викинг мог бы даже с топором за поясом. Даже если каждый пятый доберется до «Северного Змея»...

* * *

Не добрался никто. Вихорек и Заря полностью опустошили колчаны, но сложили на дно всех.

Мы потеряли восемь человек. Двоих пленников, которые, впрочем,

перестали ими быть, как только взялись за оружие. Пятерых варяжат. Из семи ребят, стоявших с нами в одном строю на палубе, осталось лишь двое: Ануд и Егри. Причем Егри был серьезно ранен.

Восьмым погибшим был Хавгрим Палица.

Глава 19. И снова тризна

Хавгриму проломили голову. То есть это была не единственная рана, но остальные для берсерка – пустяки. Не знаю, как так вышло. Мне почему-то казалось, что берсерки в бою – неуязвимы. Был, правда, берсерк, которого завалил я сам. Но тот был, типа, необученный, да и я отдавал себе отчет в том, как мне в тот раз невероятно повезло.

Хавгрим, Хавгрим... Истинную цену человека осознаешь, когда его теряешь. Я даже не подозревал, насколько дорог мне этот свирепый «сын Одина», пока не увидел его лежащим на палубе. Я даже не сразу сообразил, что он мертв.

Воин Одина в постбоевой отключке. Обычное дело. Очнется через сутки.

Вот только Хавгрим уже не очнется. С такими ранами не живут.

Никто не видел, как это случилось. Когда он умирал, вокруг были только враги. Обычное дело для берсерка, когда вокруг только враги. Но обычно гибнут именно враги, а не берсерк.

Хавгрима прислал мне Стенульф. Каменный Волк. Воспитатель воинов Одина. Прислал, чтобы его воспитанник присматривал за мной. Наверное, я тоже должен был за ним присматривать. Я – хёвдинг. Вождь. Я должен видеть всю картину боя. Всю целиком. И понимать, кому нужна помощь. Вот только ростом я не вышел для такого наблюдения. Каждый второй хускарл выше меня на ладонь. А каждый первый – на две. Ни хрена я не вижу ни в строю, ни в рубящейся толпе. Неважный из меня хёвдинг.

Мертвый Хавгрим улыбался. Он был счастлив, умирая.

Не утешало.

– Не горюй, – сказал мне братец, обхватив меня заляпанной кровью ручищей. – Лучшая смерть! Тьёдар сочинит о нем песню, мы будем ее петь и веселиться, а брат наш Палица там, в чертогах Отца, будет слушать нас и радоваться, что битва, в которой он ушел, это победная битва!

Красиво сказал. Они умеют говорить красиво, простые скандинавские убийцы.

– Мне будет его не хватать, – пробормотал я.

– Мне тоже, – согласился Свартхёвди. – Но мы справимся.

– Я рад, что присягнул тебе! – заявил Тьёдар Певец. – С тобой

невозможное становится возможным и слова сами льются из уст!

Ну да. Невозможно – это очень точное слово. Моя куцая дружина победила полноценный хирд матерого свейского ярла числом в сто восемнадцать боевых единиц.

– Твоя удача съела удачу нашего ярла, – с грустью признал один из немногих пленников. – Не следовало ему гневить богов и отказываться от объявленного хольмганга с тобой, Ульф-хёвдинг. Боги такого не любят. И они отомстили. Потому-то Бьёрн Асбьёрнсон и умер первым. А мы все уйдем за ним.

Их осталось пятеро. Все с легкими телесными повреждениями, но в рабочем состоянии. Коренные свеи. Хорошие бойцы. Я бы от таких не отказался. Собственно, я и предложил им выбор: идти под мою руку или умереть. Двое предпочли смерть, трое стали моими людьми. Один из них, Льотольв, сын Кноба по прозвищу Кто-то Умрет, и был автором сообщения о съеденной удаче. Опытный головорез с рыжей нечесаной бородищей и грустными глазами убийцы, которому не повезло. Однако как только он понял, что поторопился с выводами, жизнь продолжается, а отправиться на дно с перерезанным горлом прямо сейчас ему не грозит, то сразу повеселел и сообщил, что знает, в каком из бочонков – лучшее пиво. Двое других присягнувших были ему под стать: матерые викинги вроде Гуннара. Вилмар и Торнюр Варгдропи. Два братца с одним общим прозвищем, переводившимся как «отпрыск волка» и означавшим, что их папаша был когда-то объявлен вне закона. Они были не из рода покойного Бьёрна и примкнули к нему в Уппасале. Так что им было все равно, за кого биться. Добыча и сам процесс – вот что их привлекало.

А еще мне достался очень интересный пленник. Причем не мой, а Бьёрна. Мы нашли героя между ругами. Связанным. Вернее, уже частично развязавшимся. Звали плененного героя Кель Длинный. Но о нем – позже.

Похороны погибшим устроили знатные.

Для начала варяжата потребовали тризну. Я был в курсе этого обычая и знал, чем он отличается от скандинавского посмертного праздника. Простые парни-викинги попросту резали тех, кого намеревались уложить на костер в качестве спутников ушедшего героя. Ну, может, и не совсем попросту, а сначала помучив, но без ритуального звона железа. А вот у варягов в чести было что-то вроде гладиаторских боев. С одной стороны – пленник-плохиш, с другой – правильные пацаны, родичи погибшего. Дескать, Перун любит, когда играют железом. Примитивно перерезать жертве горло – это так скучно.

И я не стал бы возражать. Кто я такой, чтобы спорить с богом? У меня даже подходящие кандидатуры имелись: два свея, отказавшихся сунуть ногу в сапог моего хирда.

Но вот в чем загвоздка: что-то мне подсказывало – выставить любого из свеев против Ануда, который и собирался вершить похоронный ритуал, это порадовать не Перуна, а Одноглазого. Рыльцем пока что не вышел Труворов племяш – единоборствовать с опытными хускарлами, пусть даже чуток поцарапанными.

Выход предложил Вихорек:

– Давай я! – заявил он.

А вот это уже вариант. Не то чтобы я был готов рисковать жизнью названного сына, но у него было куда больше шансов разделать свейских жертвенных поросят. Он вполне готов посоревноваться с полноценными викингами. И бонус у него будет неплохой. Свей-то не в лучшей форме. Спутали их как следует, есть-пить не давали...

– Ты не варяг! – запротестовал Ануд, которому очень хотелось показать свою удаль.

– Тебе так хочется за Кромку? – осведомился мой названный сын. – Глянь на них!

Ануд глянул... И наконец-то сообразил, что эти упакованные в веревки, валяющиеся на травке, замызганные и забрызганные кровью мужи только выглядят добычей. А вот если их развязать и дать в руки железо...

– Перун поможет, – неуверенно проговорил Ануд.

– Ему придется здорово потрудиться, если поединщиком будешь ты, – усмехнулся Вихорек. – Уверен, что Молниерукий настолько заинтересован в твоей победе?

– А в твоей, значит, да? – Я видел, что Ануду очень хочется уступить, но гонор не дает.

Нет, не гонор, как оказалось. Понятия.

– Ты не варяг.

Сильный аргумент. Вихорек не нашелся с ответом. В отличие от меня.

– Только в этом причина? – поинтересовался я.

– Ну да. Биться во славу Перуна может только варяг.

– А наоборот? – осведомился я. – Можно ли сказать, что варяг – это тот, кто сражается ради Перуновой славы? По-моему, можно.

Ануд задумался. Еще раз глянул на свеев, вспомнил, надо полагать, недавний бой...

И согласился.

Высадились на острове. Аккурат там, где ночевали покойный Медвед со товарищи. Подготовили один из кнорров. Он будет погребальным кораблем. С его палубы отбудут в Валхаллу (или в Ирий) наши павшие. И парочка пока что живых свеев, которые в ближайшее время умрут.

– Эй, Виги! Не бойся! Если не сдюжишь, я за тебя отомщу! – посулил парню Свартхёвди.

– Ага! Надейся! – отозвался мой приемный сынишка, выходя в круг.

Его противник уже был здесь. Притоптывал, крутил руками, мотал головой... Восстанавливал кровообращение. Вид у него был не шибко мрачный. Окажись победителями они, а не мы, умереть с мечом в руке нам вряд ли дали бы. Скорее всего, еще и помучили бы, чтоб мы могли «проявить мужество перед лицом богов». Опять-таки, видел он перед собой не опытного бойца, вроде Витмида или Медвежонка, а безусого нахального мальчишку. Да любой из уцелевших варяжат выглядел солиднее, чем Виги-Вихорек.

Внешность обманчива. Бросившийся в атаку своей убедился в этом очень быстро. Шесть шагов, что разделяли его и Вихорька, были последними в жизни матерого викинга. Уход в сторону, подбив щитом правого локтя, аккуратный укол под мышку. Все.

– Тебе, Перун! – как было договорено, сообщил Вихорек, стряхивая кровь с меча.

Второй своей, выпущенный на импровизированную арену, торопиться не стал. Постучал обухом секиры по щиту: мол, давай, парень, твой ход. Вихорек немедленно «дал». Разбег, наскок...

Хитрый своей тут же зацепил бородкой секиры щит Вихорька и, пользуясь разницей в массе, дернул в сторону. Замысел его я «прочел» легко. Сбить равновесие, закрутить, разворачиваясь самому, ударить собственным щитом по шее или по голове противника, а затем с разворота влепить секирой по открытому. Даже, если доспех или шлем выдержат, мало Вихорьку не покажется. Оглушит наверняка. Или ребра поломает.

Хороший план. Уверенный и успешный.

Вихорек поломал его в самом начале. Он отдал щит. Но не сразу. Позволил своей прочувствовать сопротивление, а заодно подтянуть Вихорька поближе, вплотную и только тогда разжал пальцы.

Своей, не ожидавший такого сюрприза, закрутился малость быстрее, чем планировал. И Вихорек ему еще и «помог»: ухватил освободившейся рукой край своего щита и добавил. Получилось не так, чтобы сильно: ведь своей был раза в полтора тяжелее. Однако в результате Вихорек оказался у «жертвы» за спиной.

А затем – длинный красивый хлест понизу, на уровне колен.

Свей еще поворачивался, замахивался топором, но нанести удар ему было не суждено. Когда перерублены подколенные сухожилия на обеих ногах, даже берсерк не способен сражаться. Так что свей упал на травку, а Вихорек, вторично объявив: «Тебе, Перун!», вскрыл противнику глотку.

– Зря я тебе уступил, – проворчал Ануд. – Мог бы и сам...

Вихорек похлопал варяга по плечу и ухмыльнулся. Ничего не сказал. Свей были хороши. Оба. Просто Вихорек – лучше.

И они ушли. В клубах дыма, поднимающегося над палубой обреченного кнорра.

А нам, живым, предстояло подвести итоги. И решить, что делать. Хотя решать было особенно нечего. Просто двигаться дальше.

Глава 20. Сожженные корабли и похитители невест

Дележка добычи – это ритуал. И великое мастерство. Я им не владею. Потому делегировал руководство процессом Медвежонку.

Единственное мое вмешательство: предоставление права первого выбора Бури с выделением ему еще двух долей в качестве бонуса.

– Он убил ярла, – пояснил я собственное решение.

Возражений не было. Зато было дополнение.

– Виги тоже получит лишнюю долю! – заявил Медвежонок. – Он убил кормчего второго драккара.

Народ поддержал предложение одобрительным ворчанием.

Вихорек попробовал протестовать: мол, он всего лишь правильно выпустил стрелу, а главная заслуга принадлежит все тому же Бури, а еще Стюрмиру, который...

– Стюрмиру – три доли, – объявил я. – Он – кормчий. Но только Стюрмиру. Остальные в бою не участвовали. – Я строго поглядел на команды кнорров, но возражений не последовало. И впрямь не участвовали. Никто, кроме Стюрмира, но уж он-то вложил в победу знатно. Впрочем, все мы в нее вложились. Кто сколько смог. Особенно Хавгрим...

Я махнул рукой, предоставляя Медвежонку руководить процессом. Добра мы набрали изрядно. Доспехи, серебро, даже золотишко имелось. Блин! Как мы это все увезем? Может, стоит захоронки сделать? У нас одних только свободных парусов – две штуки: от похоронного кнорра и от утопленного драккара. Этот парус всплыл вместе с мачтой, и мои его выловили. А хороший парус, друзья мои, это вещь весьма недешевая. Очень жалко выбрасывать. А продавать его здесь некому. Чайкам с воронами?

В общем, нам нужна база. Здесь, в Карелии. И очень нужны люди. Надежные и имеющие опыт обращения с оружием. А в этом совсем не нужном нам бою мы потеряли пятерых варяжат. И Палицу, который один стоил дюжины.

А что приобрели, помимо богатой добычи и второго драккара?

Троих хускарлов, с которыми надо еще сработаться. И четвертого, с которым вообще не очень понятно. Мутный он какой-то, этот Кэль

Длинный. Хотя боец знатный. Мои свейские новобранцы говорят: дрался один против всего хирда. И выстоял некоторое время, даже когда всех остальных уже положили. Правда, Бьёрн-ярл велел его живым брать. Желал над ним особо покуражиться. Кёль этот у него нареченную невесту увел.

История эта, если судить по словам Кёля, выглядела весьма романтически. Большая любовь, в которую вмешался богатый и властный ярл, расстроивший своим сватовством благословенный Ньёрдом брак. Мол, родичи невесты не посмели противиться грубой силе.

Любовь, однако, сильнее власти и богатства. Кёль с возлюбленной дали деру, считай, уже из-под венца. И сбежали сюда, в землю кирьялов, которая хотя и считается протекторатом свейского главного конунга (вот сюрприз для меня! Я-то думал: свободная территория), но живет по своим законам и той власти, что в свейской метрополии у Бьёрна Асбьёрновича здесь нет.

В общем, неплохо рассчитал похититель невесты. Не учел только, что, помимо государственных вертикалей, тингов и законоговорителей, имеется еще и власть силы. У Бьёрна она на тот момент имелась. И он ее применил без малейших колебаний.

Впрочем, Льотольв Кто-То Умрет излагал эту историю несколько иначе. Мол, не о высоких чувствах речь, а о том, что в приложение к невесте идет очень неплохой земельный куш, который наверняка достался бы ее супругу.

По свейским законам, в отличие от законов датских, женщина имущества не наследует, и так как сколько-нибудь серьезных претендентов-мужчин на этот кусок родовой земли не осталось, все померли, то кус этот куда находился, скажем так, во внешнем управлении. Но стоило только девушке выйти замуж...

Короче, Бьёрн посватался, получил «добро» от дальней девичьей родни и отбыл в боевой поход, абсолютно уверенный в будущем марьяже.

И зря. Потому что давно уже крутившийся около лакомой невесты Кёль ухитрился влезть юной девушке и в постель, и в душу.

А когда запахло нехорошим, он, вместо того чтобы встретить смерть как подобает мужчине, попытался удрать. Когда же его все-таки выследили, решил коварно и подло сжечь корабли Бьёрна-ярла. В чем преуспел лишь частично. Один корабль все-таки сгорел. С остальными не вышло, потому что поджигателя схватили. Умирать Кёль должен был долго и разнообразно. Сжечь драккар – это еще похуже, чем увести невесту. Но Длинному повезло. Наблюдатели Бьёрна увидели нас. Бьёрн решил, что это

подарок богов. Новый драккар взамен сожженного. И отложил развлечение ради серьезного дела.

В общем, Кёлю повезло.

– А девушка? – спросил я. – Что с ней стало?

Оказалось, с богатой наследницей все в порядке. Наверное. Потому что ее оставили на попечение старосты кирьяльской деревеньки.

– Зачем ты драккар спалил? – поинтересовался Медвежонок.

– Так куда они без кораблей? – удивился вопросу поджигатель. – А у меня лодка есть... Была.

Логично. С моей точки зрения. Но Свартхёвди остался недоволен. Корабль для викинга значит куда больше, чем конь для завязанного лошадирика. Любой корабль, даже чужой. То есть в бою всяко бывает, но взять и сжечь боевые драккары просто так...

– Не просто так! – возразил Кель.

И понес покойного ярла по кочкам.

По ходу оказалось, что Медведь Медведевич не только меня с хольмгангом прокинул, но и Кёля, который тоже вызвал ярла на честный бой. Правда, уже после того, как Длинного скрутили.

– Ты хороший боец? – заинтересовался я.

– Да уж получше этих, – Кель кивнул в сторону уже принятых в хирд свеев. – С твоим дренгом, – еще один кивок, уже в сторону Вихорька, – я бы управился, не сомневайся!

Свартхёвди презрительно хмыкнул.

Но мне были нужны люди.

– Дайте ему меч и щит, – велел я. – Простоишь против меня пятьдесят ударов сердца, возьму тебя в хирд.

– А если я тебя убью?

Когда-то я такое уже слышал. От предателя Олафа.

– Мечтай!

Он был действительно длинным. Метра два ростом, сутулый, ручищи до колен. Смахивал то ли на паука, то ли на богомола. И с оружием управлялся лихо. Пожалуй, Вихорьку с ним и впрямь пришлось бы нелегко. Но против меня все его физические преимущества не прокатили. Я дал Кёлю возможность поиграться. Примерно минуту. Чтобы посмотреть, на что тот способен. А затем резко сократил дистанцию, выйдя из его «зоны комфорта», вернее, войдя в свою, и пнул похитителя чужих невест по бубенцам.

Помимо всего прочего, я хотел поглядеть, как быстро он сумеет обуздать боль. Кажется, немного перестарался, потому что мой противник

повалился на травку и свернулся клубочком... Под гогот всего моего хирда, включая и его новых членов.

Ну да. Настоящий викинг сражается с выпущенными из брюха кишками. А тут какой-то пинок...

Но в хирд я его взял. Уж очень мне нужны были люди. Кроме того, он знал, где расположено место, которое я ищу. Во всяком случае, уверил меня, что знает.

А вот Медвежонку Кёль категорически не понравился.

– Мой брат тебя принял, – процедил он, сверля новобранца взглядом, – но я с тебя глаз не спущу. Любая оплошность – и я сделаю с тобой то, что не успел Бьёрн-ярл. И даже лучше, чем он, потому что я – человек Одина, а Один знает толк в том, как правильно освежевать свинью.

– Не веришь мне? – вздохнул Кёль.

– Не-а! – ухмыльнулся Медвежонок.

– Но почему? – не слишком искренне изобразил удивление свей.

– Есть две причины, по которым я не верю таким, как ты. – Медвежонок взял Длинного за грудки, немного наклонил и заглянул в глаза: – Первая причина: я их не знаю, – сообщил он.

– Но я рассказал вам все! – запротестовал Кёль.

– А вторая причина, – проигнорировал протест Свартхёвди: – Я их знаю!

Глава 21. Становление ярла. Шаг первый

Кирьяльское селение располагалось на выходе из залива, который в будущем назовут Выборгским. Или типа того. Я не помнил названия залива. Я не помнил, как он выглядел. Но знал точно: если бы не Кёль, мы вполне могли бы пройти мимо. Побережье здесь – как бахрома на скатерти. Вдобавок острова, островки, отмели, затоны...

Впрочем подход к деревеньке был вполне удобный. И приветствовали нас не аборигены в лаптях, а крепкие свейские парни в хорошей кожаной обуви и с вполне профессиональным вооружением.

Их было немного: всего четверо.

И нас они не ждали. Вернее, ждали не нас.

Впрочем, я был в курсе их присутствия на моей будущей земле. Мои новые хирдманы просветили. В селении находился малый, так сказать, таможенный пост. С функцией общего досмотра и передачи информации дальше на базу, то есть на тот самый остров, который я планировал сделать опорным пунктом. Увы, свято место пусто не бывает, как говаривали в более поздние времена. Текущий статус территории, на которую я нахально претендовал, можно было определить как «кирьяльская область свейского королевства». Вернее, конунгства. А на острове, где когда-нибудь встанет Выборгский замок, нынче располагалась свейская крепость с серьезным гарнизоном, который, по словам моих новичков-свеев, нам однозначно не по зубам. А рулил и на острове, и на всей прилегающей территории свейский хёвдинг Геллир Чернозубый, коему конунг всех данов с популярным именем Эйрик доверил править кирьяльскими дикарями, брать с них дань, а также взимать мыто со всех проходящих мимо судов, не обладающих таможенным иммунитетом. Последний предоставлялся свейским конунгом лично и фиксировался документально.

Это мне рассказал похититель чужих невест Кёль Длинный, успевший разок-другой попить за столом Чернозубого и послушать пьяные беседы свейских «таможенников».

Геллир Чернозубый принял похитителя невест вполне благожелательно и даже пообещал покровительство. Во-первых, из-за подарка, врученного Кёлем, во-вторых, из-за того, что у Чернозубого были какие-то личные терки с Медвед Медведычем. Что-то типа вялотекущей кровной вражды. Длинный был в курсе конфликта, потому сюда и прибежал.

Но ему не повезло. Как только в Кирьяльскую область появился лично Бьёрн Красное Копье с дружиной, существенно превосходившей местный гарнизон, Геллир моментально дал заднего. То есть на конфликт с Бьёрном-ярлом из-за какого-то там Длинного не пошел. Пусть за спиной Чернозубого стоял сам главный свейский конунг. Но конунг стоял за спиной Геллира, так сказать, гипотетически, а три (на тот момент) драккара Бьёрна Асбьёрнсона находились прямо тут, у острова, и настроен ярл был весьма серьезно.

Но удача Кёля была высока и теперь стала частью моей собственной удачи. Потому что теперь у меня была практически полная диспозиция противника. И простая человеческая логика подсказывала, что мои планы овладеть Выборгским заливом и окрестностями сродни мечтам волчонка-двухлетка завалить вожака стаи. И это еще без учета маячившего за спиной вожака царя хищников, именующего себя конунгом всех свеев.

У любого здравомыслящего человека возник бы вопрос: почему я не пошел на попятный, узнав о грубой реальности бытия?

Ответ: из-за брошенной Стюрмиром железяки. И результатов броска.

Я уже неоднократно задумывался о том, что такое моя удача, и пришел к определенным выводам. В частности, к тому, что удача – это не некая вероятность «повезло – не повезло», а вполне конкретный показатель, влияющий на вероятность положительного результата. То есть вполне материальная штука. И, прошерстив собственную память, выудил из нее эпизоды, когда сия Госпожа наиболее явно подсыпала мне козырей из широкого рукава. И вот что выяснилось: самое крутое везение «обрушивалось» на меня, когда количество приключений, собранное моей жизненной задницей, начинало эту задницу очень конкретно припекать. Началось с моего первого боя в этом мире, когда я, зеленый и пупырчатый, как весенний огурец, ввязался в чужую заварушку с бандой Клыча.

Картинка тут же всплыла в памяти, как будто видеоролик включили. Я увидел Клыча, который перепрыгивает через вопящего дружка, увидел его меч, который совершенно точно должен был вскрыть мне шею, потому что я был тогда еще не матерым викингом Ульфом, а мирным спортсменом Колей Переляком, пока что не всосавшим великую истину Средневековья: тут не считают очки, тут убивают. Я представил и оценил эпизод в деталях: замах и прыжок Клыча, свой собственный выпад, тоже нацеленный в шею. Не мою, понятно, а противника. Я, современный, с высоты своего нынешнего опыта, четко понимал: Клыч меня достает. И он достал бы, если бы его вопящий от боли дружок не взмахнул рукой и не зацепил вожака за ногу.

Клыч почти попал, промахнулся от силы на пару сантиметров, меньше чем на палец...

Два сантиметра – и меч Клыча вскрыл бы мне шею. И я бы умер. Если бы его приятель не взмахнул так удачно рукой.

И другой решающий бой. В котором в отличие от того, первого, я очень хорошо понимал свои нулевые шансы. Но передо мной стоял человек, которого я ненавидел более всех в этом мире. Тот, кто убил моих людей, украл мою Гудрун и теперь собирался убить меня. Лейф Весельчак. И он был очень хорош, этот гад. Сила так и перла из него наружу. Норег и в прежние времена был лучшим воином, чем я, а в тот момент я мало того, что еще не вполне оправился от ран, так еще и был измотан почти до предела. И, более того, упал духом, когда увидел, как моя Гудрун обнимает его...

Я ведь не знал в тот миг, что это включилась моя удача, разрезавшая ремни брони ножом в руке моей невесты. Я вспомнил безупречную комбинацию, которую начал Лейф и результатом которой должна была стать моя голова, катящаяся по камням Согне-фьорда. Я знал, что не смогу этому помешать. Делал что мог, но лишь потому, что в альтернативе было бы просто принять смерть, а я так не умею. Но ремни лопнули, броня сдвинулась, сбив удар Лейфа, зато мой меч, вместо того чтобы безвредно скрежетнуть по панцирю, вошел в бок моего врага почти на половину клинка. И Лейф Весельчак, который вполне мог бы стать конунгом, стал трупом.

А мой поединок с Арманом де Мотом на улице ночного Парижа?

Там удача спасла меня дважды. Первый раз – в облике выплеснутого мне под ноги ночного горшка, заставившего беллаторе отпрыгнуть, а второй раз – в виде камня, угодившего в шлем Армана и отвлекшего беллаторе на долю секунды... И вот я снова жив, а он – мертв.

Я перебирал все эти эпизоды, служившие доказательством расположения ко мне Госпожи Удачи. Их было много, и не все они заканчивались чьей-то смертью. Например, та давняя история, когда я, сбежав от людей Водимира, вскарабкался на палубу Хрёрекова драккара. Почему ярл не велел меня прикончить без всяких разговоров? Почему он не выкинул за борт мелкого чернявого наглеца в лохмотьях, содранных с чучела? Почему он велел проверить меня именно Стюрмиру, который, как я позже осознал, оказался идеальным противником для того, чтобы я показал себя наилучшим образом?

Но блин, не всегда же мне везло! Я терял друзей! Я потерял нерожденного сына! Меня привязывали к пыточному столбу, ранили,

грабили...

И тогда я начал вспоминать другие эпизоды. В которых Госпожа Удача не проявляла ко мне благосклонности. И тут, что характерно, тоже имелась закономерность: все дерьмо, которое со мной случалось, происходило, как правило, либо из-за моей беспечности и злоупотребления спиртным, либо из-за того, что я почему-то решал: теперь-то все будет хорошо. То есть стоило мне собрать побольше козырей и приготовиться к легкой партии, как на меня обрушивался игральный стол.

И нынешним летом с Рюриком случилась очень похожая история. Вот с чего я решил, что ладожский князь будет кушать у меня из рук? Только потому, что забил решающий гол в важном матче? Да кто мне сказал, что князя любят тех, кто тащит для них шишки с елки? Нет, они таких привечают и жалуют. Но только в одном случае. В случае безусловной преданности. А что же я? Вот отпустил бы, скажем, Ульфхам Треска Водимира, если бы тот оказался в его руках? Да ни в жисть! А я – отпустил. И не жалею.

А теперь берем нашу нынешнюю ситуацию.

Победу в неравном бою со свейским ярлом, по сути, принес невероятно удачный бросок Стюрмира. Ну да, мы славно бились, но без этого броска нас непременно настиг бы упитанный полярный лис. И это моя обычная ситуация: едва пушистый полярный хищник подбирается совсем близко, из-за торосов тут же появляется братва на снегоходах или проплывавший мимо айсберг выносит супротивника за пределы игрового поля. А вот в благоприятной ситуации... Например, если мы сейчас отправимся домой на Сёлунд со всеми нашими трофеями и кучей несправедливо добытого имущества, этот мирный поход может оказаться весьма рискованным мероприятием. А вот дерзкая попытка потягаться с самим конунгом всех свеев может оказаться вполне успешной.

И я дерзнул. При полной поддержке моей старой гвардии. Ну да они те еще отморозки, так что иного я и не ожидал.

Но удача удачей, а интеллект использовать тоже не вредно. Так что мы в очередной раз замаскировались.

Люблю я это дело с переодеванием. Не первый раз проворачиваю. Нацепили на рослого Хавура доспехи покойного ярла и ярлов же полузакрытый шлем, а рядом с Младшим поставили теперь уже наших свеев: братьев Торнюра и Вилмара. А за кормило трофейного драккара – еще одного свея, Льотольва Кто-то Умрет. Льотольв, кстати, тоже знал местные воды, так что место кормчего занял не только ради маскировки.

Следом за трофейным драккаром, которому нам, с целью исправления корабельной кармы, предстояло дать новое имя, шел «Северный Змей», а за «Змеем» – оставшийся кнорр с минимальной командой из пяти человек.

Кнорр я отдал под команду Гуннара Гагары. Пусть в прошлом сражении Стюрмир проявил себя куда ярче, однако я все равно считал Гуннара лучшим командиром. Стюрмир не обиделся. Он тоже так считал.

В общем, мы сыграли спектакль: «Победоносный Бьёрн Красное Копье возвращается».

И свейская караульная команда купилась.

А когда оказалось, что «ярл» ненастоящий, протестовать было уже поздно. Немного грубости – и «таможня дала добро». Трудно возражать, когда тебя разоружили, раздели и забили в колодки, которых у свеев нашлось аж шесть комплектов.

Разумнее было бы свеев прикончить, но я же гуманист «на всю голову». Пусть пока поживут, потом разберемся, решил я.

И в очередной раз расплатился за свое человеколюбие. Но позже.

А поначалу все прошло очень гладко. Местные жители протеста не выразили. Тем более им сразу дали знать, что ни надругательств, ни поборов не ожидается. Мы пришли не грабить, а править. Универсальный скандинавский и русский, то бишь словенский языки большинство кирьялов знало одинаково плохо. Даже местный староста изъяснялся по-скандинавски кое-как. Зато у него был племянник, с виду – суций пройдоха, который на языке воинов Севера болтал почти как я. И толмачил с усердием.

Так что договорились. Грабить, убивать, насиловать – нельзя. Обед и гостиница – за счет принимающей стороны. Дополнительные развлечения (пиво и девочки) за счет гостей.

Мы были щедрыми и добрыми. Благо было с чего. Местным такой подход понравился. И когда я выразил желание пообщаться с представителями кирьяльских родов, проживающих вне селения, мне пообещали такую встречу организовать не откладывая.

Я уже знал, что управление у кирьялов, как, впрочем, и у многих родоплеменных, двойное.

Есть исполнительная власть. Вот как староста данного поселка. Или военный вождь, он же командир ополчения.

А есть власть законодательная. Мудрые старцы. И старицы. Законоучители и законодатели. И главные как раз они, потому что исполнительную власть тоже они назначают.

Мы тоже из крутой породы викингов, как и их прежние господа, сообщил я родовым патриархам и могучей тетке, которую здешние называли «мать». Только мы не свеи, а даны. Со свеями мы немного повздорили и побили их, так как мы – круче. Однако они убили наших людей и испортили имущество, поэтому они нам должны. Но самим кирьялам беспокоиться не о чем. Взыскивать долги мы будем не с них, а с настоящих виновных. То есть со свеев. В частности, заберем у них таможенную «точку» на острове в устье реки. А потом все наладится, и кирьяльские племена ждет богатство и процветание.

После меня выступил главный кирьяльский дедуган. Сказал, что богатство – это хорошо, но уверен ли я, что озвученные деяния мне по плечу? Свеев ведь немало, побольше, чем нас. И все они – воины, обосновавшиеся за крепкими стенами. Совладаем ли мы с ними без посторонней помощи?

Посыл был понятен. Дедушка опасался, что от них потребуют ввязаться в драку на нашей стороне.

Я опять успокоил: сами управимся. Мы – даны из Сёлунда. Круче нас только айсберги в холодном море. Да, от местных нам тоже кое-что потребуется. Например, провиант и всякие полезные вещи. Но не за так. Не в качестве дани. Все будет оплачено по разумному прайсу. А если кто-то захочет продать нам меха, рыбу, кость и другую ликвидную продукцию, то милости просим. Ну а если какие-то храбрецы из местного населения пожелают поторговать без нашего участия, пройти в Ладогу, например, то мы им препятствовать не будем. Однако придется заплатить налог. Небольшой. Хотя, по моему глубокому разумению, сообщил я почтенному старчеству, торговать с нами кирьялам будет в любом случае выгодней. И безопасней. Тем более что главный торг я намерен обустроить здесь, в данной деревеньке. Куда и придут в гости «все флаги», неся ее жителям обещанные богатство и процветание.

В общем, нарисовал замечательную картину превращения Васюков в Нью-Москву.

Ильфа с Петровым старейшины, по понятным причинам, не читали, да они вообще ничего не читали вследствие отсутствия письменности. Потому отринули сомнения, развесили уши лопухами и внимали моим обольстительным речам аки божественному откровению. В результате я не сомневался: поддержка местного населения нам обеспечена. И это хорошо, потому что, если я решил стать главным землевладельцем здешних краев, лояльность коренных жителей мне не помешает. Я буду им хорошим ярлом. Добрым и заботливым. Потому что я такой и есть. Если меня не злить.

В общем, расстались мы почти друзьями. А самое главное: я больше не опасался утечки информации. Местные позаботятся о том, чтобы в крепости о нас не узнали.

Девчонку, из-за которой кипели скандинавские страсти, главной из которых, несомненно, была алчность, звали Ката. Красотой ее боги не одарили, но она была юна, мила и наивна. Не думаю, что Кёлю было трудно ее охмурить. И, похоже, она тоже была Длинному по душе. Во всяком случае, обращался он с девушкой ласково, заработав этим плюсик к репутации. А еще она понравилась Заре, и та немедленно взяла над Катой шефство, что привело к переселению девушки из домишки, больше смахивающего на землянку, в один из лучших домов деревни.

Заря это и организовала. Явилась к старосте в сопровождении Вихорька и Ануда, заявила, что папа девушки был уважаемым господином и ей не следует жить в хлеву только потому, что муж девушки велик ростом, а не удачей.

И Ката переехала.

И прониклась к моей подруге оч-чень большим уважением.

Я же нахально воспользовался ситуацией и отстранил Зарю от будущей драки за главный таможенный пост. Аргументировал: кто-то должен присмотреть за девушкой. И за нашими ранеными. Которых, кстати, разместили в том самом «лучшем» доме.

Раненых было четверо. Двое весян (один принятый и один подвернувшийся под случайный удар древком) да двое варяжат, Егри и Фрут, причем состояние первого следовало считать удовлетворительным, опасности для жизни нет. А Фрута вообще через неделю можно было «выписывать». Отец Бернар, как всегда, являл нам чудеса военно-полевой травматологии. На тех, кто выжил. К сожалению, рукопашная с викингами отличалась повышенной смертностью. Хорошие доспехи помогали изрядно, но если удар прошел и защита не помогла – считай, покойник.

– Местные пообещали мне, что все будет в порядке, – сказал я Заре. – Но ты – повнимательней. С тобой остается отец Бернар. Он присмотрит и за ранеными, и за кораблями, но он – не воин. Если что, именно тебе придется вразумлять здешних смердов.

– Думаешь, они рискнут выступить против нас? – усомнилась Заря.

– На наших кораблях – немалое богатство, – напомнил я. – Это искушает.

– Только очень глупый польстится на добычу викинга.

– Вот поэтому я сказал: «вразумишь», – я погладил ее по щеке. – Ты же

умница!

– Твоя умница! – уточнила Заря, поймав мою руку. – Не дай себя убить, Ульф Свити! – попросила она, заглядывая мне в глаза снизу вверх. Как-то это у нее получалось, хотя мы были почти одного роста. – Не оставь меня, любимый, я пропаду без тебя!

И какая же она славная, Заренка Труворовна! Так и хочется обнять и не выпускать. Совсем не так, как с Гудрун. Женушка моя сёлундская, она – прекрасна. Глянешь – и дух захватывает. Обнимешь – и... круче, чем когда мой Волк приходит. Небесные врата открываются, если пользоваться терминологией Бури. А Заря – она совсем не небесная. Она – от земли. Причем – моей земли. И потому более родная, что ли...

Ладно. Живы будем, разберемся.

– Как же я могу тебя оставить, ладо мое! Вот вышибем свеев из крепости – и я сделаю тебя хозяйкой здешнего края! – пообещал я, глядя в огромные доверчивые глаза. – Думай об этом, пока я не вернусь. И о том, что я доверил тебе мои корабли и моих людей. Сбереги их! Ката, если что, тебе поможет. Она на местном болтает немного. И за пленными присматривай. Колодки колодками, а пригляд не помешает. Вот Фруту поручи. Ходить ему Бернар разрешил, вот пусть и ходит.

– Дурак он, твой Фрут.

– Скорее уж твой, поскольку родич. Да, избытком ума не страдает, да тут особого ума не нужно. Тут бдительность требуется. А думать за всех ты будешь, красавица моя. Пока мы не вернемся.

– Твоя, – зарумянилась от комплимента Заря. – Сделаю как скажешь. Сберегу. Присмотрю. Возвращайся скорее, мой ярл!

В тот момент я полагал, что сделал удачный ход. Избавил Зарёнку от опасностей предстоящих нам схваток. Дел ей здесь хватит, и я наивно полагал, что это будут исключительно мирные дела. Проблем со стороны местного населения я не ожидал. Мне казалось, я достаточно мотивировал кирьяльских пейзажей быть к нам дружелюбными.

К сожалению, я не учел, что мотивировал не всех, иначе оставил бы вместо Зари минимум пятерку бойцов.

Я вообще в тот момент взирал на мир слишком благодушно. Еще бы! Мы вырвали победу в стопроцентно губительной ситуации. Что в сравнении с Бьёрном-ярлом какой-то там таможенный пост, который представлялся мне чем-то вроде огражденного частоколом хутора.

Однако, когда я увидел, что именно нам предстоит захватить, от моего оптимизма не осталось и следа.

Глава 22. Становление ярла. Шаг второй

Я не очень помнил, как выглядел этот остров в будущем. А вот замок запомнил хорошо. Отличный был замок. Мощный. В этом времени, разумеется, такого каменного монстра на острове не стояло. Мостов, понятно, тоже не имелось. И воды вокруг, как мне кажется, побольше, чем в нашем будущем. Но вода и отсутствие мостов нас не смущали. А вот сам опорный пункт свейской власти пусть и уступал значительно будущему замку, но все равно мне очень не понравился.

Я ожидал куда более скромного укрепления. Чего-то типа огороженного подворья с доступной высоты забором.

Большая ошибка! На макушке острова располагалась настоящая крепость. Да, не каменная, а деревянная. Но именно крепость. Значительно меньше ладожской, но не менее качественная. Чувствуется, что при ее строительстве на древесине не сэкономили.

И вообще, строений на острове хватало. Не знаю, что там, за стенами, но снаружи я углядел аж два длинных дома, десяток вспомогательных помещений, аж пять корабельных сараев, небольшой драккар размером с моего «Северного Змея» у причала и целый лодочный флот у берега.

А вот людей на самом берегу не было. И нас, похоже, все-таки ждали, потому что ворота крепости были затворены, а на башне и стенах поблескивали шлемами защитники.

Надо думать, стрелки у них тоже имеются.

Интересно, ждали именно нас или Бьёрна-ярла, на драккаре которого мы шли?

– Добрые стены, – похвалил стоявший рядом со мной Медвежонок. – Мне нравится.

– А мне – нет! – буркнул я и крикнул Льютольву: – Не высаживаемся! Идем мимо!

– Ты что? – удивился мой побратим. – Нам же туда надо! – Он показал на крепость.

– Не сейчас.

– Думаешь, мы ее не возьмем? – Медвежонок прищурился, пересчитывая шлемы на заборе. – Да их там не больше трех десятков!

– Если полезем в лоб, нам хватит. Половина хирда под стенами ляжет.

Свартхёвди еще раз внимательно изучил склоны, по которым нам предстояло взбираться, стены крепости, ворота и неохотно признал:

– Да, кое-кого убьют. Что с того? Все мы умрем.

– Не здесь и не сегодня! – отрезал я.

Наш корабль шел мимо острова. Под взглядами защитников крепости. В нас не стреляли, хотя, в принципе, могли бы.

Я снял с пояса кошель с серебром, подбросил его в воздух, поймал, еще раз подбросил...

Жест понятный. Хотите получить таможенный сбор, спускайтесь и возьмите.

Не повелись. Ну и пес с вами. Я уже кое-что придумал.

Драккар укрыли в зарослях выше по течению – укромных местечек здесь хватило бы на целый флот.

Обратно возвращались на четырех лодках, позаимствованных у рыбаков. За лодки я заплатил серебром. Мог бы взять и бесплатно, но тогда их хозяев пришлось бы убить, а я этого не люблю. Тем более кровь между нами и кирьялами – это совершенно лишнее.

Мимо крепостного острова мы прошли в сумерках, а к кирьяльскому селению подошли практически в полной темноте.

Ворота селения были закрыты. Ломиться мы не стали. Переночевали на кораблях, за которыми присматривали двое весян.

Мне доложили, что обстановка в деревне спокойная. Пищей местные снабжают исправно, пленные сидят в плену, Заря бдит. Отец Бернар обихаживает больных.

То есть за тыл можно быть спокойным.

А ранним утром, оставив одного из весян с сообщением для Зари (вдруг решит, что корабли увели), мы, не дожидаясь, пока спадет утренний туман, двинулись потихоньку к крепостному острову.

План у меня был прост. Пустить мимо острова Гуннаров кнорр и поглядеть, как отреагируют свейские таможенники. Я предполагал, что отреагируют они активно. То есть бросятся в погоню. Драккару догнать кнорр не составит труда. Но произойдет это не сразу, и я был уверен, что наши успеют укрыться в одной из шхер. Вернее, не в одной, а в той самой, где их будет ждать подмога: варяжата со стрелками-весьянами. Все – на заранее подготовленных позициях. Свечи бойцы неплохие, но не более чем. Дальний гарнизон – не гвардия конунга. Порядок действий мы «засадному полку» и приманке расписали по буковкам. «Мы» – это в основном Медвежонок и Бури. Старшим над «пехотой» я назначил Ануда. Правда, только до тех пор, пока к ним не присоединится Гуннар, которому и предстояло довести кнорр до «засадного полка». Кроме него, на кнорре

находились еще двое варяжат, весяне-лучники и четверо рабов – помогать при установке и снятии паруса. Против минимум двух десятков свеев команда кнорра не потянет, однако если свеев заведут в ловушку и начнут обстреливать сразу со всех сторон и со всех уровней, да еще из таких мест, до которых свейским хускарлам даже копья не добросить, не то что ножками добраться, то об этой части свейского гарнизона можно было забыть.

Даже если часть успеет собрать из щитов «домик» и укрыться от обстрела, то оперативно вернуться на остров у них точно не получится.

Есть совсем маловероятный вариант, что свеи догадаются, что их заманивают в засаду, прекратят погоню и поспешат обратно...

Ну что ж... Тогда нам не повезло. Вопреки обыкновению.

Я, впрочем, исходил из того, что удача не покажет нам свою очаровательную попку. Тем более что дальнейший план уже никаких вариантов не предусматривал. Потому что его основополагающий принцип гласил: «Действуем по обстоятельствам».

Как только драккар «таможенников» увяжется за кнорром, к острову совершенно открыто подойдет «Северный Змей». С белым щитом на мачте.

Отшвартуется, а дальше...

Да, именно это я и имею в виду. Действуем «как фишка ляжет».

Простой, в общем, план. Люблю такие. Я не шахматист, чтобы всякие сложные варианты на сто ходов вперед продумывать. Я – фехтовальщик. Десяток движений – и ты либо победил, либо умер.

Однако бывают случаи, когда даже совсем простые планы обламываются.

Вот и нынче как раз такой... приплыл.

Вернее, пришел. На веслах.

Драккар возник в утреннем тумане метрах в пятидесяти.

Как говорится: на ловца и зверь. Удача с нами, господа завоеватели!

На кнорре, который шел впереди под парусом, всполошенно заорали. Драккар шел нос в нос, и столкновение могло отправить на дно оба судна. Драккар двигался на веслах и, следовательно, был более маневренен. Что он и доказал, красиво обогнув препятствие.

Но этим не ограничилось.

– Спустить парус! Быстро! – грозно заорали с его палубы.

– А чего надо? – крикнул с кнорра Гуннар.

– Мы – хускарлы Эйрика, конунга свеев! Ты идешь по нашей воде! – рявкнули с драккара. – Должен заплатить! Остановись или хуже будет!

На драккаре затабанили сразу всеми веслами, а потом закрутили их в другую сторону. Скандинавские корабли неплохо ходят кормой вперед. Так что разворачиваться им не обязательно. Достаточно развернуться гребцам на румах. Ну, и веслами с соседями поменяться.

Быстро, да. Но пока гасили инерцию и снова разгонялись, кнорр успел уйти вперед.

– Я уже платил! – прогудел из тумана Гуннар. – Бьёрн-ярл взял с меня мыто за проход! С ним разбирайтесь!

Он сообразителен, мой норег. Особенно если речь идет о деньгах.

С драккара разразились изысканной бранью. Сравнение ярла с расхитителем могил, пожирающим опарышей из собственного гнилого брюха, было едва ли не самым доброжелательным в этом словесном потоке.

– Нехорошо так о мертвом, – пробормотал Свартхёвди.

Ну да, мы все слышали, поскольку «Северный Змей» отставал от кнорра всего лишь на сотню с небольшим метров, а голоса над водой распространяются прекрасно.

– Остановись! – заревел «таможенник». – Я тебе внутренности выну!

Какой интересный стимул для остановки. Прямо-таки Александр Сергеевич: «Бездельник, дай себя догнать, дай голову с тебя сорвать!»^[9]

Но это не наш случай. Кнорр не остановился. Мы – тоже. Более того, спустя минуту я уже видел в тумане нос свейского кораблика. И он приближался.

Драккары неплохо ходят кормой вперед. Но носом все-таки лучше. Да и «Северный Змей» – проворная зверушка. Мы быстро их догнали. Слишком уж свейские парни были увлечены погоней. Туман опять же. Так что взяли мы их натурально врасплох.

Свейский гребец дико завопил, когда из белесой мглы возникла оскаленная пасть «Змея». Но больше боец ничего не успел. «Змей» навис над ним, толкнул весло, которое ударило свея в грудь, снеся с рума. Крючья с хрустом впились в дерево, вниз полетели кранцы, мешки с шерстью, «Северный Змей» притерся борт к борту, сбив еще пару весел, а затем на палубу свейского драккара с бодрым ревом десантировалась наша абордажная команда.

Аккурат в тот момент, когда свеи готовились проделать то же самое, но уже с нашим кнорром.

Три корабля, сцепленных вместе, легли в дрейф, и началось самое веселье. Для нас. Свеям веселиться было не с чего. От толчка часть тех, кто уже взобрался на борт, готовясь запрыгнуть на кнорр, потеряла равновесие и с борта свалилась. Кому повезло – на палубу, кому не повезло – в воду.

Мои герои помчались по румам, рубя ошарашенных гребцов, большинство из которых даже не потрудились надеть защиту. В доспехах были только те, кто собирался разъяснить правила досмотра упрямой команде кнорра. Взяться за оружие гребцы тоже не успевали.

Кто попроворнее, сорвал с борта щит... И выиграл полминуты жизни.

Я на этот раз в первые ряды не рвался. Обойдутся без моего меча. Встал на рум и смотрел, как работают мои парни.

Работали же они, как я и ожидал, быстро и эффективно. Хускарлы-рукопашники добрались до носа раньше, чем swei сумели выстроиться для грамотной обороны. И успели порубить не меньше десятка, пока sweйский лидер сумел собрать строй, упереться и заставить моих «ударных» отступить и собрать свою стену. Вместе с подоспевшими дренгами, углубившими наше построение.

Но до честной битвы – стенка на стенку – дело так и не дошло. К процессу подключились мои стрелки.

А в спину sweям ударил Гуннар с тремя варяжатами. И трое весян поддержали их стрелами. Далеко не каждая стрела лесовиков поражала цель, но каждая и не требовалась. Полминуты – и строй смешался. Еще полминуты – и sweи побросали оружие.

Были бы все сражения такими, как это, война стала бы моим любимым развлечением.

Нет, вру. Если бы еще не приходилось убивать людей.

Глава 23. В которой великодушные Ульфа Свити в очередной раз оборачивается против него

– Я отпущу вас всех! – крикнул я. – И вас, и тех пленных, которых мы взяли! Клянусь расположением Тора! С оружием и со всем, что вы унесете в руках! Я отдам вам корабль, чтобы вы добрались до дома!

Я мог позволить себе такую щедрость. Два корабельных сарая оказались непустыми. В одном – вполне приличный кнорр, во втором – большой, на восемнадцать румов, драккар повышенной грузоподъемности, но пенсионного возраста. Вот его я и готов был передать свеям, если те сдадутся.

– Здесь наш дом!

– Уже нет! Теперь это наш дом! И я хочу, чтобы ты сообщил об этом своему конунгу! Ты меня понял, хёвдинг?

– Я тебя понял, – донеслось из-за двери. – Но я тебе не верю!

– Я поклялся расположением Тора!

– Что с того? – изнутри хохотнули. – Принесешь ему жертву, и он простит обман!

Вот сволочь недоверчивая. А ведь я не лгу. Если сдадутся, могут отправляться на все четыре.

– Брат, давай их уьем, – проворчал Свартхёвди. – Быстрее закончим и пообедаем наконец.

– Дай мне еще немного времени, Медвежонок, – попросил я. – Он согласится. Куда ему деться!

– Они могут сражаться и умереть.

Вот ведь открытие. Кто бы мог подумать?

– С ними семьи.

– Тем более. Ты бы хотел, чтобы твоя жена попала в руки кого-то вроде Мьёра-ярла?

– Я не Мьёр-ярл!

– А этому откуда знать?

– Слушай меня, хёвдинг! Я сейчас войду к вам. Один. Без оружия...

– Ты спятил... – зашипел Свартхёвди.

– Ульф! – воскликнула Заря.

– Помолчите. Эй, ты слушаешь?
– Я слышу тебя, дан. Продолжай!
– Я буду с тобой, залогом, пока твои люди не сядут на корабль! Потом ты меня отпустишь, и вы уйдете! Я не хочу убивать! Не хочу ссориться с вашим конунгом...

– Ты уже поссорился с ним, когда убил его людей! Садитесь на свои корабли и гребите изо всех сил. Может, и успеете ускользнуть от мщения!

Вот идиот! Неужели он думает, что я его боюсь? Жалкой кучки из дюжины бойцов, запершихся в доме?

Хотя нет, не жалкой. И не кучки. Очень качественные бойцы. И отступили очень грамотно. И из дома их непросто будет выбить. Разве что поджечь.

Но этот дом мне самому пригодится. А еще есть риск, что огонь перепрыгнет на другие строения...

А так хорошо все начиналось!

Блицдопрос пленных показал: на острове постоянно проживает примерно две – две с половиной сотни. Семь десятков воинов, их семьи, несколько свободных ремесленников и обслуживающий персонал из трэлей и местных холопов-кирьялов на договоре вроде моего строителя Дедагы. Сейчас на острове осталось порядка трех десятков бойцов, причем большинство – старшего состава, потому что на драккаре, который мы взяли, в основном был молодняк, дренги. Свейский старшой Геллир Чернозубый отправил их в селение: выяснить, почему никто не сообщил о появлении корабля Бьёрна-ярла. Потом выйти из залива и пройти туда-сюда вдоль морских берегов. Ну и в гребле попрактиковаться, чтоб не забыли, как это делается. Сугубо мирный поход. Это если Красное Копье ничего криминального не учудил. Как мне было уже известно: у Чернозубого с Медведем Медведевичем отношения были сложные. Более того, он велел караулу в селении в случае возвращения Красного Копья немедленно доложить об этом начальству.

Поскольку приказ выполнен не был, то Геллир был готов к худшему. Например, к тому, что Красное Копье перебил его людей и разграбил деревню.

Экипажу драккара было велено подойти к селению скрытно, под покровом утреннего тумана, высадиться, разведать, а далее действовать по обстоятельствам.

Обстоятельства сложились не в их пользу. Бывает.

Очередных пленных повязали и заперли в трюме кнорра, на котором я

оставил пару весян и варяжонка Куци, в котором я не сомневался, поскольку успел лично проверить в бою. Остальные загрузились на «Северного Змея», чтобы реализовать вторую часть плана. Того, который так замечательно начался.

Мы отшвартовались на глазах у всей честной компании: шести бойцов и трех десятков гражданских.

Я представился старшему. Честно представился, «даном из Сёлунда». Сообщил, что везу оружие в Гардарику. Предложил две марки серебром за проход.

Старший тут же увеличил пошлину в десять раз.

Я хмыкнул, заявил, что даже две марки – это много, но я заплачу, потому что щедр и рассчитываю на долговременное сотрудничество. Мог бы ведь и так пройти. Что они, таможенники, могут мне сделать?

Тут я подал условленный знак, и ко мне присоединились Стюрмир, Медвежонок, Тьёдар и Скиди. А остальные бойцы чуток привстали, чтобы у дежурного по таможне была возможность их посчитать и оценить вооружение.

Неужели они думают, предположил я, что на своем корыте (кивок в сторону второго драккара) сумеют догнать моего красавца? Да что они вообще могут мне сделать, если я, скажем, прямо сейчас на них обижусь и в компенсацию за обиду заберу и драккар, и вот это стадо овечек, и вот этих симпатичных девушек?

Говорил я громко, вел себя нагло, и случилось то, на что я рассчитывал. Геллир Чернозубый решил тоже показать силу. Из крепости выдвинулось подкрепление. Навскидку – человек двадцать пять. Бодрой рысцей, побрякивая оружием.

И как только они оказались на подходящей дистанции...

В общем, мы обратили их в бегство.

И даже сумели у них «на плечах» ворваться в крепость, потому что оставшиеся внутри не рискнули закрыть ворота перед своими, а бить по нам со стен было практически некому.

На этом наши успехи и закончились.

Крепость была построена толково, и свеи, которые, надо думать, ее и построили, этим воспользовались. Очень грамотно заблокировали главный проход между строениями.

Это стоило им еще четверых бойцов, но строй они удержали, даже когда Медвежонок ненадолго «включил берсерка». Остальные тем

временем отступили, укрылись в длинном доме, а когда кипевший священной яростью Свартхёвди выскочил на открытое пространство, то спасла его исключительно невероятная реакция берсерка. В него одновременно прилетело столько острых предметов, что щит, за которым он успел укрыться, вмиг превратился в подушечку для иголок. Очень больших иголок.

Конечно, долго в одиночестве он не оставался. Мне совсем не улыбалось потерять брата, да и остальные не дремали. Свейских стрелков и метателей наши стрелки быстренько загнали внутрь помещения, но...

Вот с этим «но» я сейчас и разбирался.

По моим прикидкам, в длинном доме засело примерно полтора десятка матерых свеев. Нас было больше, но по-настоящему опытных – не больше десятка. Варяжата неплохо держали строй, весяне прилично били из луков, но в полутьме и тесноте длинного дома они свеям не ровня. Конечно, у нас ударная сила в виде Медвежонка и меня, но в дверном проеме мы станем отличной мишенью для копий. То же будет, если мы попытаемся проникнуть в дом через дымовое отверстие.

Я не хочу больше терять людей. Особенно когда этого можно избежать и договориться.

– Это последнее предложение, Геллир! – провозгласил я. – Либо ты соглашаешься, либо готовься умереть!

– Я согласен! – донеслось изнутри.

Наконец-то!

– Только ты войдешь без оружия!

– Может, тебе еще и бочонок пива принести, свей! – заорал Медвежонок, которому идея отдать меня в заложники, мягко говоря, не понравилась.

– Хорошо! – вмешался я. – Без оружия! Я иду!

Сняв с пояса оба клинка, оставив только нож, я поднял руки и вышел на открытое пространство.

– Заходи в дом! – потребовал Геллир.

И я зашел.

Так вот ты какой, шведский олень. Вернее, лось. Из рта хёвдинга воняло, как из сортирной дырки. Надо думать, Чернозубым его прозвали неспроста.

Впрочем, в доме вообще пахло отнюдь не розами. К обычным миазмам скандинавского жилья примешивался хорошо мне знакомый запах страха.

Стоны раненых, детский плач, тяжелое дыхание нескольких десятков людей... Незабываемый колорит.

Едва я откинул изрезанную, пробитую в нескольких местах кожаную завесу, заменявшую дверь, меня немедленно сцапали и ощупали на предмет длинномерного оружия. Оно не нашли, а нож отбирать не стали.

– Зря ты сюда пришел, дан! –дохнул на меня гниющей помойкой Геллир. – Теперь ты мой. Вели своим людям сесть на корабль и убираться, не то я шкуру с тебя сдеру!

– Не успеешь! – Не то чтобы я был очень удивлен. Когда имеешь дело с чужими викингами, надо быть готовым к любой подставе. – Шкуру сдирать – дело долгое. А времени у тебя немного. Собирайтесь и выходите! Иначе мой брат подожжет дом.

– Ты сгоришь с нами! – прорычал хёвдинг.

– Мы все когда-то умрем, – безмятежно заявил я. – Почему бы не сегодня?

– Геллир, мне не нравятся его слова! – пробасил один из свеев, державших меня за руки. – Я не хочу сгореть! И не хочу, чтоб сгорел мой сын! Он клялся, что мы уйдем все и с оружием...

– Заткни пасть, рыбобрюхий! – взъярился хёвдинг. – Мы все умрем здесь! Ты понял? Некуда нам идти! Здесь наше место!

Ну и вонища от него. Как будто дерьмом питается.

– Бондур дело говорит, – пробасил еще кто-то. – Зачем умирать, если можно жить? Он обещал свободу...

– Он лжет!!! – в лицо мне полетели брызги из вонючей Геллировой пасти. Это не хёвдинг, а бактериологическое оружие какое-то. Пора перехватывать инициативу.

– Ты трус, Геллир, – быстро произнес я. – Ты просрал дело, доверенное тебе конунгом, и теперь боишься предстать перед ним, обгадившись. Из-за своей трусости ты готов погубить всех своих хирдманов и их родичей. Потому-то ты и не хочешь принять мое предложение. Боишься гнева конунга...

Тут Геллир опомнился. И не нашел ничего лучшего, как заткнуть меня мечом. Сделай он это полминуты назад, когда меня крепко держали его бойцы, мне бы не увернуться. Но во время нашей дискуссии мертвая хватка свеев ослабла, да и контроль тоже, потому я ушел в сторону, потянув за собой бедолагу Бондура. Бедолагу, потому что именно его и поразил клинок хёвдинга, который рубил меня, будто лесоруб – дерево: изо всех сил и в полной уверенности, что дерево не блокирует и не увернется.

В общем, державшую меня руку враз отделило от туловища.

Заорали оба. Хускарл, оставшийся без руки, и хёвдинг, его без руки оставивший.

Я же скользнул за спину второго свея и попутно стал обладателем меча. Меч этот был тяжеловат, и мне не совсем по руке, но разить врагов им было можно. И даже нужно. Что я и сделал, всадив острие в толстую ляжку Чернозубого.

Острие оказалось туповато, вошло неглубоко. Однако Геллир совсем взбеленился и сделал еще одну попытку отправить меня в гости к богам. И опять неудачно.

Особенно неудачно для парня, у которого я позаимствовал мечуган и который выступил в качестве моего щита. Одноразового.

В доме было душно, дымно, темно и тесно. Орудовать в такой давке длинным клинком, да еще в обычной для скандинавов размашистой манере, было, мягко говоря, рискованно. Геллир рискнул. И еще раз рискнул, еще на замахе угодив по голове одному из своих, отчего и удара у него не получилось...

А потом на широкое плечо Чернозубого обрушилось лезвие секиры. Броня выдержала, но кость хрустнула. Геллир взревел. Рука его повисла, меч выпал... И я не преминул его подхватить левой рукой.

Геллиру он был уже не нужен. Разве что в качестве пропуска в Валхаллу. Еще один удар топора – и отряд противника обезглавлен. В прямом смысле этого слова. Добрый удар. Свей, который его нанес, определенно умел управляться с боевым железом.

Задаваться вопросом, почему вдруг один из свеев восстал против своего хёвдинга, я не стал. Некогда. Меня как раз сцапали: правая рука будто в тиски попала. И тут же молодецкий удар вышиб из моей левой руки только-только обретенный мечуган Геллира.

Оно и к лучшему, как оказалось, потому что этой же рукой я извлек нож и порадовал схватившего меня свея железом под мышку.

Нож застрял, но свей меня отпустил...

Для того чтобы его приятель порадовал меня ударом чего-то острого в спину. Удар получился вялым. Скорее толчок, чем удар. Кольчуга уберегла от повреждений, но не от самого толчка. Я споткнулся о чье-то тело, нырнул вперед и воткнулся шлемом в бронированный живот. Жестковато вышло. Так можно и шею повредить. Следующий удар пришелся по спине и швырнул меня на грязную солому, устилавшую земляной пол длинного дома. И тут же на меня повалился боец, схлопотавший мой нож в сердечную мышцу. Тяжеленный, гад! Придавил конкретно.

В мою спину еще разок ткнули чем-то острым. Потом долбанули по

шлему. И снова – между лопаток. С минимальным результатом. Не так-то просто убить человека, на котором надета качественная броня.

Не просто, но возможно. Особенно если этот человек похож на придавленного тапком таракана...

К счастью, времени на мое добивание у моего недруга не осталось.

Обычный шум боя внезапно накрыл леденящий сердца берсерочий рык.

В двери, о которых забыли в суматохе, ворвался мой братец Медвежонок.

И всем моим недоброжелателям как-то сразу стало не до меня.

А потом в щеку мнедохнул мой Волчок: чего разлегся? Время сплясать!

И мы сплясали. Отменный танец получился. Жаль только, что гражданские пострадали. Те, кто не сообразил забиться в самый дальний угол.

Впрочем, подпали мы дом, погибших было бы на-амного больше.

Глава 24. Цена беспечности

– Я думал, ты умом ослаб, братец! – простодушно сообщил мне Медвежонок, пока местные жители под руководством дренгов стаскивали своих бывших хозяев в одну большую кучу на берегу. – А ты великую мудрость проявил и дивную храбрость!

Ага. Как же! Однако признаться в том, что стратегическое мышление – не моя сильная сторона и все сразу пошло наперекосяк, было бы *стратегически* неверно. Потому я важно закивал и сделал вид, будто с самого начала угадал причину суицидного поведения Геллира Чернозубого. Мол, решил мужик: лучше сдохнуть в бою, чем предстать перед конунгом законченным лузером.

Впрочем, это как раз в моем стиле – удачно симпровизировать, а потом делать вид, будто так и задумано. Мол, я заранее знал, что с крыши летит кирпич, а не сунул руку в карман, обнаружил отсутствие кошелька и остановился.

Лютые видом новобранцы глядели на меня с восхищением. Ну да, я заполучил в хирд еще парочку шведов: младших братьев истекшего кровью Бондура. Парни решили, что Геллир напал на их брата. И в два топора прикончили своего бывшего вождя. А потом ухитрились выжить в последовавшей мясорубке.

Что характеризовало их с наилучшей стороны.

Как моих будущих хирдманов, разумеется.

Медвежонок проворчал что-то не слишком одобрительное: мол, нехорошо это, когда бойцы убивают собственного вождя. Но все-таки признал: повод для бунта у братьев был, факт. А главное: Медвежонок тоже знал, что нам нужны люди. Особенно умелые и везучие. А эти именно таковы. И после содеянного обратной дороги у них нет. Следовательно, нам они будут верны. Без вариантов.

Братьев звали Траусти и Трюгви Крумисоны. Забавно. Покойный хёвдинг вряд ли согласился бы с тем, что имена им подходят. Они переводились как «заслуживающий доверия» и «верный».

В общем, все закончилось благополучно. С нашей стороны вообще ни одного погибшего. Очередное доказательство тезиса о том, что правильный строй – это наше все. То есть не совсем «наше», но для менее опытных бойцов – да. И там, в доме, мы с Медвежонком обошлись парой десятков ссадин, синяков и царапин, потому что встретил нас не сплоченный строй

свеев, а вооруженная толпа, дезорганизованная, потерявшая лидера и удобовок изрядно обескураженная предшествующими событиями.

Хотя, как выяснилось, особой сплоченности у «таможенников» и раньше не было. Геллир отличался характером вздорным и злобным. Надо думать, этому весьма способствовала терзавшая его зубная боль.

Тем не менее никто из выживших свеев присяги мне не принес. Ну, кроме Крумисонов. Причина тоже была понятна: родственники в «метрополии».

Всего же пленных у нас оказалось восемнадцать штук. Это не считая той тройки, что осталась в кильяльской деревне.

Что делать со всей этой оравой, я не знал. Убивать не хотелось, рабов из них не получится. Разве что на каких-нибудь галерах или в каменоломнях. То есть в цепях и под жестким контролем. Галер у меня не было. Каменоломен – тоже. Отпускать их на свободу попросту опасно.

Выход подсказал Тъедар. Пусть пленные принесут торжественную клятву, что отправятся домой и больше никогда не поднимут против нас оружия. Текст клятвы составил он же. И это был хороший текст. Будь я убежденным последователем скандинавского пантеона, никогда не рискнул бы нарушить подобную клятву.

По всей видимости, пленные тоже прониклись. Но поклялись. Все. Потому что несогласных ждало тесное общение с Медвежонком, который заявил, что охотно подарит упрямецв Одину. Причем не в качестве соседей по застолью, а реализует схему, по которой жрецы Одноглазого приходуют рабов в капищах.

А для тех, кто все-таки колебался (отомстить-то хочется!), я усилил мотивацию дополнительным бонусом: возможностью забрать с собой семьи. И пообещал выделить для транспортировки один из трофейных драккаров.

В общем, по понятиям викингов, щедрость к побежденным проявил неопиcуемую.

Драккар, конечно, не ахти. Пенсионер скандинавского флота. На таком по рекам ходить можно, а вот на море, да еще в непогоду...

Впрочем, это уже не мои заботы.

Единственное, что я пресек, это попытки проигравших забрать с собой кого-то, кроме самых близких родственников. Все сестры, вдовы и сироты оставались. Я собирался обосноваться тут надолго, и мне следовало подумать о женщинах для моих хирдманов. Причем женщинах качественных. Тех, что станут матерями моих будущих воинов. Во как!

Я сообщил об этом братцу, и тот с моей позицией полностью

согласился. Правда, не преминул напомнить, что главный наш дом не здесь, а на Сёлунде, однако признал: здешняя земля тоже хороша. И, владея ею, я вполне могу называться уже не просто вождем, а ярлом. И он, Свартхёвди Сваресон, тоже приподнимется. Станет братом ярла и сам почти ярлом, ведь мы с ним побратимы, а у побратимов все общее.

Кроме жен, напомнил я.

Ну это пока мы оба живы, оптимистично уточнил Медвежонок. А когда кто-то из нас умрет...

Ну да. Жен ведь тоже можно наследовать. Вместе с имуществом, понятное дело. Медвежонку-то ничего не грозит – жениться на сестре он не станет. А вот если с самим братцем несчастный случай произойдет, то мне может по этой схеме достаться его супруга Фрейдис, дочь Хальфдана. Хальфдана Черного, конунга многих-многих норежских земель... А может, уже и всех, поскольку когда мы были у него в гостях, к этому и шло. Характер же у дочери конунга Фрейдис... Как у дочери конунга.

И на фига мне такое счастье?

– Если тебя убьют, пеняй на себя! – предупредил я братца-берсерка. – Найду тебя в Валхалле и буду убивать каждое утро! Вместо завтрака!

Свартхёвди ухмыльнулся. Шутка понравилась.

А я, кстати, и не шутил.

– Я беру «Змея» – и за нашими в деревню, – сообщил я Медвежонку. – Вы тут и без меня занятие найдете.

– Это точно, – согласился Свартхёвди. – Лично я собираюсь выбрать трех самых лучших девок и показать им, как Ньёрд на кабана скачет! Я бы на твоём месте своего не упустил, пока Зари нет.

– Наскакался уже, – проворчал я, остро мечтая о том, чтобы снять кольчугу с поддевкой и дать чуток покоя избитой спине.

Но нам, ярлам, покой только снится. И я пошел не в кочку, а собирать группу прикрытия. Чтобы просто дойти до селения на «Северном Змее», хватило бы и четырех пар рук. Но я помнил, что в том же направлении только что ушел драккар с освобожденными пленниками. И пусть все они принесли мне страшную клятву о непричинении зла, однако искушать их я не планировал. Свеи-мореходы поопытней меня и наверняка понимают, что груженный под завязку старичок – не лучший транспорт для возвращения домой. А давать им даже малую возможность увеличить флотилию за счет моего любимого кораблика я не собирался.

Опять-таки надо проконтролировать процесс приобщения к землякам той удалой тройки, что сидит в колодках в кирьяльской деревне.

Так что, парни, завязывайте штанишки. Большой праздник придется

немного отложить. Новоиспеченному ярлу нужны ваши мозолистые руки.

Впрочем, собирать команду я поручил Скиди, а сам воспользовался моментом и взобрался на вышку, установленную сразу за длинным домом.

Вид сверху открывался потрясающий. Сейчас, в хорошую погоду, можно было даже селение у входа в залив разглядеть. И всякие мелкие строения у берега. И ленточку Вуоксы. И синие зеркала озер, прорезающие бесконечный лес. И, конечно, сам залив, который впоследствии назовут Выборгским. Ну, или еще как-нибудь. Важно, что теперь это все – мое. Все это озерное и лесное королевство. Я теперь его король. А прежние хозяева этого неисчерпаемого богатства... Вон они. Медленно ползут на крохотном, как кажется отсюда, сверху, кораблике в сторону Балтики.

И надеюсь, они будут ползти домой еще долго-долго. И может быть, море возьмет на себя то, что не позволило мне сделать мое неуместное человеколюбие...

* * *

Фрута зарубили, когда до рассвета оставалось всего-ничего. Зарубили обычным деревенским топором, тяжелым, на длинной рукояти.

Фрут попросту проспал свою смерть. Наверное, потому что именно к утру его нога наконец-то перестала ныть и отрок уснул быстро и крепко, как в детстве.

И не проснулся, когда дверной полог откинулся и в дом проник чужой. Вернее, чужая.

Умереть во сне от рук даже не смерда, а бабы – позор для варяга, так что Фруту повезло. Он умер раньше, чем осознал свой позор.

Тем же топором, которым прикончила Фрута, убийца разбила колодки плененных свеев.

После чего топор сменил владельца. Как и оружие Фрута. А затем тройка освобожденных и очень сердитых свеев двинулась к подворью, которое было отдано под наш госпиталь.

Подворье сторожили псы и весянин, раненный в правую руку, но сохранивший неповрежденными глаза и уши. Однако органы чувств бесполезны, если у их обладателя проблемы с мозгом.

Свеев псы знали. До того как оказаться в колодках, эти бойцы квартировали как раз здесь. Потому встретили собачки ранних гостей вполне дружелюбно.

Весянин же, глядя на реакцию собак, почему-то решил, что вернулся

кто-то из своих, и вместо того, чтобы поднять тревогу, поинтересовался, придурок, почему через забор? Мол, он мог бы калитку открыть...

Это было последнее, чем он интересовался.

В доме имелись двери. На лето их обычно снимают, ограничиваясь завесой, однако по распоряжению отца Бернара их навесили снова. Раненым нужно тепло.

Построен дом был не по-скандинавски, а по-здешнему. То есть выглядел как приземистая, почти квадратная избушка из кое-как ошкуренных стволов на фундаменте из диких камней и с зашпаклеванными мхом щелями. Внутри – одна-единственная комната с печью под продухом в крыше.

Боеспособными внутри были только двое: Заря и отец Бернар.

Последний, я полагаю, мог бы преподать свейам урок владения оружием, но, став монахом, слишком серьезно относился к заповеди «не убий».

Заря же вряд ли устояла бы в рукопашной даже против одного свейского бойца. Потому что я так и не сподобился поднять ее уровень владения клинковым оружием.

В общем, три злющих свей внутри нашего госпиталя – это все равно что голодная лиса в курятнике.

Однако немедленную расправу сумел оттянуть отец Бернар.

Монах спал чутко и проснулся от дружелюбного собачьего повизгивания. И замечательную фразу насчет калитки он тоже услышал.

В отличие от весянина мозг у франка имелся и работал очень хорошо. И быстро. Как и положено бывшему шевалье, то бишь элитному воину франкского короля, пусть и ударившемуся в прикладное богословие.

Как только весянин забулькал вскрытым горлом, отец Бернар метнулся в двери и захлопнул оную, отшвырнув сунувшегося внутрь свей. Доля секунды – и монах отыграл промах тупоголового караульщика: бросил на скобы дубовый брус засова.

Не сказать, что двери, подвешенные на петлях из толстой кожи, были особо прочными. Вдобавок открывались внутрь: разумная предосторожность на случай обильного снегопада, но не очень удачная конструкция на случай штурма. Правда, петли крепились изнутри, так что перерубить их снаружи было непросто.

Впрочем, свей не пытались. Все тот же топор лесоруба обрушился на саму дверь. Полетели щепки, и уже через минуту стало ясно, что отсрочка вторжения будет недолгой.

Заря проснулась через секунду после отца Бернара.

– Кто? – крикнула она, поспешно обуваясь.

– Чужие! Воины!

– Много?

– Не ведаю.

Раненые, Егри и холоп-весеянин, проснулись. Весеянин полез под лавку, Егри попытался встать, но его повело, и если бы не отец Бернар, варяжонок бы не устоял.

Заря быстренько опоясалась, накинула тетиву на рога лука. Если свеи ворвутся внутрь, вряд ли она успеет сделать больше одного выстрела. И не факт, что этот выстрел не придется в щит. В общем, все плохо. Заря это понимала. А еще она догадывалась, что такое три злых нурмана. Так что сдаваться живой не собиралась.

Эх, будь здесь хотя бы один настоящий боец – хоть немного придержать врагов, чтобы Заря могла стрелять...

Отец Бернар мог бы... Но он не станет.

Заря отошла в самый дальний угол, выигрывая расстояние.

Дверь жалобно трещала. Сейчас развалится...

Отец Бернар подскочил к ней, схватил за плечо, толкнул к печке:

– Беги, девочка!

– Куда?!

– Туда! – Отец Бернар показал вверх, на продух в крыше. – Ты пролезешь!

– Нет! Я останусь...

– Лезь, я сказал! – Отец Бернар схватил девушку, без особого напряжения поднял и поставил на печь. Потом вспрыгнул сам... Горячо, однако. Угли прогорели, но печь еще толком не остыла, а он – босиком.

– Руки вверх! – скомандовал он, и, как только Заря вскинула руки (в левой – лук и пучок стрел), отец Бернар, присев, ухватил ее за колени (бог простит, что прикоснулся к женщине) и с силой выбросил девушку в продух. Заря упала животом на деревянный (чтоб солома от искр не загорелась) бортик продуха и, зацепившись правой рукой, перекатилась на соломенный скат крыши.

Светало. Легкий туман висел над землей. Ближе к воде он сгущался... Но не настолько, чтобы Заря не увидела, как от пристани отходят её корабли!

На миг Зарю охватила паника...

Только на миг. Грохот ударов топора, ломающего дверь, напомнил о проблемах более срочных.

Осторожно, чтобы не проломить слабую крышу, Заря встала на колени.

Теперь она смогла увидеть двор.

Она была готова к тому, что двор будет заполнен врагами, но увидела только одного: рослого простоволосого свея без доспехов и щита. Но с копьем на изготовку. Были и другие, но их от девушки заслонял навес над крыльцом.

Стрелять сверху вниз неудобно. Особенно, если целишь в воинов. Сверху видны только плечи, как правило, защищенные броней, да верхняя часть шлема. А стоит воину поднять щит, так и вообще ничего не увидишь. Чтобы пробить доспех, выстрел должен быть мощным. Для такого нужен сильный опытный лучник, который вдобавок уверенно стоит на твердой земле. Заря сильной не была, и скользкую сырую солому на покато́й крыше нельзя было считать надежной опорой, однако стрелять с колена Заря умела (Бури позаботился), и брони на свее, которого она видела, не было.

Девушка воткнула в солому стрелы (семь штук), восьмую наложила на тетиву, которую натянула едва ли вполсилы...

Стрела вошла повыше левой ключицы. Свей посмотрел на нее удивленно. Потом глянул наверх, увидел Зарю, крикнул: «Берегись!» и без раздумий метнул копье. Хороший бросок, но неточный. Копье прогудело над головой Зари и упало по ту сторону дома. А потом изо рта свея хлынула кровь, и он завалился на спину.

Вторая стрела досталась свею, который неосторожно выскочил из-под навеса. Стрела вошла в загривок, впритык по краю шлема, который был свею явно маловат и потому нахлобучен без подшлемника прямо на голову.

Удары в дверь прекратились, и Заря увидела третьего врага.

Этот совершенно точно определил, откуда опасность, и умело прикрылся щитом. И у него тоже было копье.

Заря поняла, что у нее будет ровно один выстрел, не больше. Потом свей метнет копье. Возможно, они сделают это одновременно. Заря не сомневалась, что не промахнется. И была уверена, что свей – тоже. На скате крыши она не сможет ни укрыться, ни увернуться. Брони на Заре не было, так что куда бы ни попало копье – это смерть. Заря же должна попасть точно. Иначе раненый свей закончит то, что начал: разобьет дверь и убьет тех, кто внутри.

Пока Заря думала, ее враг отошел от дома еще шагов на десять. Он немного опустил щит, и теперь Заря могла бы выстрелить ему в шлем. Но выстрел будет слабым: не только не пробьет шлем, но даже не ошеломит. Стрела будет потрачена зря, а свей выиграет полмгновения на бросок.

Заря знала: он ее видит. И выжидает. Вот только чего? Подмоги?

Об ушедших кораблях Заря старалась не думать. Сейчас нельзя ни о

чем думать. Даже о будущем выстреле. Просто послать стрелу в нужное время и в нужное место...

Свей опустил щит еще ниже. Теперь Заря видела его глаза в отверстиях лицевой части шлема. Свей не боялся. Стрела летит быстро, но он успеет поднять щит раньше, чем она уйдет с тетивы.

Заре здорово повезло, что второй свей оказался таким беспечным. Будь их двое...

– Заря! Заря! Что случилось?

Оглядываться было нельзя. Стоит ей отвести взгляд от свей, и тот метнет копье.

– Заря! Ты почему на крыше?

Весянин вбежал во двор и замер. Тот весянин, что был при кораблях. Живой.

И глупый. Мог бы сообразить: если Заря сидит на крыше, да еще с луком на изготовку, то это не просто так.

Весянин же вбежал внутрь, увидел мертвецов, свей со щитом над головой...

И растерялся.

У весянина в руке было копье, которое он мог запросто метнуть свей в спину. У него даже лук был... В налуче! Со снятой тетивой.

Свей атаковал очень быстро. Поворот, несколько шагов, укол – и весянин мертв.

Все это время свей умело прикрывался щитом, но Заря все же выстрелила. Успела послать три стрелы, одну за другой... Две воткнулись в щит, одна – в землю.

Свей развернулся, замахиваясь...

Но Заря все же успела кувырнуться назад и нырнуть (главное – не повредить лук!) обратно в продух. Больно ударились ступнями о камни печи, спрыгнула на земляной пол, цапнула стрелу из раскрытого колчана, оставшегося у лежанки, вскочила на лежанку, увидела в узенькое, расположенное на высоте человеческого роста окошко то, на что рассчитывала: воина-свей. Он не метнул копье, но все еще смотрел вверх. Видимо, решил, что она спряталась за гребень крыши.

Заря через окошко видела его голову в шлеме, поднятую руку со щитом и открытую левую подмышку. Вот туда она и отправила стрелу.

Прекрасный выстрел! Но надо же такому случиться: в то же мгновение свей опустил руку, и наконечник угодил в плечо, прикрытое кольчугой, недавно еще принадлежавшей Фруту.

Кольчужка была так себе, но стрела все равно увязла: вошла на вершок

от силы. Свей же вмиг развернулся к дому, сообразил, откуда прилетело, и сдвинулся в сторону раньше, чем Заря успела выстрелить еще раз.

Свей же оценил положение и решил, что в одиночку дом не штурмовать: выскочил в ворота и был таков.

Заря, враз ослабев, опустилась на скамью, ссутулилась.

– Ты ранена? – отец Бернар тотчас оказался рядом.

– Нет.

– Тогда что же?

– Кораблей нет, – выдохнула Заря. – Увели корабли наши...

Глава 25. Монах и викинг

Кирьяльский бонд ворочался в луже крови. Умирал. Два его сына были уже мертвы.

Кольнир обтер секиру и сунул в петлю на поясе. Секиру вместе с поясом он снял с убитого в сарае дренга. Пояс оказался впору. И шлем. А вот кольчужка тесновата. Но от стрелы лихой девки уберегла.

Кольнир взял со стола котелок с похлебкой, горячей, густой, и принялся набивать брюхо. Жены и дочери бонда глядели на него с ужасом.

– Добрая еда, – по-свейски сообщил им Кольнир. Утерся, встал во весь рост, навис над женщинами, рыкнул грозно:

– Серебро где?

Старшая быстро-быстро замотала головой:

– Не понимаю!

Кольнир ухватил мелкую, лет трех девчонку, поднял над головой, к потолочной балке.

– Дань! – рявкнул он на местном языке. – Дай! Убью!

Кольнир знал: серебро должно быть. Это самый богатый дом в селении. А серебро ему точно пригодится. Оно всегда пригождается.

Снаружи раздался шум, говор. Местные появились. Небось, на вопли сбежались. Совсем страх потеряли. Ну да ладно. Перекусить он успел, это главное. А говорить со всеми сразу удобнее.

Кирьялов свей не боялся. Волк не боится овец. Он их убивает и ест.

Кольнир швырнул девчонку в руки матери и шагнул к двери. Чтобы выйти наружу, ему пришлось нагнуться: проем не под него делали. Вышел, остановился. Грозный, огромный – на голову выше местных трэлей. Еще и шлем на голове прибавлял росту. А щит – ширины. Остановился, махнул копьем... Толпа сразу подалась назад. Десятка три или около того. Кольнир хмыкнул. Овец так и считают. Десятками. Даже если кое-кто из овечек обзавелся рожками: оружие приволок. Как будто оружие делает овцу волком.

– Я брать дань! – прогремел Кольнир. – Неси мне. Не дать – я убивать!

Он чуял их страх. И еще он видел: у них нет вождя. Нет того, кто может повести их на смерть. То есть на него, Кольнира. Не то чтобы он боялся такой атаки, но лучше, когда овцы умирают в страхе, а не в бессмысленной ярости.

Какой-то дурень все-таки не стерпел: пустил стрелу.

Кольнир с легкостью сбил ее щитом и тут же, с быстротой, удивительной для такого гиганта, уколол копьем первого попавшегося из трэлей. Тот рухнул, залившись кровью.

– Я убивать! – рассерженным медведем взревел Кольнир. Шагнул вперед – и трэли, толкая друг друга, бросились наутек со двора.

Но не все. Осталось трое стариков. Эти тоже боялись, но не побежали. Может, уже не могут бегать?

– Я сказать, вы слышать, – уже поспокойнее сообщил им Бейнар. – Дать дань – я ушел. Не дать – я убивать, жечь! Тогда вы дать дань. После. Вы слышать?

– Мы слышали!

Вот как! Девка рискнула выбраться из-под защиты стен. Это упрощает дело. Бейнар собирался заняться ею позже, поскольку знал: никуда она от него не денется. Заняться без спешки, основательно. Ей предстоит ответить за смерть Уни и Эйда. Не то чтобы Кольнир был особо привязан к этим дренгам, но хёвдинг дал их Кольниру в подчинение. Опять-таки, именно девка Эйда их выручила, так что Кольнир ему должен.

Кольнир помнил об этом и собирался устроить парню хорошие похороны. А девку его уложить на костер рядом. И эту вторую девку – тоже, ведь от ее стрелы умер Эйд.

Но сейчас, глядя на лучницу, Кольнир засомневался. Красивая. Дерзкая. Опять-таки, говорит по-людски, а не по-здешнему. Такую наложницу иметь не стыдно. И выкуп за нее взять можно: бронька на девке знатная и лук славный. Значит, имеется у девки богатая родня.

– Мышка выбралась из норки! – ухмыльнулся Кольнир. – Я рад, мышка!

Свей ничуть не опасался. Она одна. Значит, воинов-данов в селении нет. Скорее всего, их сейчас убивают под стенами Геллировой крепости. Здоровяк, который стоит у девки за спиной, не опасен. Кольнир знает, что он не воин, а лекарь. Одет как свободный человек и нож на поясе, но оружия у него нет. Этот тоже пригодится. Девкина стрела поцарапала Кольниру руку. Пустяк, но чтоб рана не загноилась, лекарь не помешает. Тем более – хороший лекарь. Этот – такой. Плохого даны не стали бы возить с собой. Кроме того, хороший лекарь стоит хороших денег. Пять-шесть марок серебром. Этого хватит, чтобы кормиться год или два.

– Меня зовут Кольнир, сын Арнхалля! – сообщил Кольнир, делая шаг вперед. – А как зовут тебя, солнцеволосая?

– Твоя смерть! – выкрикнула девка, отпуская стрелу.

Кольнир ждал этого, потому просто шагнул в сторону и, не дожидаясь

второго выстрела, метнул щит.

Не промахнулся, понятное дело. Щит ударил девку в живот, выбив лук и опрокинув навзничь.

Очень правильное положение для девки. На спине, ноги врозь. И самое время вбить в нее уважение к Кольниру. Говорят: женщина, взявшая оружие, становится мужчиной. Наверное, так и есть. Если она сможет его удержать. Эта – не смогла.

Кольнир прошел мимо попятившихся стариков. Он не спешил. Знал: здесь никто не сможет ни остановить его, ни помешать... Хотя нет, один попытался. Лекарь. Надо же!

– Не подходи! – предупредил лекарь. – Я не позволю тебе ее тронуть!

– Брось щит, – посоветовал ему Кольнир. – Это воинская снасть. С ней нужно уметь управляться.

– Я умею.

Выговор у лекаря необычный. Похоже, он не из данов. Тем лучше. Даны – такие же, как свеи. У них даже бонды умеют сражаться. Хотя ни один бонд не устоит против воина.

Кольнир был по-прежнему уверен в себе. И убивать лекаря он не собирался. От живого лекаря куда больше пользы, чем от мертвого.

И конечно, он не поверил, что тот умеет управляться со щитом. Выпад копьем (напугать), затем бросок вперед. Лево́й рукой – за край щита, право́й...

Отец битв! Этот лекарь не соврал. Он – умел. Не будь Кольнир таким быстрым, край щита оставил бы его без зубов.

– Уходи! – заявил лекарь. – Уходи – и я не стану тебе мешать.

– Ты не сможешь, – процедил Бейнар, снимая с пояса секиру. – Брось щит – и я не стану тебя убивать.

– Ты не сможешь, – передразнил его удивительный лекарь.

И ловко сбил нацеленное в ногу острое копьё. А от удара секирой он ушел, немного отклонившись назад. И тут же ударил щитом, сбивая новый копёйный выпад. Сильно ударил, но копьё все же не сломал.

Кольнир понял: легко не будет. Но он справится. В крайнем случае можно будет немного попортить лекарю шкуру. Сам же потом себя и вылечит.

Кольнир усмехнулся собственной мысли и ударил сразу с двух рук: секирой сверху, а копьём справа и вниз. Причем только удар копьём был настоящим. Секирой же своей уцепил край щита и рванул на себя, не позволяя отбить копьё, которым Кольнир целил подколоть лекарю ногу.

И лекарь опять его перехитрил. Не стал сопротивляться рывку, отчего

его бросило вперед, на Кельнира. Копье прошло мимо цели, а вот край щита на этот раз достал-таки свея.

Тот, конечно, сумел принять его не носом, а краем шлема, но удар прошел знатный, и Кольниру пришлось отскочить, выпустив секиру.

К его удивлению, лекарь подхватывать секиру не стал, оставил лежать на земле.

– Уходи! – повторил он. – Я не буду тебя убивать!

– А я – буду! – угрожающе процедил Кольнир. Нет, убивать лекаря он по-прежнему не собирался. Собственной рукой выкинуть пять марок – глупо.

Он оценил противника и был почти уверен, что справится и без убийства. Немного смущало, что лекарь не взял секиры. Почему?

Противник Кольнира ждал. Стоял между ним и лежащей девкой, которая уже перевернулась на бок и свернулась клубочком. Щитом ее приложило знатно. Когда она очухается, положение может усложниться. Поэтому следует поторопиться. Кольнир двинулся на лекаря, поигрывая копьем...

И тут что-то ударило его в ногу.

Кольнир скосил глаза и увидел, что в ляжке засела стрела. Боли не было. Только небольшое неудобство. Взгляд вправо... Вторую стрелу он отбил копьем, третья бессильно скользнула по шлему. Двое местных стояли у забора и били в него из луков, будто он – дикая свинья, а не хускарл.

Кольнир зарычал от бешенства и устремился к ним.

К его удивлению, кирьялы не кинулись прочь, через забор, хотя между ними и свеем было от силы шагов пятнадцать, а что будет, когда своей пробежит эти пятнадцать шагов, местные наверняка догадывались. Но они не побежали, а продолжали метать стрелы.

Толку от этого было немного. Кольнир легко угадывал, куда эти стрелы полетят, и без труда уклонился. Раз пять. А когда между лучниками и их смертью оставалась лишь пара локтей, что-то со страшной силой ударило Кольнира в затылок.

Свея бросило вперед, и, чтобы удержать равновесие, Кельнир был вынужден свободной рукой ухватиться за лук одного из кирьялов. Тот завопил, попытался высвободить лук, но куда ему. Кольнир налетел на лучника, ударил его головой, краем шлема, с хрустом, в лицо. Выпустил лук, боковым зрением успел увидеть валяющийся на земле щит и даже сообразить, что именно этим щитом его и приложило.

Второй кирьял, вопя от ужаса, скорее от испуга, чем по здравому разумению, спустил тетиву последний раз.

И все.

Кольнир вдруг обнаружил, что не может вдохнуть. Цапнул себя за горло... Горло было в порядке. А вот из шеи, справа, торчал наконечник стрелы.

Кольнир уколол о него палец, и пальцу почему-то было больно. А шее – нет.

«Меня убили, – подумал Кольнир. – Как же так?»

Потом подумал, что надо бы наказать убийцу. Выстреливший уже убегал со всех ног. Но копье Кольнира догнало: вошло точно между лопаток.

Кольнир повернулся и увидел лекаря, который неторопливо шел к нему.

– Помоги, – попросил Кольнир. – Я заплачу тебе. Хорошо заплачу. И не стану продавать...

Увы. Стрела, пробившая шею, превратила разумные, хоть и лживые, слова в бессмысленный хрип.

– Дай мне оружие... – попросил Кольнир, понимая, что все-таки умрет.

Но лекарь не понял. Или не послушал. Быстрым движением он выдернул у Кольнира из шеи стрелу.

Последней мыслью свая было: поймет ли Один, что он, Кольнир, выпустил оружие не просто так, а чтобы отомстить своему убийце?

Глава 26. Монах и смерд

– Не знала, что ты воин, – взгляд Зари полон восхищения. – Как ты бился! Одним щитом! А как ты метнул его! Куда лучше, чем сам свей. Стюрмир не сделал бы это лучше!

Отец Бернар смущен. Он понимает, что для этой девочки только воин и есть настоящий человек. Ей бесполезно объяснять, что человек рожден не для того, чтобы проливать кровь других людей. Она не знает Бога.

– Ты такой сильный и такой быстрый! Почему ты не сражаешься, если ты воин?

– Я был воином, – говорит отец Бернар, осторожно ощупывая ребра под гематомой. – Так больно?

– Ничего... – Заря улыбается. Глаза ее блестят, рот приоткрыт, ровные белые зубки влажно блестят. Это нехорошо, понимает отец Бернар. Раньше она не так реагировала на его прикосновения. Он лекарь. Не воин. Не мужчина. С отцом Бернаром уже случалось подобное. Ничего хорошего от такого ждать не приходится.

– Я должен знать, когда тебе больно и насколько больно! – строго произносит он. Похоже, ребра целы. И еще похоже, что Заря не права. Этот викинг умел метать щит получше, чем сам отец Бернар. Бросок свей был точно выверен: вывести из боя, ничего серьезно не повредив. Очень непростая задача, учитывая, что на Заре была кольчуга и подкольчужник.

Заря лежит на лавке, застеленной плащом. На ней мужские исподние порты с развязанным шнуром, спущенные до лобка, до светлой с рыжиной щеточки курчавых волос. Ее юное тело мало похоже на тела женщин, с которыми отец Бернар делил ложе до того, как принял постриг. Если не считать грудей, в этом теле нет и следа присущей женщинам мягкости. Ее мышцы рельефны и сильны. Особенно те, что связаны со стрельбой.

Отец Бернар не вожделеет к ней. Похоть и убийство – две руки одного демона. Отказавшись пронзать плоть железом, отец Бернар отринул и второе: пронзать естество женщины. Он любит эту девушку, как и все живое, что создано Богом. Не более и не менее. Он любит ее душу. Он мечтает подарить ей Жизнь Вечную, а не жизнь нового человека. Еще одного маленького грешника.

А вот лежащий на соседней скамье Егри не отказался бы возлечь с Зарей. Но никогда этого не сделает.

Егри очень плохо. Не от телесных ран. Эти – заживут. Егри очень

стыдно. Они бились за него, но без него. Он – большой и сильный. Он – варяг. Он – воин. Но сейчас он не опаснее улитки. Егри уверен: будь на его месте Ульф, Свартхёвди, Виги, они бы превозмогли жалкую слабость. Они встали бы и сражались. Воина Севера не остановить какой-то там раной. Его можно убить, но пока он жив, он сражается. Без руки, без ноги, с двумя вершками железа в животе. Никакая боль его не остановит.

Егри не смог. Он пытался, но мир вокруг тут же начинал качаться и мерцать...

И опрокидывал Егри обратно на ложе.

Женщина и лекарь отстояли жизнь Егри. Это долг, который невозможно вернуть. Так думает Егри. Он скрежещет зубами от бессилия. Ему кажется: он слышит презрительный смех. Кто это смеется? Заря? Отец Бернар? Раб-весьянин? А может быть, сам Перун?

«Больше никогда!» – клянется сам себе Егри. Больше никогда он не проявит позорную слабость. Это хуже смерти.

Пока отец Бернар лечил Зарю, свей обобрали. Выйдя, он увидел мертвое тело с алыми метками от вырезанных стрел.

На подворье уже распоряжался новый хозяин: племянник убитого старосты. Тот самый, что свободно болтал на языке викингов. По приказу нового хозяина два кирьяла деловито раскладывали на земле какую-то девку. Голую. Та не сопротивлялась. Лицо красивое, но опухшее. Хотя непохоже, чтобы ее били.

– В чем ее вина? – спросил отец Бернар. Спросил на языке викингов, потому что на местном знал пока что лишь несколько десятков слов.

Ответил новый хозяин подворья.

– Это она освободила свеев, – сообщил он.

– Почему?

– Она была наложницей одного из них.

Отец Бернар подошел к девке поближе, наклонился...

Та смотрела пусто. Как мертвая.

– Что хочешь с ней сделать? – спросил отец Бернар.

– Сначала позабавимся, потом зарежем. Из-за нее убили мою родню.

– Нет! – отрезал отец Бернар. – Так не будет.

– Почему? – удивился кирьял. Штаны его топорщились спереди.

– Я запрещаю.

Племянник прищурился сердито. Он был старшим в роду после убитого старосты. Теперь именно он стал главой рода. И дом этот теперь его, и двор. И здесь, на его земле, какой-то чужеземец смеет с ним спорить?

Но потом кирьял вспомнил, что этот чужеземец как раз и остановил свея. Бился с ним на равных. Он оценил сложение и осанку и решил, что перед ним все же не простой человек, потому решил зайти с другой стороны.

– Не жалею ее. Она и вашего тоже убила. Зарубила топором. А потом освободила свеев.

Да. Все было правильно. Все по здешнему праву. Смерть за смерть. Если сил хватит.

– Поднимите ее, оденьте и закройте, не причиняя вреда, – отец Бернар принял решение. – Мой хёвдинг решит ее судьбу.

– Но... – Кирьял покосился на девуку, облизнулся... – Может, он уже не вернется, твой хёвдинг. Ваши корабли ушли.

– Он вернется, – заверил отец Бернар. – Здесь его жена. Он вернется, когда выбьет свеев из крепости. И тогда он спросит тебя: почему не он, а ты взялся судить убийцу его человека?

Кирьял сглотнул. Штаны его больше не топорщились.

«Страх убивает похоть», – подумал отец Бернар.

– А если свеи убьют твоего хёвдинга? – спросил он. – Что тогда?

– Тогда мы умрем, – сказал отец Бернар. – И ты и я. Когда они придут сюда.

Кирьял понял. И испугался еще сильнее.

– Мы сделаем, как ты сказал, – пообещал он. – Ничего не говори своему хёвдингу.

Отец Бернар кивнул. Люди – рабы страха. Лишь дети Божьи не боятся ничего.

Глава 27. Монах и женщина

– Твой человек брал твою жену! – сообщил как бы по большому секрету новый староста. Наклонил голову, прищурился... Ждет моей реакции.

Его имя – Сохрой. Раньше он был всего лишь переводчиком. Теперь он тут главный. И пытается втереться ко мне в доверие. Доносом. По его словам выходит, что я не только потерял троих людей, но еще и Заря с кем-то из них согрешила в мое отсутствие.

Врет? Непохоже. Наверняка знает, что за подобную ложь, если это ложь, ответить придется очень-очень серьезно.

– Кто?

– Лекарь.

Сюрприз, однако. Выходит, мой монах не только в драку ввязался, так еще и обет воздержания нарушил.

Кабы в этом нарушении не участвовала Заря, я бы, пожалуй, порадовался за человека. А так...

– Сам видел?

Помотал головой. Нет, не сам. Сын с племянником. Все видели и ему рассказали. Сначала монах и девушка разделись до исподнего, потом – купались в ближайшем озере, потом – это самое.

М-да. Не ожидал. Ни от Зари, ни от монаха. Хотя...

Он ее спас все же. А на секс здесь смотрят просто. Я, к примеру, могу любую здешнюю девушку в постель взять. И любой из моих хускарлов. Пальцем поманит – и сама прибежит. Но Заря...

Нет, отец Бернар – мужчина видный, конечно... Но как-то не верится.

– Позвать сына с племянником? – предложил понятливый староста.

– Нет. Иди.

Без свидетелей обойдемся.

Я вернулся в дом, кивнул Заре: выйдем.

Заулыбалась и сразу на выход.

Во дворе тут же ухватила меня за руку и повлекла наружу. Зачем и куда, я даже не сомневался. Знаю я этот взгляд шалый.

Далеко не ушли. Как только оказались за деревенской оградой, я остановился, развернул Зарю к себе личиком и спросил напрямик:

– Что у вас было с отцом Бернаром, чего я не знаю?

Смутилась. Ах ты ж... Выходит, не соврали кирьяльские недоросли.

– Зачем?

– Он нас спас, – пробормотала Заря. – А тебя не было...

– Продолжай.

– Тебя нет. Корабли ушли, что дальше – неизвестно...

Ну да. Паренек-весянин не успел передать, что велено. Его убили.

– Дальше.

– Мне было очень страшно... – проговорила Заря, приникая ко мне.

Очень хотелось ее обнять, но я не шевельнулся. – Очень страшно. Отец Бернар сказал: «Хочешь, научу тебя не бояться?» А я... я хотела. Прости! Прости меня! Хочешь, я... – Заря поспешно принялась расшнуровывать подкольчужник. – Хочешь, я прямо сейчас...

Хорошо, что я ничего не успел сказать. Очень удачно получилось. Ни сказать, ни сделать. Потому что, справившись со шнуровкой, Заря не стала раздеваться дальше, а сунула руку за пазуху и достала... маленький серебряный крестик на витом шнурке.

– Выбросить? – спросила она с готовностью.

Я успел перехватить ее руку:

– Не надо. Пусть остается.

Хорошее время – лето. Вот только комары...

* * *

Утро было типичным для нашего климата. Дождь. Даже не дождь, морось. Но безостановочно.

Однако время не ждет. Мы позавтракали, чем бог послал. Вернее, боги. Которые сделали сие благое дело руками местных жителей под управлением нового старосты.

За стол с нами он не сел, но в глаза мне заглядывал проникновенно. Хотя веселенькое настроение Зари и вполне бодрый вид отца Бернара его, похоже, удивили. Как-то не складывался их здоровый вид с моей репутацией вождя викингов.

Впрочем, трогать больную тему он не стал, а всего лишь деликатно осведомился, как ему следует поступить с блудливой девкой, убившей нашего соратника и освободившей пленных свеев. Мол, было ему велено ждать моего прибытия и высочайшего решения. Но если преступница слишком ничтожна для моего величества, то, может, он сам с ней

разберется?

Я покосился на Медвежонка, но тот к разговору не прислушивался. Кушал кашку с гусятиной, вернее, гусятину с незначительной примесью зерновых, и параллельно расспрашивал нашего нового хирдмана Траусти Крумисона насчет плотности движения плавсредств мимо острова, который впоследствии назовут Замковым. Траусти отвечал подробно, особо останавливаясь на финансовой стороне речного трафика.

Что ж, дело это нужное, пусть занимается. А мне придется вершить справедливость самому.

Братец пришел сюда вчера вечером на новом драккаре. Том, который мы отбили у Медвед Медведыча. Братец уже дал ему имя. «Клык Фреки».

Имя – говорящее. Так зовут одного из волков – спутников одноглазого Отца Воинов. Волки Гери и Фреки. Жадный и Прожорливый. Прожорливый – это наш.

Для правильных крестин требуется жертва. В качестве таковой Медвежонок использовал одного из раненых свеев, которого свои не взяли на борт. Оставили умирать в крепости. Воин – это отличная жертва. Даже умирающий. Одину будет приятно. Но еще приятнее, что драккар был взят в бою. И в процессе этого тоже полит кровью. Мой братец надеялся, что «Клык Фреки» станет не менее удачливым драккаром, чем «Северный Змей». И тогда мы все разбогатеем еще больше.

Староста терпеливо ждал, пока я прожую и додумаю, всем своим видом выражая преданность и почтение.

– Эта девка – твоего рода? – поинтересовался я.

Тот активно замотал головой и даже отшатнулся немного от такого постыдного предположения.

А шустрый мужик, однако, этот Сохрой. Для своей должности – лидера мирных жителей поселения и окрестностей – выглядел он довольно молодо. Здесь обычно, если староста, то седая борода, которую под пояс можно заправить. А этому с виду и сороковника нет. Зато одет весьма респектабельно: рубаха цветная с вышивкой, с рукавами, прихваченными чем-то вроде серебряных запястий, на ногах сапоги, на широком поясе – нож с серебряной же рукоятью. Плюс цепь на шее и шапка, шитая цветными бусинами, которые в Ладоге варят по секретному рецепту и используют в качестве местной валюты. Покойный-то староста, приходившийся Сохрою дядькой, победнее выглядел.

Ладно. Значит, и мне следует соответствовать.

– А родичи у нее в селении есть?

Староста вновь замотал головой.

– Рабыня она свейская, – сообщил он. И тут же поправился: – Была то есть. Теперь – ничья.

– Ничья? – поднял я бровь. – Ты так думаешь?

Еще шагжок назад. Выражение лица – «как будет угодно вашей милости».

Ох, хитрая бестия. И скользкая. Ну да я его стреножу. И не девкой, которая зарубила лопухнувшегося Фрута, а тем, что он мне о Заре и отце Бернаре набрехал. По действующим законам этого времени за измену муж вправе предать жену смерти. А за поклеп с лживого доносчика можно спросить той же мерой. При желании и возможности. Убивать его мне не хочется да и не выгодно. Через кого я тогда с местными общаться буду? Но выволочка – необходима. Так что скоро хитрый кирьял у меня закрутится, как угорь в грязюке.

– Судить у тебя дома буду, – сообщил я местному лидеру. Не хватало еще под дождем мокнуть. – Так что убивицу – туда же. Ждите. Я приду.

Первым делом я приоделся. Бронь, шлем, плащ, цепка золотая и такие же браслеты. Золото не повредит. Сей благородный металл здесь носит исключительно аристократия. Ну или особо великие воины. Так что при виде злата простым смертным надлежит трепетать и пресмыкаться. А поскольку мне местными жителями предстоит рулить по суверенному праву рейдера-захватчика, то пусть трепещут. Тогда никаких глупых мыслей о неповиновении в голову не придет. Ну это если не сдирать с них семь шкур. А я такого делать не собираюсь. Более того, буду с ними щедро расплачиваться за другие шкурки. Меха. Но поугубить хитрованов всегда полезно.

Идти одному несолидно. Так что я взял с собой Скиди. Сначала собирался позвать Вихорька. Как наиболее близкого родича, если не считать Медвежонка.

Но вовремя вспомнил, как трепетно относится мой названный сын к Заре. Как бы не перестарался.

– У меня к тебе будет особая просьба, – сказал я ему. – Личного характера.

Скиди очень оживился. И еще больше оживился, когда мы отправились в дом старосты.

Ну да. Представительниц женского пола здесь в избытке.

Староста, интриган хитрозадый, о настоящей причине нашего

визита не догадывался. А я ведь умышленно не конкретизировал, кого именно буду судить. А то еще подастся в бега. Ищи его потом...

Скиди тоже не сразу въехал. Поначалу решил, что я хочу ему подарить рабыню-преступницу. Скривил рожу: вид у подсудимой был, мягко говоря, непрезентабельный.

Зря беспокоится. И судить ее я сейчас не буду. Ненависти к ней у меня нет. Фрута, которого она зарубила, я почти не знал. А она дралась за того, кого любит. Ей не повезло. Ее хозяина нет в списках победителей. По местному праву за действия раба спрашивать следовало с хозяина. Но с него уже спросили. Стрелой в тушку. Однако судить убийцу все равно надо. Потому что надо. Но этот грех я на душу не возьму. Формально рабыня – это имущество. А имущество – это по части моего братца. Вот пусть Медвежонок с ней и разбирается.

– Сына с племянником зови, – велел я. – Тех, кто видел, как моя жена с лекарем любилась.

Скиди уставился на меня как на великаншу Ран, всплывшую из морских вод и предложившую ему отобедать свежим покойником.

– Зову, господин ярл!

Если он и удивился, то виду не подал.

Два недоросля. Морды красные, волосы белые, глаза нахально-испуганные.

– Рассказывайте правду, не бойтесь, – поощрил их я.

Папаша перевел. И еще от себя что-то добавил. Наставляющее.

Свидетели тут же заговорили. Уверенно так. Если бы я не знал, как было на самом деле, не усомнился бы.

Сохрой переводил. Явно хотел мне понравиться. Заработать бонусы в будущей политической игре.

Жаль, я не знаю их языка. Не могу оценить качество перевода.

– Довольно! – перебил я рассказ о том, как «согрешившие» вошли в озеро в одном исподнем и отец Бернар трогал Зарю за разные части тела. – Мне не интересно слушать о том, как они купались. Я хочу услышать о том, как они легли и что было дальше. А потом вы покажете мне это место. А ты, – я глянул на нового старосту с максимальной суровостью, – переводи слово в слово!

Ага. Засомневались... Наконец тот, что чуть покрупнее, сын вроде, начал рассказывать.

Мол, поиграли они в озере, вышли, сняли одежду, ну и...

– Сам видел? – сурово спросил я. – Скажи ему, Сохрой, что за вранье я с него шкуру спущу, выверну и обратно надену. Ну!

И фантазии сразу кончились. Осталась лишь правда. Которая состояла в том, что «прелюбодеи» отжали мокрые портки, надели сухие... Собственно, все.

Папаша еще чуток поперекался с сыном по-своему, и тут уж мне знания языка не потребовалось. Заботливый отец пытался донести до молодежи, что они были глубоко не правы, когда дали волю воображению.

Молодежь меня не интересовала. С ними все ясно. И с папашей, который так проворно прискакал ко мне и поведал инфу о мнимом адьюльтере, тоже понятно. Сохрой мне должен. И должен это уяснить. Как следует.

– Значит, так, – вынес я вердикт. – За попытку оклеветать мою жену (ну не совсем жену, не принципиально) следовало бы вырвать вам троим языки и повесить вас на древе в дар богу Одину – он лжецов привлекает.

Скиди хищно оскалился: решил, надо полагать, что вырывать и вешать – ему.

Староста побелел. Связанная убивица охнула. Прикинула, что будет с ней, если я так обхожусь с обычными болтунами.

Ничего. Побояться не вредно.

– Переведи им, Сохрой, – потребовал я.

Перевел, куда деваться. Нет, удрать у вас не получится. Скиди сместился к двери. На лице у него было написано, как он мечтает перейти к активным действиям.

– Я еще никогда не рвал языки, хёвдинг, – сообщил он мне деловито. – Но видел, как это делается. Одному такое несподручно. И щипцы нужны особые. Хотя и кузнечные подойдут. У нас на «Северном Змее» такие есть. Я кликну кого-нибудь – сбегать?

– Не суетись, – сказал я ему на языке франков, которым мы оба владели прилично. – Языки рвать не будем. Это я так, пугаю.

– И вы были бы повешены, – продолжал я по-скандинавски, обращаясь в доносчикам. – Если бы дошло до суда. И это была бы малая цена за честь мою и моей жены. Однако я думаю так: ваша ложь не выйдет за пределы этого дома. Мой человек, – кивок в сторону Скиди, – ничего никому не расскажет, и вы – тоже.

Я специально начал со Скиди, чтоб не решили, что я их всех зарублю на месте.

– Возможно, я даже оставлю вас в живых, – продолжал я, поглаживая рукоять Вдоводола. – Однако поклеп, который возвели твои родичи, требует наказания. Так?

Староста быстро-быстро закивал. Смышленный. Понял, что казнь

откладывается. Более того, его самого я уже вывел из числа ответчиков.

– Они ж дети! – залопотал кирьял. – Детишки! Напридумывали невесть что! Не со зла же.

Детишки, значит... Склонен думать, что через год-другой «детишек» этих уже женить пора. Если доживут.

– Детишки, говоришь? Скиди! Найди ремень пожестче и выдай детишкам положенное, – попросил я. И добавил опять по-франкски: – Только не калечь и чтоб на ноги сами потом встали. Переведи им, – скомандовал я папаше. – И пусть идут во двор. А с тобой мы отдельно поговорим.

Сейчас, пока он на стрессе, я ему мозг и выпотрошу. Для того и затевалось. Мне этими людьми править. А чтобы править, надо знать. Сейчас...

– Хёвдинг! – В дом, неуважительно отпихнув Скиди, ворвался Куци. – Свечи напали!

– Куда... – начал я. И тут же сообразил, что речь идет не о селении. Куци же на острове оставался. Раз он здесь... – Когда, сколько, как наши?

– Один драккар, – с трудом переводя дыхание, ответил варяжонок. – Тот самый, что ты им дал. Десятка три их...

Я поймал укоризненный взгляд Скиди. Ну да. Старина Ульф в очередной раз проявил слабость: вместо того чтобы перебить врагов, отпустил их домой. Ну а те домой возвращаться не пожелали.

– Гуннар сказал: взять лодку и чайкой к вам! А Свартхёвди велел к тебе бежать!

Блин! В очередной раз убеждаюсь: хреновый из меня хёвдинг. Хороший враг – мертвый враг. Не убил – проявил слабость. Так это здесь понимается. В мире волков. А я, Ульф Свити, Белый Волк, постоянно об этом забываю.

А надо бы помнить. И хотя бы контролировать. Отпустил и забыл. Занялся всякой хренью...

А моих людей тем временем убивают те, кого я пощадил.

– Пойдем! – скомандовал я Скиди.

– А мы что же? – забеспокоился староста.

– Девку береги. С ней – после. И дай ей что из одежды и покорми. А дурней своих сам накажи! – бросил я уже через плечо. – Строго! Чтоб до следующего новолуния стоя ели!

– Я накажу! Не сомневайся, ярл! Уж я их... – кричал он вслед, но я не слушал.

Мы втроем, разбрызгивая лужи, помчались к пристани.

Глава 28. Король на горе

Вот кто настоящий вождь. Медвежонок. «Северный Змей» ждал нас в полной готовности. Только «Северный Змей». «Клык Фреки» останется пока здесь. Так быстрее.

Я взбежал по сходням и занял подобающее ярлу место на носу. А потом мы рванули. Да еще как! Фарватер известен, на каждом руме по двое, дорога близкая. Высокий нос драккара взрезал рябую от дождя воду не хуже скоростного катера. Узлов до пятнадцати разогнались минимум.

Свартхёвди – у руля. От меня подальше. Я тоже сейчас не рвался общаться с названным братом. Нет, вслух укорять меня он бы не стал, но тут и без слов все понятно.

Рядом со мной встал Бури. Я уже заметил: грести мой азиат не любит. Ну да ладно. Грести и без него есть кому, а вот такого снайпера...

Бури погладил резную поверхность драккарова носа:

– Не слишком искусно, но – с любовью, – проговорил он по-словенски, лаская выпуклые фигурки зверей и человечков. – Иной муж коня любимого так не украшает, как люди Севера свои корабли.

– Да, это так, – я настороженно глянул на мастера-стрелка. – Они – наши кони. Нет, наши драконы. Без них мы – никто.

– Я понимаю, – отозвался Бури. – Как воин в степи – без коня.

– Больше, – не согласился я. – По суше и собственными ногами можно. А морская дорога... Она больше, – добавил я неожиданно сам для себя. – Тут ты или дракон... Или утка.

– Почему тогда ты не хочешь быть драконом? – сделал еще более неожиданный вывод Бури.

Блин! Интересный разговор получается. Хотя, может, и к лучшему. Можно не думать о том, что сейчас происходит на острове. Что ж, я не против поговорить о драконах.

– Я не хочу стать драконом, потому что я видел дракона.

Это только половина правды. Вторая: мне никто и не предлагал – в драконы. Но что да, то да. Ящер, который глядел на меня из глаз Ивара Бескостного... Такое точно не забудешь.

– Дракон страшен, – сказал Бури. Он смотрел не на меня – на воду, испятнанную каплями дождя. – Но таким и должен быть хранитель равновесия, хранитель закона. Что это за закон, перед которым не трепещут?

Под таким углом я на это дело не смотрел. Хотя аккурат в тему моих нынешних мыслей.

– Закона обязательно должны бояться? – спросил я.

– Бояться? – Бури повернулся, глянул остро. – Не бояться, нет. Бояться – мало. Трепетать. Чтить. Ужасаться. Каким же еще должен быть хранитель закона в глазах людей, если даже боги ему подвластны!

– Откуда ты знаешь?

– Стоило бы и тебе знать, танцор-привратник, – усмешка Бури меня пугала. – Дракон почтил тебя малым даром. Думаю, тебе тоже стоит чтить его. И ужасаться. На его силе держится мир.

– Мой франк говорит другое, – мне перестал нравиться наш разговор. Он затрагивал нечто... То, что я не хотел бы трогать.

– Отец Бернар говорит: мир держится на Любви Бога.

Бури засмеялся. Станный смех. Будто пес раскашлялся.

– Мир, который стоит на любви. Очень жестоко.

– Почему?

– Для защиты его придется убить всех, кто хочет другого. Только очень жестокий может позволить показать слабость.

– Любовь – это не слабость, а сила! – возразил я. – Когда я... Когда я танцую свой танец, я, знаешь ли, не испытываю ненависти. Нет! Я очень люблю этот мир!

Очень эмоционально получилось. Я смутился и перевел взгляд на изрезанную береговую линию. Как же здесь красиво! Пожалуй, мне эти берега ближе, чем та сторона Балтийского моря. Может, потому что родина?

Дождь внезапно кончился. Вернее, прекратился. Судя по серому небу, воды там, наверху, еще хватало.

– Уверен, что любишь именно этот мир? – спросил Бури. – Или тот, другой, врата в который отворяет твой меч, когда ты поднимаешься по ступеням танца и никто не смеет коснуться тебя? Ты уверен, что твоя любовь – это не отражение ужаса тех, кто глядит на тебя снизу?

Эк он красиво завернул. Я бы так не смог. Но вопрос понятен.

Я задумался.

Мир, который меня сейчас окружает, я полагал своим. В большей степени, чем тот, в котором я родился.

Однако я считал, что мой Белый Волк, мой Танец и все остальное – тоже часть этого мира. А если нет?

Я оглянулся. Гребцы на румах двигались мерно и мощно.

Медвежонок у кормила правил одной рукой. Во второй – свиной

окорок. Вернее, то, что от него осталось.

Брат поймал мой взгляд, швырнул за борт обглоданную кость и показал жестом: убить всех.

Я усмехнулся. Я знал ответ на вопрос Бури. Я люблю этот мир. Именно этот. Эти берега и это небо. Люблю Медвежонка, Вихорька, Стюмира... Всех тех, кто отдаст за меня жизнь и за кого я готов отдать свою. Люблю Зарю. И еще больше – мою единственную и неповторимую Гудрун. И ее мать. И своих детей. И даже, черт возьми, Ивара Рагнарсона я тоже люблю. Потому что он и есть воплощение этого мира. Мира, который ужасает и восхищает. Пожалуй, я даже своего хитромудрого, так обидно меня кинувшего Хрёрека тоже люблю. И именно потому, что так на него и зол.

Я глянул на Бури. Этот умник довольно ухмылялся. Он не ждал ответа. Потыкал палкой в муравейник и теперь с удовольствием наблюдал за суетой моих встревоженных мыслей.

Этакий азиатский вариант старика Стенульфа, «мастера-наставника» берсерков.

Один из моих приятелей там, в прошлой жизни, говорил, что нуждающийся в учителе непременно его находит. И чаще всего не за тридевять земель, а где-то рядом.

Вот будет забавно, если это Бури.

Хотя вряд ли. Склонен думать, что он – не сенсей, который держит бамбуковую палку. Он – сама палка.

Однако такая палка мне очень-очень пригодится.

Бури глянул вперед, прямо по курсу, и снова обернулся ко мне:

– У тебя верные воины, мой господин. Это хорошо. Вера дает им силу сражаться. И они сражаются.

– Ты это к чему? – спросил я.

И в ту же секунду сообразил, что он имеет в виду, снайпер-стрелок, чьи глаза на порядок зорче моих. Впереди показался остров, запирающий устье Вуоксы. Для меня – просто неясное пятно. Но не для Бури. Крепость, отнятая мной у свеев, еще не пала перед бывшими хозяевами. Мои бойцы держались...

Есть такая веселая игра «Король на горе». Многие ее знают. У нас, в России, правда, она называется немного по другому: «Царь горы». Но суть от этого не меняется. Тем более что в нынешней ситуации «король» более уместен. Цари-кесари – они в далеком Миклагарде. А здесь рулят конунги-короли. Задача вышеназванной игры: силой или хитростью взобраться на

горку, занять ее макушку и не давать себя спихнуть, держаться, несмотря на желание остальных игроков занять твоё место. Тот, кто на макушке, тот король. Пока не скинут. Однако пока ты в игре, можешь попробовать снова стать королем.

Силой и хитростью мы скинули с горы свеев. И королем стал я. Королем на горе. Я мог бы убрать их из игры окончательно, но проявил мягкость.

И они решили попробовать еще раз.

Тем более что сила пребывала, безусловно, с ними, а не с защитниками.

Однако помимо силы были и другие факторы. Например, стойкость. И время. И обороноспособность самой горы.

Хорошую крепость отгрохали свеи. На правильном месте. Дождик тоже пособил, сделав склоны скользкими.

Когда-то качество укрепления играло на руку свеям. Но они не смогли им воспользоваться.

А мои бойцы смогли. Сумели устоять, несмотря на двукратное преимущество противника в количестве и примерно такое же – в уровне личной подготовки участников. Сойдись моя молодежь и свейские ветераны в открытом бою, строй на строй, свеи размазали бы новобранцев за пару минут, если не быстрее. Однако крепкие стены и солидный запас стрел свели преимущество лучшей строевой подготовки к минимуму^[10]. Ну да, оборонять такую крепость – милое дело. А вот брать...

Успей свеи взять крепость, неизвестно, как бы все обернулось. Вернее, известно. Большой кровью для нас и неясным прогнозом на будущее. Взять их врасплох, как в прошлый раз, точно не получилось бы.

Но свеи не успели. Гуннар с молодежью сумели продержаться, а когда штурмующие увидели хищную голову «Северного Змея», летящего к острову, то немедленно осознали: королями на горе им нынче не стать.

Отреагировали они правильно: быстренько свернули атаку и попытались ретироваться.

И это им тоже не удалось. Не успели даже от берега отойти. Неудивительно. Мало того что у них было полно раненых, которых (весьма достойный поступок) свеи решили не бросать, так еще и целая толпа «гражданских» на палубе.

По уму, перед штурмом им стоило высадить семьи где-нибудь неподалеку, спрятать в шхерах, в укромном местечке, которое даже с крепостной вышки не просматривается, таких тут хоть отбавляй. Но их

новый лидер так спешил занять макушку горки, что сосредоточился исключительно на победе.

И даже сейчас, после тотального разгрома, был настолько уверен в своей правоте, что провал своих реваншистских планов списал не на собственные ошибки и не на мужество защитников, а исключительно на коварство недружественных высших сил.

О чем он и заявил во всеуслышание, стоя передо мной со связанными руками и с гордым не по ситуации видом.

– Я, Ньёрд, сын Фритхофа, заявляю, что не ваша воинская доблесть, а всего лишь хитрость, подобная коварству рыжего Локи, была причиной нашей неудачи. Потому я предлагаю тебе, Ульф Свити, проверить свою настоящую удачу и расположение богов, скрестив со мной клинки!

– Эй, горлопан! Я придумал для тебя прозвище! – насмешливо крикнул Скиди в ответ на спесивое заявление. – Мейнфретр^[11]! Так тебя теперь зовут! Когда будешь представляться Хель, не забудь сказать, что это я, Скиди с Сёлунда, первым назвал тебя истинным именем!

Мои хирдманы развеселились. Фритхофсону было предложено попробовать на вкус отходы жизнедеятельности различных животных, совокупиться с тюленихой и барсуком-самцом одновременно и еще десяток развлечений, порожденных фантазией викингов, отточенной в подобных пикировках.

– А если ты откажешься, Ульф Свити, я во всеуслышание назову тебя трусом! – отчаянно завопил пленный, тщаь перекрычать веселящихся победителей.

Истощенный вопль вызвал новый взрыв веселья, и сын Фритхофа стал обладателем еще десятка прозвищ, которые счел бы оскорблением даже затюканный трэль, полагающий потолком карьеры чистку отхожих мест пораженного дизентерией военного лагеря.

– Ты трус, Ульф-хёфдинг! Мое мужество вдвое больше твоего! Беру богов в свидетели! Не увидеть мне чертогов Одина, если это не так! – заорал невезучий сын Фритхофа, буравя меня злобным взглядом.

Нарывается. Хочет умереть быстро и в бою. Он сильно рискует. У меня есть все возможности для того, чтобы сделать его смерть максимально неприятной. Но мужик полагает, что риск оправдан. Я ведь уже проявил слабость: отпустил их всех. И сейчас должен поддаться на слабо, как страдающий комплексом неполноценности подросток.

Однако боги – это серьезно. Это последний аргумент проигравшего. По сути, боец сейчас поставил на кон не только свою жизнь, но и

посмертие.

Хотя так ли уж велик риск? Если я велю перерезать крикуну глотку и бросить труп в залив, Валхаллы ему тоже не видать.

– Ты, похоже, забыл, Ньёрд, как наш хёвдинг один вошел в дом, полный таких же болтунов, как ты! – напомнил Тьёдар Певец.

– Меня там не было! – возразил Ньёрд.

– Ну да! Ты был среди тех, кто стоял на коленях на палубе, бросив оружие и задрал лапки над головой! – парировал Тьёдар.

– Я не стоял на коленях! – оскорбился Ньёрд. – Меня оглушили...

– Коли он желает проявить мужество, хёвдинг, давай я пушу его вокруг столба! – хищно оскалился Гуннар.

Норег стоял отдельно, в окружении дренгов, варягов и весян, с которыми держал оборону. Держал и выдержал.

– Хёвдинг! Сделай нам такой подарок! – воскликнул Гуннар. – Если этот фретр обойдет его хотя бы дважды, я готов признать, что он воин, а не болтливая баба!

Он неисправим, Гуннар по прозвищу Гагара. И понятно, почему его уже не исправить. По меркам викингов, Гуннар почти старик: в рыжеватой бороде пробивается седина. Время не обходит викингов стороной. В вике один год можно смело считать за три, а то и за четыре, так что обветренная, кирпично-красная шелушащаяся физиономия Гагары густо изрезана морщинами, а глаза...

Впрочем, этот взгляд характерен для большинства тех, кто достаточно долго странствовал по Лебединой Дороге. Перефразируя еще не родившегося философа: не стоит заглядывать в глаза тому, кто слишком долго всматривался в бездну.

И да, он любит повеселиться, Гуннар Гагара. Повеселиться в «добрых» традициях викингов. Может, позволить ему проверить мужество нахального свея? В конце концов, это он, Гуннар Гагара, отстоял крепость. Так что это в большей степени его победа, чем моя.

А мой народ оживился. Поглядеть, как враг будет самостоятельно наматывать внутренности на вкопанный в землю столб? Это ж развлечение ничуть не хуже поединка! Тем более поединка между мной и каким-то свейским хускарлом. Что за веселье, когда результат известен заранее! А вот когда можно спорить, сколько кругов наматает (в прямом смысле этого слова) враг, прежде чем свалится от болевого шока, это ж совсем другое дело!

Я молчал. Мне мерзок и сам факт бессмысленного мучительства, и то, какой ажиотаж оно вызывает у людей, которые мне дороги.

– Брат! Я знаю: ты умеешь смотреть в будущее, однако на этот раз ты ошибся, – негромко обратился ко мне Медвежонок, неверно истолковавший мое молчание. – Если ты захочешь снова их отпустить, я буду против.

– Хочешь, чтобы я разрешил Гагаре намотать кишки Ньёрда на столб?

– Как пожелаешь. Главное – ни один из них не должен больше поднять на нас оружие.

Я поглядел на пленных свеев. Настроение у них и прежде было не очень, а после предложения Гуннара и вовсе ушло в черный сектор. Показывать свое мужество, терпя пытки, – не та смерть, о которой мечтает воин. Одно дело – умереть в бою, совсем другое – стать живой бастурмой в умелых руках победителей.

Четырнадцать человек. Почти все ранены, причем трое – серьезно. Однако не настолько серьезно, чтобы не суметь подняться на ноги. Тех, кто не мог встать, уже добили.

Они – наши враги. Я точно знал: будь победа за ними, проигравшим бы не поздоровилось. И я не могу спасти их жизни, предложив им войти в мой хирд, потому что уже предлагал и получил отказ. А после этого проявил к ним доверие. И был предан. Они должны умереть. И они, и – очень желательно – их семьи. Чтобы некому было потом мстить. Возможно, я смогу сохранить жизнь их женам и детям. Но этих придется казнить. Так почему бы не отдать их норегу?

Нет, тоже неправильно. Причем не только из-за моего «чистоплюйства». Вряд ли тем свеям, которые теперь мои, будет по вкусу глядеть на то, как их соотечественники умирают под пытками.

С другой стороны, просто перерезать им глотки, как овцам – не самый оптимальный вариант. Если уж придется их прикончить, то надо сделать это эффектно.

Мне вспомнилась варяжская «тризна». Дать им оружие и позволить сразиться с добровольцами из моих хирдманов?

В принципе, тоже вариант. Но, похоже, я уже придумал кое-что получше.

– Гуннар, – я повернулся к норегу, который азартно спорил со Стюрмиром и Тьёдаром о количестве кругов, которые пройдет сын Фритхова, когда его вынутую из живота кишку прибьют к столбу. – Ты славно бился, Гуннар. И мои дренги, которыми ты командовал, тоже. Вы все заслуживаете награды, а ты – особенно. Напомни мне об этом, когда придет время. А ты, – я глянул на мрачного свея, делавшего вид, что его не интересует диспут о количестве оборотов, – ты, Ньёрд Фритховсон, хочешь узнать, за что любят меня боги? – Именно так. Не ставить под сомнение

свою удачу или мужество, а всего лишь продемонстрировать его в очередной раз. – Что ж, я не против. Однако слишком мало чести для меня сойтись в поединке с таким, как ты. – Я поднял руки, чтобы все, включая пленных, увидели золотые браслеты на моих запястьях. Браслеты, которые было бы незазорно носить не только славному ярлу, но и целому конунгу. Те самые, что я надел, дабы произвести правильное впечатление на своих будущих подданных-кирьялов.

Ньёрд окончательно пригорюнился. Если что-то и говорит о славе воина больше, чем песни, которые о нем слагают, так это золото. Причем именно такое. Я – викинг. За все, что я взял, заплачено не деньгами. Я сражался с ярлами и конунгами. И отдал за мое золото «железную цену», как здесь говорят. Великий воин – и какой-то там свейский «таможенник».

– На что тут смотреть богам, сын Фритхова? – добивал я гордость вероятного противника. – На то, как я прикончу тебя первым же ударом? Заткнись и слушай! – пресек я попытку свея возразить. – Я буду сражаться сразу со всеми вами!

Дерзко, да. Возможно, даже опрометчиво. Мой язык, как это со мной частенько случалось, чуток опередил голову. Свеев-то – четырнадцать. И по крайней мере половина все еще может драться в полную силу. Да и остальные боеспособны. И это не молодняк. Это умелые бойцы с приличным опытом. «Зато я уж точно не буду чувствовать себя палачом», – подбодрил я себя. И такой вариант точно придется по вкусу моей Удаче. Игра на грани.

– Вот будет весело! Не скучно ни богам, ни людям! И тебе будет о чем спеть, Тьёдар, верно!

– Так и есть, ярл! – Глаза моего скальда загорелись. – Убей их всех!

– Так не пойдет! – раздался рядом свирепый рык. – Я против!

Свартхёвди Медвежонок навис надо мной. Устрашающее зрелище.

– Я – вождь! – рявкнул я в ответ. – Я решаю!

– А я – твой брат! И я тоже вождь! И я говорю: ты не смеешь забрать себе все веселье! Я встану рядом с тобой – или ты мне больше не брат!

Я размышлял не больше секунды. А потом шутливо толкнул побратима кулаком в волосатую морду:

– Так я и не против! Ты в своем праве, брат! – заявил я. – Повеселимся вместе, почему бы и нет?

Наши, притихшие было, радостно заорали.

Свеи для них – ничто. А вот наша с Медвежонком размолвка – это было бы скверно.

Тут же образовали круг. Реденький, надо отметить. Все же маловато у

меня людей, а в последнюю неделю еще и убавилось. Мало, зато какие! Я подмигнул радостно ухмыляющемуся Медвежонку, оглядел своих: Гуннара, Тьёдара, Бури, Стюрмира, Скиди, Вихорька, отца Бернара... Здесь все, кроме Хавура, которого я вместе с Зарей оставил в селении. Как жаль, что с нами нет Хавгрима Палицы! Пусть ему будет весело там, наверху, в чертогах Одина!

– Развяжите их и дайте оружие!

Думаю, и шестерке моих новичков-свеев, Лютольшву Кто-то Умрет, Торньюру и Вилмару Варгдропи, Кёлю Длинному и еще одной парочке братьев, Траусти и Трюгви Крумисонам, невредно будет лишний раз поглядеть, на что способны их новые лидеры. Ничто так не способствует верности викингов, как наглядная демонстрация физического превосходства.

Не скажу, что наши противники выглядели грозно. Грязные, избитые, в окровавленных тряпках. Но они были профессионалами, и их профессией было убийство. Полминуты – и толпа пленных превратилась в готовых к бою воинов.

Они, несомненно, знали, что Свартхёвди – берсерк. И меня в бою тоже видели. Но были полны решимости нас прикончить.

Что радовало. Ведь именно поэтому я дал им время, чтобы собрать строй и собраться самим, почувствовать себя не живыми мертвецами, а воинами. А я... Я больше не чувствую себя палачом.

А Медвежонок... Ему – поровну. Медвежонок предвкушает, как ярость Одина вскипит в нем и... Вот оно, счастье!

– Погоди еще немного, – попросил я его.

И начал свой персональный танец – призыв. Шаг, еще шаг, взмах, поворот...

Медвежонок ждал.

Свеи – тоже. Они не понимали, что происходит. Но лезть в драку не спешили. Держать строй против берсерка надежнее, когда этот строй неподвижен.

И тут из-за туч выглянуло солнце. А секундой позже вспыхнул и засиял мой собственный мир. И Белый Волк пихнул меня в бедро ослабившейся мордой.

Я глянул на Медвежонка. Ого! Он тоже сиял. Но не весь. Голова его оставалась темной.

И вдруг я как-то разом сообразил кое-что. По поводу имени моего брата. Я ведь его слышал раньше, чем стал более или менее сносно общаться по-скандинавски. И в памяти оно так и легло. Свартхёвди и

Свартхёвди. Просто имя. И я почему-то не задумывался о том, что оно значит. И почему вдруг когда-то давно сын Сваре Медведя проникся ко мне внезапной симпатией.

Черноголовый. Вот как переводилось его имя.

Потом я услышал песню. Его песню. В этой песне не было слов, зато было столько счастья, что оно понесло меня, будто могучий ветер.

Но Свартхёвди все равно обогнал меня. Он всегда был проворнее. Сейчас – тоже. Ненадолго. Я увидел, как сразу четыре копыта полетели ему навстречу. Их полет был красив, но недостаточно быстр. Свартхёвди уклонился от трех грациозным разворотом и в развороте же метнул свой щит. А потом перехватил четвертое копыто левой рукой и послал следом. Я увидел, как брошенный щит ударился о шлем одного из свеев, подскочил и полетел дальше. То же произошло и с копьём, когда другой свея, присев, подбил его краем щита. Этим свеем был Ньёрд, и мне понравилось, как он это сделал.

А еще мне понравилось, что я обогнал Медвежонка, который потерял время, уклоняясь и бросая щит и копыто. Я обогнал его – и первым достиг вражеского строя. И разорвал его. Это было легко, потому что оба свея, чьи лица я перечеркнул одним взмахом Вдоводола, смотрели не на меня, а на моего брата. Боевой топор прошел над моей головой. Уклониться было нетрудно – немного присесть. Заодно – второй росчерк. Ниже края щита. Двух щитов. Кожа – никудышная защита от Вдоводола. Я даже не почувствовал сопротивления. И с низкой стойки нырнул в образовавшуюся брешь. Толчок плечом, хлест крест-накрест, разворот – и передо мной только спины и затылки.

И радостная песня моего брата. В правой руке у Свартхёвди – меч, в левой – чья-то секира. И алые брызги вокруг. Ему хорошо, Свартхёвди Медвежонку. Мне – тоже, но вот беда: три взмаха – и сражаться больше не с кем. Остались только мы вдвоем.

Я смотрел на Свартхёвди, а он – на меня. Я видел, как он качает свой берсерочий «маятник», как щерится его рот в счастливой улыбке и слюна течет по заплетенной в косицы бороде... Он жаждал битвы. Равно как и я мечтал о продолжении танца. Такое искушение! Сплясать с таким же, как ты. Но...

Я опустил оружие и увидел, как блекнет окружающий мир. И как гаснет сияние вокруг моего брата.

Свартхёвди встряхнул головой, уронил наземь отнятую секиру и утер мокрый рот тыльной стороной ладони:

– А неплохой обед воронам мы с тобой приготовили! – проворчал он. –

Жаль, продуктов было маловато.

– Да, – согласился я. – Собирали мы пиры и пообильней.

– Ну так не в последний раз! – ухмыльнулся Свартхёвди и сграбастал меня медвежьими лапами, чувствительно приложив мою еще не зажившую поясницу крестовиной меча, который так и не выпустил.

Я же хлопал брата по спине и старался не думать о том, что было бы, не сумей я преодолеть искушение.

Глава 29. Суд Свартхёвди и слово вождя

Все. Мы окончательно перебрались на остров. Почистили все, починили, отремонтировали. Кораблей у нас набралось аж шесть. Два кнорра и четыре драккара. Последний, тот, который «вернули» мне нарушившие договор свеи, годился исключительно в качестве каботажника и на небольшие дистанции. Остальные – вполне годные.

А «Клык Фреки», который достался нам в «наследство» от свейских «таможенников», качеством ничуть не хуже «Северного Змея».

Так что «посадочных мест» у меня имелось от двух сотен и выше. А вот списочный состав хирда – на порядок меньше. Причем состоял он из четырех разных групп.

Первая – мои верные соратники. Медвежонок, Гуннар, Скиди, Вихорек, Бернар, Бури, Тьёдар, Стюрмир и Хавур Младший. Не много, зато каждый стоит минимум двоих. А кое-кто и намного больше.

Вторая – молодые варяги. Ануд, Глухарь и Егри, которые в скором будущем должны были вырасти до уровня полноценных хирдманов. Старательный, но туповатый Куци; крупный, но немного тормозной парень по имени Хутин; его прямая противоположность, небольшой, шустрый и ловкий паренек по имени Тулб, только-только встретивший пятнадцатую весну и охотно откликающийся на прозвище Огонек, данное, впрочем, не за шустрость, а за природный цвет волос; и последний варяжонок – Вузлеб Меченый, молчаливый крепыш с большим родимым пятном на правом виске. У меня пока не было времени повнимательней оценить его боевые качества, однако уже то, что он выжил, кое о чем говорило.

Третья – свеи. Льютольв Кнобсон по прозвищу Кто-то Умрет, Торнюр и Вилмар Варгдропи, то бишь Волчьи Отпрыски, Кёль Длинный, а также Траусти и Трюгви Крумисоны.

Четвертая – весяне. Этих осталось девять. Четверых взял под крыло Бури, заверив меня, что из них можно сделать толковых стрелков, а еще пятеро после совместной обороны крепости прибились к Гуннару.

Еще – Заря, которую, понятно, на рум сажать нельзя, но убивать она умеет.

Ну и я сам.

Итого: тридцать два гребца. Достойная команда для «Северного Змея», но ее едва-едва хватало заполнить румы двух драккаров. А уж четыре... Не говоря о кноррах.

Что ж, значит, часть нашего флота придется продать, потому что пополнять хирд слабыми бойцами как-то не хочется, а набрать пять десятков сильных я не рискну, даже если и будет такая возможность. Если новички окажутся сильнее старичков, то можно запросто потерять и драккары, и жизнь, потому что найти опытных бойцов, которым я смогу доверять так же, как своим друзьям, – большая проблема. После истории с Лейфом Весельчаком я стал ужас каким недоверчивым.

Ну да ладно. Драккары при правильном хранении качества не теряют, а корабельных сараев здесь как раз на мою пятерку, если что.

Помимо трех с хвостиком десятков бойцов на моем острове оказались почти две сотни «обслуживающего персонала». Практически все, если не считать жены Кёля Длинного, – в рабском статусе. И эти тоже делились на четыре группы.

Самая малая – весяне, взятые в плен в Ладогe и во время движения к морю. Самая большая – семьи и родня убитых свеев. А также те свеи, что достались нам в качестве живых трофеев. И, наконец, четвертая – аккредитованные при крепости местные жители-кирьялы. Со всем этим разношерстным сообществом следовало разобраться. Но позже. Когда с хлопотами «новоселья» будет покончено.

Впрочем, по одному из «трофеев» следовало принять решение немедленно.

* * *

Убившую Фрута женщину привезли на остров вместе с Зарей, отцом Бернаром и уже передвигающимися самостоятельно ранеными.

Новый староста выполнил мое требование – выделил преступнице одежду. Однако выглядела эта, с позволения сказать, рубаха похуже, чем собачья подстилка. И сама убивица – не лучше. Почти голая и грязная настолько, что синяков и ссадин почти не видно. Во что превратились ее когда-то светлые волосы, и говорить не стоит.

И она все время тряслась. Может, от холода, но скорее – от страха.

Трудно поверить, что ей хватило мужества прийти на помощь своему свейскому любовнику-хозяину. А еще труднее представить, что это она зарубила топором варяга.

Да, Фрут не бог весть каким воином был, но все-таки – воином. А эта – даже не из свободных. Рабыня, которую свей купил где-то и привез сюда.

– Что скажешь, брат?

Медвежонок поскреб заросшую волосом щеку, пожал плечами:

– Не вижу здесь вины, – пробасил он.

– Но она убила Фрута! – срывающимся голосом воскликнул Куци, который дружил с убитым. – Она должна умереть!

Фига себе! Мелкий прыщ посмел возразить Медвежонку. Я даже испугался...

Но Свартхёвди дерзость варяжонка не принял близко к сердцу. Глянул как на мышонка, который вдруг запищал человеческим голосом, но даже снизошел до того, чтобы ответить:

– Если собака защищает хозяина, она достойна похвалы, а не плетки. А дренг, который позволил собаке себя укусить, не достоин называться дренгом. Его убила рабыня. Топором. Такое бывает, – Свартхёвди глянул на меня и подмигнул. – Будь этот Фрут настоящим воином, я бы немедленно дал ей свободу, верно, брат?

Я усмехнулся:

– Да, в свое время я так и сделал.

Это славно, что подобную мысль озвучил не я, а Медвежонок. Вот уж кого нельзя упрекнуть в чрезмерном сострадании.

– Однако этого дренга воином назвать никак нельзя, – продолжал Свартхёвди. – Я говорил с рабыней. (Надо же! Когда он успел?) Этот никудышный спал, когда женщина вошла в дом, где были пленные. Она открыла дверь, вошла, а он даже не проснулся!

– Ну и что? – не сдавался Куци. – Потому она его и убила, что он спал. Если бы...

Ладошка у Стюрмира потверже, чем доска. Бац – и Куци уже сидит на земле. Молча.

– Когда старшие говорят, младшие внимают, – назидательно произнес Стюрмир. – Уяснил?

Куци глянул на здорового дана снизу и быстро-быстро закивал.

– Даже ничтожный раб, которому поручили стеречь свинарник, знает, что свиньи могут подрывать стену и сбежать. Даже трэль знает, что в свинарник может забраться вор. Дренг, убитый рабыней! Такому свиней нельзя доверять, не то что пленных воинов. Не будь удар этой тир смертелен, я бы сам его убил. Из-за его глупости и беспечности погибли двое наших хирдманов. А могло бы выйти и похуже, если бы Заря, – доброжелательная улыбка моей подруге, – не умела так ловко метать стрелы.

Свартхёвди замолк, огляделся: достаточно ли внимательно его слушают? Прониклись ли важностью момента?

Все прониклись и внимали. Все, включая меня.

Свартхёвди удовлетворенно кивнул, приосанился:

– Вот мое слово: негоже судить рабыню за верность. И я не буду.

Он еще раз оглядел значимую часть зрителей. То бишь наших хирдманов. Нет ли возражений?

Возражений не было. Речь сына Сваре Медведя звучала достаточно убедительно. Усомниться в оглашенном вердикте – значит, усомниться в авторитете Свартхёвди. А мой брат – он был тем человеком, в чьем авторитете сомневаться весьма рискованно.

Медвежонок кивнул еще раз и произнес уже без всякого пафоса:

– Так что нам действительно надо решить, так это кому эта девка достанется.

– Ярл! Я хочу ее!

Гуннар Гагара.

Моим первым порывом было немедленное «нет!».

Как бы ни провинилась убийца, но отдать ее норегу – это слишком. Я ему даже наглеца Ньёрда Фритхофсона не захотел отдать, а тут – женщина.

Однако я сумел сдержаться. Вспомнил кое-что. Я должен Гагаре. Я обещал ему награду. Он ее потребовал. И я – должен.

Вспомнилось, как несколько лет назад Хальфдан Рагнарсон тоже обещал мне кое-что. Девку на выбор. И я выбрал. И Хальфдан отдал мне ее. Рискаю поссориться с одним из своих лучших и верных людей, Торгильсом-хёвдингом. Потому что слово вождя – дороже золота.

Цена же моего слова – верность тех, кто идет за мной.

Как бы мне ни было жаль несчастную, но я не могу сказать «нет».

– Бери! – разрешил я.

Гуннар подошел к женщине:

– Говоришь по-нашему? – спросил он.

– Да... – чуть слышно пробормотала рабыня.

– Тогда иди за мной.

Повернулся и пошел прочь, даже не усомнившись, что бедняжка последует за ним.

И она встала и пошла.

Все. Ее история закончена.

Так я подумал тогда. Однако ошибся.

Глава 30. В которой Свартхёвди Медвежонок сообщает о том, что он соскучился

– Теперь ты – настоящий ярл, – с удовлетворением произнес Медвежонок, устраиваясь поудобнее. Поудобнее – это значит с кувшином пива и деревянной доской со всякой рыбно-мясной нарезкой, которую, как мне показалось, ему принесли раза в два быстрее, чем такую же – мне.

– Ты тоже ярл, – сказал я. – Мы же братья. У нас все пополам, кроме женщин.

– Нет! – возразил Медвежонок. – Это вождей может быть несколько, а ярл – он один. Тебе бы следовало знать. А вот как раз о женщинах я и хотел с тобой поговорить.

Я изобразил предельное внимание. Неужели братец положил на кого-то из пленниц свой блудливый... хм... глаз?

Но нет.

– Я соскучился! – заявил Медвежонок. – Я хочу к жене!

– Я тоже.

И что дальше?

– Но ты не мог соскучиться так же сильно, как я! – возразил Медвежонок. – Ты не можешь чувствовать себя таким одиноким. Ведь у тебя есть Заря.

– Зато у тебя – все остальные женщины на дневной переход вокруг.

– Что с того? – удивился мой брат. – Ни одна из них не заменит мне Фрейдис.

Склонен думать: он прав. Фрейдис – уникальная женщина. И оч-чень решительная. И дочь конунга.

А еще у них любовь. Настоящая. Такая, как у меня с Гудрун. Поэтому шутки в сторону.

– Если мы уйдем домой, то потеряем эту землю, – напомнил я, апеллируя к сильнейшему чувству моего брата. К его жадности.

Потому что мне вовсе не хочется уходить отсюда домой, на Сёлунд. Я тоже очень скучаю по Гудрун, но если мы сейчас уйдем... Мы ведь здесь еще и не закрепились толком.

– Не мы уйдем, а я, – внес поправку Медвежонок. – Я уйду. На «Клыке Фреки». И один из кнорров возьму. А тебе останется «Северный Змей»,

второй драккар, если нам не удастся его продать, и второй кнорр.

– Щедро, – отметил я. – Вот только кого я посажу на румы, когда вы уйдете?

Медвежонку для похода понадобится не меньше дюжины людей для «Северного Змея». Еще полдюжины – на кнорр.

– Так с кем же я останусь?

– Не беспокойся, – ухмыльнулся Медвежонок. – Из наших я возьму только Скиди и Хавура. Им надо.

Понимаю. У Скиди – любимая жена, а Хавуру не терпится показать родне, как он крут. Но с кем тогда пойдет Медвежонок?

– Еще возьму с собой Льотольва, Торнюра и Вилмара, – сообщил Медвежонок. – Шестерых дренгов возьму: Хутина, Вузлеба, Глухаря, Егри, Куци и Ануда. Им на пользу – по настоящей Лебединой Дороге пройти.

– Не маловато ли? – не без иронии поинтересовался я.

– Так мы только до Хальмстада^[12] дойдем. А там наберем еще с десятков гребцов. Грести – не сражаться. Дойдем, брат, не тревожься. Я чую удачу!

– А ты не чуешь заодно, что будет, если конунг свеев узнает о наших делах и придет сюда? – проворчал я. – Думаю, тогда ты и те, кого ты забираешь с собой, не стали бы лишними.

Свартхёвди поставил кувшин и поглядел на меня... С сомнением.

«Сам понял, что сказал?» – читалось в его взгляде.

Тут и до меня дошло, что сморозил глупость. Если сюда придет конунг свеев, ни дюжина, ни даже полсотни бойцов погоды не сделают. Нам останется только грузиться на «Змея» и сматываться.

– Это я к тому, что стоит договориться, где ты будешь нас искать, когда вернешься и не найдешь нас здесь, – нашелся я.

Вот так. Сам загнал себя в ловушку. Ну да что теперь... Медвежонок по-любому настоял бы на своем.

– Да уж найду, не сомневайся! – заверил братец и махнул, чтоб принесли еще пива. – Я заберу с собой все стоящее, – заявил он. – Меха, железо, янтарь... Серебра тоже возьму большую часть. На Сёлунде добро сохранней. А вот злата половину тебе оставляю. Надеюсь, ты его не потеряешь, брат!

– Надейся, – ухмыльнулся я. – Это ты о наших долях или обо всех? Что с долями тех, кто остается?

– С Тьёдаром, Стюрмиром и Гуннараром я уже поговорил. Их доли я забираю. Остальные пусть сами решают. Ты ярл, ты с ними и говори.

– Поговорю, – кивнул я, отбирая у Медвежонка кувшин. Это ведь

несправедливо, когда младшему пиво приносят раньше, чем старшему. – Гудрун о Заре не говори, не надо.

– Почему? – Свартхёвди от изумления даже не возмутился по поводу изъятия пива.

– Мало ли что она подумает. Не хочу ее огорчать.

– А с чего бы ей огорчаться? – Свартхёвди метнул гневный взгляд в сторону «обслуги», и второй кувшин с пивом тут же оказался в его руке.

– Может подумать, что Заря для меня важнее, чем она. Вдруг Скиди или Хавур начнут болтать о том, как мы с Зарей...

– Как вы славно в зверя с двумя спинками играете? – ухмыльнулся Медвежонок.

– Вроде того.

Свартхёвди покачал головой, сгреб с доски горсть нарезки, не разбирая, запихнул в рот, прожевал, запил и изрек:

– Ты, Ульф, нынче какой-то чудной. Странные мысли у тебя. Или ты забыл, что звон серебра погромче любой болтовни. Ну как моя сестренка может подумать, что ты ее разлюбил, когда я привезу ей столько добра? Не волнуйся! Я расскажу ей, как ты по ней скучаешь. И еще скажу, что она теперь – жена ярла. И я думаю, сестрица не будет против того, чтобы Заря стала твоей второй женой. Она хорошего рода, Заря, дочь Трувора. В ее крови кровь конунгов. И храбрости в ней довольно. Родит тебе сыновей, не худших, чем родит моя сестрица. И род ваш приумножится. Бери ее, брат! Это будет правильно.

– Думаешь? – с сомнением проговорил я. – А вдруг Гудрун...

– А ты не думай, а делай! – Свартхёвди приложился к кувшину. В глотке у него громко забулькало. – Конечно, сестра обрадуется. Она же станет старшей женой. Уважения больше, и род прирастает. Ну, довольно о пустяках! Давай о важном: нам надо продать большой драккар до того, как я уйду. Нужен кто-то, живущий неподалеку и достаточно богатый, ярл или даже конунг.

– Ближе всех свеи, – сказал я, – но если кто-то узнает драккар и вспомнит его прежних хозяев, у него может возникнуть мысль взять корабль бесплатно. И вряд ли мы сможем рассчитывать на справедливый суд конунга Эйрика.

– Это понятно. Сам что думаешь? А то мне ничего путного в голову не приходит. Все время о Фрейдис думаю.

– Да, жена у тебя хороша, – согласился я, тоже отхлебнул пива и зажевал вяленой рыбкой. – Скоро ты ее увидишь, потому что я знаю, кому предложить наш драккар. Вопрос лишь в том, чтобы с ним, покупателем,

встретиться.

Медвежонок оживился. Даже кувшин поставил.

– Ты о ком, брат? Я его знаю?

– Даже лучше меня. Это Ольбард Синеус.

– Вот как... – Брат поскреб подбородок, пожаловался: – Чешется.

Неужто вши?

– Вши – к богатству, – ухмыльнулся я.

– Да я и так богат, – проворчал Медвежонок. – В баню надо. Здесь есть, я видел. Давай сегодня?

– Давай, – согласился я. – Так как насчет Ольбарда?

– Думаешь, он захочет?

– Уверен! – Я встряхнул кувшин. Так и есть, пустой.

Вот так незаметненько литров шесть на двоих приговорили. То-то отлить тянет.

– Ольбард – викинг, – сказал я. – Да не просто викинг – кормчий. От Хрёрека он ушел, насколько мне известно. И корабля у него теперь нет. А деньги – есть. Смекаешь, брат?

– Все верно, – согласился Медвежонок. – Ты молодец, мой маленький старший брат! Ольбард – муж достойный и честный. Надо ему в цене уступку сделать, когда продавать будем.

– Это непременно, – согласился я. – И хорошую уступку. Только сначала надо его найти.

– А что его искать? Наши дренги говорили: он на какие-то земли, что после Водимира остались, сесть собирался.

– Знаешь, где это?

Свартхёвди пожал плечами:

– Я – нет. Надо молодых поспрашивать. А потом послать кого-нибудь за Синеусом. Пусть к нам придет да сам глянет, что у нас за морской дракон.

Идея хорошая. Особенно если учесть, что свободной команды на большой драккар у нас нет, а гнать его придется мимо Ладоги, где нам в ближайшее время показываться не стоит. Так что да, пусть придет сам. В этом варианте сплошные плюсы. А минус только один: если Рюрик с Трувором узнают, где теперь наша база, может выйти... хм... нехорошо.

А с другой стороны, они все равно узнают рано или поздно.

– Так что про баню? – вернулся к предыдущей теме Медвежонок. – Погреемся?

– Почему нет? Если пиво осталось.

– Нам хватит. Так я распоряжусь? – уточнил брат.

– Конечно. Зачем спрашиваешь?

– Я не о бане, – уточнил Медвежонок. – Я о посланцах к Ольбарду.

– погоди! – Мне пришла в голову полезная мысль. – Братья Траusti говорили: мимо нашего острова торговые люди в эту пору частенько в Ладугу ходят. Дождемся попутных и наших с ними отправим. Так и надежней, и безопасней будет.

– Безопасней? – засомневался братец.

– Конечно. Они же обратно все равно мимо нас пойдут. И если что не так... Сам понимаешь.

– Главное, чтоб купцы понимали. Ну да эту мысль я до них донесу.

Принятое решение следовало отметить, и мы потребовали еще пива. А потом к нам присоединился Бури, выслушал новости и заявил, что в случае сокращения гарнизона единственное наше спасение – это луки.

– Да у нас их полно! – отозвался Медвежонок.

– Я говорю о луках, а не о палках, которыми только зайцев по головам лупить! – возразил Бури. – Да и таких едва десяток наберется. Остальные годны разве что похлебку перемешивать.

– Ну так надо сделать! Деревьев вокруг хватает. И зверья тоже, – Медвежонок после нескольких литров пива превращался в благодушного оптимиста.

– Деревьев хватает, – согласился Бури. – Почему бы тебе не построить из них корабль?

– Ну ты сказал! – рассмеялся Свартхёвди. – Из сырого дерева разве что плот можно построить!

И с апломбом потомственного моряка и кораблестроителя Медвежонок принялся разглагольствовать о тонкостях рубки и подготовки древесины, о правильном выборе вспомогательных материалов и прочих премудростях.

Бури выслушал с интересом, не перебивая, а потом уел:

– Вот видишь. А мне предлагаешь плоты вязать и на них сражаться.

– Чего?

– Того! Настоящий лук сделать не проще, чем драккар построить. И настоящих луков у нас только три. Мой собственный, хороший. Тот, который Ульф сыну отдал, но он – так себе, и тот, что у Зари. Последний тоже не очень, но правильной стрелой и из него можно в цель попасть шагов за сто. Все остальное – дрова для растопки. Из таких даже умелый стрелок с семидесяти шагов к овцу не попадет.

Убедил. Но вопрос, где эти самые правильные луки взять, остался открытым. В кирьяльских лесах такие точно не водятся.

А вот в кирьяльских реках, как оказалось, случается. Проплывают.

Иногда.

Глава 31. Таможня дает добро

Первые корабли мы увидели у острова через два дня. Направлялись они вверх по Вуоксе в сторону Ладоги. Однако отправлять с ними миссию к Ольбарду я не стал. Потому что это оказались свеи.

Кораблики у них были торговые, однако качественной постройки и весьма серьезные с виду. И люди на их палубах тоже выглядели основательно. Бывалые, вооруженные до зубов и заметно превосходившие мой хирд по численности.

И как в таких условиях брать с них мыто? Тем более что глава торговой флотилии первым делом предъявил Медвежонку, встретившему гостей на пристани, пергамент с печатью «конунга всех свеев» Эйрика Эймундсона^[13]. И на документе сем посредством рун и выразительного рисунка сообщалось: груз купца по имени Биргер – «дьюти фри». Для всех представителей Эйрика-конунга.

Купец был не в курсе, что власть на «таможне» сменилась. В противном случае его люди, да и он сам, не вели бы себя так беспечно.

Если бы в наши планы входил захват его кнорров, скорее всего, это бы удалось. Но далеко не бескровно. Так что это был не наш вариант. Во-первых, я не собирался терять людей; во-вторых, я не планировал жить разбоем. Лучше мирно состригать по кусочку шерсти с каждой проходящей, вернее, проплывающей овцы, чем зарезать пару животных и со всех ног удирать от разъяренных пастухов.

Большинство возможных вариантов мы с Медвежонком уже обсудили. И по каждому был разработан конкретный тактический план с распределением ролей и четким порядком действий. Был таковой и на нынешний случай. Он проходил под условным названием «Блеф и понты».

Нашему крохотному – по государственным масштабам – гарнизону было вполне по силам защищать крепость от втрое превосходящего противника, однако если мы хотели что-то заработать, то отсиживаться на макушке островной горки – не вариант. Нам надлежало внушать уважениедвигающимся по водному маршруту торговцам. Для этого следовало обозначить правильную позицию. Позицию силы. Это можно сделать, если за тобой стоит кто-то большой и страшный. Например, ты являешься представителем могучего конунга, который может достаточно быстро нарисоваться за твоей спиной и прикрыть щитами внушительного хирда, а еще лучше – наведаться к твоему обидчику домой и сыграть в славную

игру «Викинги спасают от пожара женщин, детей и ценные вещи».

Но если ты сам по себе и на твоей стороне лишь три десятка бойцов, то попытка мытарить флот из нескольких купеческих судов с пятью-шестью дюжинами головорезов вызовет у последних в лучшем случае удивление, а в худшем – острое желание настучать наглецам по дерзким головам.

Вот почему мой братец не стал с ходу огорчать доброго торговца, охрана которого минимум в два раза превосходила нас числом, заявлениями типа «власть переменилась, деньги – на бочку». Напротив, он очень любезно пригласил почтенного Биргера и его наиболее уважаемых спутников в гости. Наверх, в крепость. Выпить и закусить за счет заведения.

Биргер уже успел оглядеться и оценить «мирную» картину из пяти готовых к плаванию кораблей и шестого, который выволокли на мелководье и как раз готовили к килеванию. Готовили по-настоящему, однако начали процесс, как раз когда на воде появились гости.

Мирная картина дополнялась маленьким рынком, на котором торговые гости могли приобрести свежие продукты и всякую дорожную мелочь.

Глава каравана поглядел на Медвежонка, на пару качественно прикинутых бойцов (братьев Крумисонов), еще троих бойцов, попроще, расположившихся неподалеку, как раз у рынка, потом – очень внимательно и явно пытаюсь что-то припомнить – на большой драккар, отнятый нами у Бьёрна Красное Копье...

Однако подвоха Биргер не заподозрил и во всеуслышание дал своим добро на высадку и приготовление обеда.

Место для подобных «пикников» располагалось неподалеку от причала. Здесь же можно было недорого прикупить дровишки, взять в аренду или насовсем большие котлы и вертела из сырого дерева, на которых можно было приготовить купленного здесь же поросенка. Или зайца – если кто-то предпочитал дичь домашнему мясу.

Сам Биргер питаться здесь, на берегу, не собирался. Его ведь пригласили пожрать на халяву. И он повелся. Прихватил с собой двух «наиболее уважаемых спутников», которыми, по странному совпадению, оказались два его взрослых сына, и следом за Свартхёвди двинулся наверх, к крепости...

...Где его с подобающим уважением, весь в дорогой броне и золотых цацках, встретил лично я. И самым вежливым образом пригласил в большой дом: откусать, выпить и поговорить о делах насущных.

И уже там, у накрытого стола, я пояснил купцу, что таможенный пост,

а равно и прилегающие к нему кирьяльские территории сменили юрисдикцию и теперь ими рулю я, ярл Ульф Свити из Сёлунда.

И мои люди, по странному стечению обстоятельств оказавшиеся здесь же, в доме, поддержали это заявление бодрыми возгласами. Выглядели же мои бойцы сейчас весьма и весьма достойно, потому что теперь даже дренги у меня щеголяли в броне, какая не у всякого хускарла имеется, и оружие тоже соответствовало. В общем, правильные такие удачливые викинги.

Почтенный Биргер неслабо напрягся. Что делают правильные викинги, которым удастся захватить торговца? Правильно. Грабят и убивают. Последнее можно отменить, если предложить викингам что-то интересное. Например, выкуп.

Биргер, мужик несомненно тертый, все это осознал вмиг. Лицо, однако, держал неплохо.

А вот сыновья его, тинейджеры, владели собой похуже. Тот, что постарше, ровесник моего Вихорька, побледнел и чуток попятился, тот, что помладше, отрок лет четырнадцати примерно, набычился и даже рукоять тесака потрогал.

Просто потрогал, не более, потому что на одно плечо ему легла рука отца, а на второе – лапа Стюрмира. Паренёк оглянулся... И внял.

– Мое – только на одном корабле! – поспешно сообщил Биргер. – На остальных...

– Не бойся, купец, – мягко, почти ласково перебил его я, вертя на запястье браслет в виде толстенького золотого конька с изумрудными глазками. – Мы тебя не убьем. И не ограбим. Мы – не разбойники, а новые хозяева этих земель, и пришли мы надолго. Так что никто не помешает тебе ходить вверх-вниз по реке. А если помешает, скажи мне – и я накажу твоего обидчика.

Ну да. Три раза накажу. Того, с кем не совладают экипажи кораблей, превосходящие мою дружину минимум вдвое...

– Я – Ульф Свити, ярл из Сёлунда, – повторил я с упором на последнее слово. – Я не граблю тех, кто со мной дружен.

Слово «Сёлунд» было купцу знакомо. И он знал, кто там конунгствует.

Так что его следующий вопрос я предвидел. Биргер со всей аккуратностью человека, в чье брюшко вот-вот упрется меч, осведомился: вольный ли я человек или полномочный представитель чрезвычайно уважаемого и обласканного удачей Рагнара-конунга?

«Ни то и ни другое», – сообщил я уважаемому купцу. С Рагнарсом я, понятно, знаком и в хороших отношениях, поскольку мой главный

земельный надел (вполне можно допустить, что я и там – ярл) располагается именно на Сёлунде. Но в последний поход ходил вместе с его сыном Иваром Бескостным, который, собственно, и является моим нынешним покровителем.

Замечу: не соврал ни слова. Более того, поглядев на реакцию почтенного купца, решил, что надо бы указать Медвежонку, чтоб занес кусочек от нашего пирога Ивару Рагнарсону. За «крышу», так сказать. На выручку он к нам вряд ли придет, если запахнет паленым, но сам факт такой дружбы уже производит правильное впечатление на собеседников.

Купец немного поразмыслил, потом очень деликатно осведомился: что случилось с прежним держателем крепости Геллиром-хёвдингом?

«Он умер», – ответил я, не вдаваясь в подробности.

После чего наш гость еще более деликатно поинтересовался: не был ли тот прекрасный драккар, который он видел у причала, собственностью ярла Бьёрна Асбьёрнсона по прозвищу Красное Копье.

«Был», – охотно подтвердил я. И это действительно очень хороший драккар, чему я и мои друзья (жест в сторону Медвежонка со товарищи) очень рады, потому что теперь это наш драккар. А его прежний хозяин Бьёрн-ярл, к сожалению, не сумел правильно разобраться, кто его враги, а с кем лучше поддерживать дружбу. Потому вышеназванный ярл покинул пределы Мидгарда. Еще вопросы есть?

Больше вопросов не было. Господин Биргер сделал из сказанного напрашивающийся вывод: нам удалось навалить сразу обоим: и Чернозубому, и Красному Копью.

Затем он быстренько, как и положено хорошему торговцу, подсчитал в уме и сделал вывод, что под моим началом как минимум сотни три хирдманов. Собственно, количество кораблей у острова вполне соответствовало этой внушительной силе.

Произведя сии расчеты, герр Биргер сделал вполне разумный вывод: со мной значительно лучше дружить, чем бычить и гнуть пальцы. Ведь если мы не договоримся, отважный купец вполне может отправиться вслед за вышеназванными господами, а его флот вместе со всем содержимым станет моим флотом.

Будучи человеком разумным и сообразительным, Биргер не стал качать права, а поинтересовался, какой именно взнос в развитие экономики региона я от него ожидаю?

Мне было известно от братьев Крумисонов, что стандартная таможенная пошлина варьировалась от двух до пять процентов стоимости груза по рыночным ценам Бирки. Учитывая, что Биргер был первым нашим

клиентом, повел себя правильно и корабли его были весьма вместительны, я решил взять с него минимум.

Биргер возражать не стал. Он ожидал худшего. Тем более что товары, которые он вез, в Бирке стоили меньше, чем в Гардарике. В противном случае зачем их было куда-то везти? К тому же он был опытным торговцем, а значит, делиться с теми, на чьей стороне сила, для него – обычное дело. Все подобные издержки учитывались в цене товара.

В общем, за стол мы сели почти друзьями. И покушали весьма плотно, обменявшись в процессе кое-какой полезной информацией. О мировом рынке. О ценах на меха и железо. Железо в числе прочих грузов Биргер вез на продажу, а меха, напротив, рассчитывал купить.

У меня было искушение предложить ему часть нашего металла, особенно того, что в изделиях, но я не стал делать этого без предварительного согласования с Медвежонком. И правильно, потому что братец торговать со свейским купцом не собирался. Сказал: у нас есть корабли, а следовательно, возможность работать с производителями и потребителями напрямую. И нефиг переплачивать.

Хотя кое-что я у господина Биргера все-таки приобрел. Шесть боевых луков превосходного, по меркам Севера, качества. Я не забыл просьбы Бури. Луки пошли в зачет общей пошлины. Остальное я взял натурой: ЗИПами^[14] для кораблей. Это были вещи не на продажу, но Биргера такой вариант устроил. Лучше, чем отдавать товаром, который он рассчитывал продать в разы дороже.

В общем, расстались мы друзьями. Ну, почти друзьями. И я даже рискнул дать ему совет: если ладожские вдруг проявят чрезмерный аппетит – не потакать. Ладожским соправителям, сказал я, удалось разбить Водимира-конунга и забрать его имущество. Однако победа далась им непросто, потому бойцов у них нынче немного и разбросаны они по большой территории, а денег, напротив, в избытке. По моим же прикидкам, в распоряжении Биргера не менее пятидесяти бойцов...

– Шестьдесят семь моих людей носят мечи! – с гордостью сообщил купец. – Настоящий хирд! Мы знаем, куда идем.

Богатенький буратина этот Биргер, если вооружил такую прорву народа. Сдается мне, он из тех, кто платит только тогда, когда не может отнять. Шестьдесят семь северян – это не пара сотен лесовиков. Это куда круче. Так что если Рюрик с Гостомыслом не озаботились охраной своей вотчины, то как бы ее снова не ограбили. Биргер, конечно, мирный купец, но все же – Биргер. А его мирность – ровно до того момента, пока торговый партнер способен за себя постоять. А в противном случае происходит то

самое волшебство, о котором я когда-то рассказывал варяжским отрокам. На свет появляются шестьдесят семь волшебных мечей, и чужое превращается в свое.

Глава 32. Полет стрелы

Кнорры ушли.

А ко мне пришел Гуннар. И, надо сказать, весьма меня удивил. Потому что пришел ко мне не один, а с подаренной ему убийцей. И что совсем удивительно: одетой в цветное и с неплохим кинжалом на поясе.

– Ее зовут Гуда, – сообщил мне мой норег. – Гуда, дочь Хаука. Она из Вунгельмёрка. Я освободил ее. Будь тому свидетелем, ярл.

Вунгельмёрк... Хм-м-м. Это где-то в Норвегии. Что-то я такое о нем слышал, когда гостил у конунга Хальфдана Черного. Хаук – это по-нашему ястреб. М-да. Вряд ли подобное имя дадут рабу. Получается...

– Она – свободнорожденная? – уточнил я.

– Так и есть, – подтвердил Гуннар. – Ей было одиннадцать, когда их дом разграбили люди из Альвхейма. Я освободил ее. Не хочу, чтобы о моих сыновьях говорили, что их мать – рабыня.

О, как все запущено! Хотя... я рад. И за девушку, которая, отмывшись и приодевшись, превратилась в настоящую красавицу, довольно юную к тому же. И за своего хирдмана, конечно.

– Погоди-ка...

Гуннар нахмурился. Не понял, что я задумал.

А задумал я в данном случае только хорошее. Где там моя сумка с драгоценностями?

– Возьми и носи с достоинством, Гуда, дочь Хаука! – Я протянул девушке серебряную пектораль граммов этак на сто.

Гуда зарделась. Еще бы! Почти полмарки серебром. Тянет на свадебный дар, если речь идет о невесте умеренного достатка. Поблагодарила смущенно и тут же нацепила на шею. Теперь уж точно ее за рабыню не примут. Ну и заодно мой ответ на просьбу Гуннара. Норег не дурак. Сообразил, что подарок не столько девушке, сколько ему.

– Она родит тебе сильных сыновей, Гагара, – заявил я. – Сильных и храбрых!

– Я это сразу понял, – ответил норег. – Не всякой женщине достанет храбрости убить воина, чтобы выручить своего мужчину.

Воодушевленный Гуннар, которого я, с одобрения Свартхёвди, назначил чем-то вроде коменданта крепости, ушел заниматься общественными делами, а я отправился на поиски Бури. Пора было

разобраться с моими особенными способностями.

Азиат обнаружился на небольшом стрелковом полигоне, оборудованном в западной части острова. Бури разделил отданных в обучение бойцов на три группы. Первая, самая неумёхистая, состоящая из двоих весян, метала тупые стрелы в пуки соломы, привязанные к столбам с дистанции примерно тридцати метров. Более продвинутые – еще двое весян и трое варяжских дренгов: Ануд, Вузлеб и Егри – выполняли более сложное упражнение: пытались с тех же тридцати метров попасть в болтающийся на веревке щит. А чтобы им было веселее, к щиту привязали еще одну веревку, за которую азартно дергал пацанчик лет семи. Третья группа развлекалась еще интереснее. На уложенную набок метровой примерно толщины колоду уложили сверху бревнышко длиной метра четыре. На его концах балансировали Вихорек и рыжий варяжонок Тулб, а посередине, на самом козырном месте, стояла Заря. Их цель располагалась тоже не слишком далеко, и ею, к моему некоторому удивлению, выступал не кто иной, как Кёль Длинный. В левой руке у него был щит, коим он ловко отбивал стрелы, от которых не успевал уклониться, а правую руку своей время от времени запускал в висящую на плечевом ремне сумку. В сумке лежали камни, которые Кёль с отменной меткостью швырял в стрелков. Казалось бы, что такое камень против стрелы, пусть даже и тупой? А вот! У меня на глазах камень Кёля угодил в налобник Тулбова шлема, и варяжонок, потеряв равновесие, слетел с бревна... Конец которого тут же взлетел вверх, а противоположный, соответственно, треснулся оземь. Стрела, посланная Вихорьком, ушла в небо, сам он подпрыгнул... И следующий камень треснул его в живот. Подколючжник смягчил удар, но приземлился Вихорек уже не на ноги, а на бок.

Не сплеховала только Заря. Она не только сумела удержаться на бревне, но и вlepила стрелу в пах Кёлю. И очень хорошо, что уязвимое место двухметрового свея закрывал подол толстой кожаной куртки, вдобавок усиленной железными пластинками.

Впрочем, будь это не учебный огрызок, а настоящая боевая стрела, о постельных развлечениях свею пришлось бы забыть навсегда.

– Хорошо, девушка, очень хорошо! – отметил попадание Бури. – Виги, ты уснул? Может, тебе попонку подстелить?

Мой названный сын с сипением втянул воздух, рывком вскочил на ноги...

И еще один камень едва не воткнулся ему в солнечное сплетение: своей не дремал. Правда, на сей раз Вихорек отреагировал как положено хускарлу: перехватил камень правой рукой и... уронил на землю. Отвечать

ему было можно только стрелами и только с бревна. Следующий булыжник должен был достаться Заре, но Кёль заметил меня и не рискнул. Переориентировался опять на Вихорька, который без труда уклонился и вспрыгнул на бревно чуть раньше Тулба Огонька. Тому, чтобы оказаться на своем конце бревна, требовалось взлететь метра на два, если не больше, так что он сунул лук в чехол, подпрыгнул, уцепился за бревно двумя руками... Бревно немедленно «поехало» вниз, Кёль замахнулся... Но поразить такую удобную цель не успел. Тупая стрела Вихорька ударила его в плечо.

Грозный рык Бури совпал с возвращением Тулба на шаткую опору...

И позорным падением Вихорька, которому в бедро прилетел уже не камень, а стрела. Стрелу, тоже учебную, тупую, послал сенсей...

– Тебе что было сказано? – рявкнул Бури, возвышаясь над оплошавшим учеником. – Бить только в бронь! Встань, чего опять разлегся?

Вихорек встал. Не слишком ловко, потому что пораженная нога категорически отказывалась слушаться. Бури попал как раз в нужную точку. Вряд ли случайно.

– Пошел-пошел! Пошевеливайся!

Мой сын, красный, как свекольный суп, заковылял к бревну, опираясь на древко лука, как на клюку. Я заметил, что у всех троих луки тоже были, скажем так, учебные. Палки с тетивой.

– Кёль, ты как? – по-нурмански крикнул Бури.

Свей помахал «раненой» рукой и снова полез в сумку. Но бросить камень не успел: вынужден был уворачиваться и отбиваться от стрел, которыми его осыпала Заря... Пока в ее колчане не кончился боезапас. Однако с десятков стрел она отправила меньше чем за полминуты. Неплохая скорострельность.

– Тулб! Прикрывай! – крикнула она, спрыгивая с бревна и бросаясь к бочонку с запасной амуницией...

Ну, Бури, молодец! Не только меткость и скорость, не только акробатическая стрельба (иначе и не назовешь), но и слаженность оттачивается. Нет слов.

– Бури, ты мне нужен!

Кивок. Знак Заре: подойди.

Не подошла, подбежала. Правда, не к наставнику, а ко мне. Прыгнула с разбега на шею. Тяжеленькая. И такая... Ну просто нестерпимое желание ухватить и уволочь куда-нибудь в укромное местечко. Эх, нелегко быть ярлом!

– Видел? Видел, как я могу! Бури, скажи, что я молодец!

– Неплохо, – сдержанно похвалил мой стрелок-наставник. – Для женщины.

– Да ну...

Обиделась.

– Ты лучше всех! – Поцеловав, опускаю на землю. – И я очень рад, что ты женщина! Заберу ненадолго твоего наставника?

– Зачем?

– Пусть и меня немного поучит.

– А когда ты меня будешь учить? – напомнила Заря.

– Скоро. Бури, пойдём.

– Заря, ты старшая, – командует Бури напоследок, и девушка расцветает улыбкой.

– Что хотел? – спрашивает он, когда мы отходим достаточно далеко, чтобы нас не видели ни с пирса, ни с тренировочных площадок.

– Ты точно не можешь научить меня стрелять? – уточняю я на всякий случай.

Бури отрицательно качает головой:

– Так, как я – нет.

– Почему?

Мышцы у меня вроде развиты правильно. И из лука я стрелял еще в прошлой жизни. Более того, наблюдая за тем, как идет обучение того же Вихорька, я не вижу каких-то особенных трудностей. При должной практике.

– Сейчас поймешь, – говорит Бури, извлекая из ножен короткий меч и жестом предлагая мне извлечь Вдоводел.

Клинки соприкасаются. Я без труда контролирую меч Бури. По классу он существенно мне уступает. Я могу в любой момент перевести его оружие в любое удобное для меня положение и атаковать из любой позиции. Могу выбить его меч, причем так, что тот улетит в нужном мне направлении.

Бури тоже это знает. Но мне все равно любопытно, что он хочет показать.

– Ты владеешь моим оружием, – говорит Бури.

Так и есть. И что?

– Меч в моей руке, но владеешь им ты, – уточняет Бури, видя, что я с первого раза не въехал.

Ну да. Мне было четырнадцать, когда я впервые почувствовал кончик шпаги как продолжение собственной руки. Даже не руки – пальца. Причем очень чуткого пальца. Так что никакого откровения в словах Бури для меня

нет.

– Ты понял, – говорит Бури, убирая меч в ножны.

Я следую его примеру.

– Открой врата, – предлагает Бури. – Открой врата и остановись. А потом выйди.

Я берусь за рукоять...

– Не трогай! – запрещает Бури. – У тебя был никудышный учитель, – бурчит он. – Ему ешачий навоз собирать, а не учить такого, как ты.

Ешак, это надо думать – ишак. Слово «ишак» мне знакомо. Оттуда. Здесь я его раньше не слышал. Оно азербайджанское вроде^[15].

– Давай, чего ты ждешь? – командует Бури. И словно нехотя добавляет: – ...Ярл.

Я представляю, будто в моей руке шест, и начинаю движение...

Белый Волк сидит и смотрит на меня, наклонив лобастую голову. Просто сидит. Ну да, никого убивать не надо. И меня тоже никто не собирается разбирать на органы. Я просто танцую. Это классно! Это...

Тупая стрела бьет мне в ногу. Легкий тычок. Неопасный. Однако мы с Волком разворачиваемся к стрелку.

Это не враг. И он больше не стреляет. Стоит, подняв руки. В левой – лук. Правая – открытая ладонь, в центре которой что-то пульсирует. И вокруг стрелка тоже, но еле-еле. Это не тот огонь, каким пылают берсерки. Не свет, а так... подсветка.

Мысли свободно льются сквозь меня. Они не мои и похожи на бегущие светло-зеленые строчки. Только это не строчки, не буквы из слов, а сгустки образов.

Он скучный, этот стрелок. Похож на межевой столб, вроде тех, которыми на Сёлунде помечают границы владений.

Столб... Я вдруг вспоминаю и человека, и его просьбу. Остановиться.

Совсем не хочется. Двигаться – хорошо. Чудесно. Волшебное...

И все-таки я останавливаюсь.

Интереснейшее ощущение. Кажется, что мир вокруг мерцает. Словно картинка, которая каждую секунду гаснет и загорается снова. Только картинка объемная и, более того, наполняющая сразу все органы чувств: слух, обоняние, вкус... Я могу пить этот воздух. Я могу вдыхать разлитую вокруг радость... Я много чего могу. Я смотрю на воду и различаю десятки, если не сотни оттенков. Я чую смешанный с маслом запах железа, который идет от моей кольчуги, и знаю, что ее металл пахнет иначе, чем клинок Вдоводела. Чтобы убедиться в этом, мне не надо подносить меч к носу. Я просто знаю это и все. Если мое внимание падает на мотылька, мне не надо

ловить его, чтобы рассмотреть. Мне не надо к нему подходить. По трепету крыльев я знаю, когда он взлетит, могу предугадать, куда он полетит и когда сядет. И я знаю, почему это происходит. Я могу танцевать, меняя и прогибая мир под себя. А могу пребывать внутри него. В покое. И тогда мы дышим в такт и проникаем друг в друга. Вот, значит, он какой – мир моего Волка, если никуда не надо спешить. Мне кажется, что-то похожее я ощущал, опускаясь в зимнюю воду и замирая. Короткие мгновения, когда ты неподвижен, не дышишь, не мерзнешь. Невесомость и нереальность того, что там, за сверкающей пленкой водной поверхности.

Через мое сознание скользят воспоминания-образы, воспоминания-прикосновения к тому, что я испытываю сейчас. И они тоже меняются, потому что теперь я знаю, где их настоящая родина.

Волк улыбается. Он рад. Мы с ним теперь ближе.

Сколько это длилось, я не могу сказать, но точно дольше, чем обычно. А может, и нет. Время – очень относительная вещь.

Все закончилось, когда Бури пустил стрелу. Не в меня. Он стрелял через воду, вдаль, и я видел, как стрела ушла с тетивы, видел синеватый след ее траектории, причем не только там, где она пролетела, но и там, куда она летит. И знал, куда она попадет, раньше, чем ее острие воткнулось в центр соснового ствола двумя метрами выше земли.

Я не провожал ее взглядом. Я видел все одновременно: выстрел, полет, попадание. Мне даже показалось, что я услышал звук удара, хотя это было невозможно. Дистанция была никак не меньше двухсот метров.

Стрела пронзила сосновую кору, и я вернулся в обычный мир. Я понял, что хотел показать мне Бури, и я должен был сказать ему об этом.

Глава 33. Виги-Вихорек. Речные заводы

– Ладога – там! – Головной кормчий каравана Звяга махнул рукой в направлении берега.

Вихорек прищурился, заслонился ладонью от солнца. Так, берег озера, на берегу какое-то селение, за ним – гряда холмов, заросшая лесом.

– Шутишь? – строго спросил Вихорек.

Кормчий мотнул головой. Плечистый, приземистый, с широченной бородищей, заправленной за пояс, он был похож на выходца из Свартальфахейма^[16], Звяга тем не менее был не черным альвом, а обычным человеком, рожденным в граде Чернигове наложницей-лехиткой от отца-полянина и с малолетства ходившим по водным путям от свеев до ромеев.

В караване из семи судов, что шли сейчас по водам просторного озера, Звяга был если не главным, то самым авторитетным наверняка. Главный, гость торговый Прибыша Гвоздарь, куда более молодой и больше похожий на воина-викинга, чем на купца, не принимал ни одного решения, не посоветовавшись с кормчим.

– Там она, Ладога. За горами-лесами.

– И как мы туда попадем, старый? Перелетим? – подключился к разговору Ануд.

– Ты, может, и перелетишь, варяг, – ухмыльнулся Звяга. – А мы попростому. Ножками. – И притопнул босой, широкой, как медвежья лапа, ножищей с желтыми кривыми ногтями-когтями.

– Там волок, – догадался Вихорек. – Длинный?

– Приличный, – кивнул Звяга. – Саженой триста.

– Да еще вверх тянуть, – огорчился Ануд. – Дня три, если не больше, провозимся.

– За день управимся, – пообещал Звяга.

– Да ладно! – не поверил Ануд.

– Спорим!

Но варяг на подначку не поддался. Фыркнул и ушел на нос.

– Вот за что я не люблю варягов, так это за спесь, – по-нурмански проворчал Звяга. – Вот ты, Виги, – благородный дан, сын ярла, а не гнушаешься и спросить, и выслушать. А эти все знают и всем указывают.

Вихорек не стал уточнять, что благородным даном он стал не так давно, а сыном ярла – меньше месяца тому назад. Совсем ни к чему об этом знать купцам, которые приняли на борт его, Ануда и Глухаря.

Так и вышло. За день уложились. Селение на берегу волоком по большей части и жило. Волок тоже был хорош, однако все равно суда пришлось частично разгрузить: иначе быкам было бы трудновато поднять их на гребень песчаной гряды, заросшей сосновым лесом.

Ничего. Разгрузили и загрузили снова.

Помимо помощи на волоке сельчане предлагали ночлег и прокорм, припасы в дорогу, помощь во всяких плотницких, портняжных и кузнечных работах, а также ласковых холопок – согреть корабельщикам постели.

Однако четверым гостям: Вихорьку, Ануду, Глухарю и Прибыше платить за утехы не пришлось. Вихорьку так даже две достались. Причем обе – свободные. Как говаривал Скиди, самое манкое серебро для девки – кольчужное.

Ладожское озеро даже в этом озерном краю – великан среди прочих. И великан суровый. Разгулявшийся еще с ночи ветер поднял волну, и кораблики черниговские шли будто по морю. Не будь ветер попутным, пришлось бы пережидать. Пузатые торговые суда – не узкие хищные драккары с множеством лап-весел. А так хорошо шли. Вихорек и варяги разделись до пояса, по привычке укрыв бронь и оружие в кожаные мешки и упрятав в ящики. Пусть пресная вода не такая едучая, как соленая, и все, что должно быть смазано, смазано, а то и лаком покрыто, а все же лучше побережь. А дождик и ветерок свежий бодрят. Чай не осень нынче, время теплое.

Из-за дождя и волнения не сразу заметили вышедший наперехват драккар. Тот шел на веслах, с убранной мачтой, потому и прохлопали. Кинулись было к оружию, но Вихорек вовремя признал в воине, стоящем на борту в обнимку с носовым драконом, знакомца – Ульфхама Треску.

И моментально сообразил, что эти вряд ли будут грабить. А вот ему самому лучше остаться неузнанным. А следовательно, надевать бронь не стоит.

– Это ладожские нурманы, – крикнул он Прибыше. – Не думаю, что нападут.

Прибыша Гвоздарь, который в отличие от Вихорька и варягов доспеха не снял, сразу повеселел и сообщил, что у них, черниговских, с князем Гостомыслом дружба.

Драккар тем временем подошел уже на бросок копья. Гребцы на румах убрали весла, и корабль теперь скользил мимо первого из черниговских судов, направляемый умелой рукой нурманского кормчего. Цепкий взгляд

Ульфхама Трески скользил по сгрудившимся у борта людям, на всякий случай взявшим в руки оружие и готовым встретить нападение.

Вихорек увидел, что Ульфхам усмехается. Вся команда черниговского кораблика нурманам – на один зуб. Ну, на два, если Вихорек с варягами присоединятся к драке.

Наклонив голову, исподлобья, Вихорек разглядывал воев на румах. Незнакомых было больше, чем знакомых. И уже ясно было, что Ульфхам его не признал. Не стал присматриваться к полуголому парню позади оружных. Решил: холоп или вроде того.

Драккар миновал судно, прошел мимо других и исчез в пелене дождя. Обошлось.

О том, куда и зачем ему предстоит отправиться, Вихорьку сообщил отец две седмицы тому назад. Сразу после того, как ушли к морю очередные купцы – лодейщики из Плескова.

Они-то и рассказали, где теперь держит знамена Ольбард Синеус.

Глава 34. Кое-что о становлении Руси

Очень вовремя они появились. Я как раз размышлял о том, чтобы сформулировать задачу сыну: «Пойди туда, не знаю, куда...» – а тут как раз храбрые плесковские торговцы.

Причем действительно храбрые. На таком судне даже по Ладоге ходить страшно, не говоря уж о Балтике. Типичное речное корыто с надставленными бортами и немного укрепленным килем. Молодые дерзкие парни решили рискнуть: взяли кредит у соседа побогаче, но вложили его не в пушную заимку, а в чистую авантюру. Знал бы кредитор, наверняка пересмотрел бы условия займа. А скорее всего послал бы их куда подальше. В общем, доработали пацаны уже имевшуюся посудину, нагрузили воском и отправились в дальний поход, из которого, скорее всего не вернутся. Но если вернутся – станут богачами. Безумству храбрых, как говорится... И не только песню.

Парням повезло. Воск у них купил я. По демпинговым, можно сказать, ценам. Раз внадцать дешевле, чем этот продукт стоил в христианской Европе. Но я его не для перепродажи взял, а на личные нужды. Полезный материал. И не только для того, чтобы свечи из него мастерить. Заплатил за товар натурой: оружием и бронькой, которая поплоче. С еще большим удовольствием я бы сплавил плесковцам железные крицы, но совесть не позволила. Потопнет их корыто под такой тяжестью.

В общем, счастье есть. И плесковская молодежь стала тому примером. Я принес счастье им, а они – мне, ведь именно эти безумцы и сообщили мне, что Ольбарт ныне правит Изборцем, крепостью и городком неподалеку от Плескова.

Крепость эту ставил Гостомысл для своего сына. Место удобное: и Плесков из нее можно контролировать, и даже Полоцк. Но сын помер, и помер давно, контроль ослаб, и в результате для усмирения Плескова в свое время понадобилось привлечь Хрёрека с дружиной, в те времена еще не соправителя ладожского, а свободного ярла. В этой акции я тоже поучаствовал еще в самом начале моего пребывания в этом интересном мире. Хрёрек-Рюрик Плесков под покровительство Гостомысла вернул и попутно обчистил. А заодно увел оттуда толпу молодежи, которую потом продал прибалтам. Случилось это сравнительно недавно, так что «любовь» к Рюрику в душах плесковцев остыть не успела.

А вот к Ольбарду, пусть он тоже поучаствовал в том знаменательном

событии, плесковцы отнеслись вполне позитивно. Особенно когда узнали, что он от Рюрика ушел и теперь типа самостоятельный вождь. Насколько я мог понять из рассказа молодых авантюристов, формально Ольбард держал только Изборец вместе с десятком-другим сел и хуторов, но плесковцы моментально сориентировались и занесли варяжскому вождю приличный бакшиш.

Очень правильное решение. Дружина у Ольбарда неслабая, и одному Изборцу ее точно не прокормить. Так что лучше преподнести подарок доброму соседу, чем попозже платить выкуп грозному оккупанту.

Ну да проблемы плесковских данников меня в настоящий момент не интересуют. Мне важно узнать, где нынче базируется потенциальный покупатель большого драккара и возможный (хочется надеяться) сильный союзник.

Я узнал. И мог теперь правильно поставить задачу Вихорьку.

По правде говоря, мне не очень хотелось отправлять его старшим, но Свартхёвди убедил. Мол, пора орленку вставать на самостоятельное крыло. Тем более что по-словенски он болтает не хуже варягов, так что вполне может косить именно под варяга, а не выглядеть ненавистным, чужим в здешних землях нурманом. Да и отправятся вместе с ним коренные варяги: Ануд и Глухарь. Справятся. Должны справиться. По здешним понятиям, такая тройка – изрядная сила. Любые разбойники зубки обломают, а с серьезными противниками им вряд ли придется схлестнуться. А если попадутся такие, с кем не совладают мои пацаны, тогда и полного десятка будет мало.

Впрочем, добраться до Изборца – цель предварительная. А главная – правильно построить общение с Ольбардом. И вот тут уже задача моя: загрузить в сына базовые основы дружеской дипломатии. Эх, самому бы сгонять, но нельзя. Я теперь типа ярл. Власть и закон. И перевесить это управленческое бремя не на кого. Медвежонок откажется, а кому другому – доверия нет. Это ж не просто мыто собирать с проходящих. Надо у местного населения авторитет укреплять, суд править, внутренние проблемы разруливать, вообще, следить, чтобы все вертелось-крутилось в нужную сторону.

Я, однако, колебался. Страшновато все-таки отправлять пусть и приемного, но сына в такой путь без поддержки. Он толковый, Виги-Вихорек, но уж больно лихой. Чтоб не сказать – безбашенный. А чего еще ждать от парня, к воспитанию которого приложил руку мой братец-берсерк?

В общем, я терзался сомнениями...

До тех пор, пока в залив не вошел целый купеческий караван. Да с портом приписки не где-нибудь, а в стольном граде Чернигове.

Чернигов! Как интересно! А ну подать сюда ихнего главнюка, бочонок пива и Медвежонка. Будем общаться.

С лидером-торговцем, сравнительно молодым парнем, прикинутым на уровне дружинного десятника и со схожей повадкой, пришел забавнейший персонаж. Вылитый гном-переросток. Гном представился Звягой. И сразу, как и положено гному, принялся наливать халявным пивом. А вот лидер разговор охотно поддержал. Носил он говорящее имя Прибыша. Прибыша Гвоздарь, если полным титулом. Парень молодой, общительный, да и лестно ему было, что целый нурманский ярл разговаривает с ним, почитай, на равных.

Так я кое-что узнал о южной части будущей великой Руси.

Рулили там два города: Киев и Чернигов. Один с одной стороны Днепра, другой, соответственно, с другой. Днепр был осью их жизнедеятельности. Рулили, впрочем, это громко сказано. Большая часть окрестностей жила сама по себе, повинаясь мелким князькам, родо-племенным вождям и кругу старейшин. Чисто формально оба города находились как бы под протекторатом Хузарского каганата и даже платили им дань. Правда, редко, неаккуратно и не просто так, а за право свободного перемещения по Приднепровью и, буде возникает необходимость, по окрестностям Азовского моря. Там, в Приазовье, стоит некая крепость Шаркел^[17], недавно построенная ромеями для хузар. И в ней теперь базируются подданные Великого хакана, которые более или менее успешно контролируют степи и пытаются гонять посторонних кочевников: угров, торков и печенегов. Последние появились в южных степях сравнительно недавно, но в изрядном количестве и немедленно создали большие проблемы хузарскому контролю над днепровской водной трассой. Посему у киевской и черниговской элиты назрел вопрос: а на фига нам при таком раскладе платить хузарам за «крышу»? Дело было лишь в одном: кто возглавит освободительную миссию? Желающих пообщаться на эту тему с хаканом хузарским пока не наблюдалось.

Молодец Прибыша излагал политический расклад весьма хаотично, но я слушал очень внимательно. Слова «Киевская Русь» для меня не пустой звук. Руси как таковой я покуда не вижу, но раз имеется Киев, значит, все еще впереди. И я не прочь принять в процессе становления посильное участие.

Хотя это дело будущего. Сейчас важнее то, что черниговские торговые гости намеревались пройти сравнительно недалеко от городка Полоцка. А там где-то рядом располагался и Изборец, в котором как раз и обитает Ольбард Синеус. Что, в свою очередь, делало черниговский караван прекрасным кандидатом для сопровождения миссии Вихорька.

Договорились легко. От трех бесплатных воинов купцы отказываться не стали. Даже взяли кормить за свой счет. Я познакомил Прибышу с сыном. Парни друг другу понравились. Тоже неплохо. А вот варягов черниговские торговые гости почему-то недолюбливали. Странно. Обычно негатив шел как раз в сторону нурманов. Ну да я вникать в межплеменные распри не стал. Вихорек – главный. Ануд с Глухарем – с ним. У моего сына хватит ума и авторитета пресечь возможные конфликты.

– А я бы и сам с ними сходил, поглядел, – сказал мне Свартхёвди после.

– К Ольбарду?

– Нет. До конца.

Викингская чуйка нашептала моему побратиму, что там, на юге, для сильных парней с острым железом открываются нынче неплохие перспективы. Места богатые, а вот власти настоящей пока нет. То есть одна вроде уходит, а другая... пока не определилась. Самое время взять ситуацию под контроль. Вернее, под щит.

Я охладил пыл Медвежонка, напомнив о наших скромных ресурсах. Медвежонок напомнил мне, что за нами как-никак целый конунг Рагнар. Будь у нас сотни три викингов, мы бы вполне могли...

– Не они у нас, а мы – у них, – возразил я брату. – Вспомни поход на франков.

Задумался. Вспомнил, как там, во Франции, Рагнар и сыновья гребли под себя все самое вкусное, оставляя прочим жалкие объедки. Смысл, в общем, понятен. Подкинь тему Рангару – и он ее схавает сам. А нам достанется какая-нибудь мелочь. Неинтересно.

– Тогда нам нужны еще люди, – сделал логичный вывод брательник. – Славные воины. Жаль, в Сёлунде таких найти будет трудно.

Естественно. Когда выбираешь между хирдами Рагнара и его сыночков, то как-то не в жилу идти под руку какого-то сомнительного вождя вроде меня. Однако даны – это хорошо. Хотя бы потому, что Дания существенно дальше отсюда, чем Швеция. Да и Норвегия тоже.

Нет, рановато я губу раскатал. Какой там Киев с Черниговом! Мне бы

здесь, на кирьяльско-карельской земле, удержаться. И для этого мне кровь из носа нужен Ольбарт. И варяги. Если варяжское племя в целом будет за меня, то Рюрику останется только у пьяной обезьяны... В общем, вступить с ней в интимный оральный контакт, потому что плющить задрожившегося с варягами меня ему больше не удастся.

В общем, выпили мы напоследок пивасика за удачу миссии моего приемного сына и отправились на боковую. Я – к лапушке Заре, а Свартхёвди – к вдовушке кого-то из свейских неудачников.

Жизнь продолжается...

Глава 35. Виги-Вихорек. Разбойники

Но продолжалась жизнь не у всех.

На караван Прибыши налетели внезапно и поначалу очень толково. Выбили караульных и принялись резать тех, кто ночевал на берегу. Одновременно, уже с лодок, закидали градом стрел палубы ближайших судов. И наконец со страшными воплями на первый и ближайший к берегу кораблик накинута абордажная команда...

И тут нападавших встретил жесткий и болезненный облом.

Спать в железе не принято. Потому что неудобно. На плавании оружие обычно сдают на хранение. Складывают в особые ящики, где ценные металлические вещи защищены от тлетворного влияния влаги.

Однако ни Вихорек, ни варяги свое военное имущество никуда и никому не сдавали. В кольчугах-шлемах не спали, это да. Но все – поблизости. И спали они не на берегу, как некоторые, а на палубе. Так привычней, да и комаров вроде поменьше. А что прохладней, чем у костра, так это только приятней. Лето, чай.

Проснулись все трое от вскрика подстреленного часового. И первым делом откатились поближе к высокому борту. Потому что ясно, что сейчас будет.

И не ошиблись. Почти сразу же из темноты посыпались стрелы. Кто-то ойкнул, кто-то захрипел. А на берегу с воплями разбежались заночевавшие на суше караванчики. Там тоже сыпались стрелы, но пореже. Нападающие нацелились на корабли. И на то, что у них в трюмах и на палубах.

Начали с ближайшего, что было логично, но опрометчиво. Потому что именно на нем оказался весь цвет охранной купеческой дружины. И еще Вихорек со товарищи. И эти – уже в броне, потому что воину облачиться недолго. Особенно если драка вот-вот начнется.

Бой на палубе – особый. Тут правильный строй вдруг не соберешь и единым ударом хирд вперед не двинешь. Тут уметь надо. Вихорек с варягами хоть и молодые, но умели. Как спали тройкой, как тройкой прятались, так тройкой же встали и пошли. От кормы, на которой ночевали, вдоль ближайшего к берегу борта – к середке судна. И попутно сбрасывали в реку всех, кто лез из воды на палубу.

Положение у Вихорька с варягами было выигрышное. Борты торговых корабликов, даже основательно загруженных, – высоко над водой. Куда

выше лодочек, на которых подвалили к бортам нападавшие. Викинги при подобной абордажной атаке забрасывают на борта крючья и бородатые секиры, потом подтягиваются – и пошла потеха.

Эти поступили иначе. Один вставал на ноги, цепляясь за борт осаждаемого корабля, другой лез по первому, как по лестнице, а остальные тем временем шестами старались удержать лодочку на месте. Что тоже дело непростое. Хотя тут главное – забраться первому, закрепить за что-нибудь веревку, а дальше – совсем просто. Теоретически. А на практике – лодка раскачивается, норовит черпнуть воду и совсем не намерена держаться на одном месте. А если она отойдет от корабельного борта хотя бы на полметра, то верхний боец закономерно с воплем падает в воду. Ну, или без вопля. Есть, правда, два места более удобных: у якорных канатов. Там удержать лодку проще.

У одного из таких мест и расположился Вихорек. На носу. Сам Вихорек – непосредственно у каната, Ануд – у левого борта, Глухарь – рядом с Вихорьком. Это потому, что Глухаря Глухарем не просто так зовут: одно ухо у него плоховато слышит. Оттого на слух ему в темноте ориентироваться труднее.

Вихорек знал, что у корабельного носа болтаются аж три лодки. Подальше – еще штук десять. Там – стрелки. Но эти пока не стреляют. Темно. Факелы, которые нападающие кидали на палубу, уже давно в реке. Там же и большинство тех, кто успел во время первой неожиданной атаки вскарабкаться на борт.

Атака захлебнулась. Но нападающие не отчаивались. Орали снизу что-то оскорбительное. Корабельщики отбрехивались.

Вихорек скучал. Лодки внизу. Железом не дотянуться. За луком сходить? Лодки – смутные пятна в темноте. Больше угадываются, чем видятся. Вихорек мог бы и на слух пострелять, но жаль стрелы тратить.

Тут ему пришла в голову интересная мысль.

– Прибыша! – позвал он. – Веревка нужна, – сообщил он главному караванщику. – Сажени три. И двоих мужей поздоровее.

– Чего придумал? – оживился Прибыша, которому и ночное бессмысленное стояние надоело, и опасение есть, что пока они тут переругиваются с одними врагами, другие уже подбираются к остальным судам, на которых бойцов – раз-два и обчелся.

Вихорек объяснил.

Прибыша еще больше оживился:

– Я тоже хочу!

– В темноте драться обучен? – интересуется Вихорек.

– Да я везде...

– Значит, не обучен, – сделал вывод Вихорек. – Не бойсь, я управлюсь.

Он уверен. Сколько там смердов может быть? Ну полдюжины, ну десяток. Отец, вон, в одиночку, почитай, целый корабль захватил. А там воины были. И среди воинов – Бури. А тут смерды в лодке.

– Надо бы кораблики вместе собрать! – Это Звяга подошел. – Я скомандую?

– Не надо.

Вопрос был задан Прибыше, но ответил Вихорек.

– Думаю, остальные затихарились, и эти их не разглядели, – пояснил он мысль. – Иначе давно бы уже попробовали. А сдвинутся – себя обнаружат.

– Разумно, – после паузы уважительно согласился Звяга. – А вы чего тут удумали, молодые?

Вихорек рассказал.

– Рисковый ты, – с сомнением проговорил Звяга.

– Ага, – с удовольствием признал Вихорек. – Но не сегодня. Так есть веревка и пара здоровяков? Я б своих взял, но им силенок не хватит меня быстро выдернуть. Я ж в броне да с мечами пудов на пять тяну.

– Сам встану, – сказал Звяга. – Я, вой, мешок в шесть с четвертью пудов разом на спину закидываю.

– И я помогу! – присоединился Прибыша, которому тоже интересно, что выйдет из придумки Вихорька.

Веревка нашлась быстро. На себе ее Вихорек укрепил сам. В три конца: один – к поясу, два – к плечевым ремням.

Ну, повеселимся.

– Когда крикну: «Давай!» – вытягивайте, – говорит Вихорек, взбирается на борт, некоторое время стоит, удерживая равновесие и высматривая лодки. Самих лодок не видно. Вихорек не столько присматривается, сколько прислушивается. Он умеет биться по звукам, по запаху...

Ему сверху не видно, зато он сам на фоне мутноватого неба заметен. Щелкает тетива. Рядом шипит стрела.

«Вот косорукие», – думает Вихорек, отталкивается и прыгает в темноту.

Нет, слух не обманывает. Больше того, в миг перед приземлением он видит светлое пятно – чью-то рубаху.

Под одной ногой – пустота, зато под второй – живое человеческое тело в чем-то мягком, вроде поддевки под доспех.

Вопль. Опора, чужое плечо, уходит из-под ноги, но это уже не важно, потому что Вихорек мягко прыгивает на дно лодки. Обхватывает ближайшего врага и разворачивает так, чтобы самому оказаться спиной к борту. Лодка раскачивается. Люди орут. Все разом. И очень кстати, потому что теперь Вихорек знает, кто где и сколько их. В лодке народу – около десятка. И уже на одного противника меньше, потому что тот, на кого Вихорек прыгнул, не орет, а верещит от боли. Что-то ему Вихорек повредил – и серьезно.

Тот же, кого схватил Вихорек, оказывается достаточно ловким, чтобы извернуться и попытаться ударить. Причем сверху, потому что выше ростом. И головой – потому что дурак. На Вихорьке – шлем. Железный. Его-то Вихорек и подставляет под дурную голову. Затем – бросок через бедро. Враг летит в воду, а Вихорек, выигравший нужное мгновение, выхватывает из ножен клинки.

Всё заканчивается до обидного быстро. Враги бестолковы, как перепуганные овцы в загоне. Они орут, мечутся...

И умирают, потому что лодка – не корабль и убегать, прятаться некуда.

– Эй, что там у нас? – кричит кто-то из темноты.

– Помогите! – очень вовремя вопит какой-то трус.

Вторая лодка ударяет бортом о борт как раз, когда Вихорек расправляется с последним противником. Теперь в лодке только раненые и мертвые. Раненые кричат. Это мешает слушать темноту. Но не мешает перепрыгнуть на соседнюю лодку, когда та оказывается рядом.

Первый удар, рубящий сверзу, скрежещет по металлу. Голова противника защищена. Второй приходится по дереву. Щит! Но враг медлит с атакой, Вихорек хлещет клинком понизу и на этот раз попадает куда надо. Враг вопит и начинает заваливаться. Мах вправо – кого-то достал! Укол влево, в светлое. Вопль!

Вихорек тоже смещается влево. Лица врагов – светлые пятна. Их одежда тоже в большинстве светлая. А вот у Вихорька лицо и доспех вымазаны смешанной с воском сажей, так что в темноте видны лишь его взблескивающие клинки. Но они слишком быстрые, чтобы заметить и ответить.

Во второй лодке трое успели взять щиты. Не помогло.

Вихорек чувствует себя невидимкой. Быстрым и смертоносным. Те, кого он бьет, не могут осознать, кто их убивает, не то что дать отпор.

Однажды Вихорька даже сбивают с ног. Опрокинули на палубу, наступили пару раз. И все. Он тут же вскакивает и продолжает убивать.

А перепуганные дурни даже не понимают, откуда прилетел

смертельный удар. Из воющей, визжащей, орущей темноты выскакивает неширокая полоска клинка, затем – ощущение обжигающего холода внутри – и конец.

На остальных лодках сообразили: происходит нехорошее. Первый факел не долетел, упал в воду. Второй бросили уже на корабль.

Глухарь перехватил его левой рукой – на свою беду. Сразу с десятка стрел упало на него. И одна из них угодила парню в щеку, вторая – под мышку. Обычный охотничий срез, но попал неудачно. Прошел между ребер. Насмерть.

Вихорек не видел, что произошло на корабле. Но света хватило, чтобы оценить общую картину: лодок вокруг – десятка два, в каждой – где-то с десятка людей. И ближайšie – саженьях в пятнадцати.

Факел, пойманный Глухарем, упал в воду. На некоторое время наступила темнота.

– Давай! – закричал Вихорек, обхватывая ногами лодочную скамью.

Веревка натянулась, Вихорька потащило к кораблю. Вместе с лодкой, полной порубленных разбойников. Пара факелов, одновременно прочертивших темноту, канули в воду там, где только что был Вихорек.

Лодка ударилась о борт, Вихорек отцепился от скамьи и через пару мгновений уже переваливался через борт.

Первое движение к Глухарю...

Мертв.

И тут Вихорька накрыло...

– ...Ты был будто дядька Свартхёвди, – Ануд принял у Вихорька кувшин с медовым настоем. Жидкости в кувшине осталось – на три глотка, не больше. – Никого не слышал, только скалился и стрелы метал. И каждая – в цель. Одну за другой, одну за другой... Когда твой тул опустел, начал брать из того, что на Глухаре был. Эти поначалу тоже в тебя стрелять пытались, да не попали ни разу. А ты попадал, хоть и в темноту бил. Слышно было, как попадал, – уточнил Ануд. – Как ты угадывал, Виги?

Вихорек пожал плечами. Движение отдалось болью. Мышцы задубели, будто от очень тяжелой работы. Хотя так оно и было, наверное. Стрелы метать нелегко.

– Как стрелы кончились, ты на палубу сел, – рассказывал дальше Ануд. – А потом на бок повалился. Мы тогда тебя разоблачили и сюда принесли. А как рассвело немного, поглядели, что ты сотворил... Звяга сказал: «Сколько живу, такого не видел». Там пять лодок на воде осталось –

с мертвецами да недобитками. И это еще не все, потому что кого-то унесли те, что до берега дошли. А там еще три лодки брошенные. И крови много.

– Значит, кто-то ушел, – сказал Вихорек, скинул одеяло и осторожно сел. Оперся спиной на борт. Из одежды на Вихорьке ничего, кроме исподних портков.

– Где мое оружие?

– Всё в целости, – успокоил Ануд. – Бронька только поцарапана малость. Ее уже оттерли от сажи и крови, смазали по новой. И стрелы вырезали, какие нашли. Много нашли. И как ты так бил метко... – Ануд удивленно покачал головой. – Темень же была кромешная.

Вихорек промолчал. Он и сам не знал как. Он не думал и не выцеливал. Само получалось. Эх, Глухарь...

Вихорьку тяжело это давалось: терять своих. Вспомнился погибший недавно Траусти-Домаслав...

Вихорек искоса глянул на Ануда: вдруг его тоже убьют?

А варяг, который, понятно, не слышал его мыслей, продолжал говорить:

– ...Припасы нам приготовили. И лодку покрепче. Мы на ней дальше пойдем. Прибыша сказал, они нас и до самого Изборца доставить могут. Долг на них. Без нас сгибли бы. Я отказался. Это кружным путем получится. А коротким лодьи не пройдут. Так что мы на лодке сначала, а потом – пехом. Нам же поторапливаться надо, так?

– Так, – подтвердил Вихорек. – А где одежда моя?

– А постирали. Уже и просохло. Сейчас принесут.

– Просохли уже? – удивился Вихорек.

Судя по солнцу, еще и полудня нет. Когда успели?

– Так ты, брат, больше суток в беспмятстве пролежал, – сообщил варяг. – Видать, здорово притомился. Шутка ли: тридцать девять ворогов одними только стрелами побил. И еще шестнадцать – клинками. Ну это вместе с недобитками. Целую дружину – один! – Ануд вздохнул. Восхищенно.

– Это не дружинники, – пробормотал Вихорек, удивленный числом убитых стрелами. Нет, как он рубил ворогов на лодках, помнилось, а потом – ничего. – Ублюдки скудоумные. Всех бы их за Глухаря вырезать надо. Что за племя?

– Не ведаю. Звяга с пленными говорил. Я этого языка не знаю.

– Значит, пленные есть? – оживился Вихорек.

– Ага. Четверо. Для тризны хватит. Сам Глухаря проводишь или мне?

– Когда? – уточнил Вихорек.

– Сегодня на закате. Встанем и попируем. Проводим по-нашему. Прибыша сказал, пир он устроит.

Вихорек покрутил головой. Шея двигалась плохо. И слабость в теле была... нехорошая. Убивать больше тоже не хотелось. Больше полусотни...

– Неуклюжие скудоумцы, – выругался он на языке данов. – Убей их сам, Ануд, – сказал он. – Я устал.

– Благодарю, – в достоинством наклонил голову варяг. – Еще пленные сказали, навели их на нас. – Те, с последнего волока. За долю в добыче. Сказали, воев при караване – с большой десяток, а товаров – полные трюмы. Прибыша сказал, вернуться и наказать, а Звяга сказал, не надо. Мол, эти, кто выжил, сами с наводчиков спросят.

– За что? – удивился Вихорек. – Они не соврали. Десяток и есть. Да еще мы с тобой. И Глухарь еще... был. Остальные... Эти, черниговские, совсем драться не умеют. Счастье, что разбойники еще бестолковой оказались. Угроздило же Глухаря так оплошать!

– В Ирии ему хорошо будет, – без особой уверенности проговорил Ануд. – Ты, Виги, за два дня оправишься? А то если нам к Изборцу идти... Грести я и сам могу, а вот дальше – посуху. И на конях не выйдет. Чащоба там. И болота. Я сам так напрямик не ходил, но слышал, что говорили.

– Ты дорогу-то сыщешь? – засомневался Вихорек.

– Уж не сомневайся! – Ануд сжал Вихорьку предплечье. – Я по лесу – как вы на море. Моя это дорога.

Глава 36. Предел возможностей

Итак, я наконец-то сумел провести полноценный научный эксперимент. И все благодаря тому, что в состоянии «открытия врат» я теперь могу притормаживать и даже давить условные рефлексy. Например, остановиться у березки и свалить ее одиннадцатью ударами топора, нанесенными в одно и то же место. Еще я могу не отражать удар. Хотя на это требуется уже изрядная сила воли: стоять неподвижно, когда в тебя летит стрела и ты прекрасно видишь, что она не пройдет мимо. Интеллект – это круто. Дает возможность поставить правильную задачу, которая позволит мне проанализировать собственные возможности. Приятно, что я такой умный. Но это не особо утешило, когда я оценил результаты эксперимента. И пришел к выводу, что до настоящего берсерка мне как хомячку до носорога. Ни сверхсилы, ни сверхскорости у меня не открывалось. И уж точно не активировался «режим бога», который я неоднократно наблюдал у берсерков с ульфхеднарами. Это когда они продолжали резвиться как ни в чем не бывало после ударов, способных развалить бедро до кости или выпустить кишки у простого смертного. После удара, вскрывающего ребра среднего бойца, на берсерочьей тушке оставался жалкий синяк. Максимум – неглубокий порез, даже не кровоточащий. Ничего сокрушительного для здоровья.

Так вот: оказалось, что у меня – не так. Моя плоть не становится «деревянной», и никакой «железной» или «алмазной рубашки» мастеров кун-фу «танцы с волками» мне не дают. Стрела Бури, сознательно пропущенная мной, оставила на боку точно такой же след, какой был бы, двигайся я в обычном режиме.

Со скоростью – чуть лучше. Но именно что чуть. Прибавка была, но, судя по количеству ударов, которые я успевал наносить за единицу времени, на четверть, не более. Четверть, понятно, это тоже ого-го как много, но у Медвежонка, по моим прикидкам, скоростной прирост был раза в два.

Так что я пришел к выводу, что мое ускорение – оно не «волшебное», а скорее адреналиновое.

Адреналин – это да. Имеет место. Ну или еще какой-то там гормон. Отсюда и эйфория недетская. Энергетический прилив, хорошо знакомый мне по спортивному прошлому. Ну, может, чуток посильнее, но в целом – ничего сверхъестественного. Никаких чудес и божественных вмешательств.

Все в рамках возможностей человеческого организма. Это – если о силе и скорости.

Однако сверхобычная фишка в моем особом состоянии все же имелаась. И ее я тоже сумел прикинуть. То есть я понятия не имел о том, как и почему это происходит, но оценить результат – вполне. Это была не сила, а точность. Ну, можно ее так назвать. И еще предвидение. В принципе, ничего нового в предвидении и предугадывании возможных действий противника для меня не было. Без этого невозможно стать даже приличным рукопашником, не говоря уже о мастере фехтования. Но тут количество определенно перешло в качество. Я не просто предугадывал. Я видел всю картину будущего боя, будущего мира. Я видел, откуда и куда ударит вражеское оружие, раньше, чем оказывался в поле зрения врага. Я точно знал, куда попадет стрела, стоило ей сорваться с тетивы. Я заранее знал, насколько прогнется доска, когда я на нее прыгну, и как мне воспользоваться ее упругостью. Я не двигался быстрее, я быстрее думал. Если только этот процесс можно назвать думаньем, потому что никаких мыслей у меня не возникало. Я – ловкий парень. И с акробатикой у меня тоже все хорошо. По плавающим бревнам я могу скакать и в обычном состоянии. Правда, это требует от меня предельного сосредоточения и вероятность свалиться весьма велика. А вот в состоянии танца – никакого напряжения. И упасть в воду тоже невозможно. Я точно знал, на какое бревно прыгать, как оттолкнуться... И вообще, весь набор прыжков целиком. Если опора реагировала как-то не так, например, палка не гнулась, а ломалась, это не приводило к падению. Я заранее чувствовал, что она сломается. Я ощущал подошвой предел ее упругости и просто включал его в общий рисунок.

Бывали, конечно, и неразрешимые ситуации. Когда не уйти. Не увернуться. Благодаря Бури, который ухитрялся создать мне такую «плотность обстрела», что какая-то часть стрел все равно должна была пересечь траекторию моего движения, и я «получал свое», то есть тупой стрелой по тушке.

Но Бури приходилось очень стараться. И получалось у него только тогда, когда у меня была сильно ограничена свобода маневра и не было возможности отбить стрелу клинком. Опять-таки, это был Бури, «входивший» во время стрельбы в свои собственные «врата», а не обычный стрелок. Но даже обычной палкой на дистанции в сорок шагов я отбивал шесть стрел из шести.

Правда, это были учебные стрелы, и лук Бури натягивал не в полную силу. Когда же он метал настоящую убойную стрелу, которая летела прямо

в меня, увидеть ее я не успевал.

Но все равно знал, что в меня она не попадет. Пройдет справа, слева, в трех сантиметрах над головой... Наверное, я бы увернулся, если бы Бури бил прямо в меня, но бить на поражение отказался уже сам Бури, и я не настаивал. На короткой дистанции кольчуга уже не спасает. От такого стрелка.

И еще я как будто видел все вокруг. Не боковым зрением (это обычно), а как будто на затылке у меня появлялся еще один глаз и шлем ему не мешал, что характерно. Я видел, слышал, обонял все обозримое пространство. В сочетании с предвидением общей картинки боя это было очень эффективно. Я слышал о всяких шаолиньских штучках вроде той, когда ты прыгаешь с пенька на пенек, а в тебя со всех шести сторон летят острые предметы. Думаю, мы с моим Волком допрыгали бы до конца той дистанции, если это в принципе возможно.

В общем, я сначала расстроился, а потом задумался... И в итоге решил, что мой вариант «супермена» даже интереснее, чем берсеркерство. Хотя бы потому, что у меня нет отката. То есть да, я могу выложиться по полной – и тогда меня выкинет в обычный мир чертовски усталым. Но могу ведь и не выкладываться. И тогда буду вполне способен держать «врата» открытыми столько, сколько требуется.

А потом мне пришла в голову мысль, что такие способности могут пригодиться не только во время боя. Вообще всегда, но...

– Не делай этого, господин, – сказал мне Бури, когда я решил с ним посоветоваться. – Мне будет жаль тебя потерять.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился я.

– То, что сказал. Ты умрешь.

Глава 37. В которой Виги-Вихорек попадает в плен

Ануд не преувеличил. Он и впрямь ходил по лесу, как викинг – по морю. Здешний лес был совсем не такой, как на землях франков. И не такой, как на Сёлунде. Из этих деревьев строить корабли было бы непросто, хотя дубов и здесь хватало. Даже на болотах росли.

Вот болот было действительно много. Хорошо, что к концу лета они подсохли. Так что идти было легко. И еды хватало. Искать не приходилось: бегала и плавала прямо по пути. Иногда попадались хутора и даже небольшие селения. Там они отдыхали недолго, разживались зерном, молоком, овощами. Расплачивались щедро, хотя могли бы даром взять. Но что для воина серебряная чешуйка-монетка? Ничто. А для таких вот лесовиков – целое богатство. Новый нож или даже топорик.

Так, то бегом, то шагом добрались почти до цели.

Однако ночью заявляться в гости к Ольбарду сочли неправильным. Остановились на том же озере, но на другом берегу. Ночевали в доме местного старосты. Ну как старосты: пять домов с селении, все – родовичи-кривичи. А он, староста, в роду главный. Договорились с ним, что завтра с утра их через озеро перевезут прямо к городу. Поели, помылись да спать легли. И не в одиночестве. Хозяин дочку подсунул. Одну на двоих, правда, но делить не стали. Ануд уступил Вихорьку как старшему. И не прогадал, кстати. Как стемнело, к нему под бочок тоже баба сунулась. Как потом оказалось, младшая жена старосты.

А пока гости с его родней миловались, староста-хитрец на другую сторону озера переплыл и...

В общем, рассвет Вихорек с Анудом встретили тоже не в одиночестве.

Вихорек проснулся – будто почуял. Вскочил, откинул дверной полог... И увидел две лодки, проворно скользящие по ровной, подернутой туманом глади. И в каждой лодке – люди с оружием.

Как позже выяснилось, староста гостей накормил, спать уложил, выждал до первых петухов и поспешил в город с недоброй вестью: нурманы в его село пришли. Почему нурманы, если говорили они по-словенски и имен не называли? Так это ж понятно: вышивка на одежде чужая, и украшения. Да и выговор у старшего, Вихорька то есть, чисто

нурманский. Вдобавок у кого еще могут быть такие замечательные брони?

– Ануд... – негромко позвал Вихорек. – Проснись. У нас интересные гости.

– Я – хускарл Ольбарда-ярла, хозяина здешних земель!

Коренастый воин в броне из нашитых на кожу плоских колец выкрикнул это на языке викингов.

Его меч оставался в ножнах. Надо думать, он знал, что гостей только двое, а вот с ним – целый большой десяток дружинников. Половина – с луками наготове, а двое – рядом со щитами. Бдят. Коварство нурманов всем известно, так что если из дверного проема вылетит копье или стрела, они сумеют прикрыть своего старшего.

– Я приказываю: выходите!

– Уже выходим! – тоже по-нурмански крикнул Вихорек и откинул дверную завесу.

Руки он держал перед собой, на виду, ладонями вперед.

– Не кричи так, – уже по-словенски продолжил он. – Я на этом берегу озера, а не на том. Кто ты? Назовись.

Показное миролюбие нурмана немного успокоило дружинника. А вот его бронь и оружие, напротив, насторожили. Такая бронь не у всякого князя имеется. А нурман – молодой совсем. Наличие шлема оканчивалось выше рта, и было видно, что даже усов у нурмана пока что не выросло.

Держится уверенно, по-словенски говорит свободно... Однако прав староста: выговор точно нурманский.

– К таким, как ты, меня не зовут, сам прихожу, – проворчал дружинник. – Второй где?

Второй молча шагнул вперед, встал рядом с товарищем.

– Кто такие?

– Кто такие?

– Гости мы, – спокойно ответил Вихорек. – К вождю твоему Ольбарду.

– Зачем?

– Ты не понял? – Вихорек добавил железа в голос. – Я сказал: к Ольбарду. А ты на него похож не больше, чем барсук на медведя.

– Эй, ты что такой дерзкий? – подал голос кто-то из дружинников, опередив командира.

Вихорек промолчал, только усмехнулся.

Десятник нахмурился. Дружинник свои слова прямо у него с языка снял. И, надо отметить, удачно получилось. Удержал его самого от поспешности.

Чем больше гридень смотрел на молодого нурмана, тем меньше оставалось желания с ним драться. Потому что, кроме брони, у молодого на поясе имелось аж два меча, а вот топора не было. И это кое-о-чем говорило опытному воину. Равно как и то, что щит на левом плече нурмана висел так, что сбросить его на руку – одно мгновение. И стоял он так, что нырнуть ему обратно в дом – тоже мгновение, не больше. И второй – такой же. А лук, что выглядывает у молодого нурмана из налуча, тоже не из простых, а стрел полон тул.

Нет, воин не сомневался, что они управятся. Их намного больше. Но кровь за свои жизни нурманы возьмут вдвое. Терять же людей десятник очень не хотел. Ольбарду это не понравится. И десятник нутром чуял: еще чуток – и мирно уже не разойтись.

– Карш меня зовут, – проворчал воин.

Он ожидал, что нурман тоже назовется, но тот молчал. Ждал, что дальше.

– С нами пойдете! – заявил Карш. – К Ольбарду. Только мечи отдайте!

– А штаны тебе... – начал второй, но первый молча выдернул из ножен клинки и протянул рукоятями вперед.

Так просто. Карш даже удивился.

А еще больше удивился, когда глянул на сами клинки. Такого оружия не было даже у Ольбарда. Карш вскинул взгляд на нурмана. Тот улыбался. Он тоже знал, что любой воин за такой меч убьет, не задумываясь. Знал, но отдал.

Совсем непонятно. С чего бы ему так верить Каршу?

Второй тоже отдал клинок. Этот был обычный. Ну как обычный... Получше, чем у самого Карша. Что ж это за нурманы такие?

– Идите за мной, – сказал он. Повернулся и пошел к лодкам первым. Если уж нурманы не побоялись отдать ему мечи, то и Карш рискнул показать им спину. Тем более что его парни тут же окружили нурманов. Окружили, но не тронули. Раз те согласились идти миром, пусть так и будет. Пока Ольбард не решит, что с ними делать дальше.

Шлемов нурманы так и не сняли. Но этого от них и не потребовали. Ольбард велит – снимут. Надо, так и с головами вместе.

Десятью минутами ранее

– Двоих вроде раньше видел, а этого, впереди, не знаю, – сказал Вихорек, глядя в узкое окошко.

– Карш это, – сообщил Ануд. – Родич мой дальний. Гридень он, из дружинников князя Улеба. Видно, решил теперь Ольбарду послужить.

– Что о нем скажешь?

– Умом не блещет, – ответил варяг. – Но честный. И боец опытный. Меня знает, так что это не обязательно, – он кивнул на лук, на рог которого Вихорек только что накиннул тетиву.

– Назовемся, только если иначе договориться не получится, – Вихорек вложил снаряженный лук в налуч, сдвинул за спину. – Нас выдали, но не узнали. Думают, что мы – нурманы. Пусть и дальше так думают. Мы пришли тайно, да и непонятно, что думают твои родичи о нашем хирде. Вдруг сразу убивать начнут?

– Меня-я? – искренне удивился Ануд.

– Тебя, может, и нет. Но если убивать будут меня, ты ж просто так стоять и глазеть не станешь.

– Не стану, – согласился Ануд.

– Значит, лиц им показывать не будем. Шлем не снимать.

– А если нас станут убивать как нурманов? – спросил Ануд. – Тогда тоже молчать, кто мы?

– Без нужды не будут. К Ольбарду отведут. Сам же сказал: Карш этот у него недавно. Так что сам решать не рискнет. Если мы в драку не полезем, он – тоже. Да и пленные почетней, чем мертвые. Разве что – ограбить?

– Нет, – мотнул головой Ануд. – Мы ж не разбойники-нурманы. Мы – варяги.

– Это ты – варяг, – ухмыльнулся Вихорек, – а я как раз и есть разбойник-нурман! – Он оскалился: – Очень злой! Бойся! Не съем, так покусая!

Ануд тоже улыбнулся. Очень хорошо. Вихорек видел: его товарищу не по сердцу так встретиться со своими. Перенервничает – может и сорваться. Вихорек снял со стены щит, набросил ремень на левое плечо так, чтобы скинуть на руку одним движением. «Хочешь мира – готовься к войне», – как-то сказал отец. Очень мудрые слова.

– Уже выходим! – крикнул он на языке викингов и откинул дверную завесу...

Глава 38. Виги-Вихорек. Гостеприимство Ольбарда Синеуса

– Гляди, батько, кого мы взяли! – похвастался Карш. – Два лазутчика-нурмана!

– Ну, не то чтобы взяли и не то, чтобы лазутчиков... – Вихорек стянул с головы шлем и кивнул товарищу: можно. Конец маскировке.

– Ануд! – изумился кто-то из отроков, узнав родича.

– Как это? Почему? – пробормотал Карш.

– Меч мой отдай! – Ануд протянул руку к одному из «охранников». – Здорово, дядька Ольбард!

– И тебе здравия, племяш! Трувор тебя прислал?

Ануд покачал головой:

– Я теперь человек ярла Ульфа. Ульфа Свити.

– Ага... понятно, почему с тобой он, – Ольбард кивнул в сторону Вихорька.

– Это не я с ним, а он со мной, Ольбард-хёвдинг, – поправил Вихорек. – Мой отец, ярл Ульф, послал меня предложить тебе союз. И еще кое-что интересное... купить.

– И что же это?

– Драккар. Очень хороший двадцатирумовый драккар свейской работы, – на языке викингов произнес Вихорек. – Отец сказал: ты – человек моря. Без корабля тебе скорбно.

– Что ж, это действительно интересно, – на том же языке отозвался Ольбард Синеус. И на словенском: – Верните им оружие, это друзья.

– Но, старший, они же лазутчики! – запротестовал гридень. – Мы их...

– Карш! – рявкнул Ольбард. – Ты со мной споришь?

– Нет, батько! – Гридень сообразил, что к чему. – Я...

– Довольно! – И снова на языке воинов Севера: – Приветствую тебя, Виги Ульфсон! Добро пожаловать в мой дом!

«Отец знал, что так будет, – подумал Вихорек. – Ольбарду-кормчему очень нужен корабль».

– А ты подрос, малый, – по-словенски проговорил Ольбард, когда они остались вдвоем. – Кто бы мог подумать, что мальчишка-пастушок вырастет в гридня.

– Я хускарл.

– Ваш хускарл – по-нашему и есть гридень. Где, ты сказал, нынче твой батька?

– Я не говорил.

Вихорек не поддавался на доверительный тон. У него здесь нет друзей. И Ольбард – тоже не друг. Возможный союзник, не более. Даже не будь того «теплого» приема, который недавно устроили им варяги, Вихорек все равно не чувствовал бы себя здесь своим. Пусть они и говорят на языке его матери, но они ему все равно не родня. Не обманут – уже хорошо. Вот и надо постараться, чтобы не обманули.

– Ты на Карша не сердись, – почти угадал его мысли Ольбард. – Это он из-за Зари. Они думают: твой отец ее насильно увел, а это всему роду бесчестье.

– Неправда! – Вихорек вскочил.

– Сядь! – властно бросил Ольбард. – И не кричи. Из уважения к твоему отцу я один раз стерплю. Но больше не забывайся.

Вихорек опустил на лавку. Вдохнул-выдохнул медленно. Семь раз, как отец учил. Потом сказал:

– Заря сама пришла к отцу. Она ему как жена. Жена ярла. Что тут бесчестного?

– Жена? А свадьба была уже? – деловито уточнил Ольбард.

– Не до свадеб, – буркнул Вихорек. – Отец меча в ножны, почитай, не прячет.

– И с кем бьетесь?

Вихорек глянул на варяжского вождя и понял, что все-таки сболтнул лишнее.

– Ты не зыркай, – усмехнулся Ольбард. – Я вам не враг. Не веришь мне – уходи. Никто тебе не воспрепятствует. Перуном клянусь!

– Вот мы две седмицы сюда добирались, чтобы уйти, – проворчал Вихорек.

Ольбард ждал. Молча.

– Прости меня, – наконец проговорил Вихорек, понимая, что выхода у него и впрямь нет. Либо уходить, либо довериться. – Трувор смерти моего отца ищет. Рюрик – тоже. А ты...

– Разве мое имя – Трувор? Или Рюрик? – прищурился Ольбард Синеус. – У меня с твоим отцом вражды нет. Скажу еще, если вы этого не заметили. То, как с Ульфом обошлись, мне не понравилось. Больше скажу: князь Рюрик на отца твоего зла не держит. Насколько мне известно, он ему даже признателен. Очень вовремя вы у Ладоги появились.

– Устояло, значит, городище?

– Устояло. То, что вы ладожан немного пощипали, Рюрику тоже ведомо. Но он не в обиде. Это пусть бояре Гостомысла переживают. Рюрику они безразличны. Он будет свой город закладывать. Новый город. На Ильмень-озере. Его потому и не было в Ладоге, что он с дружиной наверх ушел. Место выбирать.

– Это мы видели, – сказал Вихорек. – То есть не его самого, а Ульфхама Треску. Мы подумали: за нами.

– Ну... Это хорошо, что вы ему по дороге не попались, – одобрил Ольбард. – А вот кто за вами гоняется, так это Трувор. Очень на твоего отца сердит. Он жалеет, что пощадил Ульфа в поединке.

– А может, это мой отец пощадил его? – дерзко бросил Вихорек.

– Это вряд ли, – Ольбард не видел хольмганга Ульфа и Трувора, потому был уверен в том, что сказал. – Пойдем в горницу, Виги. Там нам стол накроют. Не думаю, что Карш дал вам время позавтракать.

– Так и есть, – улыбнулся Вихорек. – Он очень спешил похвастать, как победил двух страшных нурманов!

– Каким бы он ни был, но он – мой человек, – напомнил Ольбард.

– Думаешь, я захочу с ним по квитаться? – Вихорек улыбнулся еще шире. – Нет. Я не в обиде. Но он так смешно огорчился, когда узнал Ануда!

– Есть еще один человек, который может быть на тебя в обиде, – сказал Ольбард, останавливаясь на лестнице. – Вильд, сын Трувора. И Вильд теперь тоже в моей дружине! – добавил варяг с нажимом.

Вихорек понял правильно, но ответил не так, как ожидал Ольбард:

– Однажды я уже бился за честь Зари, – сказал он. – И убил. Но ее брату смерть не угрожает. Он же ее брат.

– Не думаю, что он сердит на твоего ярла. Он знает свою сестру. И я тоже ее знаю. И я не сомневался, что она пришла к твоему отцу сама. Но если по Закону – он должен был отправить ее назад.

– Ее отправишь, пожалуй, – пробормотал Вихорек, поднимаясь по лестнице следом за Синеусом. – А с Вильдом я...

И замер. Посреди горницы стояла... Заря.

Нет, все же не Заря. Похожа, но не она. Постарше. Но до чего ж похожа!

– Входи, что застыл? – подтолкнул его Ольбард. – Знакомься, Кари, это Виги-Вихорек, сын того самого Ульфа Свити. – И, обращаясь уже к Вихорьку: – А это, хускарл, жена моя водимая и единственная, Кари, дочь Улеба. А вон там, за ларем, прячется моя дочь Истра. Ну-ка, дочь, выйди и поприветствуй гостя как подобает!

– Ничего я не прячусь, а мед наливаю! – недовольно отозвалась девочка: – На вот, испей, гость дорогой!

Вихорек торжественно принял чашу, поклонился жене Ольбарда, осушил до дна и протянул Истре.

Но та не взяла.

– Эй! А поцеловать? – сердито проговорила девочка.

Ольбард и Кари засмеялись. Вихорек – нет.

Девочка чуть запрокинула личико. Серые глазки в обрамлении длинных темных ресниц глядели строго и требовательно.

Вихорек наклонился и тронул губами теплые сухие губки. Удостоился одобрительного кивка.

– Ты красивый, – сообщила девочка, глядя на него снизу вверх искоса, наклонив головку, увенчанную серебряным обручем из сплетенных змеек. – И не вздумай жениться, Виги Ульфсон!

– Это почему же? – Вихорек улыбнулся. Девочка тоже была похожа на Зарю. И лицом, и характером.

– Я буду твоей женой!

– Вот так вот! – засмеялся Ольбард. – А если накажу за такие речи?

– Не накажешь! – уверенно заявила девочка. – Тебе он тоже по нраву.

– А если я не соглашусь? – поддерживая игру, поинтересовался Вихорек.

– Ты? – удивились серые глазки. И уверенно: – Ты-то согласишься.

– Забери ее, – попросил Ольбард. – Не то я эту нахалку прямо сейчас за какого-нибудь старого лива из тех, что полоном торгуют, просватаю. Другому-то с ее норовом не совладать. А пока присядь да Расскажи, что это за корабль твой отец мне сватает, откуда он взялся и не обидится ли на меня тот, кто владел им прежде.

– Не обидится, – заверил Вихорек, опускаясь на крытую медвежьей шкурой скамью. – А если и обидится, то из Валхаллы ему до тебя не дотянуться. – И добавил нараспев, подражая интонациям Тьёдара Певца: – А хорош у тебя мед, Ольбард-вождь. А со свежатиной и того лучше.

– Будет, – пообещал Ольбард, поглаживая длинные варяжские усы, крашенные синевой. – И мёд, и свежатиная, и прочие яства. Уже несут. А пока Расскажи-ка мне, как рядом с тобой оказался мой племянник Ануд.

– Да обычно, – Вихорек провел пальцем по губе, проверяя... Но там, как и прежде, не было ничего, кроме белесого пушка. Так что пришлось сделать вид, будто почесался. – Захотелось Ануду оружия доброго, славы ратной и добычи богатой. Вот и пошел он туда, где все это найти можно.

– И как, нашел? – спросил Ольбард.

– А разве не видно?

– Пожалуй, я отдам тебе мою дочь, – усмехнулся Синеус. – Дерзостью вы с ней точно равняетесь.

– А и возьму, – усмехнулся в ответ Вихорек. – Я – воин Севера. Мне дерзкие любы.

И это была правда. Разве не благодаря дерзости Вихорек, еще несколько лет назад бывший никем, монастырским рабом-пастушком, взлетел так высоко, что почти на равных говорит с прославленным во многих виках вождем. И тот даже шутит о том, что отдаст за Вихорька дочь. А может, и не шутит...

Глава 39. Виги-Вихорек. Варяжское гостеприимство

– А ты дерзкий, нурманчик!

Карш. И еще трое. Крупные, бородатые. Солидные мужи. Пояса богатые, мечи на поясах, гривны на шеях. Гридни.

– Зато ты, Карш, пример вежества, – по-словенски отозвался Вихорек. – И храбрости тоже. В одиночку нахамить мне не рискнул, друзей позвал. Только зря. Я у вас гость. И в отличие от тебя закон уважаю. Так что болтай смело. Язык я тебе в другой раз укорочу.

Вот надо же. Не успел даже от терема отойти, а у него уже на пути встали. Но ничего. Ольбард попросил не задираться с его людьми, так что пусть. Словами обойдемся. Они пошутили, и он пошутит.

– Отойди, – попросил он. – Солнце загораживаешь. Да и пованивает от вас. Может, кому штаны поменять стоит?

– И верно дерзкий, – проворчал один из спутников Карша. – Щенок безусый, а твякает. Надо б его поучить! – И ухватил Вихорька за правую руку.

– Ты меня тронул, – ледяным тоном произнес Вихорек. Вмиг позабыв о своем намерении относиться к происходящему как к шутке. – Может, не знаешь, что я – сын Ульфа-ярла, пес? Я убивал и за меньшее. Но тебе повезло, lodigrinni^[18]. Я тебя не убью. Не хочу пачкать одежду. Убирайся!

– Эй! Что у вас такое? – прозвенел сверху, из теремного, окна девичий голос.

Вихорек узнал его. Истра.

– Не твоего ума дело, девчонка! – прогудел Карш. – Скройся!

– Я всё бате расскажу!

– А нечего тут рассказывать... – начал тот, что держал Вихорька. И вдруг взвизгнул совсем по-женски.

– Я тебя предупреждал, – процедил Вихорек. – Уходите. Быстро. Вы напали на гостя, но я вас прощаю. Живите.

Раненый варяг отскочил, зажав ладонью длинную резаную рану на предплечье.

Карш замешкался, глянул вверх, на высунувшуюся в окошко Истру. А ведь она и впрямь все отцу расскажет!

А вот один из его спутников колебаться не стал: обнажил меч. Но

ударить не успел. Только замахнуться.

Клинок Вихорька укусил, как змея. Только быстрее. Но так же смертоносно. Скользнул между ребер и рассек сердце.

– Ты его убил, нурман... – ошарашенно пробормотал Карш.

– Я всегда убиваю тех, кто хочет убить меня, – сообщил Вихорек.

Он был очень доволен. Показал Истре, какой он умелый воин. Один – против четырех. И он не боится. Его боятся.

– Виги! Что ты делаешь?

Ануд.

«Хорошо, что он появился только сейчас, – подумал Вихорек. – Не то все испортил бы».

– Меня хотели убить, – весело сообщил Вихорек, поворачиваясь к товарищу. – Не знали, что я убиваю лучше.

Он качнулся влево, уклоняясь от варяжского клинка, хозяин которого захотел воспользоваться тем, что нурман отвлекся, и не понял, что Вихорек специально спровоцировал именно такую атаку.

«Ты должен управлять боем, – учил Вихорька отец. – Не только своими действиями, но и действиями противника».

С воинами вроде Скиди или Гуннара такие штуки не проходили. Они всегда угадывали, когда Вихорек открывался намеренно. Вдобавок они знали, на что он способен. Но этот варяг был глупцом. Потому что считал глупцом Вихорька. Ни рана одного родича, ни смерть другого не стали для него уроком. Больше он ничему не научится. Выпад – и еще один дурень схлопотал сталь в сердце.

Вихорек засмеялся. Укол – и все. Будь на варягах бронь, так легко не получилось бы, но брони на них не было. А вот на Вихорьке была. Какая глупость думать, что они могут справиться с таким, как он, лишь потому, что у них есть усы, а у него нет.

– Виги, не надо! Хватит! – закричал Ануд, бросаясь вперед и вставая между Вихорьком и Каршем. Причем спиной к Каршу, а не к Вихорьку.

И эта маленькая деталь подействовала на десятника сильнее, чем мгновенная смерть родичей.

Ануд, который пришел с нурманом, был с ним в одной дружине и потому должен был сражаться за него против Карша, повернулся к десятнику спиной. То есть доверился ему больше, чем своему содружиннику.

И Карш – сдержался. Не атаковал. И не умер.

То, что умер бы именно он, а не безусый нурманчик, Карш сообразил чуть позже.

– К лекарю бегом, – велел он своему дружиннику, который, выпучив глаза, глядел на происходящее. – А ты, нурман, ты... Ответишь!

Вокруг уже собралась небольшая толпа. По большей части – челядь, но и дружинников было немало. И смотрели они на Вихорька... Нехорошо.

Ну да. Что они видели? Чужого нурмана, которого Карш притащил утром, и двух мертвых товарищей.

– Отвечу? Уж не перед тобой ли? – усмехнулся Вихорек. Он наклонился, обтер кинжал о рубаху убитого и спрятал в чехол.

Сейчас он готов был схватиться хоть с целым хирдом. Прямо как настоящий берсерк.

– Да что на него смотреть? – крикнул кто-то из варягов. – Убьем его, братья! Отомстим за родню!

– Так это... Ольбард сказал: они друзья... – неуверенно проговорил кто-то.

– Хорош друг, что нас убивает! – возразили ему.

– Сюрко, Сюрко мой! – Из толпы выскочила женщина, упала на грудь одного из мертвых, завывала жутко. Потом вскинулась, показала на Вихорька: – Ты, ты убийца! Люди! Что ж вы стоите? Нурман варяга убил! А вы стоите? И-и-и! – Схватила лежавший на земле меч и кинулась на Вихорька.

Тот уклоняться не стал. Шагнул навстречу, перехватил меч у рукояти, отнял и отбросил подальше. Баба кинулась снова, но Вихорек толчком ладони ее отшвырнул:

– Ночью приходи, – сказал он, ухмыльнувшись. – Ночью рожи твоей старой видно не будет, а так-то ты ничего. Мясистая.

Пошутил.

И эта шутка стала последней каплей, переполнившей терпение варяжской братии.

На удачу Вихорька, не было у них ни щитов, ни копий. Только то, что с собой носят: мечи, топоры, тесаки. Но все же это были не смерды какие-то, а воины. Пятеро отроков и четыре гридня. Воины. Так что и вели себя они соответственно: отодвинули прочих, выстроились полукругом и медленно двинулись на Вихорька.

Ануд тут же встал рядом:

– Не трогайте его! Пусть Ольбард нас рассудит!

– Уйди, отрок! – велел ему один из гридней. – На тебя обиды нет. Живи.

– Я-то буду, а вот ты – не уверен! – бросил Ануд.

Гридня этого он не помнил вовсе. Среди тех, кто был в дружине

Трувора, этого точно не было. И среди тех, кто служил князю Улебу. Но это точно варяг. Вон какие ушищи.

– Не по правде это – десятком на одного! – заявил Ануд.

– Ты, мальчишка, нас еще правде поучи! – на Ануда гридень не смотрел, только на Вихорька. Не просто так смотрел – примеривался.

– А и поучу! – рассердился Ануд. – Выдь со мной на перекресток! Пусть Перун решит, кто из нас прав!

Тут уж гридень на Ануда глянул. Хмыкнул в усы:

– Как скажешь. Сразу как нурмана порешим.

Вихорек же, слушая их разговор, отметил: этого усача стоит бить в первую очередь. Повадка у него... опасная. И лицо такое... Как у отца, когда тот решал, что кому-то по этой земле больше не ходить.

– Ольбард... – начал Ануд, но его перебил уже другой гридень:

– Без Ольбарда обойдемся! А ты пошел прочь, не то и тебя прибрьём!

– Верно, дядька! – подвякнул один из отроков. – Этот тоже с ним, с нурманом пришел. Бьем обоих!

И метнул в Вихорька топор. Вихорек даже не шелохнулся – топор пролетел в локте от него.

– Платье надень, женовидный! – обидно засмеялся Вихорек.

Бросок и впрямь был – женщине в пору.

Отрок покраснел, рванулся вперед... Но вовремя поймал тот самый дядька, что посулил прибить Ануда, поймал его за шкурку как щенка и как щенка же задвинул за спину, проворчав:

– Куда, дурень?

И впрямь дурень. Соваться с тесаком, в одной рубахе, на бронного воина – это совсем с головой не дружить.

Варяги переглянулись. Ануд сделал шаг назад, встав справа от Вихорька, вполоборота. Вихорек тоже поменял стойку. Биться в паре оба умели. Позади стена, так что взять в кольцо их будет трудно.

Ануд растерянно глядел на противников. Почти всех он помнил: из Улебовой дружины. Но вдвое: тот, что с ним разговаривал, и еще один, тоже опоясанный гридень, – были незнакомы. Ануд встал рядом с Виги, потому что иначе нельзя, но чувствовал себя неуверенно. Не потому, что противников много, а потому что – свои. Вроде бы...

Бывшие Улебовы вои подступили ближе, но с атакой тянули. Их было больше, но нурман уже показал, что умеет убивать. Об этом красноречиво говорили два мертвеца на земле. Умирать им не хотелось. Первый запал прошел. Вместо него пришло понимание: для такого боя не худо бы вооружиться как подобает.

Двое незнакомцев держались отдельно. И чуть подальше. Но не суетились, как Улебовы. Просто выжидали.

– Надо бы за щитами кого послать, – негромко произнес гридень из бывших Улебовых.

У незнакомого варяга губы сложились в презрительную усмешку, но второй Улебов гридень поддержал товарища:

– Верно говоришь! Эй, племяш! А ну бегом...

– Быстрее беги! – крикнул Вихорек. – Тащи дядьке новые штаны! Я ж говорил: воняет здесь. Вот кто, оказывается, кучу наложил! Скажи, Ануд, эти трусливые свиньи – точно варяги? О! Вильд! Ты здесь! – Вихорек махнул правым клинком, приветствуя Труворова сына. – Скажи, эти выпердыши большой бурундучихи, которые уже полдня грозятся нас убить, и впрямь воины? А то я начинаю думать, что они украли пояса у своих хозяев и мне стоит убрать мечи и взять в руки плетку?

– Чего? – Вильд и так ничего не понимал, а замечательная речь Вихорька и вовсе ввела его в ступор.

– Вильд! – воскликнул Ануд. – Ольбарда позови! Не то худо будет!

– Да и так не все хорошо! – раздвинув скопившуюся толпу, в круг вошли сразу трое: Руад, Рулаф и еще один варяг, имени которого Вихорек не помнил, но знал, что тот – из бывших ладожских.

Руад и третий сразу встали рядом с незнакомыми варягами. Как раз между ними и Вихорьком, а Рулаф успокоил гостей:

– Послали уже за Ольбардом. Сейчас разберемся, что у вас тут за свара. Виги! Ты оружие-то спрячь. Повоевал уже.

– Тут у вас повоюешь, как же! – засмеялся Вихорек. – Биться железом ваши боятся, а дерьмом из штанов кидаться я не могу. Нет такой привычки.

И вернул клинки в ножны.

– Это что ж, вои, вы нурману моего Сюрко так и спустите! – взвился над толпой пронзительный женский крик. – Струсили!!!

Крик ли придал воям смелости или то, что Вихорек убрал оружие, но кинулись на него тотчас. Не все, правда. Только семеро. Ни Рулаф, ни остальные, отвлекшиеся на крик, перехватить их не успели. Да и стояли они далеко.

А вот Ануд, хоть и расслабившийся, успел. Встал на пути одного из гридней, поймал нацеленный на Виги удар и с неожиданной легкостью оттолкнул противника в сторону, да так, что тот еще и открылся, оказавшись к Ануду боком, защищенным только льняной рубахой. Сейчас Ануд мог достать нападавшего рубящим сбоку. Мог... Но удержался.

А вот Вихорек сдерживаться не стал. Бить сразу, на том же движении,

каким извлекается меч, его отец научил давным-давно. А уж выхватывать мечи Вихорек умел даже побыстрее, чем Свартхёвди. Понятно, если тот еще не обернулся берсерком.

А еще помогло то, что нападавшие ничего подобного не ожидали. Они набежали безоружного рубить и ничуть не береглись, так что Вихорек в два хлеста ухитрился зацепить четверых. Сам удивился. Будто не воинов, а смердов рубил. Обоих гридней положил сразу. В них и целил. Двоих набежавших отроков зацепил легко, самыми кончиками. Одному руку чиркнул, другому щеку порезал.

И сразу рывок навстречу, уходя из-под замаха одного и отбив атаку раненного в щеку. И на том же движении, закручиваясь и приседая, – размашистый хлест понизу, по ноге. И, распрямляясь, новый рывок, толчок бронным плечом в живот раненного в руку, отброшенного этим толчком и закричавшего, когда локоть его второй руки сокрушил топор товарища, нацеленный на нурмана, а угодивший по своему.

Свою ошибку промахнувшийся отрок осознать, скорее всего, не успел. Тут же повалился навзничь, булькая разваленным до позвоночника горлом.

Но это был последний, кого Вихорек сумел убить. Сталь встретилась со сталью... И остановилась.

– Довольно! – Приказал Руад, перехвативший удар и спасший побелевшего от ужаса отрока, который только сейчас осознал, что этот удар был направлен ему в лицо. – Довольно! Клянусь Перуном, Ульфсон, всякий, кто поднимет сейчас на тебя оружие, умрет от моей руки!

– Да я бы и сам справился, – заверил Вихорек, стряхивая кровь с клинков. – У нас на Сёлунде бонды и то с оружием ловчее. Не понимаю, зачем вашему хёвдингу это двуногое мясо?

– Вот сам у Ольбарда и спроси, – буркнул Руад, которого слова Вихорька все же задели. Ведь это «двуногое мясо» тоже было варяжского роду-племени. Хотя в чем-то он был согласен с парнем. Эти ушедшие от князя Улеба гридни...хлопот от них точно больше, чем пользы.

Ольбард пришел. Точнее, прибежал. Увидел. Выругался. Заковыристо. Вихорек, воспитанный на богатых образах и сравнениях словесных поединках викингов, искренне восхитился.

Однако даже очень сердитый, Ольбард карать немедленно никого не стал. Распорядился очистить территорию, а когда ударит било, всем заинтересованным подойти для судебного разбирательства.

– А вы пока с нами, – сказал Руад Вихорьку и Ануду. – А то не ровен час еще кто-то из...двуногих к вам задерется.

– Каждый сам волен решать, жить ему или умереть! – изрек глубокомысленно Вихорек.

– Ты б лучше не умничал, а рожу умыл! Весь в кровище! – пихнул его кулаком в бок Рулаф. – В таком виде ни на суд, ни за стол у нас не пускают!

– О! Пожрать! – оживился Вихорек. – Какой ты мудрый! Самую суть вещей прозреваешь!

– Эй! Ты ж вроде только что позавтракал у Ольбарда? – удивился Руад. – Ну ты прорва!

Ладожские варяги захохотали, заработав с десяток злобных взглядов от членов противоположной партии...

Глава 40. Виги-Вихорек. Суд Ольбарда Синеуса

Однако, когда жители Изборца, как военные, так и мирные (всем же интересно), собрались на судилище, оказалось, что на стороне потерпевших от мечей Вихорька не так уж много: дюжины полторы дружинников и раз в пять больше их домочадцев.

Что удивило Вихорька: десятника Карша, с которого, собственно, все и началось, среди обиженных не было. Он стоял особняком вместе с несколькими воями, расположившимися отдельно и от обиженных, и от основной дружины Ольбарда, ядро которой состояло из тех, кто ушел с Синеусом из Ладоги.

И совсем наособицу, но впереди прочих расположилась пятерка воинов, среди которых явно главенствовал гридень, которого Ануд звал на перекресток. Облачение у этой пятерки было не очень. Немногим лучше того, что было у самого Ануда, прежде чем он присоединился к хирду Ульфа Свити.

– Излагай! – потребовал Ольбард у Вихорька.

Тот рассказал. Все честно рассказал.

Синеус жестом велел ему отойти туда, где негромко беседовали Ануд с Вильдом, потом подозвал Карша.

– Так было?

Десятник замялся.

– Не вздумай врать! – негромко, но грозно произнес Ольбард.

Карш метнул взгляд наверх, туда, где на маленьком балкончике над входом в терем стояли Кари Улебовна с дочерью, потом выдавил:

– Так... Да не так. Не хотели мы его бить. Так, поучить немного.

– Ты знал, что он – мой гость? – спросил Ольбард.

– Знал, – буркнул Карш.

– Он сказал, кто его отец?

– А что – отец! – воскликнул Карш. – Это ж он Зарю украл, дочку Труворову!

– Ты совсем дурной, Карш! – закричал Вильд. – Такие слова о моей сестре говорить! Это у тебя жену увести силком, так она и не пикнет, а...

– Вильд, молчать! – рявкнул Ольбард. – Карш! Ты знал, что Виги Ульфсон – мой гость?

– Знал... – пробормотал варяг.

– Я тебе верил, десяток дал, – Ольбард покачал головой. – А ты что же? Меня опозорил, людей погубил...

– Это же не я, батько! – взмолился Карш. – Разве ж я убил? Это он же ж! – Карш показал на Вихорька.

– Виги Ульфсон вас пожалел, – сказал Ольбард, обращаясь хоть и к Каршу, но слышали его все. – Мог бы сразу вас всех в Ирий отправить еще при первой встрече, но не стал. Честью поступился, оружие отдал. Ты же мою честь поправил. Гостя оскорбил, людей, что я тебе доверил, погубил...

– Так они сами хотели... – начал Карш.

– Пошел вон, – негромко произнес Ольбард.

– Что? – не понял Карш.

– До заката тебе время даю, – холодно произнес Синеус. – А потом увижу – велю вздернуть на ветке. Как татя. Ты это начал. Ты был старшим. С тебя за эти смерти спрос. Лишь из уважения к твоему отцу и родной крови отпускаю тебя живым, Карш. Пусть боги с тебя спросят за то, что напал на гостя, на посланника... Убирайся! Нет, стой! Пояс воинский сними! Я его тебе как десятнику дал, а теперь ты – никто.

Карш покорно снял пояс и перевязь с оружием, положил на землю и побрел прочь. Перед ним расступились, пропуская, а Ольбард обвел суровым взглядом собравшихся и спросил:

– Кто еще желает моего гостя винить?

– Я желаю! – вышел вперед один из тех, кто стоял недавно рядом с Каршем. – Желаю спросить!

– Говори! – разрешил Ольбард.

– Хочу узнать, вождь, кто ответит за кровь моих родичей? – угрюмо поинтересовался варяг. – Ты сказал: Карш виноват, но не его меч убивал. И непонятно мне вот что! – Гридень повысил голос. – Как смог мальчишка безусый столько добрых воев побить за раз? Не верю я, что честным был тот бой! Никогда мы такого допрежь не видали! Колдовство это, говорю я! Злое нурманское колдовство – вот что!

– Вот как ты думаешь, Прус, – нахмурил брови Ольбард. – Что ж, есть правда в твоих словах. Не может быть честным бой, когда хозяева на гостя беспричинно нападают. Но сдается мне, не в этом ты бесчестье видишь, Прус. Не спрашиваешь ты, а винишь. Меня винишь, Прус!

– Почему тебя, батько? – искренне удивился гридень. – Его, нурмана!

– Так он же гость мой, – напомнил Ольбард. – А по правде за все, что сделано гостем, отвечаю я, хозяин!

– Нет! – мотнул головой гридень. – Ты, батько, ни при чем. Ты же не

знал, что он колдун, когда его привечал. Хотя мог бы, я так думаю. Они ж, нурманы, все колдовством не брезгуют. От того и сила их! Верно, братья?

Несколько голосов поддержали его заявление. Несколько. Большинство хранило молчание, а кое-кто из ладожских так и вовсе засмеялся.

– Слышь, Прус, а я хоть и не нурман, но тоже таким колдовством владею! – весело крикнул Харра Стрекоза. – И думаю, получше, чем Виги Ульфсон. Только у нас, кровных варягов, это воинским умением именуется! Но тебе, полагаю, оно неведомо. Холопов бить да смердьим девкам подолы задирать и без него можно!

Теперь засмеялись многие.

– Я сказал, что хотел, батько, – упрямо проговорил Прус. – Тебе решать.

– Вот это верно, – согласился Ольбард. – Решать мне.

Он встал и оглядел свое разделившееся воинство.

– Многие из вас, присягнувших мне недавно, и отроков, и опоясанных гридней, думают, что они хороши в бою, – произнес он сурово. – И думают так лишь потому, что прежде не сходились в сече с теми, кто и впрямь хорош. Но не годы делают гридня старшим, а воинские умения. И стыдно мне нынче не только за то, что мои дружинники напали на моего же гостя. Стыдно перед Виги Ульфсоном и отцом его! Но... – Ольблад повысил голос. – Когда десяток моих дружинников вышел против одного-единственного воина и опозорился, это еще больший стыд! И потому я клянусь Перуном Молниеруким, что сам проверю каждого из вас! И те, кто недостоин пояса гридня, снимут его и будут ходить в отроках! А если и в отроки не годны, так будут в детских ходить, пусть даже усы на пядь ниже подбородка висят! Все меня слышали?

Ладожские бодро отозвались. Но среди прочих большинство помалкивало.

– Вот и славно! – завершил речь Ольбард. – А теперь ты, Харра! Покажи нам, что не вся моя гридь – позор всеотца нашего Перуна! И ты, Виги Ульфсон, не откажи: встань против гридня моего – и пусть все увидят, как должно воинам владеть оружием!

– Ой, не откажу! – обрадовался Вихорек и, сдвинув на лицо шлем, выбежал на площадь перед Ольбардом. – Харра! Иди сюда! Повеселимся!

– Уже иду! – Харра тоже выбрался на середину. Ни бронью, ни качеством клинков франкской работы он не уступал Виги. И шлем на нем был такой же, закрывающий пол-лица, с сильным гребнем сверху. – Только молю, не убивай меня сразу, коварный нурман, своим злым колдовством!

– Не буду! – пообещал Вихорек, разгоняя мечи сверкающим вихрем. – Но и ты не думай, что побьешь меня так легко, как в прошлый раз! Я теперь – злой колдун! А мы, колдуны, ого-го какие страшные!

Народ раздвинулся, а они наконец сошлись. И сразу закружились в воинском танце, разя стремительно и внезапно, сразу с двух рук, но лишь иногда соприкасаясь сталью, потому что ни один не хотел портить оружие и бронь себе или другому.

Харру подбадривали многие, а вот имя Виги выкрикивали только двое: Ануд и Истра.

По-настоящему оценить мастерство поединщиков среди собравшихся могли человек тридцать-сорок. Ольбард, понятно, был в их числе. И не без удовольствия отметил, что Харра – лучше. Впрочем, за Вихорька он тоже порадовался, потому что с самого начала не видел в нем чужака. Более того, Синеус узнавал во внезапных его атаках собственную руку. И не удивительно, ведь Виги наставлял отец, а самого отца варяжскому обоерукому бою учили они с Тувором.

Вспомнив о давнем друге, который нынче стал его, Ольбарда, соперником, и о годах, проведенных в тени одного паруса, Синеус вздохнул. Славное было время!

Харра и Вихорек разошлись.

– Получше! – заявил Харра. – Но не думаю, что сможешь побить меня раньше, чем у меня усы поседеют!

– Это ты так думаешь! – самонадеянно отозвался Вихорек.

Оба разом повернулись и поклонились Ольбарду.

Тот кивнул и поинтересовался:

– Все видели? Вот такими я хочу видеть своих гридней! – И встал, показывая всем, что суд окончен.

Но это было еще не все.

– Вождь, подожди! – раздался голос другого гридня.

Тот самый незнакомец. Его не было среди набросившихся на Вихорька и поплатившихся за это. Может, потому, что на его пути оказались Руад с товарищем? А может, по другой причине. Но Вихорек точно знал: с этим противником он бы не расправился так легко, как с остальными.

– Что еще, Стег? – недовольно спросил Ольбард.

– Вот этот отрок, – Стег показал на Ануда, – вызвал меня на перекресток. Я готов, если малыш не струсит.

– Даже не надейся! – воскликнул Ануд. – Я готов, дядька Ольбард!

Синеус вновь нахмурился. Видно было: вызов Стега ему не по душе.

Во власти вождя запретить поединок. Тем более что Ануд – тоже гость.

Но еще он – родич и племянник Ольбарда. И тоже варяг. То есть не совсем гость...

Задумался Синеус. И от Вихорька это, понятно, не укрылось. Этот Стег ему нравился все меньше и меньше. Как он спокоен. Стег спокоен, а Ольбард – нет...

– Харра, кто это?

– Этот? – Харра пожал плечами: – Я его плохо знаю. Кличут Стегом Измором. Пришел с юга, из Киева, говорят. С ним еще четверо. Вроде бы они все вместе на ромеев ходили... Или, наоборот, ромеям служили. Хотя вряд ли. Кто ромеям служит, тот богат, а эти – сам видишь. Но... Не знаю. Зато знаю, что вас, нурманов, Измор очень не любит. Потому и в свару вашу влез. Не будь ты нурманом, он бы вмешиваться не стал. Он и его люди наособицу держатся. С бывшими Улебовыми они – никак.

– А насколько он хорош? – задал главный вопрос Вихорек.

Харра мотнул головой:

– В бою я его не видел, но... сам видишь.

Да, Вихорек видел.

И Стег поймал его взгляд и ухмыльнулся... вызывающе. Ануд его не интересовал. Настоящий вызов был адресован Вихорьку.

Ольбард – думал. Он так надеялся, что все разрешилось. А теперь... Ольбард знал, что Ануд Стегу не ровня. Если Ануд пострадает (о худшем думать не хотелось), выйдет совсем нехорошо. Ануд ведь не только родня, пусть и дальняя, но еще и дренг Ульфа Свити. Ульф может счесть это оскорблением...

Остается лишь надеяться на благоразумие Стега, которого он, Ольбард, почти не знает. Принял в дружину, потому что от таких воев не отказываются, но клятва клятвой, а в настоящей верности Стега Синеус был пока что не уверен.

Запретить или разрешить...

– Бейтесь! – решил Ольбард. – Здесь и сейчас. До первой крови.

И многозначительно поглядел на Стега.

Но тот на вождя даже не смотрел: пялился на Виги и нехорошо так кривил губы...

– Ануд, это ведь будет твой первый настоящий хольмганг? – спросил Харра.

– Да, первый! И что с того? – взвился Ануд.

– Да хоть бы и десятый. Со Стегом тебе не совладать.

Вихорек был полностью согласен со Стрекозой:

- Брат, давай я за тебя встану?
- Сам! – отрезал Ануд. – Ты за меня уже на тризне дрался! Хватит!
- На какой еще тризне? – спросил прислушивавшийся к разговору

Руад.

Но ответить на его вопрос никто не успел.

– Бейтесь! – позволил Ольбард, и Ануд рванулся вперед, словно боялся, что Вихорек его опередит.

Однако родича успел перехватить Харра:

– Не торопись, отрок! – сказал он, глядя парню в глаза. – Вообще не торопись, понял? Заставь его побегать, тогда, глядишь, и выдержишься немного. Иначе он тебя порвет враз. Как лис куренка!

– Так уж и куренка, – пробормотал Ануд, но совет услышал. И принял. Харра Стрекоза был всего лишь на пару лет старше его самого, но эти пару лет Харра провел в дальних виках вместе с лучшими воинами, каких знал Ануд. Потому слова Харры были для Ануда ценнее золота. Тем более что еще несколько месяцев назад Ануд был в его, Харры, десятке.

Ануд вышел на поединок с двумя мечами. Пусть все видят, что он – опасный боец!

Стег Измор вступил в круг с одним клинком. И без щита. Он тоже показывал. То, что не считает Ануда серьёзным противником.

Вышел и остановился, опустив меч. Продемонстрировал, что не ставит Ануда ни во что.

Ануд тут же забыл о том, что ему говорил Харра. Рванул с места – разить...

Получилось, впрочем, неплохо. Стег, видно, не ожидал такого проворства и уклонился от первой атаки не без труда. Но потом уверенно взял поединок в свои руки. Ануд в запале этого не понял: продолжал рубить с прежней быстротой и яростью. Ему казалось: еще чуть-чуть – и достанет. Противник его не в кольчужной броне – в куртке из простой кожи. Раз – и все...

– Хорош Стег... – процедил сквозь зубы Харра.

Ему, как и Вихорьку, было понятно, что южанин ведет каждое движение Ануда. Сознательно распаляет парня. И когда тот выдохнется, закончит поединок без малейшего риска и без малейших усилий. Ануд же ничего не понимает и ничего не видит, кроме раз за разом ускользающего противника...

Все кончилось в одно мгновение. В очередной атаке Ануд сделал лишних полшага, и его противник оказался у парня за спиной. Удар под колено, отсушивший Ануду ногу, и сразу – короткий укол снизу, под

тыльник шлема.

Вихорек облегченно вздохнул: увидев, что Стег нанес удар по ноге не лезвием, а плоскостью меча. Понял: варяг не собирается убивать парня. Так и вышло.

Ануд поднялся не без труда: подбитая нога не слушалась. Поглядел на противника... Тот стоял в той же позе, что и вначале. Расслабившись и опустив меч: нападай, если сможешь.

Ануд не мог. И он проиграл. Парень вернул мечи в ножны, сунул руку под тыльник, поглядел на испачканную кровью ладонь... Собственно, он и без этого чувствовал, как стекает по спине теплая струйка.

– Твоя правда, Стег Измор! – признал победу южанина Ольбард.

И благодарно кивнул.

Но Стег Измор похвалы не принял:

– Это не победа, батько, – произнес он достаточно громко, чтобы перекрыть голоса собравшихся на площади. – Этот малыш мне не нужен, а вот дружка его, – Стег указал мечом на Вихорька, – я бы выпотрошил с удовольствием!

– Этого не будет! – отрезал Ольбард. – Довольно! Ануд! Что стоишь, как столб привратный? Кто-нибудь, остановите ему кровь!

– Не тревожься, батько! – Стег снова повысил голос, легко перекрыв шум. – Я его – легонько!

– А ведь он прежде сотником был, – сказал Руад, наклонясь к другу Рулафу. – Никак не меньше.

И Рулаф согласно кивнул.

Да, очень необычный гридень этот Стег Измор. Облачение – как у зеленого отрока, оружием владеет как опытный гридень, а голос и осанка – как у признанного вождя.

– Надо к нему присмотреться, – озвучил он свое беспокойство.

И теперь уже Руад кивнул согласно.

Вот только затею эту друзьям пришлось перенести. Не желая откладывать, Ольбард уже на следующий день отправился за своим драккаром. С собой он взял семь десятков наиболее доверенных воев. Руад и Рулаф были среди них, а вот Стег остался в Изборце. И не просто так, а полусотником.

Пришедший с юга незнакомец сумел доказать свою верность новому вождю.

Глава 41. Удачная сделка

– Эх! – От избытка чувств Медвежонок сгреб меня в охапку. – Братик мой старшенький! – приговаривал он, похрустывая моими ребрами. – Как я рад, что ты у меня есть!

– Эй, полегче... – сипел я, пытаюсь дышать. – Удушишь – сестра тебя убьет... И сам без ярла останешься...

Вот же здоровенный! Какой там Медвежонок, медведь целый!

– Ярл ты мой... махонький! – умиленно прорычал Медвежонок. Но все же отпустил. Живым.

Я с удовольствием вдохнул полной грудью.

Ну да, отличная сделка вышла. И главное – понятно, не деньги, а сам Ольбард. Возможность хоть на кого-то опереться здесь, на земле предков. Которые, правда, еще не родились, то это уже мелочи. Ольбард у варягов в авторитете. Так что даже формальному наследнику их князя, моему тестю-ненавистнику Трувору, придется считаться с его мнением.

Вот тут я немного ошибся, поскольку не владел всей полнотой информации.

И узнал я об этом буквально через пару часов, во время совместного пира.

– У нас, варягов, князя Перун выбирает, – сообщил мне Ольбард после очередного кубка и соответствующего вопроса. – Кто Перуну люб, тот и правит. Князь наш Улеб – природный князь, но удача от него ушла. Сыновья погибли, силу болезнь точит. В битву воев он уже не водит. Прошло его время.

То есть, уточнил я, из князей его пора убирать?

Нет, не пора. Правило «Акела промахнулся» у них не принято. Это ж варяги, а не какие-нибудь лесовики. И Улеб – князь, а не вождь военный. Пока сам не уйдет или не умрет, княжий стол за ним остается.

– А когда этот стол освободится, кому достанется? – поинтересовался я.

– Это варяжская старшина решит, – ответил Ольбард и хитренько так прищурился.

– Трувор? – в лоб спросил я, вспомнив то, что когда-то рассказывала мне Заря о варяжском престолонаследии.

– Может быть...

Вот уж кто мне в варяжских князьях не нужен, так это Трувор.

Учитывая наши нынешние с ним отношения.

Варяги – это не просто сила. Я еще не вполне понял, что они такое, однако уже догадывался, что именно это племя более или менее успешно пытается взять под контроль то, что скандинавы называют Гардарикой, а позже с отменной проницательностью назовут «путем из варяг в греки» – то есть систему водных путей с соответствующей инфраструктурой: оборудованными волоками, аналогами гостиниц, ремонтных мастерских, а главное – больших и малых контрольных пунктов-гардов, вроде Ладоги или моего недавнего приобретения.

Понятно, что у варягов есть и собственная вотчина: белозерские и приморские территории, за которые они время от времени бодаются со свеями или норегами, равно как и за право обирать местные племена вроде суоми, веси или тех же кырьялов. Однако был еще Дир, которого я не знал, но о котором немало слышал. Варяг Дир, который сидел нынче князем в Смоленске и держал дружину из таких же варягов. А Смоленск – это от Белозера совсем не близко...

В общем, если Трувор получит варяжский стол, то у меня могут возникнуть еще большие проблемы, чем сейчас.

Однако то, как было сказано Ольбардом это «может быть», внушало надежду.

Синеус, впрочем, с темы тут же съехал и принялся рассказывать, как они с Трувором и еще пятью варягами, из которых я знал только Руада, подались десять лет назад к Хрёреку в хирд за славой. И как весело и денежно было ходить по Лебединой Дороге с Хрёреком, тогда еще тоже совсем молодым и задорным, получившим на условное «совершеннолетие» драккар в подарок от уже знакомого мне конунга Харека. Того самого, самонадеянно именовавшегося конунгом всех данов, хотя я знавал датских же конунгов, которые и в грош его не ставили.

Но в любом случае драккар – это круто. Куда круче, чем яхты и спорткары, которые дарили своим отпрыскам олигархи моего будущего-прошлого. Потому что драккар – это не красивая игрушка, это, скажем так, средство производства. Этакий «прибор для получения всего». Если, конечно, уметь им пользоваться. Хрёрек со товарищи, несмотря на молодость, пользоваться умели. И жили, ни в чем себе не отказывая. И другие им тоже... крайне редко отказывали. Пожалуй, конфликт с Сигурдом Змееглазым был первым глобальным попадосом Хрёрека. Хотя подобная ситуация – вещь логичная. Успешный вождь поднимается непрерывно, попутно поглощая тех, кто менее успешен. Как следствие – ареал его активности непрерывно расширяется... До тех пор, пока не

пересечется со сферой интересов такого же успешного лидера. И один из них поглотит другого. Так что если в какой-то момент не остановиться, то рано или поздно натыкаешься на кого-то, кто еще круче, чем ты. И поглощают уже тебя. Понятно, ситуации бывают разные, но даже сам великий Рагнар не застрахован от такой летальной неприятности.

Я размышлял и краем уха слушал героическую историю Хрёрека и примкнувших к нему варягов. Все, включая уже известную мне часть и печальную битву, в которой Хрёрек получил копье Сигурда в бренное тело.

Размышлял, задумался...

И не сразу сообразил, что Ольбард говорит уже не о днях минувших, но о насущном...

И едва сумел сохранить лицо, когда допер, о чем именно мне вещает Синеус. А говорил он ни много ни мало о том, как я, Ульф Свити, даже не подозревая о содеянном, капитально обрушил клановый рейтинг Трувора Жнеца.

– ...С тех пор как ранили Хрёрека, считалось, что никто не устоит против брата в обоеруком поединке. А ты устоял. Я думал: он тебя пощадил. Но люди говорят иное. Многие даже говорили, что Трувор испугался. Вот в это я точно не верю.

– Правильно не веришь, – подтвердил я. – Мы бились на равных. Если бы он не остановился...

– То ты бы его убил, – перебил меня варяг. – Ведь это была не просто ссора двух воинов, это был суд богов, – напомнил мне Ольбард. – Ты обвинил Трувора в том, что для него желание Хрёрека важнее, чем жизни варягов, важнее, чем наше право на взятое железом. Отказавшись драться, Трувор признал, что прав ты, а не он. Не важно, ты его пожалел и он сам решил прекратить бой. Все знают, почему ты его вызвал. Все считают тебя правым и говорят, ты пощадил Трувора, потому что любишь его дочь. Будь мой брат не таким гордым, он бы отдал тебе Зарю, вы бы породнились, и все бы наладилось. Но он уперся. А еще раньше поставил себя выше правды и выше нас. Я от него ушел. А со мной ушли все лучшие. И даже сын Трувора Вильд. А потом, как оказалось, и дочь его сбежала к тебе. Что теперь говорят люди? Они говорят: не выйдет князя из того, который ставит себя выше правды и даже собственных детей не смог воспитать в уважении.

– И что теперь будет? – спросил я.

Ольбард усмехнулся:

– Теперь, – сказал он, – мы с тобой выпьем пива и поговорим о том, что будет, когда мой тесть Улеб уйдет в Ирий и князем стану я.

– И что же тогда будет? – Какой интересный поворот, однако.

– У нас, варягов, князья могут многое. Например, я могу выступить вместо отца на вашей с Зарей свадьбе, – Ольбард подмигнул. – Так по правде. У нас, варягов, князя не зря батькой называют. Князь, он каждому варягу – как отец. И твоей Заре тоже.

– А если настоящий отец обидится? – поинтересовался я.

– Значит, будет жить обиженным, – хмыкнул Синеус. – Это уже его, а не наша забота.

Политика, блин. А ведь еще недавно не было у Трувора друга ближе Ольбарда Синеуса.

В общем, Трувор купил у нас драккар. Со скидкой. Большой.

И часть боевого железа тоже приобрел.

И расстались мы с ним лучшими друзьями.

И Медвежонок заявил, что теперь он со спокойной душой может отправиться домой.

И мы все были убеждены, что Госпожа Удача нас любит, как родных детишек, хотя я уже догадывался, что когда все идет гладко...

Но забыл. И целую неделю полагал, что хожу у Госпожи в любимчиках...

Глава 42. Когда враги со всех сторон...

– Вот невезение! – пробормотал я. – Что бы им появиться неделю назад.

Два больших боевых драккара. Свейских. И что-то мне подсказывает: не торговать они сюда пришли.

«Что-то» – это полоса дыма, уходящая в небо там, где расположено селение кирьялов.

Ее можно было бы объяснить случайным пожаром, но примерно два часа назад, отчаянно работая веслами, к острову подошел оставленный в кирьяльском селении сторожевой пост. В полном составе. С известием о том, что к нашему уютному заливу приближаются два больших драккара под стягом конунга свеев Эйрика Эймундсона. Кель Длинный, отбывавший наряд в составе сторожевого поста, уверенно опознал сей стяг. Он же предположил, что самого конунга в составе экипажей нет, иначе драккаров было бы минимум два десятка. Так что флаги означали лишь то, что кораблям всего лишь назначена «королевская» миссия. То ли до конунга дошла информация о наших противоправных деяниях. То ли это плановый визит за кирьяльской данью.

А возможно, они вообще пройдут мимо. Корабли шли неспешно, под парусами, так что можно было надеяться на лучшее.

Но только до тех пор, пока на западе не появился дым – недвусмысленный знак неприятностей.

В том, что хитрован-староста сумел бы преподнести наилучшее для себя объяснение событий, я не сомневался. Тем не менее договориться со свеем не получилось. Иначе на хрена им устраивать пожар на еще недавно подконтрольной территории.

К сожалению, вскоре мы точно узнаем цель «официального визита». Прочувствуем, так сказать, на собственной шкуре при личной встрече. Если, конечно, мы не сумеем этой встречи избежать.

В принципе, возможность удрать имеется. Оба драккара, «Северный Змей» и «Клык Фреки», считай «под парами». Да и приготовленный к отправке домой кнорр тоже. Братец планировал скорое отплытие. Сначала – к тем же свеем, расторгнуться и нанять людей, а потом – домой. Не успел.

Может, и хорошо, что не успел. Наверняка напоролся бы в море на эту парочку поджигателей. И остался бы я без брата...

Сейчас, правда, будущее тоже не лучится оптимизмом: дорога к морю

закрыта.

Зато остается Вуокса. И сложная система больших и малых озер, в которой вполне могут затеряться три наших кораблика. Что же до крепости с прилегающим к ней «ярлством», то поиграли немного в короля-на-горе – и хватит. Жизнь дороже.

Да, немного жаль, что свеи не появились, когда здесь еще был Ольбард. В случае согласия Синеуса за нас подписаться, шансы навалить свеям были как минимум пятьдесят на пятьдесят. Хотя не факт, что он согласился бы. Далеко не факт.

А теперь либо бежать, либо оставаться и уповать на стены и удачную позицию нашей крепости. При соотношении как минимум пять к одному. Или десять. На драккарах вполне могли быть «расширенные» экипажи – поход-то недалний и плавание чисто каботажное.

Или рассчитывать на удачу, которая в данном случае может и Госпожа, но вряд ли наша. Рассчитывать, что с неба упадет метеорит и потопит один из драккаров... Нет, я не рискну.

– Да, – согласился мой брат. – Седьмицу назад было бы лучше. Ольбард бы помог.

– Уходим? – предложил я в полной уверенности, что братец согласится. Перевес противника был очевиден.

– Ты что, брат? – Медвежонок уставился на меня так, будто я предложил ему вступить в интимный контакт с дохлой лягушкой. – Уйти? А как же все это? – Он взмахнул рукой, охватив разом и остров, и залив, и заросшие лесом окрестности.

– Их слишком много. Мы не устоим, – озвучил я очевидное.

Медвежонок хмыкнул:

– Не знай я тебя так хорошо и не будь ты моим братом, решил бы, что ты боишься. Мы все умрем когда-нибудь. Ты мог умереть тысячу раз, но боги хранили тебя. Ты мог умереть никем, даже рабом, но не сдавался. Брат! – Увесистая длань легла на мое плечо. – Если нас всех убьют, мы умрем достойно. Не от старости в наследном одале, а на своей земле, взятой железом. Ты умрешь ярлом, брат! Песнь об этом достигнет Валхаллы! – Маленькие глазки Медвежонка горели восторгом. – Ее будут петь наши внуки и правнуки! Сага о том, как геройски приняли смерть Ульф-ярл и его брат Свартхёвди Медвежонок!

А, чтоб тебя! Я стряхнул руку братца. Проверку медными трубами он явно не прошел.

Но мне все равно надо его переубедить. Если сейчас мы быстренько загрузимся на корабли, то почти наверняка успеем свалить до подхода к

острову вражеской флотилии.

– Слушай меня! – Я ухватил Медвежонка за край кольчужного ворота и потянул книзу, чтобы глаза в глаза. – Я хочу стать конунгом, а не умереть ярлом! Ты понял, брат? Конунгом! А ты? Для чего ты женился на дочери Хальфдана Черного? Чтобы сдохнуть здесь, на этом жалком островке, чтобы порадовать наших убийц, которым достанется все, что мы добыли? Это ты считаешь славной смертью, Свартхёвди Сваресон?!

– Не плюйся, – проворчал Медвежонок, отцепляя мою руку от ворота. – И не ори. Ты – старший. Решил уходить – мы уйдем. Пойду распоряжусь, чтоб тащили на корабли бочонки с серебром и прочее.

С бегством мы не особо торопились. Посадили Тулба наблюдателем на смотровую вышку и принялись паковать еще не упакованные вещишки.

Уходить было ужасно жалко. К хорошему быстро привыкаешь. Вот и я уже привык к этим стенам, к поселку, к замечательному виду на залив, ко всем этим лесным просторам. Я был королем на горе совсем недолго, но это было нечто. Мой надел в Сёлунде был намного больше этого острова, однако тут совсем другое ощущение. Там я был одним из многих «вторичных» землевладельцев на земле Рагнара Лотброка.

Здесь... А! Живы будем – еще добудем.

Когда Тулб закричал, что в пределах видимости появились драккары, мы уже собрались. Осталось лишь скомандовать: по местам!

Все, кого мы не взяли с собой, были заперты в одном из опустевших корабельных сараев. Свечи придут – освободят.

Бросать такую классную крепость было жаль не только Медвежонку. Гуннар вон даже прослезился...

Подбежавшему Тулбу подали весло, по которому он ловко взбежал на борт, и...

– Ярл! Драккары!

– Да понял уже, – хлопнув парня по спине, я хотел было двинуть на нос, Огонёк ухватил меня за руку. Меня! За руку!

– Нет, ярл, ты не понял! – завопил пацан, когда одарил его хмурым взглядом. – Не те! Наши драккары!

– Наши?

Мой мозг зажужжал, пытаюсь осмыслить сказанное.

– Ага!

Морда покрасневшая, глаза по пять копеек. Вид, никак не способствующий пониманию ситуации.

– Так. Еще раз. Ты увидел корабли? Так?

– Да.
– Драккары?
– Да.
– Где?
– Там! – Тулб махнул в сторону закончивших разворот «Северного Змея» и кнорра.

Похоже, у паренька что-то с головкой. Я попытался вспомнить, не прилетало ли пареньку по вместилищу разума?

– Это не два драккара, – мягко произнес я. – Это один драккар и один кнорр. Сам посмотри.

Тулб некоторое время глядел на меня так, будто уже он сомневался в моих умственных способностях:

– Два драккара, ярл! Точно! Тебе отсюда не видно. Два драккара! И один из них точно «Слейпнир»!

Пазл сложился.

– Свартхёвди! Стюмир! – взревел я во всю мочь тренированных связок. – Стоять!!!

Ну да. К нам шли варяги. И не только. Надо думать, сам Рюрик пожаловал, потому что это были два больших драккара с красными знаками Сокола на парусах. Причем один из них – угнанный у Сигурда Рагнарсона «Слейпнир», на котором рассекают именно варяги.

Все. Мышеловка захлопнулась.

В общем, мы снова вернулись на наш остров, отправили Тулба наблюдать дальше, а сами сели в кружок и устроили совещание. Благо до подхода еще одной команды по наши души есть некоторое время. Так что думаем-думаем...

– Как у ваших со свеями? – спросил я у Зари.

Та пожала плечами. Ей неизвестно. Я тоже ничего не слышал о том, чтобы у Рюрика и варягов с предками шведов были какие-то проблемы. Так что вряд ли большие парни сцепятся меж собой, позабыв маленьких нас.

Кто ж нас слил Рюрику, интересно? Сам-то Ольбард – вряд ли. Не в его интересах. И, судя по тому, насколько быстро появился здесь ладожский сопровитель, инфа ему упала раньше, чем Ольбард вернулся домой. Не удивлюсь, если они встретились по дороге. Но это сейчас неактуально.

– Стравить бы их! – выразил общую мысль Гуннар.

Все поглядели на меня.

Я же чувствовал себя кем-то вроде Красной Шапочки, оказавшейся между голодным Волком и недружелюбно настроенными и не менее

голодными троллями-охотниками. То есть сожрут по-любому, и не факт, что сперва не надругаются.

И тут в голову мне пришла мысль, простая, как топором по макушке.

– Мне нужны две холстины вот таких примерно размеров и одна овца!

Обугленный сучок я взял сам из ближайшего кострища.

Художник из меня не очень. Но с примитивной плакатной графикой справился. Контур хищной птички на льняной простыне обозначил. И залил кровью за неимением других красителей. Получилось корявенько, но убедительно. Атакующий сокол моего бывшего конунга опознавался влет.

– Это мы приколем к парусу, – пояснил я боевым товарищам. – А второй холстиной замотаем драконью голову. А когда пройдем мимо свеев – размотаем.

– Зачем? Они ж тогда на нас нападут! – резонно предположил Гуннар.

– Я сказал: когда пройдем мимо. Более того, для пущей убедительности Бури кого-нибудь у них подстрелит. Например, одного из кормчих.

– Хочешь, чтобы они за нами наверняка погнались? – уточнил Медвежонок.

– Они не рискнут! – Я с удовольствием поглядел на изумленные лица соратников. – Потому что за нами будет что? Правильно! Драккары Рюрика! А на парусах у них что?

– А ведь верно! – Медвежонок долбанул меня лапой по спине. Вот что за дурная привычка у человека! – Ладожские за нами точно увяжутся! А птичку, которую ты нарисовал, они не увидят. Ее увидят только свеи! Ха! Это ж как тупой стрелой быку по мошонке! – И пояснил для тех, кто не въехал: – Мы так в детстве играли. Бык, он же дурной. Кидается не на того, кто стрелял, а на того, кого видит. Славно придумал, брат! – Медвежонок поднялся, встряхнулся, поправил кольчугу, нахлобучил на голову шлем, махнул рукой, подзывая околавившихся поблизости дренгов-весаен, и пояснил уже мне: – Надо бы трэлей напоить и скотину. Как знать, может, мы сюда еще вернемся.

Глава 43. В которой рассказывается о том, как правильно дразнить быка

Похоже, госпоже Удаче мой сумасшедший план понравился. Первой в зоне прямой видимости появилась боевая флотилия ладожан. И среагировала на наши уходящие к морю драккары правильно: прибавкой к ходу. Раньше они шли под парусами (благо ветер попутный) и подрабатывали веслами исключительно для лучшей управляемости, а опознав моего Змея, перешли на форсированный режим. Причем трофейный «Слейпнир» почти сразу вырвался вперед. Уйти от него у нас не было шансов. Однако потягаться некоторое время в скорости – вполне по силам. Драккары и у нас ходкие, а кнорр с разным добром мы заранее загнали в один из многочисленных заливчиков, изрезавших береговую линию. Вернемся – заберем. Не вернемся...

Жизнь дороже.

Народа у нас на скамьях, конечно, маловато: по паре рук на рум. Но зато мы совсем не устали, да и ветер частично уравнивал шансы. Так что удержать дистанцию до тех пор, пока прямо по курсу не показались идущие на веслах свейские корабли, оказалось не так уж сложно.

Дальше «Северный Змей» чуток придержал коней, выпуская вперед «Клык Фреки», на парус которого была пришпилена намалеванная овечьей кровью картинка с соколом. Второй «простыней» была замотана звериная голова на носу. Типа, мы мирные люди, плохого не хотим. Ну и заодно саму носовую фигуру спрятали, чем несколько уменьшили вероятность опознания драккара.

А еще мы маленько притормозили, подняв весла. Мол, не убегаем мы, а движемся по своим делам. Мирная картина, да. Но только на первый взгляд. А второй натывается на еще одну пару драккаров, которая чешет во всю прыть, стремясь побыстрее нас догнать. Остается лишь сложить два и два, чтобы любой здравомыслящий свейский лидер получил наиболее вероятный результат: четыре боевых корабля против его двух. То, что эти четыре – вместе, тоже очевидно, потому что эмблема у них общая. А что одни сбавили, а другие наоборот, тоже понятно. Силы хотят собрать в один кулак. Вопрос: зачем? На всякий случай или с конкретной нехорошей целью? Замотанная тряпкой носовая фигура вроде бы означает миролюбие. Но еще более традиционного белого мирного щита на мачте не имеется. И

вообще четыре против двух – расклад провоцирующий. Тех, кого четыре. А те, у кого два... Им остается надевать брони и надеяться, что пронесет.

Впрочем, свои и без нашей провокации были готовы к драке: шлемы на головах даже издали хорошо заметны.

Мы прошли от них на расстоянии метров ста. «Клык Фреки» ушел вперед, а я, поравнявшись со свейским кораблем, издали помахал рукой круто прикинутому вояке, обосновавшемуся на носу первого драккара и что-то нам прооравшему. Что именно, я не расслышал. Надо думать, мужик представился и поинтересовался, кто мы такие. Я в ответ тоже покричал, что погода нынче хорошая. Прекрасная погода, чтобы умереть, верно? Но жить в такую погоду значительно лучше!

Не знаю, услышал ли он меня. А если услышал, то понял ли намек правильно. Впрочем, как бы он его ни понял, нам было уже не принципиально. Вырвавшийся вперед «Слейпнир» был уже метрах в четырехстах от нас.

Корма «Северного Змея» поравнялась с кормой свейского драккара. Здоровенного, кстати. Румов на двадцать. Пора. Мои парни ухватились на фалы, готовясь по команде убрать парус...

– Бури, давай! – крикнул я.

И Бури дал. Звук спущенной тетивы – и свейский кормчий, схлопотав стрелу в шею, выпустил рулевое весло. Драккар начал забирать вправо, а чуть позже с него донеслись возмущенные вопли. Предательский выстрел не остался незамеченным. А мы, то бишь «Северный Змей» и «Клык Фреки», тем временем, убрав паруса, красиво разворачивались, якобы отрезая своим путь к отступлению...

... А навстречу своим, надо полагать, до глубины души оскорбленным нашим коварством, изо всех сил работая веслами, мчал «Слейпнир». И всякий желающий свей мог видеть, что экипаж его полностью готов к бою.

Мой план сработал!

Свейский лидер проанализировал расклад, сделал ожидаемый вывод и выбрал приоритетную цель.

Оба свейских драккара взяли на пару румбов правее и, показав себя отличными моряками, перехватили варяжский драккар.

О да, скорость принятия решения у свейского лидера – выше всяких похвал. А люди его и впрямь крутые мореплаватели. Они не просто встали на пути варягов, а буквально за считанные минуты ухитрились взять «Слейпнир» в клещи.

И началась заруба. Летящие в обе стороны копья и стрелы. Крюки, с

двух сторон вцепившиеся в борта «Слейпнира».

Свейские парни решили использовать все свои возможности для того, чтобы нанести противнику максимальный ущерб за то короткое время, пока в драку включатся остальные его силы: второй драккар и мы, оказавшиеся у свеев в тылу.

А поскольку второй драккар изрядно отстал, а мы и вовсе не планировали лезть в драку, то бойцам на «Слейпнире» пришлось туго.

Морской средневековый бой – зрелище малопривлекательное. И шумное. Вопли, грохот, лязг, сочный бултых, когда кто-то невезучий выпадает за борт и, если не успевает ухватиться за что-нибудь надежное, утюжком отправляется к ракам.

– Рюрика не видно? – спросил я у Вихорька, чья зоркость была повыше моей.

– Не-а! О! Трувора вижу!

– Где?

– У третьего рума слева!

Я присмотрелся. В районе третьего рума народу было изрядно. Я прикинул: не меньше двадцати шлемов. Трувора я узнал. Не по лицу, которое не разглядеть, а по манере управляться с оружием. Варяжский вождь, пренебрегая щитом, орудовал двумя мечами. Впрочем, щитами его прикрывали другие. Два бойца со стандартным набором: щит-копье. А рядом с ними и за ними – еще. Даже какой-то строй пытаются держать. И, похоже, бьются они спина к спине с другими нашими. То есть не совсем нашими. Тут отрок-дренг Тулб не то чтобы прав. Но...

В общем, как бы ни сложились мои с Трувором нынешние отношения, но болел я однозначно за варягов.

Совсем рядом щелкнул лук – и в загривке одного из свеев расцвел наконечник стрелы. Превосходный выстрел, однако. Между нами – метров сто. И кто же это нарушил приказ о невмешательстве?

Заря. Не выдержала девушка. Кого другого я бы отругал, но тут – язык не повернулся. Все же там ее папу пытаются пустить на рагу. Хотя тут еще вопрос: кто кого пустит? Выпадение из процесса подстреленного свея нарушило остальным диспозицию, чем Трувор немедленно и воспользовался. Два асинхронных взмаха – и минус два оппонента. Жнец – он и есть Жнец. Я ухмыльнулся.

– Не успеет Ульфхам!

Это Бури сказал.

Вот уж кто видит так видит.

Значит, вторым драккаром рулит Треска. Ну лично я не удивлен. А

почему не успеет?

Хм... А ведь точно не успеет. Бойцов на «Слейпнире» разделили на две неравноуспешные кучки. Одной рулит Трувор, а второй... Похоже, уже никто не рулит. Там теснят и добивают. Сейчас закончат – и все дружно навалятся на пару десятков тех, кто еще держится. Причем свеев на палубе «Слейпнира», даже по самым оптимистичным прикидкам, раз в пять больше. А еще есть свеи, которые на абордаж не пошли, но активно своих поддерживают «огнем». Мечут копья в сбившихся вместе варягов или кто там вокруг Трувора собрался.

А второму драккару до драки еще минут пять спортивной гребли.

Это что же получается? Свеи побеждают? Нет уж! Меня такой расклад точно не устраивает.

Я повернулся к нашему снайперу:

– Надо, чтоб успел!

– Виги, Заря, Тулб! – произвел топовую выборку Бури. – Бейте тех, кто на корабле справа от «Слейпнира»!

Вихорек расцвел от удовольствия, а Заря наградила меня очаровательной улыбкой. Только Тулб в мою сторону даже не глянул. Он в команде лучших стрелков – номер крайний. Ему бы не оплошать на такой дистанции.

Хотя кто нам мешает подойти поближе? Метров на пятьдесят, к примеру? Это немного больше оптимальной дистанции для броска копья, а вот для лука – самое то.

По моей команде драккар неторопливо двинулся к сцепившимся кораблям. Стрелы к ним полетели куда быстрее. Трое подмастерьев снайпера ударили по метателям копий... Для которых наша атака не стала сюрпризом. Так что достать сумели только троих. Остальные мигом прикрылись щитами.

А вот мастер... Он и есть мастер. Бури бил не сказать чтобы часто... Зато метко. Пять стрел – пять попаданий. Достаточно, чтобы сбить наступательный порыв свеев и выиграть те самые пять минут.

С подоспевшего драккара полетели копья. Часть свеев переключилась на него, и группе Трувора полегчало. Однако перевес, на мой взгляд, был все равно на стороне свеев, потому с командой на отмену стрельбы я торопиться не стал. Тем более что нам пока ничто не угрожало. Мы остановились метрах в пятидесяти, а немногочисленные лучники свеев предпочитали выбирать цели поближе.

Да. Непривычно мне быть зрителем... Но, ей-богу, уже начинает нравиться.

Подошел «Клык Фреки». Остановился метрах в десяти.

– Брат, что скажешь? – рявкнул Медвежонок, перекрикивая шум битвы.

– Поможем нашим еще немного, а потом уходим к острову! – проорал я в ответ.

– Нашим? – Я его удивил. – А, ладожским! А зачем?

– Ну не свеям же помогать!

– А я бы всех убил! – Медвежонок захохотал. – Убьем всех и будем править!

– Всех не убьем! – крикнул я в ответ. – У свеев еще конунг есть! Нам до него не дотянуться!

Ладно, пошутили и хватит. Я вскарабкался на борт, чтобы еще раз оценить расклад.

Расклад мне понравился. На палубе «Слейпнира» положение было примерно равное. На свейском драккаре, который обстреливали мои бойцы, команда ушла в глухую оборону. А на втором – вообще хорошо. Хитрый Ульфхам высадил основную группу именно туда и при перевесе где-то три к одному уже практически зачистил территорию. Но на помощь варягам почему-то не спешил: предоставил им самим разбираться с заполонившими «Слейпнир» свеями.

Будь я варягом, мне бы такое отношение не понравилось. Больше того, если бы не Трувор, площадка под названием «Слейпнир» наверняка осталась бы за свеями. Насколько я мог судить издали, в его нынешней команде не было ни одного по-настоящему крутого бойца. Нет, эти парни сражались грамотно, очень качественно держали строй, прикрывали друг друга...

Но для победы умения обороняться, пихаться щитами в щиты – недостаточно. Должен быть кто-то, способный не удержать вражескую линию, а порвать. Как это делали берсерки. Как это делал сейчас Трувор Жнец. Понятно, что корабельная палуба – не самое удобное место для строевых действий. Но это касалось обеих сторон. И если у варягов элитный воин был один, то у свеев, я заметил никак не меньше четверых. Причем один из четверки, тот самый, что пытался поговорить со мной, бился ничуть не хуже Трувора. Превратности схватки, а может, и продуманный расчет разнесли его и Жнеца по разным концам драккара, и тем варягам, которых сейчас снова зажали на корме, приходилось очень кисло. Я бы даже сказал: пушистый северный к ним уже не подкрадывался, а приближался огромными скачками.

А бойцы Ульфхама тем временем делали вид, что «Слейпнира» не

существует. Преспокойно грабили захваченный корабль, и лишь несколько человек время от времени поддерживали союзников с помощью метательного оружия. Сам же Ульфхам глядел исключительно в нашу сторону. И ухмылялся.

Я перевел взгляд на своих. Устроившийся на носу «Клыка Фреки» Медвежонок презрительно улыбался. Само собой, он сообразил, что Ульфхам решил занять ту же позицию, что и мы. То бишь наблюдателя. Ну да, хороший вождь бережет своих людей. И как вывод: Трувор со своими для него уже не свои?

Хотя...

Похоже, все еще сложнее. Не зря Треска в нашу сторону смотрит чаще, чем на рубящихся из последних сил варягов.

Ждет хитрый дан.

И, кажется, я знаю чего.

Я покосился на Ануда. Глаза молодого варяга полыхали яростью, а пальцы на древке копья аж побелели. Он ушел от Трувора ко мне, но от этого тот не перестал быть его родичем. «Наши», как сказал недавно Тулб, сбив меня с толку.

И Ануд был не одинок в своем желании подмогнуть родне.

И Заря уже по собственному почину метала стрелы в осадивших отца свеев. Толку от ее выстрелов было немного. Свеи уже сориентировались и выделили с пяток бойцов на прикрытие спин. Благо численность им позволяла.

И, похоже, я уже понимал стратегический замысел свейского ярла. Он уступил Ульфхаму, чтобы добить варягов и захватить «Слейпнир». Еще чуть-чуть – и у него получится.

Если Ульфхам не вмешается.

Или мы.

– Глянь на Треску! – крикнул мне Свартхёвди. – Чего он ждет? Пока свеи добьют варягов?

– Нас! – крикнул я в ответ. – Думает, мы нападем на свеев!

– А давай и нападем! – воодушевился брат.

Мои варяжата оживились. Энергично выразили поддержку данной идее.

А вот недавно присоединившаяся к нам «свейская» партия восторга не выразила. Да. Трудно править многонациональным образованием.

– Мы – на свеев, Треска – на нас?

– А пусть! – прорычал Медвежонок, предвкушая драку. – Убьем всех!

– Нет! – испортил я брату праздник. – Хирд! Весла в воду! Обходим

левым бортом! Медвежонок, твой – впереди! На проходе бьем свеев стрелами, сколько успеем! Потом – на остров!

Что мы и сделали.

Впрочем, кое-какую помощь варягам мы все же оказали. Стрелки у нас меткие. Особенно один.

И едва стало понятно, что мы не полезем в заварушку, Ульфхам покинул выжидательную позицию и погнал своих на заполонивших «Слейпнир» свеев.

Когда мы добрались до острова, бой в заливе уже был фактически завершен. Кто победил, я не сомневался. А вот какой ценой – пока не знал. Ничего. Скоро выясним. Не может такого быть, чтобы Рюриковы бойцы не заглянули к нам в гости. Ну и пусть заглядывают. Мы встретим их с большим почтением. С крепостных стен. И еще, кажется, дождь собирается, а крыша над головой куда лучше натянутого над палубой паруса.

Глава 44. О том, как настоящий вождь бережет своих людей

– Я, Трувор Жнец, клянусь славой Перуна, что не сделаю зла ни Ульфу Свити, ни его людям на этой земле!..

Вид у варяга гордый. И мрачный. Дождь струится по его лицу, по обвисшим усам. Левая рука Трувора на перевязи. Интересно, зажила ли рана на ноге? Вроде не хромает.

– Ни я, ни моя дружина!

Группа воинов, высадившихся на пристани, ждет моего решения. Они вне досягаемости стрелков. Из-за дождя. Разве что Бури мог бы...

Но не станет. Пока.

– Да будет так! – согласился я и крикнул тем, кто внизу: – Открывайте ворота!

И только так. Пусть это не мирный договор, но типа того. И Трувору он нужен больше, чем нам, потому что большинству его бойцов срочно требуется медицинская помощь. А оказать ее без горячей воды, без нужных медикаментов, в условиях проливного дождя весьма нелегко. Он мог бы занять те дома, что снаружи, но это – полумеры. Эти строения пусты. Вернувшись на остров, мы освободили пленников и забрали под защиту стен. Туда же унесли все сколько-нибудь полезное, включая даже запасы топлива.

Пустые дома укроют от дождя, но не от нас, если мы пожелаем сделать вылазку. А еще Трувор не видит у причалов наши корабли. Там стоит лишь развалюха, которую я в свое время отдал отпущенным домой свеям и которую они мне благополучно «вернули».

На самом деле наши корабли ладожским ничем не угрожают. Мы на всякий случай отогнали их подальше и спрятали. Так же как и кнорр. Но Трувор-то этого не знает. Он даже не знает, сколько нас в крепости.

Зато он знает, что там, за стенами крепости, – уютные душевные дома, горячая вода, вдоволь целебных трав и перевязочного материала. И еда. Похлебка, мясо, каша. А еще – пиво! С медом, с травами, просто пиво. Много пива!

Но главное все же – медицинские услуги. И безопасность.

– ...Не сделаю зла ни Ульфу Свити, ни его людям на этой земле!

Это хорошо, когда гость ставит жизни и благополучие своих людей

выше гордости, личных обид и амбиций.

Вот я пока что так... не всегда. Но я буду стараться.

— ...Ни я, ни моя дружина!

Все. Теперь можно и гостеприимство проявить. В полной мере.

Из восьмидесяти шести дружинников Трувора на ногах более или менее твердо стояло десятка два. Включая и его самого. Раненых – вдвое больше. Остальные отправились в Ирий. Вернее, отправятся, когда будут совершены все подобающие обряды. А с ними в качестве спутников – шесть пленных свеев. Варяги специально их не добились, чтобы уложить на погребальный костер победителей.

Треска и его люди пострадали меньше. Но и им досталось. И раненых у них было изрядно. Свеи дрались отчаянно, а в войске Ульфхама коренных данов, настоящих викингов, было не так уж много. Остальные – с бору по сосенке. То есть ни опыта, ни стойкости настоящей. Той, когда своего убийцу с собой в лучший мир утащить стараются.

Специфика рукопашного боя в нурманском формате такова: если уж попал по тебе могучий викинг мечом или секирой, то кирдык. Даже если в руку попал. Топор – это не легкая стрелка. Это рана в пядь глубиной и кость пополам. В условиях боя – гарантированная смерть от потери крови. Викинги на такой вариант развития событий смотрят философски: раз помрешь по-любому, значит, надо успеть прикончить кого успеешь, пока еще не помер. Смерть придет ко всем. Задача героя – встретить ее достойно.

Вот разве что к воинской элите костлявая приходит куда реже, чем к зеленым дренгам. На Треске вон ни царапины. И на Оспакке Парусе – тоже.

Вот они, сидят со мной рядышком, красавы, пивом наливаются. Пиво у нас нынче сладкое. С медом. Гостям нравится. Да и нам тоже. Сладенькое всем нравится. У нас и другого «сладенького» в избытке. Женщины вокруг моих гостей так и вьются. Я попросил Гуннара слух пустить: если кто-то из них приглянется моему гостю – отдам. Моих хирдманов многие из них не любят: как-никак мы их родню на ту сторону вечности отправили. А у вояк Трувора и Ульфхама карма в этом отношении чистенькая. И тоже воины. А быть при войне даже невольной наложницей всяко лучше, чем тир^[19] в общем пользовании.

Словом, порадовал нежданных и незваных гостей чем мог. Стол накрыл богатейший, выпивка, девки... Все для вас, парни! Глядите, какой я щедрый. Глядите... И сравнивайте.

Не без тайной мысли, ясное дело. Очень уж мне люди нужны.

Крепкие, обкатанные в деле бойцы. Угощайтесь, други! Не жалко!

Впрочем, и гости мои тоже отдарились. И щедро. Третью добычи, взятой со свеев. И один из трофейных драккаров теперь тоже мой. Еще один... Кому бы и его продать? Опять Ольбарду?

Драккар, оружие, расходники. Полсотни викингов можно снарядить и на румы усадить. Где бы вот только найти эти полсотни?

Ну, да я им тоже драккар подарил. Дедушка шведского кораблестроения скоро отправится в последний вик в качестве погребального судна.

Сам процесс похорон решили перенести на завтра. После дождичка. А еще я попросил Трувора подарить мне единственного уцелевшего свейского хольда. Трувор удивился, но просьбу выполнил. Хольда я отвез в кирьяльское селение и убил. Лично. И жестоко. Хотел сначала отдать его на расправу кирьялам, но вовремя вспомнил, что я здесь ярл. Хотя по мне, так любая казнь – ничто в сравнении с тем, что эти твари сотворили с теми жителями селения, которых им удалось поймать.

Но это было днем, а сейчас вечер, и веселье бьет ключом. Справа от меня наливается пивом Медвежонок. Слева разместился Ульфхам Треска. Дан подчеркнуто дружелюбен. Ни слова о наших прежних размолвках. Словно бы и не было моей ссоры с Рюриком и Ульфхамова обещания меня прикончить, если с этим не справится Трувор. Улыбка во всю пасть. Мир, дружба, пиво из общей чаши.

Вообще-то, на этом месте должен был сидеть Трувор, но Жнец отказался. Он с варягами занял дальний конец стола. Ведет себя сдержанно. Может, из-за клятвы, а может, сменил гнев на нейтралитет. Трувор уже поговорил с дочерью, с Анудом и с остальными родичами, переметнувшимися на мою сторону. С теми, кто остался в живых. Чувствую: напряжение есть, но без эксцессов. За мертвых Трувор мне не предъявил. За живых – тоже. Мои варяжата – там же, на «варяжской» части стола, смешались со старыми корешами, Труворовыми отроками.

Я не препятствовал. Скорее наоборот. Ануд, Тулб, Вузлеб и остальные – живая реклама моего маленького хирда. Выглядят на порядок круче своих недавних соратников. А уж хвосты распустили... Понацепляли все, что только можно: брони, пояса богатые, мечи, гривны, браслеты. И без конца хвалились перед родней взятой под моим руководством добычей.

А вот это зря. И мой косяк. Забыл предупредить молодежь, чтоб гусей не дразнили. Боги, понятно, нарушений закона «гость – хозяин» не одобряют. Но от богов и откупиться можно, если прибыль предвидится феерическая.

– Эй, братец! Чего не ешь? На-ка! – Медвежонок подsunул мне горшок с кашей.

Ну как с кашей... Каша там тоже имеется. Ячменная. Сваренная в жирном свином бульоне, с добавлением лука, обжаренного в сливочном масле, и обычного, зеленого. С чесноком и прочими специями, с вареной свининой, нарезанной тонкими ломтиками, со свининой копченой, добавленной в пропорции один к двум, и еще каким-то мясом, птичьим, утиной, похоже... Вкусно, однако. Соли только многовато, но и это с расчетом: пиво от соленого вкуснее.

Пиво мне подливала Зарёнка. Она за стол не садилась: рулила процессом. Как хозяйка. Ну да. Я тут – главный. А она – моя практически жена.

Наливая, Заря будто ненароком потерлась щекой. Приласкалась.

Может, и не будет ничего страшного, если я привезу ее на Сёлунд? Может, это привнесенные из будущего моногамные комплексы мою совесть грузят? Если могут быть у человека две сестры, так почему двух жен быть не может?

– Выпей из дружеской чаши!

Ульфхам. Подсовывает мне свою посудину. И не скажешь, что у меня своя. Обидится. А то и оскорбится.

Пить из Ульфхамовой чаши мне не хочется. Он, небось, уже слюней туда понапускал, а то и чего похуже. Нет, не буду я это пить. Но пригубить надо. Я вернул чашу Ульфхаму, демонстративно обтер усы. Ждал, что Треска сам приложится, но тот лишь кивнул одобрительно, вылез из-за стола и куда-то отправился. И что-то такое в глазах у него мелькнуло... нехорошее. Или это у меня паранойя?

Нет, не куда-то отправился Треска, а к «варяжскому» концу. Ага. Теперь Трувора угощает. Тот, понятно, не отказался. Они с Ульфхамом – давние сопалубники. Когда Трувор с Ольбардом к Рюрику-Хрёреку присоединились, Ульфхам уже был там. Говорят, он с Рюриком – с детских лет. Я даже слышал, они – молочные братья.

Заря. Опять пива мне подлила, хоть я и выпил совсем чуть. Поймал ее за руку:

– Скажи Гуде, чтоб сама управлялась. А ты со мной посиди.

Ульфхам, похоже, возвращаться не собирается. Трет о чем-то с Трувором. Мне бы насторожиться положено, но не буду. Дан – та еще хитрожопая бестия. Но Трувору я верю. Раз поклялся Перуном, можно расслабиться. На время действия клятвы, конечно. Ну а там видно будет...

Опа! Рядом со мной уселся Витмид!

– Здрав будь, ярл!

Совсем интересно. Это для своих я – ярл. Для прочих пока что рылом не вышел. Король на горе. Землю прихватил, а вот хватит ли силенок не свалиться с горки?

– Разговор у меня к тебе, ярл.

Витмида я знаю. Нас с ним в Хрёреков хирд одновременно принимали. Теперь он – хускарл Рюрика под рукой Ульфхама. Не просто хускарл – хольд.

– К себе возьмешь? – не стал тянуть время Витмид.

– Брат! – окликнул я Медвежонок.

Такие дела мы с ним решаем коллективно.

– Бери! – одобрил Свартхёвди. – Мы этого пивохлеба давно знаем. Строя не ломает.

– У Хрёрека я – хольд, – напомнил Витмид.

О, самая интересная часть найма. Скока денех.

– Это так, – согласился Медвежонок. – Хольд. Но хольд хольду – рознь. У нас вот хольдом Хавгрим Палица был. – Свартхёвди плеснул немного пива на пол, отдавая долю погибшему герою. – У меня тоже две доли. Вот и смекай, Витмид, кто есть наш хольд, а кто – у Хрёрека.

Витмид нахмурился. Он знал, что мне нужны люди. И я знал, что он знает. Я бы и хольдом его взять согласился...

Но вмешиваться не буду. Медвежонок в таких делах – ас. Хотя насчет двух долей он приврал немного. Есть у него и другие доли. Например, как совладельца «Северного Змея»^[20].

– С тобой не равняюсь, – согласился Витмид. – Но все же две доли мне дай. У Хрёрека я уже хольд, а Хрёрек – конунг.

– Ты лучше с другой стороны посмотри, – не сдавался Медвежонок. – Доля у Хрёрека и доля у нас – они разные, друг. Лично я охотней согласился бы на одну долю в хирде Ульфа, чем на три – в хирде Хрёрека. Наверняка побольше выйдет.

– Так вы в боях добро берете, а Хрёреку люди дань сами несут! – возразил Витмид.

– Так и хорошо! – воскликнул Свартхёвди. – Воин живет битвой! – И прибрав пафос: – И ты забыл, Витмид, что нам тоже сами несут. С каждого корабля, что мимо проплывет, мыто берем. Может, оно и поменьше выходит, чем в Альдейгье, да только в Альдейгье его на скольких делить приходится? А нас сколько? То-то!

– Вот! – обрадовался Витмид. – Не много вас! Значит, я вам нужен!

– Нужен, – согласился братец. – Не то я бы пиво пил, а не с тобой

болтал. Мы тебя знаем, Витмид. Ульф-ярл возьмет тебя охотно. Но – хускарлом. Потому что хускарл ты славный, а хольдом мы тебя не видели.

– Так посмотрите! – воскликнул Витмид и подбоченился.

– О! Другой разговор! – заявил довольный Медвежонок. – Вот и договорились! Посмотрим на тебя в деле и решим, годишься ли ты в хольды. А пока – хускарл. Рад, что ты согласился, Витмид!

На Витмида жалко смотреть. Подловил его Медвежонок. Поймал на слове. И пусть Витмид имел в виду другое, но теперь обратно хода нет. Слово сказано. Пацан сказал – пацан ответил.

– Отлично! – Я хлопнул викинга по плечу. – Верный выбор, Витмид! У меня тебе скучно не будет. Года не пройдет, и ты эти обручья, – я постучал по серебряным браслетам Витмида, – на золотые сменишь. А в хольды выйдешь еще раньше! Ты славный воин, Витмид! Не забыл, как мы на земле франков развлекались? То ли еще будет!

Повеселел Витмид. Вероятно, вспомнил, что в отличие от Хрёрека у меня с Рагнарсонами – дружба. А где Рагнарсоны, там такая добыча...

– Пойду Ульфхаму скажу, – Витмид поднялся.

– Эй, может, подождешь, пока взятое на свеях поделите? – придержал его я.

Он теперь мой человек, и я обязан заботиться о его благополучии.

– Так поделили уже, – отмахнулся Витмид и пошел «радовать» своего теперь уже бывшего начальника.

Ну да, кого я учу? По части урвать кусочек любой викинг мне десять очков вперед даст.

А все-таки Медвежонок его развел! Не обиделся бы...

Заря втиснулась рядышком. Ухватила мое пиво, выдула сразу половину чаши. Все, что осталось. Минимум пол-литра. Засмеялась радостно, пихнула меня кулачком. Глаза блестят, губки влажные, щечки розовые. Ах какая девушка! И сдается мне: это не первая порция пива, принятая ею нынешним вечером. А, пофиг! Пир у нас или не пир?

В общем, уснул я совершенно счастливым: сытым и пьяным, не только от пива. Бешеный темперамент у моей воинственной подружки. Прямота испепеляющий. И если обычно из наших любовных игр победителем выходил я, то этой ночью Зарёнка разгромила меня вчистую. Правда, и сама упрыгалась. Вырубилась у меня на плече, слова не договорив.

«Ну разве это не счастье?» – подумал я, проваливаясь в сон следом за ней. И не ведая, каким будет мое довольно-таки скорое пробуждение.

Глава 45. Последнее решение Ульфа Свити

А вышло оно весьма неприятным. Потому что очнулся я от навалившейся на грудь тяжести. И не сладкой тяжести любимой женщины, а изрядного такого веса. Пудов этак в несколько. И пахло от «груза» отнюдь не розами и не сладкой женской кожей, а просто кожей. И железом. И перегаром.

И вонь была далеко не самым скверным аспектом моего пробуждения. В следующую секунду я осознал, что обе мои руки прижаты к ложу, а на горло давит холодное и острое. Нож. И держал его не кто иной, как мой давний знакомый Ульфхам Треска.

Ну да. Моя Удача – в своем репертуаре. Если вы думаете, что все идет превосходно, значит, вы чего-то не заметили. А ведь мог. Дружелюбие дана на пиру показалось мне уже тогда подозрительным. Особенно когда он чашу свою мне пихал.

Сейчас заметить Ульфхама трудно. Особенно если эта туша придавила твои конечности и тычет ножом в кадык.

– Не дергайся и не кричи, – проворчал дан. – Или я тебя сразу убью.

Вот же... А я попал, однако. Чисто конкретно, как говаривал мой знакомый депутат питерского ЗАКСа. Моя правая рука зафиксирована в Ульфхамовой клешне, левая придавлена его же коленом, а второе колено упирается в мою грудную клетку. Понятно, что в этой явно доминирующей позиции Треска чувствовал себя весьма уверенно. А я в своей – нет. Весу в дане раза в полтора побольше, чем в моей брэнной тушке. Но я бы еще порыпался, если бы не ножик, упершийся в мое нежное горлышко.

– Мой конунг хочет твоей смерти, – сообщил Треска, обдав меня тошнотворным выхлопом скисшего у него в желудке пива. – А мы с Хрёреком – как вы со Свартхёвди. Моя мать кормила его грудью, мы выросли вместе... – Ульфхам вздохнул. Мне показалось: он по-настоящему опечален. Наверное, так оно и было, иначе он не стал бы рассусоливать: зарезал бы сразу.

– Он приказал меня убить, да? – негромко поинтересовался я.

Негромко, потому что был уверен: кричать бесполезно. Да и не даст Треска мне крикнуть. Ему достаточно чуть нажать – и железо окажется у меня в трахее. Я видел, что викинг пьян: речь немного подтормаживает. Но вскрыть глотку такой, как Ульфхам Треска, способен и мертвецки пьяным. Это у него даже не условный – безусловный рефлекс.

– Хрёрек? Убить тебя? Нет. Не сейчас. – Ульфхам говорил рассеянно. Похоже, параллельно думал о чем-то своем. – Приказывал раньше. Потом передумал, но это потому, что твоя смерть не понравится варягам. А варяги нам нужны. Да, нужны, – он икнул. – Так что ничего он не передумал. Ему нужна твоя смерть. И потому я тебя убью. Без обид, Ульф. Так надо.

Бородатая физиономия дана нависала надо мной, и ее выражение полностью подтверждало обуревавшие хозяина мысли. Ульфхам Треска был абсолютно уверен в своей правоте. Говорят, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. В данном случае процесс пошел дальше языка. К моему горчайшему сожалению.

Что ж, шансы претворить свои планы в жизнь у старины Ульфхама весьма высоки. В этой клетушке нас только двое. Вернее, трое, потому что рядом спит Зарёнка. Крепко спит: я слышу ее ровное дыхание. И хорошо, что спит. Есть надежда, что Ульфхам ее не убьет. Слабенькая, правда. Этому дану убить – как лягушке комара схавать. Но вдруг?

– Зря Рюрик думает, что я выдам его Сигурду, – сказал я. – Я обещал и я – человек слова. Ты знаешь.

– Ничьим обещаниям нельзя верить, если речь идет о Рагнарсонах, – наставительно произнес Ульфхам. – Они умеют спрашивать и получать ответы.

– В таком случае мало убить одного меня.

Я сказал это вслух и тут же сообразил, что прав. А поскольку Треска – не дурак, значит...

Значит, он придумал что-то такое, чтобы никто из моих не вернулся домой. Вот же засада! Это ж такая хитрая и опасная сволочь, этот чертов дан. Одна надежда, что Трувор ему помешает довести дело до конца. Он же поклялся...

– Как не хочется тебя убивать, – вздохнул Ульфхам, обдав меня рвотной вонью. – Будто кто-то за руку держит.

Я промолчал. Он не со мной – сам с собой разговаривал.

– В твоей смерти не будет чести, но Одину такое понравится.

– Тору тоже понравится, Ульфхам, – сказал я. – Ты храбрый и верный человек. Меняешь мою жизнь на свою. Свартхёвди Сваресон наверняка тебя убьет.

– Не меня, – возразил Ульфхам и снова вздохнул. – Он убьет Трувора. Все решат: это Трувор тебя зарезал. Кому же еще, ведь ты отнял у него дочь.

Я покосился на Зарю. Девушка спала. К счастью. Злоупотребила пивом на радостях от примирения семейства.

– Думаешь, Трувор подтвердит, что убил меня?

– А зачем? Его найдут завтра, спящего. Прямо здесь. И одежда его будет в крови. И будет видно, что испачкался он, пока вас резал.

– А с чего бы ему приходиться сюда да еще и в крови пачкаться? – Я не сумел скрыть напряжения. Уж очень мне не понравилось его «вас».

– Так он уже здесь, – Ульфхам хихикнул, и я понял, что он куда пьянее, чем я думал.

И что мне дает это знание? Пока ничего.

– Здесь?

– Ага! Я его принес. Он спит и не проснется до самого утра. Я подсыпал ему зелье. Хорошее зелье. Его мне колдунья из Альдейгьи делала. Та, которую потом люди Водимира убили. Ты его разок уже попробовал, это зелье. Оно очень хорошее. Но, видать, берет только однажды, раз сегодня тебя не забрало.

Ага. Вот, значит, почему он мне чашу совал. Правильно я не стал из нее пить. Хотя интуиция тут ни при чем. Обычная брезгливость.

Нож Ульфхама надавил сильнее, оцарапав кожу.

Глупо будет умереть вот так.

Вспомнился Сторкад, убитый мной почти так же, в постели. Воистину наши дела к нам же и возвращаются.

– Дай мне меч, Ульфхам Треска, – попросил я.

Викинг помотал головой.

– Я бы дал, – сказал он. – Но если ты умрешь с мечом в руке, то попадешь в Валхаллу и расскажешь о том, как ты умер. А я не хочу, чтобы мои друзья узнали об этом.

– Ладно, допустим, все решат, что меня убил Трувор, – согласился я. – В это, думаю, поверят. А вот в то, что он собственную дочь убил... С этим как?

– Дочь? – Ульфхам покосился на Зарю, нахмурился.

Полагаю, сначала он ее не узнал. Решил: обычная постельная девка.

От того, что Треска немного отвлекся, мое положение не изменилось: нож не сдвинулся ни на миллиметр.

– Убил и убил. Почему – пусть сам и объясняет, – мыслительный процесс дана завершился не лучшим образом.

Полное ощущение, что истекают последние секунды наших с Зарей жизнью. И я просто физически чувствовал, как они истекают.

А мой Белый Волк сидел у изголовья и глядел на меня сочувственно. Даже он ничего не мог сделать в такой безнадежной ситуации. Может, потому я не испытывал той искрящейся радости, что непременно

сопутствовала его появлению?

– Ульфхам, – сказал я, цепляясь за первое, что пришло в голову, и, может быть, последнее, что в нее пришло: – Ты убьешь меня напрасно. Сигурд уже знает.

– Так я тебе и поверил, – Треска хрипло рассмеялся. – Когда бы ты...

Дыхание Зари изменилось.

Я услышал это. И Ульфхам услышал.

Я замер. Он – тоже. Кожей, которую надрезало острие ножа, я ощущал, как напряглась рука дана. Одно короткое движение – и все.

Я тоже приготовился. Когда он вскроет мне горло, это наверняка будет очень больно. И смертельно. Но с болью я справлюсь, а смерть наступит не мгновенно. У меня будет секунда-другая. А вот Треске точно потребуются отпустить мою правую руку, чтобы дотянуться до Зари. А когда дан ее отпустит, я успею его схватить. Наверняка успею, ведь мой Волк здесь. Он не спасет меня от смерти, но сделает эту пару секунд очень-очень длинными, так что я точно успею сбить Ульфхаму бросок, а Заря, она – быстрая девочка. Она убежит. И расскажет, как все было. И Треска с Рюриком не получат ничего, кроме моей смерти. Вернее, получат. Месть.

Так я решил. Мое последнее решение в этой жизни. И мне оно нравится. Прощай, Гудрун! Позаботься о нашем сыне!

– Давай уже, не тяни! – бросил я Ульфхаму.

– Как скажешь, – не стал возражать дан. И нож пришел в движение...

* * *

Гудрун, дочь Сваре Медведя, проснулась внезапно и страшно. Сидящей на ложе, с отброшенным в сторону легким одеялом из шкур чернобурки, с кинжалом в руке. Огонек в наполненной жиром плошке вздрогнул, но не погас. Ребенок в животе недовольно толкнул ножкой: он тоже проснулся. Потяжелевшая в последний месяц грудь Гудрун вздымалась и опадала, будто женщина не спала только что, а бежала со всех ног.

Гудрун облизнула пересохшие губы. Панический страх вытекал из нее, сменяясь непонятной тревожностью. Но с чего бы это? Снаружи – обычные ночные звуки. Челядь мирно спала в большом зале длинного дома. Скотина не тревожилась, не лаяли псы во дворе...

С чего это она вдруг вскочила, схватила кинжал и вспорола клинком темноту?

Быстрый точный удар, способный вогнать оружие до самого сердца. Гудрун помнила его не умом – телом. Что за призрак явился ей в ночи? Достало ли его оружие, заговоренное матерью от злых духов?

Гудрун показалось: заговоренный клинок вдруг облило багровой чернотой...

Показалось.

Лезвие было чистым.

Ни пятнышка крови.

Гудрун положила кинжал на прежнее место, рядом с изголовьем. Там, где ему и положено было лежать, оберегая от зла непраздную дочь Рунгерд, что унаследовала от бабки силу и власть над *той стороной* мира.

Дыхание выровнялось. Гудрун легла на бок, головой на подушку, набитую собачьей шерстью, устроила живот поудобнее, подумала о муже – и внутри сразу потеплело. Где бы он ни был, ее Ульф Свити, лучший из мужей, богатый удачей, щедрый, любимый, желанный... Где бы он ни был, он сейчас наверняка тоже думает о ней...

* * *

...Я почувствовал, как нож начал движение. Волк был со мной – и время сделалось неторопливым и вязким, как мед, вытекающий из сот. Звуки стали отчетливей, сумрак прояснился, и я, даже не поворачивая головы, увидел, как взметнулось тонкое шерстяное одеяло слева от меня и рука с ножом, уже взрезавшим кожу на моей шее (пока только кожу), тоже взметнулась вверх, отбивая летящую в голову ткань. И сразу – удар и звук, сообщивший, что нож попал туда, куда был направлен: точно в грудь лежавшей на ложе Зари. Лежавшей мгновение назад. Звук, с которым нож вонзился в цель, совершенно определенно сообщил мне: это не живая плоть, а всего лишь шерстяной тюфяк да деревянная основа ложа.

Швырнув в дана одеяло, Заря успела скатиться на пол.

Ульфхам выдернул нож еще быстрее, чем вонзил. И следующий удар должен был достаться уже мне. Но Волк был со мной, и когда дан всего лишь на миг перенес вес своей стокилограммовой тушки влево, я незамедлительно этим воспользовался: уперся, выгнулся и вывернулся из-под Ульфхамова колена, скидывая его с себя, а заодно освобождая левую руку.

Мое правое запястье Треска не отпустил – сдавил еще сильнее, но, заваливаясь на бок, не смог достать меня железом.

Зато я его достал. Вдавил большой палец левой руки в Ульфхамов глаз. Треска отшатнулся, но недостаточно быстро. Пальцем в глаз – это больно. Ульфхам зарычал... И совершил ошибку: вместо того чтобы снова пустить в дело нож, выпустил мою правую руку и перехватил левую.

Все. В следующий миг я окажусь у него за спиной, и тогда он – мой...

Отчаянный крик и размазанную полосу падающей сверху стали я увидеть успел. И даже успел крикнуть: «Заря! Нет!»

Но это ничего не изменило. Падение завершилось.

Вдоводел рубил щиты и кольчуги. Голову же Трески не защищало ничего, кроме гривы спутанных волос, так что меч вошел в череп на всю ширину лезвия.

Треска умер не сразу. Еще секунд двадцать он глядел на меня тускнеющими глазами и пытался что-то сказать. И я бы его с удовольствием расспросил. Я бы даже после этого оставил его в живых... Наверное. Миновавшая смерть сделала меня великодушным. Но... Не получилось.

«Интересно, попадет ли он в Валхаллу, – подумалось мне. – Будет ли засчитан нож в руке как оружие? А как насчет меча в черепе?»

Глупые мысли мешались в голове... Наверное, от счастья. От радости, что живой. Опять живой. И все, кто мне дорог, – тоже.

А потом в комнату набилось сразу много-много людей, и мне пришлось вспомнить, что я не только удачливый сукин сын, но еще и ярл.

– Спокойней, други! Мир! Мир! Опустите оружие! Брат! Все хорошо! все! Стюрмир, Гуннар, отпустите Оспака! Он ни при чем!

Ну да, я понимаю их реакцию. Наше гнездышко – все в крови. Мы с Зарей тоже. А посреди ложа любви – главный хёвдинг князя Рюрика в полном боевом и с моим мечом в башке.

Меч, впрочем, я выдернул. Наличие меча в данной ситуации важнее наличия штанов.

– Ты его убил!!! – рычит Оспак, которого Стюрмир вопреки моему приказу придерживает за шкуру. А это непросто, ведь не зря этого дана Парусом прозвали. Шириной он с трехстворчатый шкаф примерно.

– Не я, – вношу я поправку. – Она.

Заря смущенно улыбается. Она завернулась в простынку и всем своим видом изображает воплощенную скромность, но я знаю: мою девочку прямо-таки распирает от счастья. Мало того, что мы живы, так она еще и подвиг совершила былинной мощи. УБИЛА НАСТОЯЩЕГО ХЁВДИНГА!

Оспак осекается. Треска был его лучшим другом. И вот... убит

женщиной. Вдобавок при весьма сомнительных обстоятельствах.

Хорошо хоть, все набившиеся в мою спальню люди – с опытом и понятием. Никому не надо объяснять, кто на кого напал. Вопрос лишь: почему?

– Ему приказал Рюрик?

Трувор. Вид у моего несостоявшегося тестя, скажем так... не бравурный. Лицо подергивается, туловище на сторону клонит. Небось еще и башка трещит. Я-то помню, как действовало зелье покойной ладожской колдуньи. У меня оно тоже легло на хорошую такую дозу алкоголя. Сначала – безмерная радость, потом еще более безмерная печалька.

Но Трувор – гранит. Воля и... еще раз воля.

– Рюрик?!

У меня огромное искушение сказать: «Да». Это «да» сразу изменит геополитический расклад на территории будущей Древней Руси в мою пользу. Все козыри окажутся у меня в руках. А единственный, кто мог бы возразить, уже ничего не сможет оспорить.

– Как себя чувствуешь, Жнец? – интересуюсь я. И сразу спешу порадовать: – Не беспокойся. Этот яд не смертелен.

– Разорви тебя тролли, Ульф Свити! Я задал тебе вопрос! – рычит Трувор. У него даже глаз начал подергиваться от избытка эмоций.

А я никак не могу решиться.

Без поддержки варягов Рюрик становится весьма слабой фигурой. А если они еще и выступят против него, то князя-соправителя можно вообще списать с политической доски.

Такое искушение...

Однако у меня есть разум. Разум же дан человеку, чтобы обуздывать желания, даже самые сильные. Особенно самые сильные.

И я удержался. Но, как говорят японцы, когда выбираешь из двух путей, жизни и смерти, выбирай путь смерти, потому что...

В данном случае – не важно почему. Тем более если путь смерти и путь правды совпадают.

– Нет, – ответил я. – Рюрик был бы не против того, чтобы я помер, но прямой приказ меня убить он отменил. А уж то, что задумал Треска, князь точно не одобрил бы. Мне жаль, Оспак, что Треска умер. Особенно что он умер так. Но то, что решили боги, нам с тобой уже не изменить.

Оспак подумал немного... и кивнул. Правильные воины призывают Тора, убивают врагов в бою и в бою же принимают смерть. Они не травят друзей и не режут врагов в постели. Коварное убийство – это по части Одина. Или Локи. Двойные бонусы и тройные риски.

Я потрогал шею. Ерунда. Кровь уже остановилась. На пару сантиметров поглубже – и конец. Хрупкое существо – человек. Но какое живучее.

– Я бы хотел одеться, – сообщил я, ни к кому конкретно не обращаясь. Намек понят. Оспак со Стюрмиром подняли и унесли покойника.

Остальной народ тоже потянулся из моей уютной спальни. Только Медвежонок немного задержался, чтобы сострить:

– Да, братишка, надень-ка ты штаны. Многие усомнятся, может ли быть ярлом муж с таким червячком вместо настоящего мужского достоинства!

– Зато я умею им пользоваться, а ты своим только штаны протираешь! – ухмыльнулся я, подмигнув Заре.

Медвежонок хохотнул, убедившись, что я в порядке, и удалился. Любит он меня, мой большой младший братец. Первым на помощь примчался. Ну так и я его тоже люблю, берсерка черноголового...

И еще кое-кого я тоже очень-очень люблю!

– Спасибо, девочка моя! Ты меня спасла!

– А ты – меня!

Прижалась ко мне, вся целиком. Такая доверчивая, такая родная...

– Если два воина в одном бою спасут друг другу жизнь, они могут побрататься, – сказал я в маленькое ушко. – Но ты, к счастью, не можешь стать моим братом, только сестрой... – И, почувствовав, как она напряглась, тут же добавил: – Но этого уже я не хочу. А вот стать мне женой – самое время.

И плевать мне, что думает об этом ее папаша. Сегодня наш день! А я теперь ярл как-никак. Полновластный король на этой маленькой горке. Выше только судьба и боги. А король, он не спрашивает, он делает.

И, конечно, я никогда не скажу моей храброй маленькой девочке, что она напрасно убила Ульфхама Треску. Живым он был бы намного полезней.

Примечания

1

Хав – море, грим – шлем.

На всякий случай напомним скандинавскую воинскую табель о рангах, которой я пользуюсь. Нижний уровень – дренг. Это примерно соответствует древнерусскому отроку. Хускарл – это на ступень выше. Примерно как гридень. В более поздние времена хускарл – это телохранитель короля или ярла. Хольд – это младший командир. Обычно с правом на две доли добычи, а не одну. Хольд может быть кормчим, и тогда он получит уже не две, а три доли. Надбавка за профессию. Кормчий также занимается хозяйственным обеспечением, хранением общей казны, оружия, куплей-продажей. Этаким суперкарго по совместительству, а в первую очередь – правая рука капитана. Капитан – это уже хёвдинг, вождь, «большой папа» воинского подразделения-хирда. Он – судья-законоговоритель и главный жрец хирда. И главный атрибут такого вождя не сила (хотя сила тоже важна), а удача. Если вождь – любимчик богов, то вся банда тоже в шоколаде. Если боги к нему не расположены, то – беда. И однозначное указание: лидера пора менять. Вожак викингов может называть себя также «морским», то бишь безземельным, ярлом. И даже «морским» конунгом-секонунгом, если у него под началом несколько кораблей. Дружина-хирд такого лидера – это сыгранная боевая команда хирдманов-дружинников, действующая как единое целое и в бою, и в плавании. Эквивалент рода, «патриарх» которого и есть вождь. Оговорюсь: это не единственное возможное толкование вышеперечисленных терминов. Более того, их значение со временем менялось. Однако для удобства и своего, и читателей я буду пользоваться именно такой их интерпретацией.

Скоген Лифер, Плотный Туман – так скандинавы называли Ирландию.

Вообще-то данную фразу приписывают основателю ордена иезуитов, но герой вправе об этом не знать.

Подробности – в соответствующей саге.

Слейпнир, конь Одина, согласно мифологии, обладал двойным набором ног.

Вонь, испускаемая задницей. Смысл, понятно, оскорбительный.

Напомню: Нагльфар – корабль из ногтей мертвецов. Экипаж состоит из великанов-йотунов, плавучесть отрицательная, так что использоваться будет один раз, в Рагнарёк, когда все моря замерзнут. Играть, естественно, будет на стороне Сил Зла – еще один повод обидеться для свейского ярла.

Автор в курсе, что не «бездельник», а «презренный», герой – нет.

Напомню, что в те времена строевая подготовка была не парадно-воспитательной, а боевой дисциплиной.

Особо «ароматные» последствия метеоризма и одно из популярнейших скандинавских ругательств.

Это город. В тогдашней Швеции.

Возможно, имя Эйрикова папы произносится как «Анундсон».

ЗИП – запасное имущество и принадлежности.

Тюркское, но герою эти сведения ни к чему.

Свартальфахейм – место обитания темных альвов (цвергов или двергов), кои, согласно скандинавской мифологии, были созданы асами из червей, самозародившихся в мясе великана Имира, того самого, чей труп послужил строительным материалом для создания Мидгарда, то бишь нашего с вами мира. Для простоты можете считать цвергов гномами.

Саркел.

Косматый.

Напомню: тир – это рабыня на скандинавском.

Опять-таки напомним: при дележе добычи хозяин корабля, которым обычно является вождь хирда, получает по одной доле за каждый корабельный рум. Это помимо «командирских».